

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (93) • 2013

ISSN 2227-7315

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Н. Новгород)
С.А. Белоусов	кандидат юридических наук, доцент
Ю.И. Бытко	доктор юридических наук, профессор
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, доцент (Москва)
Н.А. Власенко	доктор юридических наук, профессор (Москва)
С.В. Ворошилова	доктор юридических наук, доцент
Т.А. Григорьева	доктор юридических наук, профессор
А.И. Демидов	доктор философских наук, профессор
Т.А. Заметина	доктор юридических наук, доцент
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
В.Т. Кабышев	доктор юридических наук, профессор
В.А. Летяев	доктор юридических наук, профессор (Казань)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор
В.М. Манохин	доктор юридических наук, профессор
Н.И. Матузов	доктор юридических наук, профессор
Е.Н. Пастушенко	доктор юридических наук, профессор
С.В. Поленина	доктор юридических наук, профессор (Москва)
В.В. Степанов	кандидат юридических наук, профессор
С.Б. Суоров	доктор социологических наук, профессор
В.М. Сырых	доктор юридических наук, профессор (Москва)
Н.И. Химичева	доктор юридических наук, профессор
Т.И. Хмелева	кандидат юридических наук, доцент
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Москва)

**Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
Министерства
образования и науки РФ
в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть
опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени
доктора и кандидата наук**

Учредитель —
Федеральное государственное
учреждение высшего
профессионального образования
«Саратовская государственная
юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490
в каталоге агентства «Роспечать»**

Цена для подписчиков 264 руб.,
в розничной продаже — свободная.

**Электронная версия размещена
на официальном сайте
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Саратовская государственная
юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>**

E-mail: vestnik@sgap.ru

Редактор, корректор
Т.Ф. Батицева

Верстка, дизайн обложки
и внутреннего блока
С.В. Демченко

Журнал зарегистрирован Управлением
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Подписано в печать 23.08.2013 г.
Формат 70×108^{1/16}.
Усл. печ. л. 22,75. Уч.-изд. л. 21,83.
Тираж 950 экз. Заказ 315.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная
юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2013

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 4 (93) • 2013

ISSN 2227-7315

EDITORIAL BOARD:

I.N. Senyakin	Doctor of Law, Professor (<i>Chief Editor</i>)
V.M. Baranov	Doctor of Law, Professor (N. Novgorod)
S.A. Belousov	Candidate of Law, Associate Professor
Yu.I. Bytko	Doctor of Law, Professor
A.I. Demidov	Doctor of Law, Professor
B.S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Moscow)
T.A. Grigorieva	Doctor of Law, Professor
O.V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (<i>Deputy Chief Editor</i>)
V.T. Kabyshev	Doctor of Law, Professor
T.I. Khmeleva	Candidate of Law, Associate Professor
N.I. Khimicheva	Doctor of Law, Professor
V.A. Letyaev	Doctor of Law, Professor (Kazan)
V.M. Manokhin	Doctor of Law, Professor
N.S. Manova	Doctor of Law, Professor
N.I. Matuzov	Doctor of Law, Professor
E.N. Pastushenko	Doctor of Law, Professor
S.V. Polenina	Doctor of Law, Professor (Moscow)
I.V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (<i>Deputy Chief Editor</i>)
L.G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor
V.V. Stepanov	Doctor of Law, Professor
S.B. Surovov	Doctor of Social Sciences, Professor
V.M. Syrykh	Doctor of Law, Professor (Moscow)
E.V. Vavilin	Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
N.A. Vlasenko	Doctor of Law, Professor (Moscow)
S.V. Voroshilova	Doctor of Law, Associate Professor
T.A. Zametina	Doctor of Law, Associate Professor

The journal is included by
**Higher Attestation Commission
of Ministry of Education and Science
of the Russian Federation**
to the Russian list of reviewed
journals, where major
scientific dissertation
and thesis results
are to be published

Founder

Federal State
Budget Educational Institution
of Higher Professional Education
"Saratov State Law Academy".
410056, Saratov, Volskaya, 1.

**E-version is located
on the official site
of Federal State Budget
Educational Institution
of Higher Professional Education
"Saratov State Law Academy"**
(<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik@sgap.ru

The journal is registered by Censorship Office
in the Sphere of Mass Communication
of Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom,
Information Technologies
and Mass Communication
February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution
of Higher Professional Education
"Saratov State Law Academy", 2013

СОДЕРЖАНИЕ

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ

- 11 Кабышев В.Т.**
Фарбер Исаак Ефимович — видный отечественный ученый, юрист и педагог
(17.09.1913–03.07.1987)
- 19 Матузов Н.И.**
Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания
- 28 Миронов О.О.**
Слово об учителе и наставнике
- 35 Эбзеев Б.С.**
Фарбер Исаак Ефимович — большой ученый, талантливый педагог, масштабная личность
- 42 Бондарь Н.С.**
У истоков доктрины «живого» (реального) отечественного конституционализма
- 48 Мушинский В.О.**
Старший товарищ
- 49 Фадеев В.И.**
И.Е. Фарбер о предмете конституционного права
- 57 Лазарев В.В.**
Об экзистенции отечественной юридической науки
- 64 Баранов В.М., Пшеничнов М.А.**
Гармонизация элементной структуры правоотношений
в свете общетеоретических воззрений И.Е. Фарбера
- 72 Радько Т.Н.**
Об идеологической функции права
- 78 Демидов А.И.**
Уроки Фарбера: конституционализм как принцип построения
гражданской национальной идеи
- 85 Кабышев С.В.**
Формула права профессора И.Е. Фарбера
- 90 Колесников Е.В.**
Становление демократического правового государства в Российской Федерации
и принцип верховенства закона
- 94 Мазаев В.Д.**
Сущность Конституции Российской Федерации — поле битвы интересов
и ценностей
- 100 Лисюткин А.Б.**
К вопросу о роли конституции России в условиях глобализации
(теоретико-эмпирический аспект)
- 105 Комкова Г.Н.**
Воспитательная функция российской Конституции
- 109 Шаповал В.Н.**
К вопросу о взаимосвязях конституции и международного права
- 116 Селиванов А.А.**
Реализация полномочий Конституционным Судом Украины в политическом
ракурсе парламента

- 125 Мамонов В.В.**
Конституционные ценности современной России
- 132 Лучин В.О., Пряхина Т.М.**
Социально-психологические факторы реализации Конституции Российской Федерации
- 139 Гавриленко В.И.**
К вопросу о понятии и сущности гражданского общества: конституционно-правовой аспект
- 143 Гошуляк В.В.**
Юридическая природа и нормативное содержание института собственности в конституционном праве
- 150 Овсепян Ж.И.**
О междисциплинарном исследовании в конституционном праве
- 157 Пресняков М.В.**
К вопросу о социокультурном подходе к праву
- 160 Еремин А.Р.**
Конституционно-правовая ответственность в сфере местного самоуправления
- 165 Дубровина М.А.**
Развитие политической конкуренции в России
- 168 Колесников А.В.**
О некоторых коллизиях законодательства о местном самоуправлении, нарушающих принципы муниципального права
- 173 Корнукова Е.В.**
Некоторые аспекты принципа открытости в деятельности судов Российской Федерации
- 175 Комбарова Е.В.**
К вопросу о легитимности органов государственной власти Российской Федерации
- 179 Ленкина Т.А.**
Эволюция республиканской формы правления в странах Европы (конституционно-правовой аспект)
- 182 Полянский В.В.** Гармонизация социально-экономических интересов — магистральное направление развития гражданского общества и совершенствования государственности
- 186 Семёнов А.В.**
Проблема эффективности норм конституционного права
- 188 Старшова У.А.**
Социальная политика как основа функционирования социального государства в России
- 191 Стребкова Е.Г.**
Модернизация законодательной власти в условиях информационного общества и государства
- 194 Сусликов С.А.**
Конституционно-правовые проблемы общественного телевидения в России

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

- 197 Невинский В.В.**
Права человека как социальная ценность в контексте мировой истории
- 205 Велиева Д.С.**
Коллективные субъекты конституционных прав
- 208 Разгильдиев Б.Т.**
Конституционное равенство и его отражение в уголовном праве России
- 213 Корнуков В.М.**
Правосознание и совесть как взаимосвязанные и конкурирующие категории теории и практики российского уголовного судопроизводства

- 218 Липчанская М.А.**
Участие граждан в управлении делами государства: современные тенденции через призму научных трудов И.Е. Фарбера
- 221 Богатырев В.Н.**
Отказ в совершении нотариального действия и правомерное поведение граждан
- 224 Ивакина (Шапорева) Д.С.**
Конституционные основы культурной идентификации в Российской Федерации
- 227 Кабышева Е.В.**
Правосознание и принцип справедливости в уголовном праве
- 230 Мещеряков А.В.**
Роль института гражданства в обеспечении конституционных прав и свобод личности (с позиции научных взглядов профессора И.Е. Фарбера)
- 234 Отставнова Е.А.**
Конституционно-правовое обеспечение здорового образа жизни в России
- 237 Троицкая Т.В.**
Гражданин Российской Федерации в современном избирательном процессе

ФЕДЕРАЛИЗМ

- 241 Анненкова В.Г.**
Конституционные аспекты формирования единой государственной идеи в России
- 244 Заметина Т.В.**
Стратегия государственной национальной политики России: поиск новых подходов
- 248 Хижняк В.С.**
Роль национальных интересов Российской Федерации в формировании ее правовой политики: конституционно-правовой аспект
- 251 Еремина М.А.**
Вопросы современного нормативного и прецедентного регулирования внешнеэкономических связей провинций Канады
- 254 Угланова О.А.**
Основы правового регулирования вхождения новых субъектов в Российскую Федерацию

ИНФОРМАЦИЯ

- 258 В диссертационных советах**

CONTENTS

BECOMING OF THE CONSTITUTIONAL ORDER OF RUSSIA

- 11 Kabyshev V.T.**
Farber Isaak Efimovich — Prominent Russian Scientist, Lawyer and Teacher
(17.09.1913–03.07.1987)
- 19 Matuzov N.I.**
Legal Idealism as a Specific Form of the Deformation Social Consciousness
- 28 Mironov O.O.**
Word about the Teacher and Tutor
- 35 Ebzeyev B.S.**
Isaac Yefimovich Farber a Great Scientist, a Talented Teacher, a High-caliber
Personality
- 42 Bondar N.S.**
At the Root of the Doctrine of “Live” (Real) National Constitutionalism
- 48 Mushinsky V.O.**
Senior Companion
- 49 Fadeev V.I.**
I.E. Farber about the Object of Constitutional Law
- 58 Lazarev V.V.**
On the Existence of Domestic Legal Science
- 65 Baranov V.M., Pshenichnov M.A.**
Harmonization of the Elemental Structure of Relations in the Light of the General
Theoretical Views I.E. Farber
- 72 Radko T.N.**
About Ideological Function of Law
- 78 Demidov A.I.**
The Farber’s Lessons: the Constitutionalism as a Principle of the Formation Civic
National Idea
- 85 Kabyshev S.V.**
Professor I.E. Farber’s Law Formula
- 90 Kolesnikov E.V.**
Establishment of the Democratic State in the Russian Federation and Principle
of Supremacy of Law
- 94 Mazaev V.D.**
Essence of the Constitution of the Russian Federation — a Battle-field of Interests
and Values
- 100 Lisutkin A.B.**
About the Question of the Role of the Constitution of Russia in the Conditions of
Globalization (Theoretical and Empirical Aspect)
- 105 Komkova G.N.**
Educational Function of the Russian Constitution

- 109 Shapoval V.N.**
On Interconnection between Constitution and International Law
- 116 Selivanov A.A.**
Implementing Powers of the Constitutional Court of Ukraine in the Political Perspective of the Parliament
- 125 Mamonov V.V.**
The Constitutional Values of Modern Russia
- 133 Luchin V.O., Pryakhina T.M.**
Social and Psychosocial Factors of Implementation of the Constitution of the Russian Federation
- 139 Gavrilenko V.I.**
To a Question of Concept and Essence of Civil Society: Constitutional and Legal Aspect
- 143 Goshulyak V.V.**
The Legal Nature and the Standard Maintenance of Institute of Property in a Constitutional Law
- 151 Hovsepyan Zh.I.**
About Interdisciplinary Research in Constitutional Law
- 157 Presnyakov M.V.**
To the Question of Sociocultural Approach to the Right
- 160 Eremin A.R.**
Constitutional and Legal Responsibility in the Sphere of Local Government
- 165 Dubrovina M.A.**
Development of Political Competition in Russia
- 168 Kolesnikov A.V.**
Some Conflicts of Laws on Local Government, Violating the Principles of Municipal Law
- 173 Kornukovav E.V.**
Some Aspects of the Principle of the Openness in the Activities of Russian Federation Courts
- 176 Kombarova E.V.**
On the Question of the Legitimacy of Public Authorities' of Russian Federation
- 179 Lenkina T.A.**
Evolution of the Republican Form of Government in the Countries of Europe (Constitutional and Legal Aspect)
- 183 Polyanskiy V.V.**
Harmonization of Social-economical Interests is the Main Direction of Civil Society's Developing and Statehood's Perfection
- 186 Semenov A.V.**
The Problem of Efficiency of Norms Constitutional Law
- 189 Starshova U.A.**
Social Policy as the Basis for the Functioning of the Welfare State in Russia
- 192 Strebkova E.G.**
Modernization of the Legislative Power in the Information Society and the State
- 194 Suslikov S.A.**
Constitutional and Legal Problems of Public Television in Russia

PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS

- 197 Nevinskii V.V.**
Human Rights as a Social Value in the Context of World History
- 205 Veliyeva D.S.**
Collective Subjects of Constitutional Laws
- 208 Razgildiev B.T.**
The Constitutional Equality and its Reflection in Criminal Law of Russia
- 213 Kornukov V.M.**
Sense of Justice and Conscience as Interrelated and Competing Categories in the Theory and Practice of Russian Criminal Court Proceedings
- 218 Lipchanskaya M.A.**
The Participation of Citizens in State Administration: Modern Tendencies through the Prism of Scientific Works I.E. Farber
- 221 Bogatyrev V.N.**
The Refusal of the Commission of Notarial Actions and Lawful behavior of Citizens
- 225 Ivakina (Shaporeva) D.S.**
Constitutional Basis of Cultural Authentication in Russian Federation
- 227 Kabysheva E.V.**
Awareness of the Law and the Principle of Justice in Criminal Law
- 230 Mescheryakov A.V.**
Role of Institute of Citizenship in Providing of Constitutional Rights and Individual Freedoms (from Position of Scientific Looks of Professor I.E. Farber)
- 234 Otstavnova E.A.**
Constitutional and Legal Providing of Healthy Lifestyle in Russia
- 237 Troitzkaya T.V.**
Citizens of the Russian Federation in Modern Electoral Process

FEDERALISM

- 241 Annenkova V.G.**
The Constitutional Aspects of the Uniform State Idea
- 244 Zametina T.V.**
Strategy of State National Policy of Russia: Searching new Concept
- 248 Khizhnyak V.S.**
The Role of the National Interests of Russian Federation in the Development of its Legal Policy: the Constitutional Aspect
- 251 Eremina M.A.**
Some Aspects of Current Normative and Precedent Regulation of Foreign Economic Relations of Canadian Provinces
- 255 Uglanova O.A.**
Fundamentals of the Legal Regulation of New Subjects' Entry into the Russian Federation

INFORMATION

- 258 In Dissertation Councils**

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ

В.Т. Кабышев

**ФАРБЕР ИСААК ЕФИМОВИЧ —
ВИДНЫЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ УЧЕНЫЙ,
ЮРИСТ И ПЕДАГОГ (17.09.1913–03.07.1987)***

В статье излагаются основные вехи жизненного пути доктора юридических наук, профессора И.Е. Фарбера, дается краткий анализ его творческого наследия в теории государства и права, конституционного (государственного) права.

Ключевые слова: право, правосознание, конституционные отношения, права человека.

V.T. Kabyshev

**FARBER ISAAK EFIMOVICH — PROMINENT RUSSIAN
SCIENTIST, LAWYER AND TEACHER (17.09.1913–03.07.1987)**

The article presents the main milestones of the life path of Doctor of Legal Sciences, Professor Farber Isaac Yefimovich, a brief analysis of his creative heritage in theory of state and law and constitutional (state) law is given.

Key words: law, legal conscience, constitutional relationships, human rights.

17 сентября 2013 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося ученого-правоведа и педагога, доктора юридических наук, профессора Исаака Ефимовича Фарбера, проработавшего 36 лет в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского (ныне — Саратовская государственная юридическая академия).

Исаак Ефимович Фарбер родился 17 сентября 1913 г. на Украине в семье учителя. Рано лишившись родителей, в 1928 г. начал трудовую деятельность учеником библиотекаря в г. Ростове-на-Дону. С 1930 г. по 1932 г. был на комсомольской работе. С 1933 г. по 1948 г. жизнь И.Е. Фарбера была связана с деятельностью органов прокуратуры: стажер следователя прокуратуры г. Москвы, затем следователь прокуратуры Калининской (ныне — Тверской) области, старший следователь Хабаровской краевой прокуратуры, заместитель прокурора Камчатской области.

С первых дней Великой Отечественной войны И.Е. Фарбер служит в органах военной прокуратуры действующей армии. В 1943 г. был демобилизован по бо-

© Кабышев Владимир Терентьевич, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия).

* В статье использованы материалы из книги «Саратовская научная школа конституционного права» Вып. 2 / сост. В.Т. Кабышев. М., 2006.

лезни и до 1946 г. работал прокурором г. Кимры Калининской области. С 1946 г. по 1948 г. — прокурор Верхне-Баканского района Краснодарского края.

В 1947 г. И.Е. Фарбер с отличием оканчивает ВЮЗИ и в 1948 г. поступает в очную аспирантуру Академии общественных наук при ЦК ВКП (б), которую успешно заканчивает с защитой кандидатской диссертации на тему: «Проблемы применения советского права». Примечательно, что его научными руководителями были такие видные ученые, как доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР М.С. Строгович, специалист в области теории права и уголовного процесса, цивилист, доктор юридических наук, профессор С.Н. Братусь. С августа 1951 г. жизнь Исаака Ефимовича связана с Саратовским юридическим институтом: с 1951 г. по 1961 г. заведует кафедрой теории государства и права, с 1963 г. по 1981 г. возглавляет кафедру государственного права, с 1981 г. до последних дней жизни — профессор кафедры.

И.Е. Фарбер внес большой вклад в развитие правовой мысли 50–60-х гг. XX в. Без преувеличения можно сказать, что в науке он сделал столько, сколько не смогли сделать коллективы вузовских кафедр.

После долгих лет работы в органах прокуратуры И.Е. Фарбер буквально «ворвался» в юридическую науку. Сферой его интересов стали общая теория государства и права, теория конституционного (государственного) права, вузовская правовая педагогика. Каждая статья, книга, выступление поражали смелостью идей, новизной подхода к рассматриваемым проблемам юридической науки и практики.

Первые научные интересы И.Е. Фарбера были связаны с реализацией права, точнее — его применением. Этому посвящена его кандидатская диссертация. В те годы теории применения права по сути не было. В юридической литературе в одних случаях правоприменение отождествлялось с реализацией права; в других трактовалось как осуществление государственными органами (главным образом судом) принудительных правовых мер к лицам, совершившим правонарушение.

В кандидатской диссертации И.Е. Фарбера содержался принципиально новый взгляд на правореализацию. Во-первых, речь шла о признании различных форм реализации права. Во-вторых, применение есть факультативная форма осуществления права. Во многих случаях полная реализация правовой нормы невозможна без соответствующей деятельности компетентного субъекта (например, государства, его органов, должностных лиц). В конечном счете эта деятельность выражается во властном разрешении юридического дела путем вынесения индивидуально-правового акта, в результате которого конкретные субъекты правовых отношений становятся носителями вполне определенных юридических прав, свобод или обязанностей. Происходит персонификация, индивидуализация правовой нормы, носящей, как известно, общий характер. Эти идеи И.Е. Фарбера были поддержаны участниками проходившей в 1954 г. на страницах журнала «Советское государство и право» научной дискуссии.

Научная мысль не стоит на месте. В современной литературе многие авторы в применении права склонны видеть не форму, а средство или способ его реализации. Однако при этом важно подчеркнуть, что содержательная сторона данного явления в принципе понимается так, как в свое время предложил И.Е. Фарбер. Ему же принадлежит заслуга в разработке теории актов применения права.

Во второй половине 1950-х гг. внимание Исаака Ефимовича сосредоточивается на методологических проблемах права. В частности, в работе «О сущности права» (1959 г.), научных статьях, опубликованных в центральной печати, он активно отстаивает нормативную трактовку права, полагая, что именно такой подход в наибольшей степени способствует укреплению законности в деятельности правоприменительных органов.

В 1963 г. выходит монография И.Е. Фарбера «Правосознание как форма общественного сознания», которая явилась по существу первой фундаментальной работой, посвященной советскому периоду развития нашего государства. В ней рассмотрены вопросы о сущности правосознания, о взаимоотношении данной формы отражения объективной реальности с общественными отношениями и юридической надстройкой. Впервые была выдвинута идея о сложной структуре правосознания. Несомненной заслугой И.Е. Фарбера явился вывод о том, что правосознание не должно сводиться только к правовой психологии или только к правовой идеологии. Структура правосознания представляет собой неразрывное единство правовой идеологии, правовой психологии, правовых идей и правовых чувств. Такая постановка вопроса была для того времени не только новой, но и достаточно смелой. В отечественной юридической науке категория «правовые чувства» рассматривалась только в качестве важнейшей стержневой идеи буржуазной психологической теории права, а сама правовая психология — только как прислужница буржуазной юридической науки.

Анализируя правосознание как специфическую форму общественного сознания, автор раскрывает ее неразрывную связь с правом, экономическими отношениями, деятельностью государства, политическим сознанием, философией и моралью. И.Е. Фарбер пришел к важному и интересному выводу о том, что предметом правосознания являются различные общественные отношения (правовые, политические, моральные и т. д.), причем только с одной стороны, со стороны поведения их участников.

Развивая идею о динамичности правосознания, ученый делает вывод о том, что правосознание представляет собой знание правовых норм и явлений, сознательное к ним отношение и соответствующее поведение. По сути он вычленяет три структурных уровня правосознания, которые в конце 1970 – начале 1980-х гг. стали называться в юридической науке познавательным, оценочным и поведенческим (регулятивным) уровнями. Современное звучание имеет вывод И.Е. Фарбера о том, что правосознание, обладая нормативной и регулирующей силой, представляет собой знание и оценку правовых явлений с позиции справедливости.

Впервые в советской юридической литературе И.Е. Фарбер рассмотрел вопрос о функциях правосознания: нормативно-регулирующей, воспитательной, правотворческой. Несомненной его заслугой является то, что он дал характеристику многим новым для теории правосознания понятиям (например, «правовые чувства», «эмоции и переживания», «идеи и убеждения», «правовая культура» и «правовое воспитание»).

Именно теории правосознания была посвящена докторская диссертация Исаака Ефимовича.

В конце 1963 г. профессор И.Е. Фарбер возглавил кафедру государственного права. Следует заметить, это было время оживления юридической науки, в т. ч. и науки государственного (конституционного) права. Исаак Ефимович приложил

много сил для создания творческого коллектива. Имея удивительное чутье на новые идеи и дар истинного педагога, И.Е. Фарбер обладал притягательной силой: он «заряжал» собеседника своей внутренней энергией, любовью к постижению закономерностей жизни, к праву. Он верил в истинную **СУЩНОСТЬ ПРАВА**. Вокруг него собирались ученики, ставшие впоследствии видными учеными-конституционалистами. Под его руководством на кафедре были подготовлены 17 кандидатов наук, четверо из которых (Ю.П. Еременко, В.Т. Кабышев О.О. Миронов, Б.С. Эбзеев) впоследствии защитили докторские диссертации.

Так, Юрий Петрович Еременко (к сожалению, безвременно ушедший) стал начальником Ростовской высшей школы МВД России, генерал-майором милиции; Олег Орестович Миронов был избран депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а впоследствии — Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации; Борис Сафарович Эбзеев в 1991 г. был избран на Съезде народных депутатов РСФСР судьей Конституционного Суда РФ, а с 5 августа 2008 г по 25 февраля 2011 г. — являлся Президентом Карачаево-Черкесской Республики.

Научное направление кафедры — теория конституции — предложенное в середине 1960-х гг. И.Е. Фарбером и после его смерти продолжает определять творческие интересы ее сотрудников. Многие научные идеи, разработанные профессором И.Е. Фарбером, прочно вошли в арсенал отечественного конституционализма. Его научные конструкции — конституционные отношения, прямое действие Конституции, конституционное регулирование, права человека — прочно вошли в конституционное сознание и сегодня мало у кого вызывают сомнения. Это ли не свидетельство научной смелости, прозорливости ученого?! Свежий ветер перемен, подувший во времена «оттепели», не мог не затронуть и юридическую науку, в т. ч. и государственное (конституционное) право.

В 1940–1950-е гг. в советских общественных науках господствовал дух комментаторства, догматизма. Не обошел он стороной и юридическую науку. Конечно, комментирование — одна из ее функций, но она не может быть главной, определяющей. В науке государственного (конституционного) права на это обстоятельство одним из первых обратил внимание И.Е. Фарбер. Познание сущности явлений, формулировка принципов законодательства и его применения, разработка научных понятий, теоретических конструкций — вот что, по его мнению, составляет существо науки конституционного права¹.

Занявшись изучением теоретических проблем, профессор И.Е. Фарбер обратился к выяснению предмета регулирования соответствующей отрасли права. Такое обращение не было случайным. Дело в том, что еще с 1959 г. по данному вопросу в науке шла полемика, которая так и не привела ученых к единому мнению. В ходе дискуссии выявились две противоположные позиции.

«Широкое» (В.Ф. Коток) и «узкое» (А.И. Лепешкин) толкование предмета регулирования не давало четкого ответа на вопрос: как искать этот «неуловимый» для теоретической мысли предмет? Профессор И.Е. Фарбер предложил принципиально иной подход к его решению: «Не статьи Конституции должны стать меркой общественных отношений, а сами общественные отношения, их объективное содержание — меркой для конституционного учреждения юридических норм»².

Исходя из этого методологического постулата и была предложена конструкция конституционных отношений как фактических отношений между классами,

нациями, народом и государством по поводу власти, суверенитета и свободы личности. Они, по мнению ученого, и составляют предмет конституционного регулирования³.

И.Е. Фарбер внес свою лепту и в разработку проблемы реализации норм конституционного права. Он активно защищал и доказывал социальную необходимость и значимость прямого действия конституционных норм, особенно в деятельности судебных органов. Нынешняя практика судебных органов, Конституционного Суда России широко использует эту аксиому мирового конституционализма.

В 1960-х гг. наблюдается оживленный интерес конституционалистов к исследованию проблем власти и суверенитета. Пытливая мысль ученого не могла пройти мимо этих важнейших вопросов науки. Им были сделаны интересные выводы о социологическом понятии власти, конституционном механизме народовластия, конституционном обеспечении суверенитета в Советском государстве. Понятие власти как функции руководства обществом, предложенное И.Е. Фарбером, впоследствии было поддержано и развито рядом ученых. Суждения о «первичной» и «вторичной» власти класса, народа, об основных свойствах государственной власти стимулировали многих исследователей к научному поиску. Эти и другие интересные теоретические новеллы были разработаны И.Е. Фарбером совместно с В.А. Ржевским в монографии «Вопросы теории советского конституционного права», которая вызвала большой резонанс в науке. В тот период плеяда государствоведов-фундаменталистов не воспринимала и не желала принимать как новое наименование отрасли права, науки и учебного курса — конституционное право, так и ряд теоретических новелл, предлагаемых И.Е. Фарбером. Прошло много лет, и жизнь подтвердила правоту его идей.

Однако нам, ученикам профессора И.Е. Фарбера, бывшим тогда свидетелями острых споров по дискуссионным проблемам науки, памятна та атмосфера и скептицизм тех, кто не желал видеть научную смелость, логичность и убедительность ярких выступлений Исаака Ефимовича. А, может быть, все обстояло проще: они просто не сумели преодолеть догматизм господствовавшей тогда правовой мысли.

И.Е. Фарберу была присуща глубокая преданность юридической науке. Она выражалась в том, что подлинная наука составляла смысл, суть его научно-педагогической деятельности. Исаак Ефимович был острым полемистом, но всегда уважительно относился к своим оппонентам. Он искренне радовался каждой научной удаче своих учеников и коллег и в то же время не терпел халтурщиков, бездарей-пустышек от науки, приспособленцев. Впрочем, за это «серость науки» не терпела его и часто ему мстила. Видимо, таков удел истинного ученого.

Значительное место среди научных интересов И.Е. Фарбера занимала проблема прав человека. Сам термин «права человека» существовал в науке более 200 лет, был известен нормам международного права, но в текстах советских конституций не употреблялся. Обычно в него вкладывалось лишь социальное содержание. В 1967 г. И.Е. Фарбер предложил критерии разграничения понятий «права человека», «права гражданина» и «права лица».

Отвечая на вопрос о юридической природе конституционных прав, объясняя механизм превращения социальных возможностей человека в конституционные субъективные права (а общая теория права долгие годы отрицала наличие качества субъективности у конституционных прав), Исаак Ефимович раскрыл

социальную значимость категории «права человека» для механизма конституционного обеспечения прав гражданина и прав лица в обществе, раскрыл их природу как социальных благ. Ему же принадлежит мысль о том, что с учетом практической потребности реализации конституции основные права и обязанности гражданина имеют три главные юридические особенности: во-первых, это подлинно субъективные права; во-вторых, по своему содержанию они состоят из более конкретных правомочий; в-третьих, граждане обладают конституционной правоспособностью⁴.

Особое внимание И.Е. Фарбер уделил группе личных прав человека, реализуемых в сфере личной свободы. Личные конституционные права, полагал он, есть абсолютные субъективные права, их невозможно отнять у личности, да и сама личность не может отказаться от этих прав, передать их кому-либо. Иными словами, личные конституционные права неотторжимы, неотчуждаемы⁵.

В действующей Конституции России уделяется значительное внимание как правам человека, так и личным конституционным правам. Человек, его права и свободы, честь и достоинство признаются незыблемой основой конституционного строя России. Этот конституционный принцип становится доминантой российского правового сознания, российской конституционной мысли, с трудом, но все-таки начинает воплощаться в жизнь. У истоков становления и развития этих конституционных идеалов демократии, справедливости стоял И.Е. Фарбер.

Уместно, на наш взгляд, привести несколько строк из статьи судьи Конституционного Суда РФ доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ, заслуженного деятеля науки РФ Н.С. Бондаря: «Если бы И.Е. Фарбер не опубликовал ничего другого, кроме совместной с В.А. Ржевским работы («Вопросы теории советского конституционного права»), и тогда он вошел бы в историю отечественной конституционно-правовой науки... Многогранность научного таланта И.Е. Фарбера простиралась в различных сферах и направлениях юриспруденции. Все работы И.Е. Фарбера в области конституционного права — результат нового научно-методологического подхода к исследованию как самой конституции в единстве ее фактических и формально-юридических характеристик, так и к исследованию конституционных проблем власти, суверенитета, свободы личности в обществе... в буквальном материализованном выражении представляют собой научно-теоретические истоки нового для того времени конституционного мировоззрения»⁶.

В рецензии на книгу: «Личность и власть (Конституционные вопросы)» (отв. ред. Ю.П. Еременко, В.Т. Кабышев. Ростов-н/Д, 1995) профессор Ф.М. Рудинский писал: «Эта книга — сборник статей научных работников и преподавателей вузов Москвы, Саратова, Волгограда и Минска, посвященный памяти видного отечественного ученого-правоведа и педагога, профессора И.Е. Фарбера, со дня смерти которого прошло уже почти 10 лет. Авторы книги — ученики и коллеги ученого. Многие из них приобрели достаточную известность в науке и давно сложились как творческие личности, однако проблемы, которые в 60–80-е гг. разрабатывал в своих трудах И.Е. Фарбер, актуальны и сегодня. Достаточно назвать такие темы, как вопросы правоприменения и правосознания, теория конституционализма, права человека, проблемы педагогики в юридическом вузе. Ученики называли его генератором идей. И это правда. Автору этой рецензии не раз приходилось встречаться с Исааком Ефимовичем Фарбером. Это был крупный ученый, широко эрудированный человек. Все его творчество про-

низано идеями гуманизма, уважением к достоинству личности. Помню, как в 1977 г., когда проходила большая научная конференция, посвященная принятию новой Конституции СССР, он мне сказал: “Обратите внимание на преамбулу Конституции. Она начинается с провозглашения идеи власти. А надо бы начать с человека...”⁷. Это говорилось в условиях общественной эйфории, связанной с надеждами, которые возлагались на новую Конституцию. И.Е. Фарбер более взвешенно и объективно оценивал этот документ.

Исааку Ефимовичу принадлежит приоритет в выдвижении гипотезы о необходимости выделения в конституционном (государственном) праве общей и особенной частей. Такое деление ранее не было известно учебной литературе по государственному праву. Все согласны с тем, что конституционное право — ведущая отрасль права, а в науке о ней до сих пор нет общей части. Между тем конституционная практика последних лет (как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации) свидетельствует о росте массива конституционных норм. Они регулируют разные по степени обобщенности конституционные отношения. Думается, давно назрела потребность решения вопроса о выделении в конституционном праве общей и особенной части.

Круг научных интересов И.Е. Фарбера не ограничивался вопросами юридической науки. Как педагога его постоянно интересовали проблемы юридического образования. Опираясь на достижения педагогической науки, собственный многолетний опыт, И.Е. Фарбер написал солидную монографию «Очерки вузовской педагогики» (Саратов, 1984), поучительную не только для молодых, но и для опытных преподавателей юридических вузов.

В современном мире, когда происходит бурное наращивание знаний, важную роль играет педагогика. Чему и как учить подрастающее поколение — этот вопрос постоянно встает перед каждым поколением педагогов высшей и средней школы. Что такое педагогика? Что является ее предметом? — эти непростые вопросы решались неоднозначно. И.Е. Фарбером было предложено определение вузовской педагогики как науки, изучающей общественные отношения в области воспитания, образования и обучения в высшей школе. И сегодня с интересом читаются страницы монографии, посвященные дидактике учебного процесса, методам обучения и методике преподавания в юридическом вузе, особенностям чтения лекций, проведения семинарских и практических занятий.

На современном этапе развития общества особое значение приобретает профессия юриста. И сейчас актуальны слова Исаака Ефимовича о модели юриста. Его неперенная черта — уважение к правам человека, его свободе, чести и достоинству. Для юриста главным «орудием производства» является закон. В качестве главных автор определял следующие задачи юриста, где бы он ни работал: знать и уважать закон, уметь правильно его толковать и применять. Отсюда еще одно необходимое качество юриста — законопослушание, чувство законности и ответственности. К идеям Исаака Ефимовича Фарбера, которым он был верен всю сознательную жизнь, трудно что-либо добавить.

Глубокие знания, широта кругозора давали возможность И.Е. Фарберу успешно выступать на всесоюзных и международных научных форумах, публиковать статьи и рецензии по теории государства и права, по советскому государственному праву. Им написано свыше 110 работ, среди которых особо следует выделить монографии: «О сущности права» (1959), «Правосознание как форма общественного сознания» (1963), «Свобода и права человека в Советском

государстве» (1974), разделы в книгах — «Вопросы теории советского конституционного права» (1967), «Советское государственное право» (1979).

Нам — питомцам «гнезда Исаака» (так мы его называли в своем аспирантском кругу) — исключительно повезло. Это настоящее счастье, что на нашем пути встретился такой щедрой души, удивительного обаяния, искрометного ума человек, давший нам путевку в жизнь.

Прошло около трех десятилетий с тех пор, как ушел из жизни этот чрезвычайно талантливый человек, но мне, проработавшему с ним более 20 лет, включая и годы учебы в очной аспирантуре, так его не хватает. Каждый раз, заходя в кабинет заведующего кафедрой (уже 32 года являюсь заведующим кафедрой конституционного и международного права СГЮА), смотрю на портрет Исаака Ефимовича, мысленно возвращаюсь к беседам с ним и по вопросам науки, конституционной практики, и по проблемам преподавания конституционного права, и так не достаёт его мудрых советов.

Профессор И.Е. Фарбер был и остается **Учителем, Ученым, Гражданином, Патриотом.**

Вспоминая профессора И.Е. Фарбера, следует отметить, что это была колоритная, яркая натура во всех отношениях. Высокий, статный, красивый, в очках с внимательным, пытливым, умным взглядом, Исаак Ефимович буквально приковывал к себе любую аудиторию: студенческую, педагогов, работников государственного аппарата. Каждое его выступление было как мощная зазубрина на огромной горе. В его взгляде сквозила живая мысль.

Думал ли Исаак Ефимович, что наступят перемены в нашей жизни? Да! Мечтал! Но он, бывший беспризорник, постоянно учившийся жизни, 15 лет проработавший в органах советской прокуратуры, отчетливо понимал, в какую эпоху он жил. Он был дитя своего времени — XX в., века трагического, героического, противоречивого.

Он понимал, что такое **свобода и права человека.**

Мы, его ученики, **безмерно благодарны** Исааку Ефимовичу за те уроки, советы, мысли, которые он нам **подарил**, за то, что воспитал в нас преданность науке **Права**, уважение к студенту и творчеству.

С особым трепетом и волнением открываю его монографию «Свобода и права человека в Советском государстве» и читаю его дарственную надпись.

**Дорогому Владимиру Терентьевичу Кабышеву —
ученик должен сделать больше, чем его учитель**

И. Фарбер

25.X.74

Видимо, не случайно я не уехал из Саратова и продолжаю трудиться на кафедре, которую возглавлял профессор И.Е. Фарбер. Справедливости ради следует заметить, что мне неоднократно делались предложения работать в юридических вузах других городов, в т. ч. и в родных краях — г. Краснодаре, но я каждый раз возвращался к мысли: именно в альма-матер СЮИ я встретил своего Учителя, оказавшего на меня огромное влияние.

Заканчивая это краткое эссе о профессоре И.Е. Фарбере, хочу отметить: без прошлого нет будущего. Критически оценивая далекое и недалекое прошлое нашей Родины, юридическая наука берет все то ценное, что ею было выработано

ранее, но, к сожалению, не нашло своего воплощения в настоящее время. Сегодня очень важно осмыслить правовые идеи видных российских юристов прошлого, одним из которых был профессор И.Е. Фарбер.

¹ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. С. 6.

² Там же. С. 15–16.

³ См.: Там же. С. 5.

⁴ См.: Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 159.

⁵ См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974.

⁶ Бондарь Н.С. Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения (в контексте творческого наследия профессора И.Е. Фарбера) // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 47–48.

⁷ Государство и право. 1996. № 9. С. 136–138.

Н.И. Матузов

ПРАВОВОЙ ИДЕАЛИЗМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ДЕФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена памяти видного отечественного ученого-правоведа И.Е. Фарбера, проработавшего много лет в Саратовской государственной юридической академии. В ней рассматриваются вопросы, связанные с характеристикой правового идеализма как явления, противоположного правовому нигилизму — сущность, основные черты, особенности, причины, деструктивная роль в развитии общества, его политико-правовой системы, законотворчества, юридической действительности в целом.

Ключевые слова: право, правовой идеализм, правовой нигилизм, менталитет, законотворчество, правосознание, политико-правовая культура, традиции, реформы.

N.I. Matuzov

LEGAL IDEALISM AS A SPECIFIC FORM OF THE DEFORMATION SOCIAL CONSCIOUSNESS

This article discusses issues related to the characteristic problems of legal idealism as a phenomenon, the opposite legal nihilism — the essence, the main features, characteristics, causes, destructive role in the development of society and its political and legal system, law, the validity of the whole. The article is dedicated to the memory of a prominent Russian scientist and lawyer I.E. Farber, who worked for many years in the Saratov State Academy of Law.

Keywords: law, legal idealism, legal nihilism, mentality, law, legal awareness, political and legal culture, tradition, reform.

Исаак Ефимович Фарбер был разносторонним ученым, но наибольший вклад он внес в развитие теории права, правосознания и прав человека. В 1959 г. была опубликована его работа «О сущности права», в которой он в острополемиической форме (в литературе как раз шла жаркая дискуссия по данному вопросу) твердо отстаивал нормативное понимание феномена права, доказывая, что только при этом условии можно обеспечить эффективное правовое регулирование общественной жизни и должный правопорядок в стране. Докторскую диссертацию он защитил по проблеме правосознания, на основе которой выпустил монографию¹.

© Матузов Николай Игнатьевич, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alnikol@yandex.ru

Правосознание автор определял как «единство идеологии и общественной психологии, диалектическую взаимообусловленность правовых идей и правовых чувств (эмоций)»². При этом Исаак Ефимович отмечал, что, к сожалению, в науке распространено мнение, будто нет никакой *общественной* психологии, что само это понятие якобы антинаучно, изобретено буржуазной психосоциологией, которая извращает истинную связь между социологией и психологией. Автор подверг критике этот тезис и по сути развенчал его.

К числу правовых чувств, наличие которых, кстати, в то время многими учеными отрицалось, Исаак Ефимович относил такие, как чувство законности, справедливости, гнев, возмущение, негодование по поводу совершаемых преступлений, особенно тяжких, жестоких или же, напротив, чувство удовлетворения тем, что зло наказано, что правда, справедливость восторжествовали. Все это психологическая, эмоциональная сторона правосознания, которой автор придавал первостепенное значение. Уровень правосознания общества того времени Исаак Ефимович оценивал весьма, мягко говоря, невысоко, рассматривал как ущербное, неполноценное. Таким оно в значительной мере остается и сегодня — слаборазвитым, эклектичным деформированным, не отвечающим современным требованиям. Предлагаемая статья в какой-то мере созвучна тем идеям, которые выдвигал и отстаивал Исаак Ефимович Фарбер.

* * *

В жизни люди чаще всего сталкиваются с различными проявлениями правового нигилизма. Он постоянно у всех на слуху, не сходит со страниц печати, телеэкранов. К нему даже в какой-то мере привыкли, ибо он стал обычной нормой поведения, «образом жизни»³. Гораздо меньше говорят и пишут о правовом идеализме, который не столь глубоко проник в массовое сознание людей и в повседневный быт. Большинство граждан, наверное, и не подозревают о его существовании, не знают, что это такое. Между тем вред от правового идеализма ничуть не меньше, чем от правового нигилизма. Осознается это, как правило, «потом», когда его негативные последствия становятся очевидными.

Следует отметить, что само понятие «правовой идеализм» до некоторой степени условно. Термин «идеализм» употребляется здесь не в сугубо философском смысле (определенное мировоззрение), а означает «идеализация», «идеалист», «идеальный», под которыми обычно подразумеваются отрыв от действительности, наивность, романтизм, мечтания о прекрасном, но не реальном. Это те случаи, когда о ком-то говорят: «Он — неисправимый идеалист», — т. е. речь идет о явлении сродни «маниловщине», пустым фантазиям.

Подобного рода идеализм так или иначе проявляется во всех сферах жизни общества, в т. ч. правовой, что и дает основание называть его *правовым*, или *юридическим*, в противоположность правовому (юридическому) нигилизму. Разумеется, можно говорить также о политическом, моральном и других видах идеализма. Что все это означает на практике, покажем на конкретных примерах из нашей недавней советской и постсоветской истории.

Известно, что в коммунистические времена излюбленным методом руководства «широкими трудящимися массами» было провозглашение громких политических лозунгов и починов, принятие «исторических», «судьбоносных», «эпохальных» решений и постановлений о дальнейшем развитии, повышении, усилении, укреплении чего-либо. Насаждался своего рода культ всевозможных

пятилетних и более отдаленных планов и программ, господствовала безоглядная вера в их магическую силу. И все они, как правило, переводились на язык законов, которые из-за этого сильно напоминали съездовские партийные резолюции.

Устанавливались даже сроки окончательного достижения мечты о светлом будущем, т. е. идеальном счастливом обществе. Дутые лозунги, инициативы, обещания были призваны вдохновлять людей «на подвиги». Говоря словами Герцена, идеология ставилась выше фактологии. Строительство воздушных замков (точнее бумажных) помогало жить в мире иллюзий. Однако действительность быстро разрушала эти эфемерные храмы и возвращала в мир суровых реальностей.

Инерция политического и правового идеализма была затем продолжена и даже в известной мере усилена форсированными, но бессистемными планами «перестройки» страны во второй половине 80-х гг. Одним из печальных примеров юридического идеализма и крайнего субъективизма может служить т. н. «антиалкогольное законодательство», с помощью которого тогдашние советские лидеры попытались одним махом покончить с такой сложнейшей социальной и морально-психологической проблемой, как пьянство. Что из этого получилось, хорошо известно.

Столь же сумбурными, во многом авантюрными, были многие прожекты мгновенного преобразования России в 90-х гг. минувшего века. Ставились цели, для достижения которых западным странам понадобились столетия, но хотелось сделать все сразу и как можно быстрее. Реальные возможности мало кого тогда интересовали. Причем сделать надо было, как «у них», без учета российских традиций и специфики. В результате многое попросту не приживалось на отечественной почве.

Существовала даже весьма популярная в то время программа «500 дней». Именно за такой срок предполагалось трансформировать «развитый социализм» в «развитый капитализм», обеспечить переход от плановой экономики к экономике рыночной, а заодно и сломать через колено менталитет упомянутых «народных масс», привыкших жить в другой системе координат. Аналогичным по сути был и отчаянный призыв Е. Гайдара в начале реформ: «Надо лишь крепко зажмуриться и прыгнуть в неизвестность»⁴. В «неизвестность» — значит наобум, куда кривая выведет. Никакого плана не было, кроме сильного «хотения и желания» по-большевистски изменить, поломать все во что бы то ни стало.

Как ни удивительно, находились люди, которые верили в подобные чудеса. Это был идеализм в чистейшем виде, помноженный на волюнтаризм. И все выдвигавшиеся идеи пытались осуществить не в последнюю очередь с помощью права, законов, указов, правительственных постановлений, словом — «декретов». Поскольку романтическим планам в намеченные сроки не суждено было сбыться, то и «романтическое право» вместе с ними потерпело фиаско — оно оказалось чисто бумажным, вера в него была утрачена или во всяком случае подорвана.

Конечно, жизнь не оставалась вне всякого правового регулирования. Действовали кодексы, Конституция, старые и новые (относительно реальные) юридические нормы. Однако в целом российское законодательство того периода представляло собой «лоскутное одеяло», сотканное из сплошных противоречий. Советская система распалась, но на ее месте ничего устойчивого еще не сложилось. Реформы шли трудно и бестолково. Именно это обстоятельство дало основание А.И. Солженицыну заявить: «Россия выбирается из коммунистического болота самым нелепым путем»⁵.

То же самое происходило и в общественном сознании, в частности правовом, которое было крайне неоднородным, деформированным, сумбурным. В нем содержались как прежние, устаревшие стереотипы, так и новейшие веяния и тенденции, отражались неустоявшиеся умонастроения различных слоев и групп населения, которое не успевало «переваривать» возникшие в стране катаклизмы. Смена социальных и идеологических ориентиров для большинства граждан оказалась неожиданной и болезненной. Отсюда — эклектика, мешанина в сознании. Таким оно в значительной мере остается до сих пор.

Среди множества противоречий, раздирающих сегодня российское общество, наблюдается и такое, как парадоксально-причудливое переплетение, с одной стороны, тотального правового нигилизма, а с другой — наивного правового идеализма. Как ни странно, оба эти явления, казалось бы, разновекторные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину политико-юридического бескультурья.

В первом случае законы откровенно не уважаются, игнорируются, нарушаются; во втором, напротив, им придается значение некой чудодейственной силы, способной одним махом разрешить все наболевшие проблемы. Массовое сознание требует принятия все новых и новых законов чуть ли не по каждому вопросу. Указанные крайности — следствие многих причин, без преодоления которых идея правового государства неосуществима.

Если правовой нигилизм в самом общем плане означает отрицание или недооценку права, то правовой идеализм — его переоценку, идеализацию. Оба эти явления питаются одними корнями — юридическим невежеством, незрелым правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры. Подобные феномены, несмотря на их, как уже отмечено, противоположную направленность, в конечном счете смыкаются и образуют как бы «удвоенное» общее зло. Иными словами, перед нами две стороны «одной медали».

Хотя внешне правовой идеализм менее заметен, не так бросается в глаза, явление это причиняет такой же вред государству, обществу, гражданам, как и правовой нигилизм. Он крайне деструктивен по своим последствиям, которые обнаруживаются не сразу, а лишь в конечном счете. Вот почему, борясь с правовым нигилизмом, не следует впадать в другую крайность — *правовой фетишизм, волюнтаризм, идеализм*.

На право нельзя возлагать несбыточные надежды, оно не всесильно. Наивно требовать от него большего, чем оно заведомо может дать, ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из объективных возможностей данного института. Непосильные задачи могут только скомпрометировать право. Поэтому его нельзя возводить в абсолют. От этого рудимента («родимого пятна») современному общественному сознанию необходимо избавляться.

Как известно, марксизм в свое время едко высмеивал всевозможные концепции «юридического социализма». Так, Ф. Энгельс, критикуя в 1847 г. манифест Ламартина, писал, что «предлагаемые в нем меры наивны и лишены практического смысла вроде упразднения нищенства, общественных бедствий, пауперизма чрезвычайным законом, учреждения специального министерства *народной жизни* законодательным путем и т. п.»⁶. Но если невозможен «юридический социализм», то тем более немыслим «юридический капитализм» с его свободной рыночной экономикой.

Интересно, что подобные попытки предпринимаются и в наши дни. Так, по сообщению прессы, в Бразилии на полном серьезе обсуждается вопрос о закреплении в конституции права граждан на *счастье*⁷. Если так, то следует создавать и министерство счастья (нечто вроде министерства правды Оруэлла), иначе кто же будет обеспечивать это право. Идеи о «конституционном счастье» поддержаны в Японии и Южной Корее. Как тут не вспомнить замечательный «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы с его безмятежными и счастливыми жителями.

Между тем в условиях возникшей у нас еще в период «перестройки» правовой эйфории у многих сложилось убеждение, что достаточно принять хорошие, мудрые законы, как все сложнейшие и острейшие проблемы общества будут решены. «Вот примем пакет законов — и жизнь улучшится». Но чуда не происходило, законы принимались, а дела стояли на месте или даже ухудшались. В результате наступило известное разочарование в законах, появились признаки правового скепсиса. Из низов раздавались раздраженные голоса: «Хватит, мы уже сыты по горло законами, они ничего не дают».

Оно и понятно — ведь законы сами по себе не могут накормить, одеть, обуть людей, улучшить их благосостояние, они могут лишь способствовать либо не способствовать этому, нечто закреплять, охранять, регулировать, распределять, но не производить. Поэтому уповать только на «скоростное» правотворчество — значит питать юридические иллюзии. *Нужны прежде всего социальные, экономические, политические, культурные, организационные и иные меры плюс законы.* Лишь совокупное действие всех этих факторов может дать желаемый эффект.

Помнится, в разгар работы союзного парламента пресса в негативно-иронических тонах, не без сарказма писала о «магии», «девятом вале», «буме», «каскаде» законотворчества, о «мертворожденных» и полузабытых законах. А один из депутатов (К.Д. Лубенченко) мрачно сравнивал законодательные усилия коллег и свои собственные «с попытками вырастить сад в жестоких условиях пустыни; иногда кажется, что законы, которые мы принимаем, отторгаются действительностью, как саженцы бесплодной почвой. И возникает чувство разочарования и безысходности»⁸.

В какой-то мере это продолжалось затем и в период деятельности бывшего Верховного Совета России, а также последующих созывах Государственной Думы. Оказалось, что быстрых и легких решений нет. «Правовое шапкозакидательство» не помогает, не тот путь. Мы и сейчас сплошь и рядом наблюдаем неработающие или малоэффективные законы. А еще римские юристы утверждали: «Бездействующий закон хуже отсутствующего».

Ясно, что проводимые в российском обществе преобразования нуждаются в надежном правовом обеспечении, но оно не может быть чисто волевым. Бессилие законов порождает все тот же нигилизм, неверие в реальную значимость принимаемых актов, в их способность изменить ситуацию. Законы не работают, значит, и отношение к ним безразличное, их престиж падает вместе с престижем власти.

Правовой идеализм уже давно породил у значительной части людей кризис веры в законодательные, а в более широком плане — в парламентско-конституционные пути решения назревших проблем, в новые прогрессивные институты. Идеализмом с самого начала страдали некоторые лозунги перестройки (гласность, ускорение, форсированная демократия, свобода без границ, немедленное искоренение пьянства и т. д.), а затем и периода реформации (ав-

ральная приватизация, всеобщее «разгосударствление», «шоковая терапия», «рыночный фундаментализм»).

Хотелось все это побыстрее воплотить в законах, закрепить юридически, провозгласить в конституциях. На деле же форсированного перехода общества из одного состояния в другое не получилось, ожидания затянулись. Наступило «социальное похмелье» — горькое и мучительное. Идеалистические, скороспелые прожекты, как правило, сурово мстят за себя. Это тот же нигилизм, только с обратным знаком. Или его обратная сторона.

Распространению юридического идеализма способствовало и то, что у нас долгое время преобладал чисто прагматический подход к праву (орудие, инструмент, средство, рычаг и т. д.). То есть исходили из марксистско-ленинского тезиса о том, что «закон есть мера политическая, есть политика»⁹. Право рассматривали как некую идеологическую дубинку, с помощью которой можно решить ту или иную проблему, а не как важную социальную и культурную ценность, гуманистическую идею, институт демократии. В соответствии с этим на право взваливали «неподъемный груз», возлагали слишком большие надежды, которые в дальнейшем не оправдывались.

Правовой скептицизм особенно усилился в разгар «шоковых реформ», когда общество отчетливо осознало, что многие законы, указы, поспешно принятые в период обновления, оказались, мягко говоря, малоэффективными и не привели к достижению желаемых целей, а некоторые дали отрицательный результат. Глашатай идеи «абсолютной свободы» Ф. Ницше писал: «Не говори мне, отчего ты свободен: скажи — для чего свободен»¹⁰. В самом деле — для чего? Создается впечатление, что Россия, завоевав свободу, распорядилась ею не лучшим образом.

Еще в 2002 г., будучи кандидатом в Президенты России, В.В. Путин откровенно говорил о том, что «в последние годы мы приняли сотни программ, решений, первоочередных мер. Но раз их так много, значит, они нереальны. Мы все время шли на поводу у событий, расхлебывая последствия собственных опрометчивых шагов»¹¹. А будучи уже президентом он в одном из своих выступлений заявил: «Нам нужно прекратить заниматься пустыми обещаниями, демагогией. Надо сказать народу правду, что государство может сделать, а что не может. И это будет честнее и справедливее. Мы уже столько наобещали, что если бы даже захотели все исполнить, то для этого потребовалось бы два консолидированных бюджета страны. Это дискредитирует власть, она теряет доверие»¹². Между тем народная мудрость гласит: кто потерял доверие, тому терять больше нечего.

Иными словами, выдвигались идеалистические, невыполнимые в данный момент цели и задачи, принимались импульсивные решения. Последствия, результаты никто не просчитывал. Возник гигантский разрыв между законами и тем, что делалось ради ускоренных либеральных реформ. Забыли, что законы не всеильны. К сожалению, рецидивы прошлых уроков встречаются и сейчас. Как и раньше, принимаются законы, указы, постановления или отдельные юридические нормы, которые заведомо невыполнимы или малоэффективны. Романтизм в некоторых головах еще сохранился.

В народе укоренилось мнение: закон все может. И это несмотря на неуважительное, мягко говоря, отношение к нему. Данный парадокс еще раз показывает, что правовой нигилизм и правовой идеализм — два полюса одного явления, которое отражает наш незрелый российский менталитет. Поистине загадочный феномен. Психологически это можно объяснить своеобразным «раздвоением» сознания правотворцев, политиков, власти, да и всех граждан или его сумбурностью.

Известным забеганием вперед можно считать первую статью Конституции РФ, гласящую, что Россия уже сейчас является правовым государством. Тем самым желаемое принимается за действительное. Не случайно еще в президентском Послании Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию (1994 г.) это положение было фактически дезавуировано: «Мы должны признать — в России пока нет полноценного демократического правового государства»¹³.

О заманчивой идее правового государства, правах и свободах человека мечтали даже некоторые русские самодержцы (Екатерина II, Александр I, Александр II). Однако эти красивые мечты так и остались мечтами. Да и не могли они быть реализованы в тех условиях. В какой-то мере все наше «перестроечное», а затем и «реформаторское» законодательство грешит идеализмом, прожектерством, популизмом. Хотелось не отставать от «моды» и даже бежать «впереди паровоза», сделать все, как у «них», как принято в «приличном обществе».

Однако подлинная беда состоит в том, что даже хорошие и нужные законы не работают. В одних случаях потому, что отсутствуют необходимые механизмы их реализации, в других (и это главная причина) — из-за того, что вокруг простирается ненормальная среда их функционирования. Процветает нравственный, политический и правовой нигилизм, общественные отношения находятся в состоянии крайней неустойчивости, зыбкости, законы бессильны их упорядочить, стабилизировать, направить в нужное русло. В этом смысле право испытывает небывалые «перегрузки», оно не справляется со своими регулятивными и охранительными функциями. Или не вполне справляется.

Нельзя с помощью одних только правовых средств в декретно-волевом порядке побороть бедность, преступность, коррупцию, алкоголизм, наркоманию. Эти средства должны использоваться в совокупности с другими мерами — экономическими, политическими, социальными, культурными, нравственными, организационными. Лишь тогда они могут дать желаемый эффект, а не остаться на бумаге. В России всегда страдала именно исполнительно-управленческая и контролирующая сторона дела.

Например, проблема правореализации и особенно правоприменения традиционно была у нас и до сих пор остается «ахиллесовой пятой» всей юридической практики. При такой ситуации даже самые «мудрые» законы лишаются смысла. В свое время Ш.-Л. Монтескье писал: «Когда я отправляюсь в какую-либо страну, я интересуюсь не тем, хороши ли там законы, а тем, как они осуществляются, ибо хорошие законы встречаются везде»¹⁴. Другой классик советовал: «Создавайте как можно меньше законов, но следите за их соблюдением»¹⁵. Звучит весьма современно.

Широковещательные обещания, раздача «векселей», пусть даже оформленных в виде законов и указов, означают, мягко говоря, правовой идеализм, а если сказать более резко — сознательную правовую демагогию, создание иллюзий и «мыльных пузырей». Известно, что «потемкинские деревни» у нас строить умеют, особенно в период избирательных компаний. Решения, послания, программы не должны быть заведомо невыполнимыми, рассчитанными лишь на «снятие напряженности». Их сиюминутность приводит затем к тяжелым, непоправимым последствиям.

Поэтому, если тот или иной закон не работает, это еще не означает, что он плох. Важна среда, атмосфера, внешние условия. Не все зависит от самого закона. Проблема сложнее. Определенные слои населения психологически не готовы

к тем или иным переменам, нередко сопротивляются им. Юридические нормы не могут развязать тугие клубки возникающих противоречий, а в ряде случаев встречают противодействие. Предписания сверху во многих случаях внутренне не воспринимаются теми, на кого они рассчитаны. Отсюда — стремление лидеров государства к «ручному управлению».

И это тоже идеализм, ибо законодатели, исходя из своих высоких целей, идей, помыслов, конвейерно «выдают на гора» законы, заведомо зная, что они не достигают конечных целей. Нередко важнейшие акты застревают на полпути к своим непосредственным адресатам, их стопорит чиновничья бюрократия в силу общей разболтанности, бесконтрольности и коррумпированности. Среди новой номенклатуры есть и те, кто к любым начинаниям относится, как и прежде, по принципу: важно вовремя «прокукарекать», а там пусть хоть не рассветает.

Власть бессильна заставить законы работать, поэтому она их просто издает в большом количестве. Однако законодатель не вправе идти на поводу у обыденного сознания — надо срочно принять такой-то закон; он обязан смотреть дальше, предвидеть последствия. Правовое самообольщение опасно, ибо оно порождает беспочвенные надежды, убаюкивает общество.

Попытки «пришпорить» социальный прогресс с помощью одних только законов, как правило, заканчиваются конфузом. Журналисты острят: столько законов Дума издает, а народ жалуется на беззаконие. Кстати, в настоящее время на рассмотрении в российской Госдуме находится около 1500 законопроектов. А еще древние римляне говорили: в наиболее испорченном государстве наибольшее количество законов. Сейчас всем ясно: сотней или даже тысячей законов положения не изменить, если только они не подкрепляются другими мерами.

В прессе и в литературе не раз отмечалось: законодатели, видя, сколь незначительно влияние их актов на ситуацию в обществе, то и дело пытаются включиться в непосредственное управление страной, расширяя тем самым свою компетенцию. С другой стороны, исполнительная власть осуществляет экспансию в область законотворчества, создавая правовые акты под сиюминутные нужды управления. К *правовым идеалистам* следует отнести всех тех, кто полагает возможным навести порядок в стране исключительно с помощью юридических установлений.

Возникает вопрос: что надо делать раньше — создавать условия или принимать законы? Очевидно, и то и другое. Противопоставление этих двух начал неверно и контрпродуктивно. Законодательные и общественные процессы должны развиваться синхронно, они взаимозависимы. Между тем у нас нередко наблюдаются ситуации, когда юридические нормы либо забегают вперед, либо принимаются «вдогонку». Бывает и так, что законы, указы издаются не в целях их реального воздействия на общественные отношения, а для снятия недовольства и напряженности в обществе, особенно в социальной сфере.

Иллюзии владеют многими людьми, в т. ч. и законодателями, которые убеждены, что с помощью законов одним махом можно реформировать страну, исцелить общество от болезней. В президентском Послании Федеральному Собранию» 2000 г. говорилось: «Мы стали заложниками модели экономики, основанной на популистской политике. Утвердилась государственная ложь. Мы принимаем многочисленные законы, заранее зная, что они не обеспечены реальным финансированием. Просто из политической конъюнктуры продавливаем те или иные решения»¹⁶.

В печати нередко делят законы на хорошие, плохие и никакие. Никакие — это значит ненужные, ничего не значащие, не имеющие под собой ни моральной, ни материальной основы. Соответственно, они и не воспринимаются теми, на кого рассчитаны. В лучшем случае они вызывают сначала какие-то ожидания, потом разочарование, а затем злость на власть и ее правовую систему. Таких пустых, нереальных законов, к сожалению, много и они наносят огромный вред правосознанию людей.

В литературе высказана любопытная мысль о том, что может быть не стоит рассматривать правовой идеализм как исключительно негативное явление. Так, по мнению В.В. Сорокина, «декларирование правовых идеалов можно признать допустимым в переходный период в качестве варианта правового идеализма. Умеренный правовой романтизм поддерживает уважение к праву, раскрывает резервы творческой активности субъектов правовой деятельности»¹⁷. Интересная идея, которая заслуживает внимания. Но сразу же возникают и некоторые сомнения.

«Допустить», конечно, можно, ибо всем нам мечтать, желать и грезить, как говорится, не вредно. Однако память подсказывает, что уж слишком долго мы мечтали о будущем («отложенном») счастье, которое так и не наступило. Ложные ожидания «согревали душу», служили оправданием социальной неустроенности и лишений миллионов людей, но в конечном счете закончились крушением всех этих надежд, обманом. Сегодня, пожалуй, больше востребованы не заманчивые «романтические идеалы», а здоровый прагматизм, реализм, здравый смысл. Поэтому нам кажется, что правовой идеализм, особенно в его наиболее гипертрофированных (практических) формах, все же нежелателен. Жизнь в мире иллюзий уходит в прошлое.

Продолжение реформ в России требует прочной правовой основы, особенно в экономической сфере. Однако при этом важно иметь четкое представление о *пределах и реальных возможностях юридических законов, путях их воплощения в жизнь*. Давно сказано: чтобы не разочаровываться, не следует очаровываться. Обществу необходимо преодолеть как правовой нигилизм, так и правовой идеализм, которые питают друг друга.

¹ См.: Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.

² Там же. С. 129.

³ Проблема нигилизма была рассмотрена автором этих строк ранее. См.: Матузов Н.И. Правовой нигилизм как явление российского политического менталитета // Право и жизнь. 2002. № 74; Он же. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. 2012. № 1 (12) и др.

⁴ Гайдар Е. Прыжок к рынку // Правда. 1990. 16 апр.

⁵ Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1997; см. также: Поляков Ю.И. От империи лжи к республике вранья. М., 1997; Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1991; Гундарев И.А. Парадоксы российских реформ. М., 1997.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 346.

⁷ См.: Аргументы и факты. 2011. 1–7 июня.

⁸ Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.; Полудняков В.Н. Кладбище мертвых законов // Российская газета. 1992. 22 нояб.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 99.

¹⁰ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб., 1904. С. 7.

¹¹ Путин В.В. Открытое письмо к российским избирателям // Известия. 2002. 25 февр.

¹² Российская газета. 2003. 19 февр.

¹³ Послание Президента Федеральному собранию // Российская газета. 1994. 24 февр.

¹⁴ Монтескье Ш.-Л. О духе законов. СПб., 1900. С. 274.

¹⁵ Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 79.

¹⁶ См.: Российская газета. 2000. 17 марта.

¹⁷ См.: Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / под ред. С.В. Полениной и Е.В. Скурко. М., 2006. С. 481.

О.О. Миронов**СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ И НАСТАВНИКЕ**

Статья посвящена памяти профессора И.Е. Фарбера — талантливого ученого, великолепного педагога. Его книги, публикации продолжают жить, идеи, высказанные им, опередили свое время, они актуальны и в наши дни.

Ключевые слова: профессор И.Е. Фарбер, ученый, педагог, воспитатель.

O.O. Mironov**WORD ABOUT THE TEACHER AND TUTOR**

The article is dedicated to the memory of Professor I.E. Farber. He was a talented scientist, great teacher, a sensitive teacher. His books, other publications continue to live, the ideas expressed by them ahead of their time, they are made today.

Keywords: Professor I.E. Farber, a scientist, a teacher, an educator.

С годами по истечении лет осознаешь, что, несмотря на то, что в жизни было много интересных встреч и знакомств, в памяти, в сознании навечно остаются образы людей, которые оказали на тебя особое влияние, воспитывали тебя, помогали. Это, бесспорно (светлая им память), родители, друзья. Вспоминаются школьные учителя. Я родился и вырос в чудесном курортном г. Пятигорске, овеянном славой выдающегося поэта, драматурга, прозаика, художника Михаила Юрьевича Лермонтова. Многие преподаватели средней школы независимо от предмета, которому они нас обучали, неизменно вспоминали бессмертное творчество Лермонтова, так трагически и рано покинувшего этот мир. На его произведениях они воспитывали в нас благородство, чувство собственного достоинства, любовь к родине.

Но особую роль в моей жизни сыграл Исаак Ефимович Фарбер. Встреча с ним определила мою судьбу.

1959 год. Я — студент I курса Саратовского юридического института (ныне — Саратовская государственная юридическая академия). Нам, первокурсникам, все в новинку, все увлекает и захватывает, жажда знаний, неизведанного, чувства переполняют душу. Преподаватели представляются оракулами, мы ловим каждое их слово. Начинаются лекции и по теории государства и права. В аудиторию входит высокий, статный человек, олицетворяющий знания и собственное достоинство. Мы очарованы четкостью формулировок, логикой правовых понятий. Это Исаак Ефимович Фарбер, в то время кандидат юридических наук, доцент. Но даже мы, начинающие студенты видели и чувствовали его профессорское мышление. После окончания лекции студенты повторяли понятия, определения, которые впервые услышали на занятиях. Это было интересно и, как сейчас понимаю, свидетельствовало о желании учиться, познавать новое, о таланте наших преподавателей и, бесспорно, И.Е. Фарбера. У него была своеобразная манера поведения в лекционной аудитории. Он не стоял постоянно за кафедрой, покидал ее и, продолжая читать лекцию, ходил вдоль рядов наших столов, возвращался за кафедру, чтобы взять, например, том сочинений В.И. Ленина и процитировать какое-то положение, хотя знал его и мог воспроизвести по памяти. Такая манера внушала ощущение значимости того, о чем он говорил.

© Миронов Олег Орестович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин (Современная гуманитарная академия, г. Москва).

Я тщательно конспектировал его лекции, дома обводил понятия и определения, которые он приводил, чтобы они выделялись и лучше запоминались. До сих пор сожалею, что в свое время отдал свои записи какому-то аспиранту, готовящемуся к кандидатскому экзамену по теории государства и права. Они подошли бы мне и сейчас как методическое пособие, руководство к тому, как следует преподавать, не просто учить, а образовывать своих слушателей, хотя многие понятия и категории претерпели изменения. Однако их тоже необходимо знать, поскольку они отражают этапы развития и совершенствования правовой науки.

Наука изучает и отражает действительность, но ее главное назначение, как представляется, видеть перспективу, будущее, влияя на практику и изменяя ее.

Таковы мои студенческие воспоминания, которые постепенно переросли в преклонение перед талантом ученого и педагога И.Е. Фарбера.

Я заканчивал институт в 1963 г., но не так, как принято во всех вузах — весной, а в декабре, поскольку наш курс был экспериментальным. В него была включена почти шестимесячная производственная практика, что абсолютно оправдано и существенно помогло в практической работе.

В день сдачи последнего государственного экзамена я явился к ректору института с заявлением, в котором просил разрешить мне вместе с аспирантами в январе 1964 г. сдавать кандидатский экзамен по философии. Ректор удивился этому и сказал, что такого еще в институте не было. Я ответил: «Чтобы сдавать кандидатские экзамены, необходимо иметь высшее образование, я его сегодня получил». Разрешение было дано.

В комиссию по приему экзамена входил И.Е. Фарбер. В то время он заведовал кафедрой государственного права. Я получил оценку «отлично». В беседе со мной Исаак Ефимович сказал, что, по его мнению, из меня мог бы получиться преподаватель, и я должен заняться наукой. Он предложил мне остаться у него на кафедре, но была середина учебного года и трудно было найти для меня какую-либо должность. К тому же я сказал, что направлен по распределению следователем в милицию Ставропольского края и завтра отправляюсь по месту работы. Однако контакты с профессором были установлены и я, окрыленный мечтой о работе в институте, отбыл на Северный Кавказ, в родной Пятигорск.

Так случай определил мою судьбу. Из милиции пришлось уволиться.

В 1965 г. я стал аспирантом кафедры государственного права Саратовского юридического института, а моим научным руководителем — профессор И.Е. Фарбер, обладавший особой интуицией. Он внимательно присматривался к своим ученикам и, в зависимости от их интересов, предлагал тему кандидатской диссертации. Видя у своих учеников склонность к абстрактному мышлению, он предлагал соответствующую проблематику для научного исследования. При этом Исаак Ефимович никогда не навязывал тему диссертации, он считал, что выбор за аспирантом, которому проблема должна нравиться, увлекать его. Его же задача лишь корректировать этот выбор, направлять его. Научная, как и общечеловеческая деликатность — это его облик, стиль его многогранной натуры.

Мне была дана тема «Субъекты советского государственного права». К тому времени уже были защищены две докторские диссертации о субъектах гражданского и административного права. Однако мою тему Исаак Ефимович определил как тему кандидатской диссертации. Будучи по специальности и по

призванию теоретиком права, он любил теоретические темы. Все в Советском Союзе знали, что кафедра государственного права Саратовского юридического института занимается теоритическими проблемами данной отрасли права. Известна была и школа профессора Фарбера. Именно школа, он учил аспирантов, начинающих преподавателей культуре научного творчества, научной этике. О плагиате, компиляции не могло быть и речи. Обнаружив как-то у одного из своих аспирантов-заочников, преподавателя учебного заведения МВД СССР плагиат, он от него немедленно избавился.

Школа профессора И.Е. Фарбера состояла в том, что он прививал нам, своим аспирантам, любовь к науке. Помню, как он искренне радовался, держа в руках только что вышедший журнал или сборник со своей статьей, а ему в это время было более 60 лет.

И.Е. Фарбер обучал нас всем формам учебного процесса. В годы учебы в аспирантуре я прослушал весь его лекционный курс, который он читал студентам. Мы с неизменным интересом посещали методологический семинар и педагогические чтения, которые возглавлял и вел Исаак Ефимович. Он выступал сам, а также приглашал для проведения встреч видных ученых нашего института, других высших учебных заведений Саратова. Темы были актуальны, дискуссионны и нам, молодым сотрудникам института, было полезно и интересно видеть, как полемизируют, отстаивают свои позиции в поисках истины видные ученые.

Профессор И.Е.Фарбер, готовя своих аспирантов к преподавательской деятельности, обучал их всем формам учебного процесса. Он обязывал меня быть на его семинарах, консультациях, защитах курсовых и дипломных работ. Я присутствовал на экзаменах студентов, сидел рядом с ним за столом экзаменатора. Это было интересно и познавательно. Исаак Ефимович создавал обстановку доброжелательности, требовательности и объективности. Как-то он сказал мне: «Если тебе будет сдавать экзамен студент-заочник много старше тебя по возрасту, будь объективен, но и немного снисходительным за то, что он в таком возрасте имеет желание учиться, получить образование, приезжает на сессии». И добавил: «И не нужно ставить «двойки» беременным студенткам, у них и так много переживаний и сложностей».

Он запрещал читать лекции по написанному. В своей книге «Очерки вузовской педагогики» (Саратов: Издательство Саратовского университета, 1984) он написал: «Лекция — устное произведение, а не чтение вслух текста (с. 181)».

Однако к лекции следует тщательно готовиться. Начинаящий лектор должен написать полный ее текст, но не брать его с собой на кафедру, а составить по нему план и с ним выходить к слушателям. Сам Исаак Ефимович, считая лекции высшей формой учебного процесса и к каждой из них подходил индивидуально. Бывая у него дома и зная, что у него завтра лекция, видел книги, статьи, материалы к будущему занятию и нередко удивлялся этой тщательности, осознавая, что эту лекцию, этот курс он преподает более 30 лет. В день лекции до ее начала он на кафедре никого не принимал, не вел никаких бесед, говоря, что все после лекции. Таким был наш учитель и наставник — собранным, ответственным, преданным своему делу.

Наука была его призванием и делом жизни. Его докторская диссертация и книга «Правосознание как форма общественного сознания» (М., 1963) демонстрируют глубину и широту его философских, социологических, правовых и иных знаний. Когда в Философской энциклопедии (М., 1967. Т. 4. С. 336) появился материал о

правосознании и была указан одна из статей Исаака Ефимовича на эту тему, он был искренне рад и сказал мне: «Меня признали и философы». И.Е. Фарбер обосновал структуру правосознания с выделением правовой идеологии и правовой психологии, придавая в последней особое значение правовым чувствам, правовым эмоциям, очеловечивая тем самым право и как бы говоря законодателю, что нужно писать законы так, чтобы это не была сухая статистика, а чтобы их суть затрагивала, проникала в разум и душу человека. Недаром в древние времена юридические тексты писались в стихотворной форме.

В середине 60-х гг. прошлого века И.Е. Фарбер занялся исследованием предмета отрасли советского государственного права, предложив вместе с несколькими своими коллегами переименовать данную отрасль в конституционное право. В различных странах укоренились различные наименования и некоторые исследователи считали данную постановку вопроса терминологической. И.Е. Фарбер думал иначе. Он полагал, что термин «государственное» характеризует жесткость власти, ее примат над обществом и личностью, в то время как определение «конституционное» более соответствует демократическому социальному государству. В современной России данная отрасль права носит такое всеми признанное наименование. Прозорлив был наш учитель, он видел перспективу и умел ее научно обосновать. Он рассказывал мне, что разговаривал с людьми, далекими от юриспруденции, и спрашивал их, как лучше назвать правовые нормы, связанные с конституцией — государственным или конституционным правом. При этом он пояснял, что есть гражданское, семейное, трудовое, уголовное и иные отрасли права. Ему отвечали, что все право государственное, оно же исходит от государства, его формулирует государство, поэтому то, о чем идет речь, должно именоваться «конституционным». И.Е. Фарбер искал и находил истину не только в научных дискуссиях, но и обращаясь к разуму, чувствам людей. Он много раз повторял, что для того чтобы излагать сложные вопросы понятно и доходчиво, нужно самому глубоко проникнуть в эту материю, осознать ее суть. Чем лучше знаешь проблему, тем доступнее изложишь ее другим. При этом Исаак Ефимович был мастером и сторонником четких научных формулировок, противником их выхолащивания и упрощения.

Исследуя предмет конституционного права, профессор И.Е. Фарбер отвергал всяческие попытки определить его путем перечисления тех общественных явлений, которые отражены в конституции. Он сформулировал истинно научное его понимание. Предметом конституционного права являются объективные фактические общественные отношения, складывающиеся между народом, нациями, классами и государством по поводу власти, суверенитета и свободы личности. Он назвал их конституционными. Данные сложные теоретические вопросы изложены в одной из его книг¹.

Исаак Ефимович убеждал научное сообщество в том, что нормы конституции — это не столько принципы и юридические декларации, сколько правовые нормы, имеющие свои особенности. Они являются нормами прямого, непосредственного действия, хотя среди них немало таких, которые реализуются опосредованно совместно с нормами иных отраслей права. И это закономерно, поскольку конституция — это не все право, а основа правовой системы государства, откуда берут свое начало иные отрасли права, нормы которых не могут противоречить конституции.

Заслуга И.Е. Фарбера состоит в том, что он убеждал в необходимости применения норм конституции в судебной, прокурорской, следственной практике. Это, по его мнению, повышает авторитет Основного Закона государства и самой юридической практики, основывающейся на конституции страны. Данная идея находила отражение в научных работах всех членов кафедры. Он щедро делился со своими учениками мыслями, находками, новым, которое обнаруживал его пытливый ум.

Я, его аспирант, искал примеры применения норм конституции судами при вынесении решений по конкретным делам. И таких примеров даже в то время было немало, несмотря на то, что советские конституции не говорили о непосредственном действии их норм. В настоящее время эта практика широко представлена в деятельности Конституционного Суда РФ, более ограниченно в практике правоприменения иных судов. Этому следует учить начинающих юристов и опытных судей, поскольку данная работа сложна и под силу лишь квалифицированным юристам с высоким уровнем правовой культуры.

Исаак Ефимович опередил свое время. Он предвидел и убеждал в том, что многим казалось ненужным и неосуществимым, был настойчив в своей правоте и не одинок. Многие видные ученые (В.Ф. Коток, А.И. Ким, В.С. Основин, В.А. Пертцик, М.А. Шафир и др.), а также его ученики отстаивали передовые, новаторские идеи, многие из которых начинают осуществляться в наши дни.

Проблема прав человека, наряду с конституционным регулированием, суверенитетом, властью, была одной из главных в его научном творчестве. Многие его аспиранты писали диссертации о конституционных правах и свободах, например: Личные конституционные права (А.П. Горшенев), Основные признаки конституционных прав и обязанностей советских граждан (А.П. Иванов), Конституционное право советских граждан на свободу слова (В.Л. Поляков), Развитие теории советского гражданства (А.В. Мещеряков) и др. Кандидатская и докторская диссертации его аспиранта Б.С. Эбзеева посвящены конституционным правам и обязанностям человека и гражданина.

Профессор И.Е. Фарбер с большой заинтересованностью отнесся к двум международным пактам, принятым в 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН об экономических, социальных и культурных правах, а также о гражданских и политических правах. Они были созвучны его пониманию прав человека. Он многократно обращался к ним, это делали и мы — его ученики.

В 1967 г. Исаак Ефимович опубликовал статью «Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе»². По его мнению, права человека — общесоциогическая категория, означающая возможность иметь определенные социальные блага, ценности, созданные в процессе общественного развития. Права человека существуют независимо от государственного признания, они принадлежат личности изначально. По сути он присоединился к сторонникам естественной школы права, которая не признавалась советской юридической наукой.

Права человека, будучи закрепленными в конституции, по мнению И.Е. Фарбера, приобретают характер конституционных прав гражданина. При вступлении в конкретные правоотношения (жилищные, семейные, трудовые и иные), они становятся правами лица, участника данного правоотношения. Проблематику прав человека он развил и расширил в ряде своих работ³.

Исаак Ефимович учил нас, рассматривая права и обязанности человека, не ограничиваться лишь анализом текста, нормы конституции, закона. Необходимо знать, как и где возникла идея этого права — в философских трактатах или в реальной действительности. Так идея права на труд возникла в рабочей среде. Протесты и выступления трудящихся нередко проходили под лозунгом «Жить работая или умереть сражаясь», получая обоснование в учении социалистов-утопистов, иных ученых. Идеи других прав возникали в иной обстановке. Право, например на свободу совести, религии, выстрадано в христианстве, других религиях и получило обоснование в трудах ученых как естественное право человека. Данные положения находили отражение в правовых актах, например, неприкосновенность личности и имущества, в Великой хартии вольностей Англии 1215 г.

В эпоху буржуазных революций они получили закрепление в принятых декларациях и конституциях. В дальнейшем данные положения нашли свое место в международном праве, оказывая в свою очередь воздействие на национальное законодательство.

Профессор И.Е. Фарбер особое внимание уделял гарантиям и реализации прав и свобод. Он полагал, что недостаточно лишь записи в конституции, важно реальное осуществление, пользование теми благами, которые предусматривает Основной Закон и соответствующее отраслевое законодательство.

Он был человеком своего времени и свято верил в идеалы социализма и коммунизма, но никогда не был начетчиком, хотя ему и приходилось следовать тогдашним канонам. Он говорил мне, что его наставник в науке профессор М.С. Строгович как-то сказал, что в выступлении, в публикации следует отдавать дань традиции, процитировав классиков марксизма-ленинизма, материалы последнего съезда партии, а потом говорить и писать по существу.

Исаак Ефимович нередко перед тем как предложить тему диссертации аспиранту, публиковал по этой проблеме тезисы или статью, ждал на нее реакцию коллег, чтобы не подвести своего ученика. Он не принимал мелкотемья, говорил порой, что та или иная тема не диссертабельна, об этом можно написать тезисы, статью, но не исследование. В наше время каждый депутат и чиновник хотят, чтобы на их визитках были написаны слова «кандидат», а то и «доктор» наук, хотя никакого отношения к науке они не имеют, но у них есть соответствующие дипломы и аттестаты.

И.Е. Фарбер сочетал в себе талант большого ученого, опыт одаренного педагога и воспитателя. В настоящее время даже от высоких чиновников министерства образования можно слышать, что преподавателю незачем заниматься наукой, для этого есть научные учреждения. Его задача, особенно в негосударственных высших учебных заведениях, продавать образовательный продукт, а воспитание вообще не его дело. Вредные и в корне неверные рассуждения. Высококвалифицированным преподавателем может быть, если даже он и практик, только тот, кто занимается научной работой, кто глубоко проник в суть преподаваемого предмета. Этому учил нас профессор И.Е. Фарбер. Если этого нет, то лектор сможет лишь пересказывать учебник, чужие не всегда верные положения. Он весьма неодобрительно, если не сказать более резко, относился к тем, кто всего лишь комментировал закон, пересказывал его статьи. Таких на нашей кафедре не было. Конституцию, закон необходимо знать, цитировать их. Знание закона, умение его толковать и применять — главное в подготовке юриста. Но эти умения

должны, по мысли И.Е. Фарбера, формироваться на основании теоретических положений, которые указывают верный путь юридической практике.

Его педагогический дар состоял в бережном, деликатном отношении к начинающим преподавателям. Заведуя кафедрой, он должен был периодически посещать лекции преподавателей. Исаак Ефимович сказал мне, чтобы я выбрал наиболее любимую тему, преподавание которой у меня хорошо получается и за неделю предупредил его, чтобы он посетил мое занятие. Он рассматривал посещение занятия как форму обучения, помощи лектору. Профессор И.Е. Фарбер говорил о положительном, указывал на недочеты и давал рекомендации по их устранению. В этом проявился его талант наставника, педагога и воспитателя.

Данный подход разительно отличается от того, что встречается у некоторых нынешних докторов наук, заведующих кафедрами, которые устраивают внезапное посещение занятия, пытаются уличить преподавателя в ошибках и недочетах, резко критикуя его. В ответ на такой рассказ одного из заведующего кафедрой, я привел пример из практики профессора И.Е. Фарбера. Рассказчик, по-моему, осознал пагубность своего метода.

Будучи высококонравственной личностью, Исаак Ефимович по этому критерию создавал нашу кафедру. Нечестным, непорядочным, аморальным места на ней не было. Он прощал нам небольшие шалости, считая их издержками молодости. Во всем остальном он был тверд и принципиален, мы его слегка побаивались. В то же время на заседаниях кафедры царил обстановка доброжелательности, сердечности, он сам любил пошутить, это позволялось и другим, но на первом месте всегда стояли интересы дела: научная, педагогическая, методическая, воспитательная работа.

Мне кажется, что как-то Исаак Ефимович на меня немного обиделся. На его вопрос, что труднее, стать мастером спорта (я в это время уже был мастером спорта СССР по горному туризму) или написать кандидатскую диссертацию, я бодро ответил, что, конечно, сложнее добиться звания мастера, 9 лет зимой и летом в различных географических районах страны я совершал сложные и опасные горные походы и экспедиции, а написание диссертации заняло всего 3 года.

В настоящее время трудно формировать облик настоящего юриста. Коррупция, взяточничество, хищение крупных денежных сумм, нарушение прав человека стали массовыми явлениями и в тех структурах, в которых придется работать выпускнику юридического заведения. Преподаватели должны обладать недюжинными способностями педагога и воспитателя, чтобы нейтрализовать этот негатив, готовя к практической работе честных, справедливых, бескорыстных, законопослушных служителей фемиды, памятуя о том, что фемиды и юстиция — это справедливость и правосудие. Этому учил, это воспитывал Исаак Ефимович в своих учениках.

Сейчас бы он гордился своими учениками. Многие из них заняли достойное место в правовой науке, некоторые, не порывая с научной и преподавательской работой, замещают или замещали важные государственные должности. Кафедра, много лет возглавляемая им, стала разработчиком одного из проектов действующей Конституции. В 1990 г. Конституционная комиссия Съезда народных депутатов РСФСР объявила конкурс на лучший вариант проекта Основного Закона. В адрес Конституционной комиссии поступило 40 материалов, в т. ч. 38 проектов как Конституции в целом, так и отдельных глав, разделов и статей. По итогам конкурса на лучший проект Конституции РСФСР вторая премия

была присуждена группе ученых кафедры государственного права Саратовского юридического института, первая и третья премии не присуждались, что и было отмечено Грамотой Президента России Б.Н. Ельцина 25 декабря 1990 г.

Профессор И.Е. Фарбер живет в памяти своих учеников, в сердцах тех, кто читает его, в своих научных статьях и книгах, которые зовут к творчеству, учат проникать в суть сложных общественных и правовых явлений. Я часто говорю себе: «Все, что имею как преподаватель и научный работник, дали институтские педагоги и главным образом мой учитель и наставник Исаак Ефимович Фарбер». Большая человеческая благодарность ему и вечная память.

¹ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967.

² См.: Правоведение. 1967. № 1. С. 39–46.

³ См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974; Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979.

Б.С. Эбзеев

ФАРБЕР ИСААК ЕФИМОВИЧ — БОЛЬШОЙ УЧЕНЫЙ, ТАЛАНТЛИВЫЙ ПЕДАГОГ, МАСШТАБНАЯ ЛИЧНОСТЬ

В статье характеризуется личность профессора Фарбера Исаака Ефимовича — большого ученого, талантливого педагога, замечательного человека.

Ключевые слова: теория конституционного права, ученый, педагог, личность.

B.S. Ebzeyev

ISAAC YEFIMOVICH FARBER A GREAT SCIENTIST, A TALENTED TEACHER, A HIGH-CALIBER PERSONALITY

This article focuses on Professor Isaac Yefimovich Farber as a great scientist, a talented teacher and a high-caliber personality.

Key words: theory of constitutional law, a scientist, a teacher, a personality.

Наука не забывает тех, кто внес свою лепту в ее сокровищницу. Она требует верности и не терпит измены. Но она же способна дать своим труженикам ни с чем не сравнимую радость познания. Может быть, И.Е. Фарбер своими трудами в чем-то опередил то время, в котором он жил и творил. Но в этом и сила настоящего ученого, великое счастье которого заключается в том, что даже после физической кончины он продолжает общаться с новыми и новыми поколениями своих учеников, обогащая их теми идеями, которые сам выносил и которые столь плодотворно развивал. И именно поэтому мы, его ученики, традиционно не поминаем И.Е. Фарбера, как это принято в отношении ушедших в мир иной, а отмечаем очередной юбилей этого большого ученого и талантливого педагога.

В И.Е. Фарбере удивительным образом сочетались чувство нового и неприятие экстравагантностей современной ему юриспруденции, во многом засоренной политико-идеологическими клише, страдавшей начетничеством и склонной

© Эбзеев Борис Сафарович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки, заслуженный юрист РФ, член Центральной избирательной комиссии РФ.

к комментаторству. Человек блестящей философской подготовки, он привнес этот обогащенный «матерью всех наук» взгляд в теорию права и государства и конституционное право и своими исследованиями способствовал (может быть, это главное в его научном творчестве!) гуманизации науки. Отчетливо помню, как однажды он произнес поразившую тогда меня, недавнего выпускника Саратовского юридического института, фразу, смысл которой я понял много позднее: «“Общественный договор” Руссо в некоторых отношениях значимее “Капитала” Маркса».

В самом деле, учение естественного права, внешне отвергаемое отечественной правовой доктриной, на деле совершило культурную эволюцию, постепенно приводя к убеждению в необходимости освобождаться от пут государства полицейского и утверждать государство правовое. Другое дело, что эти мечты терпели поражение в столкновении с жизнью. Недавнее прошлое, столь памятное И.Е. Фарберу, и та действительность, в которой все мы жили, оказались слишком тяжелым грузом, чтобы эти идеи могли превратиться в реальность при его жизни. Тем важнее было продолжать однажды начатую работу. Исаак Ефимович был прозорлив и среди господствовавшего скептицизма видел проблески восходящей зари нового времени. Быть может, на уровне собственного жизненного опыта и научного инстинкта, но он хорошо понимал, что общественная жизнь пусть медленно, но неумолимо идет к победе гуманистического идеала над заскорузлыми и бесконечно отставшими от потребностей нашего социального развития формами и помогал этому движению.

Исаак Ефимович Фарбер родился 17 сентября 1913 г. на Украине в семье учителя. Рано лишившись родителей, он начал трудовую деятельность в 1928 г. учеником библиотекаря в г. Ростове-на-Дону. До этого беспризорничал, и улица не только закалила его характер, но и научила толерантности и терпимости к людям. С 1930 г. по 1932 г. был на комсомольской работе. С 1933 г. по 1948 г. жизнь И.Е. Фарбера связана с деятельностью органов прокуратуры: сначала стажер следователя прокуратуры г. Москвы, затем — следователь прокуратуры Калининской (ныне — Тверской) области. Тогда же встретились юная комсомолка Тоня Смирнова и Иза Фарбер, в то время, как шутила Антонина Ивановна, худой, долговязый, но такой же красивый, как и теперь; они прожили вместе 55 лет, любя и уважая друг друга. Бывая в г. Саратове, низко кланяюсь могилам Исаака Ефимовича и его супруги, дорогой Антонины Ивановны, к которой Исаак Ефимович всегда относился с большой нежностью, а мы неизменно пользовались ее защитой и покровительством.

Из Калининской области И.Е. Фарбер был направлен старшим следователем Хабаровской краевой прокуратуры. Добросовестно трудился, был замечен и вырос до заместителя прокурора Камчатской области. Судьба уберегла его от участия в борьбе против «врагов народа», но далеко не абстрактные для него картины прошлого навсегда определили гуманистическую направленность мысли Фарбера-ученого и деятельности Фарбера-преподавателя.

С первых дней Великой Отечественной войны И.Е. Фарбер находится в органах военной прокуратуры действующей армии. В 1943 г. он был демобилизован по болезни и по 1946 г. работал прокурором г. Кимры Калининской области. С 1946 г. по 1948 г. — прокурор Верхне-Баканского района Краснодарского края. В это же время учится в ВЮЗИ, который заканчивает с отличием в 1947 г. В 1951 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию, в 1963 г. — докторскую.

Всегда гордился своими учителями — выдающимися советскими учеными Сергеем Никитичем Братусем и Михаилом Соломоновичем Строговичем, которые в разные годы сыграли одинаково важную роль в его научной судьбе, и прививал это уважение своим ученикам.

С августа 1951 г. жизнь И.Е. Фарбера связана с Саратовским юридическим институтом: с 1951 г. по 1961 г. он заведует кафедрой теории государства и права; с 1963 г. по 1981 г. возглавляет кафедру государственного права; с 1981 г. до последнего дня своей жизни — профессор кафедры. Именно в этом — кафедре, науке, преподавании, учениках — Исаак Ефимович видел смысл своей жизни и деятельности.

Человек высокой духовной харизмы, блестящий аналитик, мудрый учитель, он ощущал себя наставником (и был им!) своих учеников, мы же платили ему любовью и уважением и безмерно гордились своим учителем. Пусть простит меня великодушный читатель и не примет это утверждение за нескромность: птенцы «гнезда Исаакова», как мы себя называли в аспирантской юности, — юристы хорошей школы. Он же был тем мастером, который заложил прочный фундамент, на котором зиждется теоретическая и практическая деятельность.

Исаак Ефимович передал кафедру своему, пожалуй, самому любимому и талантливому ученику — профессору В.Т. Кабышеву тогда, когда кафедра находилась на взлете. Но глубокие формационные преобразования, сказавшиеся, иногда самым причудливым образом, на всех сторонах жизни нашей страны, не обошли и кафедру. Некоторые ее члены перешли на государственную службу, другие подались в бизнес или вынуждены были уйти по разным обстоятельствам. Кафедра многое потеряла. Слава Богу, в последние годы традиции профессора И.Е. Фарбера не только восстанавливаются, но и развиваются, а дух научного творчества, который был так характерен для кафедры Фарбера, торжествует. Торжествует на кафедре Фарбера — Кабышева!

Настали другие времена. Коренным образом изменились государство и право. Но идеи гуманизма, свободы и прав личности, которые развивал профессор И.Е. Фарбер, не устарели, — напротив, именно теперь они оказались по-настоящему актуальны и востребованы не только наукой права, но и социальной практикой.

Чего греха таить, в переломные эпохи появляется множество людей, прежде вполне благополучных и даже обласканных властью, которые вдруг становятся «страдальцами за правду» и «борцами с режимом». Коммунист по убеждениям и жизненным установкам, Исаак Ефимович никогда не был диссидентом. Он искренне верил в социалистическую идею, но был одновременно убежден и в том, что возможно построение «социализма с человеческим лицом», и привносил это убеждение в юриспруденцию. Он верил в силу науки и ее способность воздействовать на общество и именно поэтому во многом был новатором и первопроходцем в различных направлениях развития отечественной юриспруденции, будь то проблемы сущности права, правоприменения, правосознания как формы общественного сознания и многие другие, которым он посвятил монографии как ученый, специализировавшийся на первом этапе своей научной деятельности в области теории права и государства.

В самом деле, уже в кандидатской диссертации И.Е. Фарбера обозначился принципиально новый взгляд на правореализацию. Его статья, опубликованная в журнале «Советское государство и право»¹, инициировала развернувшуюся

дискуссию и взрыв научного интереса к этой проблеме. Прошло более пяти десятилетий и с чувством законной гордости за своего учителя могу констатировать, что и сегодня теория правореализации в своей основе зиждется на его предложениях.

Особо хочу отметить, что во второй половине 50-х гг. внимание И.Е. Фарбера сосредоточивается на методологических проблемах права. Исаак Ефимович отстаивает нормативную трактовку права. Этому посвящены его работа «О сущности права», ряд статей, опубликованных в центральных изданиях.

Парадокс? Нет, ибо именно в этот период был осуществлен демонтаж наиболее одиозных проявлений прошлого, существенно обновилось законодательство, расширились возможности прокурорского надзора, суды ориентировались на «строгое соблюдение социалистической законности». В этих условиях именно нормативная трактовка права в наибольшей степени способствовала укреплению правовых начал организации и функционирования государства, вступающего в новый этап своего развития.

Оттепель начала 60-х гг. В 1963 г. опубликована книга И.Е. Фарбера «Правосознание как форма общественного сознания» — первая фундаментальная работа по данной проблеме на советском этапе развития юриспруденции. Этой же проблеме была посвящена его докторская диссертация.

В конце того же 1963 г. И.Е. Фарбер возглавил кафедру государственного права. И каждая новая книга теперь уже Фарбера-конституционалиста также имела знаковый смысл в развитии отечественного конституционализма. Чего греха таить, в нашей юриспруденции было много начетничества и многие сделали себе имена усердным комментированием директивных документов или критикой «классово чуждых» идей и представлений. Да и сегодня браконьеров на поле юриспруденции — великое множество. Только на фотографии не вальжанный охотник в тирольской шляпе с пером, попирающий убитого аборигенами зверя; теперь он одет по последней моде и держит в руках написанную кем-то диссертацию.

Да, мы жили тогда в ином не только во временном, но и социальном измерении. Тем важнее, что и в этот период каждая монография Исаака Ефимовича была им поистине выстрадана, каждая работа отвечала на острейшие проблемы, которые стояли не только перед юридической наукой и правоприменением, но и перед нашей социальной практикой. Вот почему каждая из них была событием!

При этом даже мы, люди, посвященные в творческую лабораторию И.Е. Фарбера и вхожие в нее, может быть, не до конца понимали тогда, что и само его развитие носило поэтапный характер. Когда Исаак Ефимович писал о сущности права, когда он писал о правоприменении — это был государственный. Государственный не в том пошлом понимании, сложившемся в 90-е гг. и использовавшемся в качестве идеологического ярлыка, а в истинном смысле этого слова. Исаак Ефимович был убежден, что сильное дееспособное государство есть неперемное условие культуры и прогресса нашего общества. Он верил в это и никогда не ставил вопрос о тотальном демонтаже системы, но полагал, что государство и общество глубоко деформированы, и в отличие от многих видел и лекарство, способное помочь этой болезни, — права человека, выше которых государство как способ рациональной организации публичной власти не может подняться.

Другое дело (и мне приходилось с ним об этом говорить), тогда нельзя было писать, что хотелось. Вспоминаю, как в 1978 г. комиссией по науке нашего

института (этим благозвучным названием в высшей школе маскировалась идеологическая цензура рукописей и проверка их авторов на политическую благонадежность) обсуждалась рукопись одной из моих работ. В заседании комиссии принимал участие и профессор И.Е. Фарбер, под редакцией которого монография должна была публиковаться. Несмотря на все наши аргументы, приговор был безапелляционен: комиссия не может рекомендовать к изданию книгу, автор которой протаскивает в отечественную правовую науку чуждые взгляды и представления.

Вот почему, обращаясь к трудам Исаака Ефимовича, необходимо вчитываться не только в текст, но и подтекст. Вспомните книгу профессора Фарбера, написанную им совместно с В.А. Ржевским², которая по своей демократической насыщенности фундаментальности подходов и предлагавшихся авторами решений была уникальной. Уже в этой работе И.Е. Фарбер выразил мысль, что главный вопрос учения о государстве и праве, главная проблема конституционного права заключается в том, чтобы соединить принцип сильного, прочного, стабильного государства с идеей индивидуальной свободы и прав человека.

Быть может, именно в этой книге профессор И.Е. Фарбер наиболее рельефно выразил свое понимание предмета регулирования отрасли конституционного права. При этом не лишне напомнить, что полемика по этому вопросу, правда, без большого успеха, шла с 1959 г. Она выявила «узкое» и широкое понимания предмета, которые представляли соответственно профессора А.И. Лепешкин и В.Ф. Коток.

Однако в действительности эта полемика представляла собой не просто научный спор; она была отражением столкновения двух мировоззренческих позиций — системозентризма и персонозентризма. Что же касается И.Е. Фарбера, его подход был принципиально иным: «Сами общественные отношения, их объективное содержание — мерка для конституционного учреждения юридических норм». Отсюда — конструкция конституционных отношений как фактических отношений между классами, нациями, народом и государством по поводу власти, суверенитета и свободы личности. Они-то, считал И.Е. Фарбер, и составляют предмет конституционного регулирования. Тем самым в этом подходе, пусть имплицитно, но уже содержалось отрицание гипертрофированных представлений о соотношении коллективного (государство) и индивидуального (личность) начал в организации социума, а в конституционно-правовой науке утверждалась идея взаимной ответственности человека и общества.

При этом общество высвобождалось из пут прошлого, поэтому Исаак Ефимович считал своим долгом акцентировать внимание на личности и ее правах. В этой связи для всей нашей юриспруденции особое значение также имела его статья «Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе», опубликованная в журнале «Правоведение» в 1967 г. Она была воспринята наукой и сыграла большую роль в становлении развиваемого кафедрой научного направления.

Прошло много лет, произошли глубочайшие преобразования во всех сферах жизни нашего общества, а идеи И.Е. Фарбера оказались настолько востребованы самой жизнью, что мы и сегодня, сверяясь с ними, корректируем свои взгляды и позиции.

Вот почему упомянутые работы стали знаковыми в научной деятельности И.Е. Фарбера. Они сыграли чрезвычайно важную роль и в развитии отечественного

конституционного права. В науку пришла молодежь, воспитанная на новых идеях. И не случайно именно на кафедре профессора Фарбера и именно под его влиянием сложилось научное направление, посвященное исследованию прав человека. Практически все ученики Исаака Ефимовича в большей либо в меньшей степени неизменно обращались к проблемам прав и свобод. Многие из нас обращались и к проблеме обязанностей человека и гражданина, что вовсе не было чуждо творчеству Фарбера, учившего нас, что обязанности — столь же необходимый элемент конституционного статуса личности, как и права.

Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что идея прав человека вызывала у Исаака Ефимовича очень глубокие, может быть, иногда мучительные размышления, имевшие мировоззренческий характер. Еще раз оговорюсь, что я бы не посмел назвать профессора Фарбера либералом в обычном, нередко весьма примитивном понимании: «Меньше государства — больше индивидуальной свободы». Исаак Ефимович никогда не отождествлял индивидуализм и индивидуальность; для него это были противоположные понятия. Ни по воспитанию, ни по научным взглядам он не принимал того, что называется индивидуализмом, ибо прекрасно понимал значение коллективного начала в организации и жизнедеятельности социума, в котором, однако, в полной мере гарантированы индивидуальность и права личности.

Научное наследие юбиляра убеждает, что в таком подходе не было и нет противоречия. В частности, на мое становление в науке огромное влияние оказала статья Исаака Ефимовича, посвященная проблемам народного суверенитета, опубликованная в одном из научных сборников, издававшихся в Сибири. Эта статья, насыщенная множеством смелых идей и новаторских решений, не устарела и по сей день. Именно в ней Фарбер наиболее рельефно выразил свое видение роли и значения коллективного начала — народного суверенитета, воплощаемого в государстве, — в организации и функционировании социума. Народу принадлежит первичная власть. Что касается государства, его органов и должностных лиц, то они имеют лишь право на власть. Не просматриваются ли эти мотивы в действующей Конституции РФ?!

Немного позднее, в 1974 г., Исаак Ефимович написал фундаментальный труд «Свобода и права человека в Советском государстве». С одной стороны, свобода и права человека, с другой — государство. Именно в этой книге И.Е. Фарбер четко уловил и описал диалектику индивидуального и социального в организации и жизнедеятельности социума, общества в целом и различных коллективных объединений. Это была не всеми замеченная революция в методологии юридической науки. Вспомните Г.В. Плеханова и его труд о развитии монистического взгляда на историю. Во многом именно благодаря этому выдающемуся философу в отечественной социальной науке утвердился социомонизм, который требовал постановки вопроса: либо персонцентризм, либо системцентризм. Уже в те отдаленные времена И.Е. Фарбер протестовал против такого однобокого подхода и неизменно учил этому нас, своих учеников. Не персонцентризм или системцентризм, а баланс общественного, социального и личного, индивидуального, т. е. социальная солидарность и плюралистический метод решения научных и социальных проблем.

Весьма рельефно этот новаторский, по существу революционный в методологическом отношении, подход был выражен Фарбером в учебнике «Советское государственное право», подготовленном совместно со своими учениками

В.Т. Кабышевым и О.О. Мироновым в 1979 г. Уместно подчеркнуть, что «государственное право» и «конституционное право» были для Исаака Ефимовича не просто различными терминами, обозначавшими одно и то же явление, за ними скрывались различные мировоззренческие позиции. Отсюда — его видение предмета конституционного права, отказ от гипертрофированных представлений о классовой природе государства и права, разработка концепции прямого действия Конституции и многое др. Может быть, именно в этом — в методологии конституционного строительства государства и в определении места в нем человека состоит огромный вклад Фарбера в развитие отечественной правовой и социальной мысли.

Исаак Ефимович внешне был суров, но в действительности за этой маской суровости стоял позитивный и доброжелательный человек. Может быть, именно поэтому многие аспиранты, специализировавшиеся в иных отраслях юриспруденции, приходили к И.Е. Фарберу за советом или консультацией, и не было случая, чтобы у него не было желания или не хватило времени для общения с ними. Он был одинаково ровен и уважителен и с юным аспирантом, и с молодым преподавателем, и с маститым профессором. Не терпел, однако, расхлябанности и малейшего отклонения от неписаного, но свято чтимого им кодекса преподавательской этики. Хорошо помню себя 23-летнего, забежавшего в последнюю минуту на кафедру, чтобы снять куртку и бежать на лекцию, прочитать которую мне было поручено. И.Е. Фарбер был в это время увлечен вузовской педагогикой и делился своими замыслами с профессором В.М. Манохиным. И произнес слова, запечатлевшиеся в моей памяти: «Лекции преподавателя, опаздывающего на занятия, пахнут потом».

Исаак Ефимович был человеком с большим сердцем, которое вмещало всех нас. Книга «Очерки вузовской педагогики» Фарбера, синтезировавшая высокую науку и огромный личный педагогический опыт автора, и сегодня должна быть настольной книгой преподавателя юридического вуза. Много лет профессор И.Е. Фарбер руководил семинаром «Педагогические чтения». В.В. Козлов, В.М. Манохин, В.И. Новоселов, Н.И. Химичева, Ю.Х. Калмыков, Н.И. Матузов, В.А. Тархов — выдающиеся педагоги — делились с нами секретами мастерства, формируя ту связь разных поколений преподавателей и замечательную ауру творчества, которая характерна для саратовской юридической школы.

Сам же И.Е. Фарбер был великолепен. Обилие знаний, математическая точность языка, логичность и отточенность каждой фразы, уважение к слушателям делали его лекции и выступления необычайно популярными. Бесконечно благодарен судьбе, давшей мне возможность, еще будучи студентом, в 1968 г., встретить этого человека. Помню его первую лекцию, которая во многом определила мой человеческий и профессиональный выбор. Помню и свое первое впечатление о нем: высокий, мощного телосложения человек, одетый с изяществом старого интеллигента. Негромкий, чуть глуховатый голос, скуп на жесты, никаких внешних эффектов, но перед нами развернулась картина безграничной красоты науки, которой он верно служил. Исаак Ефимович не учил нас готовым истинам и не предлагал готовых решений, он учил нас познавать их.

¹ См.: Фарбер И.Е. О применении норм советского социалистического права // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 15–26.

² См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967.

Н.С. Бондарь

У ИСТОКОВ ДОКТРИНЫ «ЖИВОГО» (РЕАЛЬНОГО) ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

В статье анализируется научно-теоретическое наследие профессора Фарбера; отмечаются принципиально новые методологические подходы ученого к исследованию конституции, предмета государственного (конституционного) права и всей системы отечественного конституционализма на основе ценностно-правовых характеристик фактически сложившихся отношений по поводу свободы, власти, собственности.

Ключевые слова: конституция, конституционализм, конституционное право, власть, права человека, конституционное мировоззрение.

N.S. Bondar

AT THE ROOT OF THE DOCTRINE OF “LIVE” (REAL) NATIONAL CONSTITUTIONALISM

In the article there analyzed the scientific — theoretical heritage of professor Farber (in connection with his 100th anniversary), there noted a fundamentally new methodological approaches of the scientist to the research of the Constitution, the subject of the state (constitutional) law and all the system of national constitutionalism on basis of axiological legal characteristics of actually existing relations in regards to freedom, power, property.

Keywords: Constitution, constitutionalism, constitutional law, power, human rights, constitutional outlook.

100-летний юбилей... Неумолимо быстро летит время. Тем величественнее воспринимаются те ученые, идеи которых со временем актуализируются самой жизнью. К таким ученым, научным идеям которого уготована счастливая судьба, относится Исаак Ефимович Фарбер.

Мне уже приходилось писать в порядке воспоминаний об этой поистине исторической личности, высказывать некоторые соображения, связанные с оценкой вклада Исаака Ефимовича Фарбера в отечественную юридическую и в особенности конституционно-правовую науку¹. Приходится сожалеть, что современное поколение молодых ученых нередко ограничивается достаточно поверхностным знакомством с научными идеями своих предшественников, не утруждает себя изучением трудов, например, советского периода отечественной юридической науки; слишком устойчивым оказался стереотип сплошной политизации, идеологизированного характера этих работ. Да, конечно, научные труды того периода, в т. ч. и работы профессора И.Е. Фарбера, не могли не испытывать влияние господствующей идеологии. Однако тем ценнее подлинно научные, пережившие десятилетия и перешедшие в новую эпоху конституционно-правовые идеи ученого, которые сегодня составляют сокровищницу отечественного конституционализма.

Горжусь тем, что был лично знаком с этим удивительным человеком энциклопедических знаний, блестящим юристом — практиком и ученым. Он стоял у истоков Саратовской школы конституционного права, являлся ее безусловным лидером, а в последующем, после ухода из жизни — духовным отцом, конституционные идеи которого всегда воспринимались как научно-теоретический олимп

© Бондарь Николай Семенович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, судья Конституционного Суда РФ.

Саратовской школы конституционализма². Возглавляемая им кафедра государственного права Саратовского юридического института была в свое время ведущей организацией при защите моей кандидатской диссертации в Ленинградском госуниверситете (1979 г.), что, кстати, имеет свою конституционно-генетическую логику: Ленинград, Саратов, а в последующем Ростов-на-Дону (с переездом туда из Саратова в 1968 г. молодого доцента В.А. Ржевского, выпускника Ленинградского госуниверситета) составили в свое время географическую триаду основных точек развития отечественного конституционализма. Вспоминаю об этом еще и потому, что после выхода в 1967 г. их совместной книги³ фамилии И.Е. Фарбер — В.А. Ржевский стали хрестоматийными в конституционно-правовой науке. В последующем — не частые, но яркие встречи в Саратове, Москве, Ростове. Запомнилось посещение в дни научной конференции, проходившей в Саратове, квартиры Исаака Ефимовича, мои впечатления как молодого аспиранта (1978 г.) от личной библиотеки маститого ученого, теплая непринужденная домашняя обстановка.

Очень сложно и чрезвычайно ответственно давать оценки крупным ученым, в особенности с точки зрения того, что явилось главным, самым важным итогом их творчества. Многогранность научных интересов И.Е. Фарбера простиралась в различные сферы и направления юриспруденции. Ни в коей мере не умаляя его вклад в развитие теории и методологии права, правовой педагогики, других направлений юриспруденции, для меня особенно важно в научных трудах И.Е. Фарбера все то, что составляет своего рода *научно-теоретическую мозаику конституционализма*, причем не формально-юридического, а реального, «*живого*» отечественного⁴.

В конечном счете это означает не просто вклад в развитие теории конституции. Его подходами были заложены основы конституционализации отечественного государственного права и государственно-правовой науки. Обозначить основной вектор эволюционного развития советского государственного права как отрасли (и, соответственно, науки) конституционного права — пожалуй, то главное, что удалось сделать профессору И.Е. Фарберу как ученому-конституционалисту. Его конституционная (научно-доктринальная) мозаика охватывает практически все основополагающие компоненты конституционализма, которые характеризуют данное явление в единстве нормативно-правовых, социально-политических, экономических, мировоззренческих характеристик. Это находит свое подтверждение, прежде всего, в предложенном И.Е. Фарбером понимании природы следующих сущностных характеристик самой Конституции как нормативной основы системы конституционализма.

1. Конституция — нормативная основа конституционализма, свод ценностно-правовых характеристик фактически сложившихся отношений по поводу свободы, власти, собственности. Особое значение имеет вытекающий из трудов И.Е. Фарбера вывод о том, что социальная ценность Конституции определяется, прежде всего, тем, что она является основным нормативно-правовым средством обеспечения свободы, инструментом упорядочения взаимоотношений человека, общества и государства.

Само возникновение конституции как основного закона государства в историческом плане во многом было связано с необходимостью провозглашения и закрепления на высшем правовом уровне идеи индивидуальной свободы, равенства всех граждан перед законом и обеспечения на этой основе принципиально новых

взаимоотношений личности и государственной власти. Не случайно первыми документами конституционного характера, которые в последующем заложили краеугольные камни современного конституционализма, явились такие акты, как английский Билль о правах 1689 г., Декларация независимости США 1776 г. вместе с американской Конституцией 1787 г. и, конечно, Декларация прав человека и гражданина 1789 г.

Не случайно параллельно с разработкой фундаментальных проблем общей теории конституционного права (имеется в виду, прежде всего, указанная совместная работа с В.А. Ржевским) И.Е. Фарбер активно занимался проблемой свободы личности, прав человека и гражданина в их соотношении с политической властью и собственностью как властью экономической. Символично, что в том же 1967 г. в журнале «Правоведение» была опубликована статья И.Е. Фарбера «Права человека, гражданина и лица». С ее выходом, пожалуй, и начинается в нашей стране активное исследование прав человека и гражданина в качестве важнейшей проблемы отечественного (а не буржуазного, как до этого принято было считать) конституционализма. В дальнейшем эти идеи получили обоснование и развитие в специальной монографии ученого⁵.

Свобода, собственность, государственная власть — это органически взаимосвязанные явления: как свобода личности, положение человека в обществе определяют природу власти, определяют ее глубинные характеристики с точки зрения достигнутого уровня демократизма и гуманистических начал в механизме властвования, так и государственная власть в единстве с собственностью самым непосредственным образом влияет на положение личности, придает юридически обязательные качества фактическим отношениям власти-подчинения, свободы-ответственности в государственно-организованном обществе. Начала власти, собственности и свободы в их взаимодействии определяют, таким образом, саму суть конституционной ткани демократического общества, базирующегося на принципах современного конституционализма.

Однако такой подход к пониманию социальной роли, сущности конституции, основанный на ее характеристике как меры свободы, господствовал далеко не всегда.

2. Методология исследования конституции: от формально-юридического к социологическому подходу. Из истории известно, что первым в попытке познать природу конституции, проникнуть в ее сущностные начала явился *формально-юридический подход*, основанный на философии юридического позитивизма. Он был характерен для классического направления развития раннего буржуазного конституционализма — с момента его зарождения вплоть до второй половины XIX в.

Предложив методологию преодоления формально-юридического подхода к пониманию природы конституции, И.Е. Фарбер внес неопределимый вклад в утверждение научных основ конституционализма. Речь идет о разработке идей социальной природы конституции как выражения реальных общественных отношений, в т. ч. с использованием исторического наследия Ф. Лассалья, К. Маркса и др. В этом плане конституция по своей социальной сущности является выражением действительного соотношения сил в стране, несущих в себе определенные ценностные установки, выражающие ожидания, устремления и цели соответствующих социальных групп, а сами общественные отношения, заключающие в себе это соотношение сил, составляют фактическую конституцию.

Писаная же конституция как основной закон страны является юридической конституцией, которая призвана закреплять и отражать на правовом уровне конституцию фактическую⁶.

В наиболее полном виде соответствующие сущностные свойства конституции могут быть представлены в следующих ее триединых характеристиках: а) конституция как порождение и своего рода нормативно-правовой результат социальных противоречий современного общества; б) конституция — юридизированная форма отражения социальных противоречий, их зеркальное (адекватно-зеркальное или искаженное, в оптической системе «кривых зеркал») отражение; в) конституция — институциональная, нормативно-правовая основа разрешения противоречий современного общества.

В разграничении фактической и юридической конституций состоит основной смысл предложенного И.Е. Фарбером подхода к анализу природы этого сложного общественно-политического явления, а на этой основе — и понимания одного из наиболее дискуссионных на тот период вопросов о конституционной природе государственного права, его (конституционного права) предмете как ведущей отрасли правовой системы. Под редакцией именно профессора И.Е. Фарбера был подготовлен и издан один из первых отечественных учебников *советского конституционного (а не государственного) права*⁷. Данный подход позволил выявить глубинные конституционные истоки, коренящиеся в реальных общественных отношениях, выявить сферу (пределы) и закрепить на высшем правовом уровне систему важнейших общественных отношений в их ценностном измерении.

Социально-правовые ценности, отражающие глубинные, сущностные характеристики конституции, представляют собой сформированные на основе исторического развития обобщенные представления о наиболее рациональных формах и институтах демократической организации социальной жизни, об общественном благе, нуждающемся во всеобщем признании и защите. При этом важно учитывать, что новая система социально-правовых ценностей, характерная для Конституции 1993 г., как и сущностные характеристики последней, является результатом социального компромисса, итогом сложных противоречивых процессов согласования несовпадающих (а порой и противоположных) интересов различных социальных групп и слоев общества постсоциалистического периода развития. Именно в этом виде — как итог социального компромисса — данная система социальных ценностей составляет основополагающие характеристики не только нормативного содержания, но и глубинных, сущностных начал конституции как основного закона общества и государства.

Конституционализируясь, соответствующие социальные ценности упорядочиваются, встраиваются в определенную иерархическую систему многоуровневых связей и корреляций, основанную на объективно существующем в государственно-организованном обществе социальном порядке в его социокультурном контексте, поскольку правовой социальный порядок, будучи системой связей прав и обязанностей, свободы и ответственности, выступает одновременно и действительным масштабом социальных ценностей.

Это позволяет воспринимать саму конституцию как некий свод социально-правовых ценностей, который определяет общую стратегию официальной правовой идеологии, отражает на основе признания верховенства права и народного суверенитета основополагающие принципы институционализации государствен-

ной власти, непреложность основных прав и свобод человека и гражданина, их государственное гарантирование.

Соответственно и конституционное правосудие имеет высокий потенциал ценностного измерения не только проверяемых на соответствие конституции отдельных положений нормативных правовых актов, но и самих по себе общественных отношений, явлений реальной социальной действительности, что выражается в выявлении конституционного содержания сталкивающихся в рамках возникающих конституционных противоречий (конфликтов) социальных ценностей и поиске их надлежащего баланса. Это находит свое подтверждение и в конкретных решениях Конституционного Суда РФ. Получающие обоснование в решениях органов конституционного правосудия социально-правовые ценности становятся как бы продолжением аксиологических характеристик самой по себе конституции, отражением ее глубинных начал как свода получивших всеобщее признание социально-правовых ценностей демократии и свободы.

3. О конституционном мировоззрении как компоненте отечественного конституционализма. Ярким подтверждением того, что новаторские идеи И.Е. Фарбера, опередившие время, пронизывают всю систему отечественного конституционализма, является его авторская концепция конституционного мировоззрения, новые научные подходы к формированию общественного правосознания и конституционной культуры в обществе и государстве.

Истоки доктринального оформления соответствующих идей хронологически совпали, во-первых, с научным прорывом в исследовании проблем правосознания в единстве правовой идеологии и правовой психологии как структурных элементов не только собственно правосознания, но и правового мировоззрения, что впервые получило обоснование в трудах И.Е. Фарбера как теоретика права. Во-вторых, тот период совпал с погружением признанного специалиста в области общей теории права в конституционно-правовую проблематику, научно-теоретическим обоснованием основополагающих конституционных ценностей (прав человека и суверенитета государства, власти и собственности, политической и экономической демократии в их конституционном выражении и т. д.) и, соответственно, становлением саратовской школы конституционного права во главе с профессором И.Е. Фарбером⁸.

Конечно, сама по себе проблема конституционного мировоззрения может рассматриваться с различных позиций. В данном случае важно подчеркнуть, что речь не идет о некоем конкретном наборе догматических положений, содержащихся в работах И.Е. Фарбера, которые могли бы быть представлены в качестве научно-теоретических истоков конституционного мировоззрения. Все работы И.Е. Фарбера в области конституционного права — это, во-первых, результат нового научно-методологического подхода к исследованию как самой конституции в единстве ее фактических и формально-юридических характеристик, так и к исследованию конституционных проблем власти, суверенитета, свободы личности в обществе и государстве; во-вторых, сами по себе научные идеи, выдвинутые в трудах И.Е. Фарбера, в буквальном, материализованном выражении представляют собой научно-теоретические истоки нового для того времени конституционного мировоззрения.

Для уяснения этих вопросов важно учитывать, что конституционное мировоззрение представляет собой сложное явление социальной действительности,

отражающее не только правовые, но и политико-идеологические, эмоционально-волевые, психологические, национально-культурные начала, действие которых, с одной стороны, непосредственно проявляется в общественных отношениях, составляющих предмет конституционного права, а с другой, предопределяется общественной практикой, которая по существу и выступает основой появления, развития, столкновения и преобразования социальных ценностей, воплощающих в себе основные характеристики конституционного мировоззрения и имеющих тенденцию к нормативному формализованному выражению. В концептуальном, теоретически обобщенном виде подходы к научному пониманию конституционного мировоззрения были предложены уже в одном из первых монографических исследований И.Е. Фарбера⁹, в котором были рассмотрены вопросы о сущности правосознания, о взаимоотношениях данной формы отражения объективной реальности с общественными отношениями и юридической надстройкой, выявлена структура правосознания, отражающая единство правовой психологии и правовой идеологии, и т. д.

В этой связи вполне логичным может выглядеть понимание и самой Конституции не только в качестве Основного Закона государства, но и как нормативной основы, политико-правового ядра высшей формы правового сознания, имея при этом в виду понимание самой конституции не только в ее формально-юридическом, но и в мировоззренческом, политико-идеологическом выражении. Учитывая это, можно выделить основные формы воздействия Конституции на мировоззрение человека, представляющие собой механизм формирования конституционного правосознания личности: *ценностно-идеологическое, информационное, эмоционально-психологическое, нормативное воздействие*. В процессе формирования конституционного мировоззрения необходимо сочетание всех этих форм влияния Конституции на сознание человека, что обеспечивает в конечном счете всеобщность мировоззренческих конституционных установок и идеологических положений в общественном сознании.

Во всех этих подходах к проблемам формирования конституционного мировоззрения и развития отечественного конституционализма явственно просматриваются выдвинутые несколько десятилетий назад и шагнувшие в новое столетие идеи выдающегося отечественного конституционалиста профессора Исаака Ефимовича Фарбера.

¹ См.: Бондарь Н.С. Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения (в контексте творческого наследия профессора И.Е. Фарбера) // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 47–58.

² Достойным преемником, продолжателем дела И.Е. Фарбера как руководителя Саратовской школы конституционного права стал в последующем один из его ярких учеников профессор В.Т. Кабышев. Трудно переоценить его роль в увековечении памяти своего Учителя, в популяризации его научных идей среди новых поколений молодых ученых, студентов юридических вузов. См., например: Кабышев В.Т. Саратовская научная школа конституционного права // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 6–30. Подтверждением этого является и настоящее издание, посвященное 100-летию юбилею И.Е. Фарбера.

³ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967.

⁴ Осмелюсь сослаться на работу, в которой на основе фарберовских идей фактической конституции, особенностей предмета и объектов конституционно-правового регулирования (в единстве свободы, власти, собственности) обосновывается концепция «живого» (судебного) конституционализма. См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.

⁵ См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974.

⁶ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Указ. соч.

⁷ См.: Советское конституционное право / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979.

⁸ См.: Саратовская научная школа конституционного права. Вып. 2 / сост. В.Т. Кабышев. М., 2006.

⁹ См.: Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. Саратов, 1963.

В.О. Мушинский**СТАРШИЙ ТОВАРИЩ**

В статье раскрывается роль профессора И.Е. Фарбера в научной судьбе автора.

Ключевые слова: профессор И.Е. Фарбер, диктатура пролетариата, правовые чувства.

V.O. Mushinsky**SENIOR COMPANION**

The article describes the role of Professor I.E. Farber, he has played in the fate of the author's research.

Keywords: Professor I.E. Farber, the dictatorship of the proletariat, the legal sense.

С Исааком Ефимовичем Фарбером я познакомился в 1958 г. на научном собрании, где в ходе полемики по принципиальному вопросу из теории государства мы оказались по «одну сторону баррикады». После первой встречи мы неоднократно дискутировали по интересующим нас темам и всегда отстаивали одну позицию. Это сыграло решающую роль в том, что Исаак Ефимович рекомендовал меня на работу в Высшую партийную школу на свое место, а затем пригласил вести семинар на I курсе по теории государства и права по его кафедре.

В это время я написал статью о диктатуре пролетариата, точнее об исчерпании ее функций. Разумеется, не мне принадлежит эта идея, прозрачный намек на нее содержался в одном из учебников марксизма-ленинизма. Естественно, я показал статью Фарберу. «Это интересно, — сказал он, прочитав статью, — но не советую тебе пока посылать ее куда бы то ни было». Он был прав — всему свое время. «Но если ты серьезно интересуешься этой темой, прочти речи и статьи Тольятти» и он дал мне из своей библиотеки сборник трудов лидера итальянской компартии. Читая Тольятти, я узнал о роли Грамши в мировом рабочем движении. И снова Исаак Ефимович пришел мне на помощь, предложив к чтению трехтомник трудов основателя ИКП. Результатом моей 30-летней научной работы стали монографии о Грамши и об опыте политической борьбы и идеологии левых партий Западной Европы во второй половине прошлого века. К сожалению, обе они вышли в свет после смерти Исаака Ефимовича.

Мы беседовали на самые разные темы и однажды он рассказал о случае, имевшем место во время его работы следователем прокуратуры в Хабаровске. Это было в конце 1938 г. или начале 1939 г. Исаак Ефимович был включен в состав комиссии по проверке обоснованности содержания заключенных в местной тюрьме. Проверка выявила многократные случаи произвола: на нескольких заключенных даже не было санкций на арест, не были заведены дела. Они просто исчезли в каземате. С каким негодованием Исаак Ефимович об этом рассказывал! Помню его возмущение выступлением одного московского высокопоставленного гостя, отрицавшего презумпцию невиновности. К чему я пишу об этом? К тому, что сформулированное И.Е. Фарбером понятие «правовые чувства» почерпнуто им из опыта собственной жизни. А его книга о правосознании стала важной вехой в изучении личности как субъекта права.

© Мушинский Виктор Оскарович, 2013

Доктор юридических наук, профессор (г. Москва). Автор настоящей статьи в 1957–1992 гг. работал в Саратовском экономическом институте, читал курс советского права.

Авангардная позиция, которую занимал И.Е. Фарбер в науке, в полной мере проявилась в реформе кафедры. Дело ведь не только в переименовании кафедры с государственного на конституционное право, речь шла об изменении идеологии научных исследований и преподавания отрасли права, где в центр внимания ставится Основной Закон. Помню, с каким одобрением Исаак Ефимович рассказывал мне о случае прямого применения одним из судов конституционной нормы о бесплатном образовании.

Исаак Ефимович сыграл большую роль в подготовке моей докторской диссертации. Прочитав первые наброски работы, он помог мне определиться с темой методологического характера: о системе категорий теории государства, затем договорился о моей защите с тогдашним директором Всесоюзного института юридических наук И.С. Самощенко.

Светлый образ Исаака Ефимовича навсегда останется в моей памяти.

В.И. Фадеев

И.Е. ФАРБЕР О ПРЕДМЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

В статье рассматривается концепция предмета конституционного права, получившая обоснование в научных трудах И.Е. Фарбера. В ее основе — представление о фактических конституционных отношениях по поводу власти, суверенитета и свободы личности.

Ключевые слова: И.Е. Фарбер, конституция, предмет конституционного права, конституционные отношения, власть, суверенитет, свобода личности.

V.I. Fadeev

I.E. FARBER ABOUT THE OBJECT OF CONSTITUTIONAL LAW

The conception of object of constitutional law, which was proved in the scientific works of I.E. Farber, is considered in the article. In the basis of article is the idea about actual constitutional relations, which are connected with the power, sovereignty and individual liberty.

Keywords: I.E. Farber, constitution, the object of constitutional law, constitutional relations, power, sovereignty, individual liberty.

История науки — это не только история возникновения и развития научных взглядов, идей и теорий. Это и история жизни и творчества ученых, которые, обгоняя свое время, их формировали, обосновывали и отстаивали в жарких дискуссиях и спорах. Идеи и взгляды этих ученых наложили характерный отпечаток на их личности. Читая сегодня труды, написанные ими, слышишь их голоса, улавливаешь интонации, ощущаешь силу и мощь их интеллекта. При этом, учитывая, что «большое видится на расстоянии», сегодня можно выделить и сильные, и слабые стороны их научного творчества, которое, однако, несмотря на изменившийся политико-правовой и государственный уклад нашей жизни, несет в себе зарождающееся, «схваченное в становлении совершенство».

© Фадеев Владимир Иванович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина).

Без научного фундамента, который закладывался учеными советского периода (не умаляя при этом достижений дореволюционных российских авторов), невозможно понять и оценить современный уровень развития науки конституционного (государственного) права.

И.Е. Фарбер последовательно отстаивал и проводил во всех своих трудах идею конституционализации государственной жизни, которую он сформулировал в 60-е гг. прошлого века следующим образом: «Социалистическое народовластие необходимо требует особых юридических правил конституционного характера, которые обладали бы программными, учредительными и нормативными свойствами и которые способны превращать фактические отношения в государственно-правовые отношения. Такими правилами являются нормы конституционного права, при помощи которых учреждается система государственных органов, избирается оптимальный вариант разделения государственного труда по руководству обществом, закрепляются наилучшие формы привлечения трудящихся к делу осуществления власти, следовательно, к законодательству, управлению, правосудию, контролю за работой государственного аппарата. Только конституционное право способно размежевать компетенцию государственных органов»¹.

И.Е. Фарбер исходил из признания прямого действия Конституции, указывая, что Конституция — это не только политический акт большого значения, но и высший юридический закон, формулы которого действуют не только как общие принципы, они имеют прямое, непосредственное применение. Поэтому каждая государственная или общественная организация, каждый гражданин, подчеркивал он, опираясь на нормы конституции, «может требовать защиты своих прав от судебных, административных или прокурорских органов, а последние в решении многих вопросов руководствуются, прежде всего, конституционными нормами, их высшей юридической силой и авторитетом»². Рассматривая в качестве предмета государственного (конституционного) права фактические, объективно существующие конституционные отношения, которые должны определять содержание юридической конституции, И.Е. Фарбер использует понятие «конституционный строй», отмечая, что «в своей совокупности они (конституционные отношения. — В.Ф.) образуют конституционный строй как основу общественно-политического или государственного строя». Специфика государственно-правового регулирования, по его мнению, состоит, прежде всего, в конституционном характере воздействия норм права на общественные отношения и поведение их участников. Конституционное регулирование есть политико-правовое регулирование, оно больше, чем другие виды юридической регламентации, насыщено политическим содержанием, ибо в конституционных отношениях практически решаются вопросы социалистического народовластия, его организации и функционирования³. Вместе с тем в конституционных отношениях, указывал он, складывается не только фактическая власть социальных групп, но и мера их социальной свободы и свободы личности⁴.

Как справедливо отметил Б.С. Эбзеев, в этом подходе к предмету конституционного регулирования, «пусть имплицитно, но уже содержалось отрицание гипертрофированных представлений о соотношении коллективного (государственного) и индивидуального (личность) начал в организации социума, а в конституционно-правовой науке утверждалась идея взаимной ответственности человека и общества»⁵.

Конституционное развитие государства и общества, по мнению И.Е. Фарбера, ставит перед наукой государственного (конституционного) права проблему разработки теоретических конструкций, которые бы находили свое воплощение в конституционном законодательстве. Задача — чрезвычайно актуальная и сегодня. И.Е. Фарбер обращается к наиболее дискуссионным проблемам, которые охватываются предметом государственного (конституционного) права: народному суверенитету, социалистическому народовластию, правам человека и др. Суверенитет, власть и личность, указывал ученый — вот три главных вопроса науки государственного (конституционного) права, которые являются предметом изучения других наук. Специфика государственного (конституционного) права состоит в том, что в нем эти вопросы анализируются с точки зрения конституционного механизма регулирования⁶. Решение этих проблем он связывал с конституционным строительством, утверждением конституционной законности⁷.

Проблема суверенитета, подчеркивал И.Е. Фарбер, неразрывно связана с государственной властью, с конституционным строительством. В теоретических исследованиях, посвященных проблемам суверенитета, рассматривались вопросы практики государственного строительства, формулировались главные принципы конституционной формы правления. При этом он различал понятия: «власть народа», «суверенитет народа», «демократия». Власть народа и суверенитет народа как научные категории, отмечал ученый, едины, неразрывно связаны, но между ними нет полного совпадения, тождества: суверенитет есть принцип организации властвования народом, есть ведущий, главный принцип советского государственного права, определяющий все его нормы и институты. Практическое действие этого политико-правового принципа организации властвования народом протекает, прежде всего, в политических отношениях общества, в конституционных отношениях между народом и государством. Суверенитет, как и власть, осуществляется в общественных отношениях, но сами они — власть и суверенитет — не являются общественными отношениями, а есть свойства субъекта и носителя суверенитета. Единственным субъектом народного суверенитета, подчеркивал И.Е. Фарбер, является сам народ, который никому не передает своего верховенства, т. е. свой суверенитет. Он передает свою власть, точнее право на осуществление власти⁸. Понятие «демократия» более широкое понятие, чем «народный суверенитет». Если последний приложим только к конституционным началам организации политической власти, то демократия различается как политическая, так и экономическая, как одна из форм государства, так и форма организации негосударственных организаций. Наконец, под демократией понимают общественно-политическое движение с соответствующим мировоззрением. Можно сказать, указывал ученый, что народный суверенитет есть один из принципов демократии, но в последней есть немало других принципов, с которыми соподчиняется, согласуется принцип народного суверенитета⁹. Этот вывод очень важен для понимания механизма реализации принципа народного суверенитета в современном демократическом государстве.

И.Е. Фарбер разделял взгляды тех авторов, которые полагали, что «марксизм отнюдь не считает ложным все проблемы, поднятые доктриной естественного права» (В.А. Туманов), что все без исключения права человека должны рассматриваться как вытекающие «из достоинства человеческой личности» (И. Сабо) и указывал на необходимость решения вопросов, вызывавших ожесточенные споры в науке советского государственного (конституционного) права: устра-

нение терминологической неопределенности и введение в четкие логические рамки понятий «права человека», «права гражданина», «права лица». При этом И.Е. Фарбер предлагал пути решения этих вопросов, отмечая, что, во-первых, необходимо понять, почему более 300 лет у людей разных классов и наций понятие «права человека» стойко держится в правосознании. Видимо, в самом бытии человека, писал он, в «его сущности, в окружающих его общественных отношениях есть нечто такое, что постоянно питает жизненными соками идею прав человека. Во-вторых, по мнению ученого, следует использовать все истинное, все демократическое, что было сформулировано естественной школой права. И, в-третьих, необходимо такое определение прав человека, чтобы оно могло удовлетворить не только юридическое и политическое сознание, вписывалось не только в теорию конституционного права, но и в теорию международного права, и не понималось в каждой области по-своему¹⁰. Тем самым он предвосхищал современную трактовку природы прав человека, которая нашла свое отражение в Конституции РФ 1993 г.

Исаак Ефимович Фарбер в науке советского государственного (конституционного) права был генератором конституционно-правовых идей, которые стали научным фундаментом, объединяющим центром для формирования Саратовской школы конституционного права. Он умел формулировать эти идеи, открывая перед исследователем новые горизонты, исходил из того, что нельзя сводить науку только к комментированию действующего законодательства. Главную задачу науки И.Е. Фарбер видел в познании сущности явлений, формулировке принципов законодательства и его применения, разработке научных понятий, теоретических конструкций на базе изучения действующего законодательства¹¹. Этот вывод ученый распространял и на процесс обучения студентов, преподавания государственного (конституционного) права. «Перед преподавателем вуза, — писал он, — стоят ныне сложные задачи: научить студента самому постоянно приобретать новые знания. Поэтому необходимо в учебный процесс внедрять элементы исследования, творческого поиска научных истин. Для этого следует сочетать информационный метод обучения с методом проблемным, который рассчитан на самостоятельную учебу студента, на приобретение навыков самообразования»¹². Он полагал также, что учебный курс конституционного права должен быть разделен на Общую и Особенную части. Эту идею пытаются реализовать некоторые современные ученые. Создание Общей части, по мнению И.Е. Фарбера, потребует усиления теоретических аспектов и более тщательного изучения в Особенной части нормативного материала. В курсе лекций, написанном им в 1979 г. совместно с его учениками В.Т. Кабышевым и О.О. Мироновым, задача сформулирована следующим образом: «Главное при изложении предмета науки переносится на доказательство истин, а не их декларирование, описание»¹³. Этот подход к преподаванию конституционного права еще раз подтверждает вывод о том, что новое — это хорошо забытое старое. Он, по сути, преследует те же цели, что внедряемый сегодня (как новое слово в преподавании) компетентностный подход к преподаванию, ориентированный на формирование у студентов навыков самостоятельной работы, способности применять свои знания на практике. И.Е. Фарбер относился к сторонникам переименования государственного права в конституционное право, однако у него был собственный взгляд на эту проблему. Он исходил из признания конституционного характера государственного права, но полагал, что вопрос о переименовании не заслуживал такого большого

внимания, которое ему уделялось в те годы. Во многом этот спор, по мнению ученого, имел терминологическое значение. Вместе с тем он считал, что «конституционное право» — более удачное наименование, «ибо подчеркивает, что эта наука прежде всего и главным образом изучает конституционные проблемы, советское конституционное строительство, конституционный механизм правового регулирования общественных отношений»¹⁴.

Предмет государственного (конституционного) права, говоря словами И.Е. Фарбера, и сегодня, как и в 60–70-е гг. прошлого века, остается во многом неуловимым для исследователей¹⁵. К сожалению, некоторые современные авторы, излагая позицию И.Е. Фарбера по данному вопросу, искажают ее, выхватывая из контекста отдельные формулировки. Так, М.П. Авдеенкова и Ю.А. Дмитриев утверждают, что группа ученых Саратовской школы, возглавляемой И.Е. Фарбером, обозначив предметы большинства существующих отраслей права, выступила в свое время с дерзким предложением: «лучше исследовать главные вопросы науки, чем сочинять абстрактную формулу предмета регулирования». То есть, делают вывод М.П. Авдеенкова и Ю.А. Дмитриев, сторонники данной позиции исходили из невозможности определения конкретного предмета государственного права¹⁶. Однако это не соответствует действительной позиции И.Е. Фарбера, который такую задачу ставил перед собой, ибо придавал исключительно важное значение научной формуле предмета регулирования. «Для советского законодателя научная формула предмета правового регулирования, — подчеркивал он, — дает объективный критерий принятия закона, рассчитанный на определенные отношения»¹⁷. Поэтому И.Е. Фарбер критически относился к предлагаемому В.Ф. Котоком определению предмета конституционного права, согласно которому его нормы регулируют «развивающиеся общественные отношения, которые определяют основные черты социально-экономической системы и политической организации социалистического общества», именно потому, что это определение предполагает слишком широкое толкование предмета регулирования, такое широкое, при котором «государственное право не имеет, по существу, своего специфического предмета регулирования». Кроме того, отмечал И.Е. Фарбер, эта формула весьма неопределенна: никто не сумеет доказать, где кончаются основные черты данных общественных отношений и где начинаются неосновные черты. А ведь познание предмета регулирования должно дать материальный критерий отнесения тех или иных юридических норм к конституционному праву¹⁸.

Выраженная в трудах В.Ф. Котока тенденция к расширению предмета конституционного права, попытка отнести к нему основные черты всех общественных отношений, регулируемых советским правом, а само конституционное право рассматривать как ядро любой другой отрасли права, подчеркивал И.Е. Фарбер, встретили решительные возражения, наиболее четко сформулированные А.И. Лепешкиным, который в свою очередь стремился максимально сузить круг общественных отношений, регулируемых государственным правом. А.И. Лепешкин предпринял попытку исключить из государственного (конституционного) права нормы, которые прямо, непосредственно не связаны с политическими формами властвования народа и наций, т. е. конституционные нормы об экономической основе государства, о планировании, о социально-экономических правах граждан и многие другие, поскольку они не относятся к деятельности Советов, а служат исходными положениями для всех отраслей советского пра-

ва¹⁹. Отмечая сильную сторону анализа предмета регулирования государственного права, который давал А.И. Лепешкин (указание на политические формы осуществления власти в государстве), И.Е. Фарбер не мог согласиться с общим его выводом. Он писал: «Нельзя кромсасть единый законодательный акт — Конституцию, рвать его на части только потому, чтобы оправдать свое понимание предмета регулирования»²⁰.

Он выступал против высказанного в литературе мнения, что следует проводить различие между конституционным и государственно-правовым регулированием, что следует из государственного права выделить конституционное право с учетом того, что конституционное регулирование отличается от государственно-правового, как общее и стратегическое от частного и тактического²¹. И.Е. Фарбер не соглашался с таким аргументом, отмечая, что государственное право как ведущая, основополагающая отрасль в силу своего конституционного характера определяет стратегию правового регулирования, что между нормами конституционного (государственного) права существуют определенные различия, специализация, своеобразное «разделение труда» по правовому регулированию. Одни нормы формулируют общие принципы регулирования, другие более конкретно определяют правосубъектность участников общественных отношений, третьи — формулируют права и обязанности и т. п. Конституционное регулирование вносит определенное единство в нормы всех отраслей права. В этом состоит комплексный характер конституционного регулирования. Специфика конституционного регулирования придает нормам государственного права особые свойства, почти неизвестные нормам других отраслей права, к которым относятся: а) закрепительный характер, б) учредительный характер, в) программный характер норм конституционного права²². Это сближало его позицию со взглядами ученых, писавших о двуедином предмете государственного права (С.С. Кравчук, Я.Н. Уманский и др.).

И.Е. Фарбер, анализируя основные подходы к определению предмета государственного (конституционного) права, констатировал, что научная дискуссия пока не привела к единодушному мнению и обнаружению подлинного предмета регулирования норм государственного (конституционного) права. Он видел причину этого, в частности, в том, что недостаточно ясно, как искать неуловимый для теоретической мысли предмет регулирования конституционного права. По его мнению, вопрос о создании метода поиска предмета правового регулирования длительное время даже не ставился: ориентиром служила сама конституция. При таком весьма несовершенном, по словам И.Е. Фарбера, методе рассуждений «от нормы к отношениям» можно оправдать любую конституцию любого государства, любые конституционные нормы, а для практики законодательных учреждений такой «метод» бесполезен, ибо здесь теория плетется за практикой, вместо того, чтобы служить ей маяком. И.Е. Фарбер предлагал иной путь: не статьи конституции должны стать меркой общественных отношений, а сами общественные отношения, их объективное содержание — меркой для конституционного учреждения юридических норм²³.

Предмет конституционного права образуют, по мнению И.Е. Фарбера, сложное, порой неповторимое пересечение различных общественных отношений. И этот вывод ученого следует учитывать современным исследователям, пытающимся предложить свою концепцию предмета конституционного права и не стремящихся разделить единую отрасль — конституционное право — на

несколько отраслей, в частности на конституционное право и государственное право²⁴.

Обосновывая свой вывод о том, что предметом конституционного права являются фактические конституционные отношения по поводу власти, суверенитета и свободы личности, И.Е. Фарбер, указывал, что исходным началом определения специфики этих отношений служит их характеристика как политических отношений. При этом правовому регулированию подвергаются не все стороны политических отношений, а какая-то особая сторона. Это, прежде всего, отношения между народом и органами государства по поводу осуществления политической власти. Иные отношения затрагиваются лишь в той мере, в какой экономические и духовные потребности общества выступают как объекты политического регулирования²⁵. Чтобы подчеркнуть специфику предмета государственного (конституционного) права, отделить искомые общественные отношения от других видов правового регулирования и, насколько возможно, подчеркнуть ту сторону политических отношений, которая регулируется нормами государственного права, еще в 1967 г.²⁶ эти отношения, указывал И.Е. Фарбер, были названы конституционными общественными отношениями²⁷. Конституционные отношения — предмет правового регулирования для государственного (конституционного) права — истолковывались И.Е. Фарбером иначе, чем это было принято в литературе. Он исходил при их характеристике из различия фактической и юридической конституций. На это указывал В.И. Ленин. Фактическая конституция — это объективные политические отношения, соотношение социальных, классовых сил в обществе, а юридическая конституция — это Основной Закон государства. Конституционные отношения, делал вывод И.Е. Фарбер, есть объективные, фактические отношения политического характера. Их объектами является народный суверенитет, социалистическое народовластие и свобода личности, а субъектами выступают классы, народ, нации, трудовые коллективы, партия, государство и его органы, прежде всего, Советы народных депутатов. Конституционные отношения — это стабильные, прочные отношения. Они более устойчивы, чем имущественные, трудовые, управленческие и другие отношения. В конституционных отношениях народ, прежде всего, организует функционирование государственной власти. В связи с этим И.Е. Фарбер подчеркивал, что «для науки конституционного права главным объектом изучения является государственная власть, ее сущность, организация, структура, компетенция, элементы»²⁸. Но он не сводил при этом предмет конституционного права к властеотношениям.

Неточность в оценке взглядов И.Е. Фарбера на возможность определения конкретного предмета конституционного права, данной М.П. Авдеенковой и Ю.А. Дмитриевым, заключается в том, что они не учли, что в процессе становления, разработки той или иной теории в рамках науки конституционного права, как указывал И.Е. Фарбер, важное место занимают научные гипотезы, которые имеются и относительно содержания предмета государственного (конституционного) права. «Одни полагают, — пишет он, — что к предмету регулирования норм советского государственного права относятся только «властеотношения», другие относят основы всех общественных отношений; по третьей гипотезе предметом регулирования являются конституционные отношения»²⁹. Чтобы научная гипотеза стала концепцией или теорией, она нуждается в проверке — эмпирической, теоретической. Это естественный

путь развития научных знаний, включает И.Е. Фарбер. Вместе с тем, по его мнению, ни одна из научных гипотез предмета конституционного права не получила пока общего признания в науке.

Использование для определения специфики предмета конституционного права понятия «конституционные отношения, возникающие по поводу суверенитета, власти и свободы личности» внесло новую струю в дискуссию по данному вопросу, добавив еще одну гипотезу предмета ведущей отрасли права. Этот подход обогатил наши представления о сущности общественных отношений, регулируемых нормами конституционного права, их соотношении с иными отношениями — предметом регулирования других отраслей права. Кроме того, он подталкивает нас к выводу, который делал в свое время И.Е. Фарбер: если убрать абстрактные формулы, все позиции по данному вопросу сходны, в них больше общих моментов, чем это кажется на первый взгляд. Никто не отрицает, что суверенитет народа и наций, государственная власть и формы ее осуществления, основные права и свободы граждан относятся к предмету государственного (конституционного) права. «Следовательно, — заключал он, — нужно при дальнейших поисках конструкции предмета использовать все верные положения — а их немало — в каждой научной позиции»³⁰. Из этого следует исходить и современным исследователям, ставящим перед собой задачу обосновать концепцию предмета конституционного права.

¹ Фарбер И.Е. Конституционные отношения как предмет регулирования советского государственного права // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1963–1964 годы. Саратов, 1965. С. 65.

² Фарбер И.Е. Конституционное регулирование собственности в советском обществе // Проблемы конституционного права / отв. ред. И.Е. Фарбер. Саратов, 1969. С. 4.

³ См.: Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 34.

⁴ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. Вып. 1. С. 21.

⁵ Эбзеев Б.С. Большой ученый, талантливый педагог, масштабная личность // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 18.

⁶ См.: Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. С. 12.

⁷ См.: Фарбер И.Е. Конституционное регулирование в советском обществе // Проблемы конституционного права. Саратов, 1974. Вып. 1 (2). С. 4.

⁸ См.: Фарбер И.Е. Народный суверенитет в Советском государстве // 50 лет Советского союзного государства. Саратов, 1973. С. 41–51.

⁹ См.: Фарбер И.Е. Социализм и народный суверенитет // Вопросы Советского государства и права в свете решений XXIV съезда КПСС: межвузовский тематический сборник. Иркутск, 1972. Вып. 1–2. С. 19–20.

¹⁰ См.: Фарбер И.Е. О развитии конституционной теории прав человека // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. Вопросы теории государства и права, государственного и административного права. Саратов, 1980. С. 175–176, 179–180.

¹¹ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Указ. соч. С. 6.

¹² Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. С. 4.

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Следует согласиться с выводом В.Т. Кабышева, который считает, что «существенного прорыва в исследовании предмета не произошло» (см.: Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Ч. 1 // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2004. С. 15). Более того, к этому можно добавить слова В.Ф. Котока, который еще в 1959 г. отметил, что «вместо раскрытия сущности предмета — особенностей общественных отношений, закрепляемых государственным правом, — авторы ряда работ ограничиваются простым описанием этого предмета». Это характерно для многих современных авторов, стремящихся очертить круг общественных отношений, составляющих предмет конституционного права. Некоторые из них пытаются «вдохнуть новую жизнь» в теоретические концепции (конструкции), которые были разработаны в советский период, не учитывая при этом ту критику, которой эти конструкции подвергались в свое время, в т. ч. со стороны И.Е. Фарбера.

¹⁶ См.: Конституционное право в Российской Федерации: курс лекций: в 9 т. Т. 1: Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Основы теории конституционного права. М., 2005. С. 21.

¹⁷ Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. С. 40.

¹⁸ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Указ. соч. С. 14.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ Фарбер И.Е. Конституционные отношения и их регулирование. Кишинев, 1965. С. 87.

²¹ Так, А.И. Ким полагал, что следовало бы конструировать «конституционное право, как научную дисциплину, имеющую сугубо служебное значение». А.И. Лепешкин также считал «в принципе ... возможным и допустимым конструирование конституционного права не как отрасли права, а как комплексной учебной дисциплины». Некоторые современные авторы идут дальше и предлагают различать отрасли права: конституционное право и государственное право, не учитывая, в частности, позиции и аргументы И.Е. Фарбера по данной проблеме.

²² См.: Фарбер И.Е. Конституционное регулирование в советском обществе // Проблемы конституционного права: межвузовский научный сборник. Саратов, 1974. Вып. 1 (2). С. 5–6.

²³ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Указ. соч. С. 14–16.

²⁴ См., например: Конституционное право Российской Федерации: учебник / под общ. ред. Н.В. Витрука. М., 2010. С. 29. Представляется, что специфическое содержание и круг тех общественных отношений, которые составляют предмет конституционного (государственного) права, порождают особые функции данной ведущей отрасли права. Их реализация возможна только в рамках единого предмета этой уникальной отрасли права — государственного (конституционного) права. Подробнее об этом см.: Фадеев В.И. Предмет конституционного (государственного) права России: история и современность (статья первая) // Актуальные проблемы конституционного и муниципального права: сборник статей, посвященных 75-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина / отв. ред. В.И. Фадеев. М., 2012. С. 6–29.

²⁵ Этот вывод И.Е. Фарбер проиллюстрировал на примере конституционного регулирования собственности. См.: Фарбер И.Е. Конституционное регулирование собственности в советском обществе // Проблемы конституционного права / отв. ред. И.Е. Фарбер. Саратов, 1969. С. 3–17.

²⁶ Имеется в виду книга И.Е. Фарбера и В.А. Ржевского «Вопросы теории советского конституционного права» (выпуск первый), изданная в 1967 г. В ней были сформулированы пять основных признаков конституционных отношений, которые характеризуют состав субъектов этих отношений, их объекта и др.

²⁷ См.: Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. С. 31–32.

²⁸ Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Указ. соч. С. 80. И.Е. Фарбер следует в этом отношении традиции, которая зародилась еще в дореволюционной науке государственного права России. Так, Н.М. Коркунов полагал, что наука государственного права может быть определена как учение о юридическом отношении государственного властвования. Такая трактовка особенностей предмета государственного права была воспринята в советской литературе по государственному праву многими авторами. Г.С. Гурвич в 1930 г. писал: «Народ, от которого, как провозгласила революция, исходит государственная власть, самая эта власть, ее акты и институты, лица и учреждения, ею облеченные, все приобрело правовое истолкование и стало областью государственного права». В 1947 г. А.И. Денисов дал следующее определение предмета государственного права: «Предметом государственного права является публичная власть во всех ее существенных проявлениях и формах, ее социально-экономическая основа, ее источник, правовые формы и органы» (цит. по: Фадеев В.И. Указ. соч. С. 20).

²⁹ См., например: Фарбер И.Е. Конституционные отношения и их регулирование в советском обществе // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев, 1965. С. 152.

³⁰ Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. С. 87.

В.В. Лазарев

ОБ ЭКЗИСТЕНЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ*

В статье предпринята попытка рассмотреть внутренние и внешние факторы развития отечественной юридической науки, позволяющие характеризовать ее онтологию и гносеологию через призму предъявленных ей вызовов, через призму переживания этих вызовов.

Ключевые слова: наука, вызовы, методология, рефлексия, состояние науки, перспективы науки.

© Лазарев Валерий Васильевич, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина).

* В статье использованы следующие работы И.Е. Фарбера: О сущности права: учебное пособие / под ред. Н.Б. Зейдера. Саратов, 1959; Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.

V.V. Lazarev

ON THE EXISTENCE OF DOMESTIC LEGAL SCIENCE

The article attempts to examine the internal and external factors influencing the domestic legal science development and characterizing its ontology and epistemology through the challenges and through surviving the challenges

Keywords: science, challenges, methodology, reflection, state of science, perspectives of science.

В современной философии категория «экзистенциализм» означает человеческое существование в его глубинной онтологической специфичности, когда противопоставляется способ человеческого бытия бытию вещи, бытию других живых существ. Однако этимология понятия «экзистенция» (существование, от лат. *exsistentia*, от глагола *ex-sisto*, *ex-sistere* — выступать, выходить, обнаруживать себя, существовать, возникать, показываться, становиться, делаться — философская категория, используемая для обозначения конкретного бытия¹) позволяет, на наш взгляд, более широкое его использование. С некоторой условностью содержание понятия «экзистенция» можно перенести на современную юридическую науку. Это позволяет видеть, как «обнаруживает себя», как возникла, как формировалась отечественная юриспруденция, в каких формах и в каком качестве существует, какие вызовы (угрозы) на себе испытывала и как она отвечает на эти вызовы. Разумеется, всего этого невозможно охватить в рамках одной статьи. Поэтому остановимся лишь на некоторых аспектах обозначенной проблемы.

Чтобы проникнуть в экзистенцию отечественной юридической науки, следует взглянуть на нее со стороны и изнутри. Каждая наука время от времени пытается осмыслить себя, выznать свою «родословную», осветить свой путь, определить перспективы². Юридическая наука не исключение. Она, выражаясь доктринальным языком, призывает к пониманию своей онтологии и выработке собственной гносеологии. Как теоретик мне импонирует постановка вопроса о саморефлексии теории государства и права³, но эта наука именуется «общей теорией» и, следовательно, может взять на себя миссию глобальной рефлексии, рефлексии юридической науки в целом. Это тем более будет оправдано, т. к. предмет теории государства и права и язык ее — суть предмет и язык всей юриспруденции⁴, всего того, что составляет *Jus* в совокупности метатеории и реальной практики⁵.

Представляется целесообразным рассматривать все многообразие внутренних и внешних факторов, обуславливающих развитие науки и позволяющих характеризовать ее метафизику через понятие «вызовы».

Вызовы (*implicite*) заключают в себе требовательное начало. На вызов надо отвечать. Вызовы предполагают незамедлительную рефлексию, определение тактики и стратегии поведения. В науке они требуют адекватных идей, новых подходов и доктрин. При этом мы бы не сводили современные вызовы к угрозам. Некоторые из них стары, как мир⁶, на некоторые человечество веками ищет ответы и, увы, не находит до сих пор.

Все вызовы, имеющие отношение к юридической науке, можно разделять на природные и социальные. Те и другие подлежат дальнейшей классификации, необходимой, в частности, для определения ответов на них и для реализации

прогностической функции науки. Важно отметить, что все вызовы юридической науке предопределены загрязнением природной среды в прямом смысле этого слова и «загрязнением» социальной среды — в переносном. Причем процессы «загрязнения» переплетаются и часто взаимно обуславливают друг друга.

Если отвлечься от теологической рефлексии, вряд ли можно оспорить объективность природных онтологий. В той же степени объективны и социальные процессы, если они с необходимостью предопределяются природными. Однако роль социальных факторов, даже роль отдельной личности, столь существенны и столь субъективны, что юридической науке приходится изыскивать средства, во-первых, для поощрения деятельности социума в соответствии с природной закономерностью; во-вторых, для предотвращения и пресечения его деятельности вопреки природе. В свете нашего экзистенциального подхода следует подчеркнуть, что классическая юридическая наука вырабатывала соответствующие максимы в т. ч. в качестве средства реагирования на природу человека. Кто человек по своей природе — вопрос сложный и ответы на него в истории давались разные. Между тем природа человека остается наисущественным современным вызовом, перед которым наука до сих пор бессильна.

Итак, общая картина состояния науки видится следующим образом: 1) перечень, описание и характеристика вызовов во всей их связи и взаимообусловленности; 2) характеристика ответов на вызовы, констатация фактов и обоснование отсутствия ответов на определенные вызовы; 3) существующие и возможные прогнозы системного обозрения вызовов и ответов на них.

Марксистская наука в полном соответствии с постулатами диалектического материализма концентрировала внимание на существовании классов, классовой борьбы, классовых антагонизмов. Отсюда проистекали главные вызовы юридической науке и правовому регулированию. Сегодня не замечают (стараясь не замечать) не только антагонизмов, но и самих классов⁷. В лучшем случае сегодня готовы признать некий «общественный дискомфорт», выводящий людей на «болотные» площади. И наука может принять это понятие дискомфорта, если связывать его напряжение с формами социальных противоречий: различие, противоположность, антагонизм, если не будет ограничиваться собственно классовыми противоречиями и расширит их до признания личностных и межличностных, партийных и межпартийных, государственных и межгосударственных, национальных, расовых, культурологических и т. д.

Дискомфорт предполагает то, что ставится во главу угла экзистенции человека: тревогу, боязнь, страх (экзистенциалисты разделяют понятия «страх» и «боязнь»). Боязнь всегда предполагает у них наличие какой-либо определенной угрозы). Мы можем принять емкое понятие «дискомфорт» для теоретического обозначения единого следствия любого из многообразных социальных вызовов как соединение физического и психического, прескриптивного и дескриптивного. При всей диатропичности проявлений дискомфорта, при всем их разнообразии необходимо рассмотрение уровней дискомфорта, его разновидностей, причин возникновения. К сожалению, идеалы часто рушатся противостоянием власти и граждан, когда дискомфорт проистекает от поведения властей или когда масса людей зомбирована экстремистскими идеями.

Все вызовы юридической науке следует поделить на внутренние и внешние. Последние — это вызовы самой жизни, самой природной и социальной среды. Они во многом предопределяют (обуславливают) познавательные (исследователь-

ские) задачи. Вместе с тем исследовательские задачи и цели диктуются не только внешними, но и собственно внутренними, относительно самостоятельными потребностями, обусловленными механизмами развития науки. Приведенное деление вполне коррелируется с традиционными заключениями об источниках развития науки: с одной стороны, представления, согласно которым все знания выводятся из опыта, а с другой — заключение о том, что эмпирический материал только инспирирует рефлексию и понимание соответствующих процессов, что и питает науку.

В конечном счете, как известно, многие тысячелетия борются между собой материализм и идеализм, не всегда замечая неисчислимо множество материальных и идеальных факторов, обуславливающих движение вообще и развитие науки в частности.

Можно спорить о первенстве экономических и политических вызовов, предопределивших появление государства и права, а затем, соответственно, и правовой науки. Как не приветствовать, например, в этой связи антропологические подходы, в центре которых оказываются человек и человечество. Однако вряд ли кто будет серьезно спорить, если мы назовем в числе главных факторов, обусловивших буржуазные революции на Западе или революции 1917 г. в России, а вместе с тем и стремительное развитие политико-правовых исследований именно состоянием экономики и политическими интересами. Сегодня мало что изменилось.

Применительно к современной России первым вызовом юридической науке отваживаюсь назвать вызов (вызовы) со стороны политической системы, государственного строя, изменившего свой облик после августовских событий 1991 г. Впрочем, формировался этот вызов уже с началом перестройки, и наука, как представляется, была застигнута *врасплох* (экзистенциалистский термин), оказалась бессильной в решении сложнейших правовых вопросов.

Ответ на вызов последовал в 1993 г. принятием Конституции. Был ли это ответ со стороны юристов? И да, и нет. Конституция в итоге рождалась не в Саратовском институте (хотя и там предпринималась попытка), а в ходе расстрела российского парламента. И тогда же формировалась и конституционная юстиция как противовес произволу власти. Сегодня выясняется, что многое совершалось без научной проработки, но это естественное состояние противоборства права и политики, юристов и политиков. Важно подчеркнуть, что наука не оставалась в стороне от политических процессов, а старалась облечь их в правовые формы. Как бы не хотелось кому-то, юридическая наука не может освободиться (очиститься) от политики. К сожалению, в 90-е гг. прошлого века юридическая наука показала себя столь политизированной, так сильно зависимой от политической публицистики, что стала утрачивать свои главные качества.

Вторым вызовом российской юридической науке следует назвать изменения в экономических отношениях. Смена форм собственности, изменение характера труда, все процессы постиндустриального общества (пусть и не развитые во всей полноте) — требуют ответа, реакции ученого сообщества. К сожалению, опять первыми реагируют политики и законодатели, а российская наука часто игнорируется.

Итак, состояние юридической науки следует оценивать в свете того, в какой степени и насколько адекватно (и критически) отражает она состояние экономики и политики. Политика, как известно, «дама ветреная». Экономика — «дама

рассудительная и прагматичная». Ветреной часто отдают предпочтение. Однако можно сломать и ту, и другую, только ущерб разный и время на восстановление утраченного — разное. Всякий слом — это вызов науке. Наука по определению сориентирована на реформирование. Есть еще родная сестра политике — идеология. Науке она также сестра, но неродная. Она с успехом может метаться от науки к политике и наоборот. Дамы ревниво предъявляют свои требования (вызовы) друг другу и науке приходится возвыситься над разными интересами, чтобы дать адекватный, соответствующий исторической истине, ответ. Ему мы всегда отдаем предпочтение и очень печалимся, если науку забыли, оттеснили, не призвали, не спросили и т. д. В России, мягко говоря, это случается. С начала 90-х гг. прошлого столетия нашу страну охватила эпидемия своего рода идиосинкразии к трудам классиков марксизма, к ленинским работам в особенности. Распад СССР и сокрушение роли КПСС способствовали такого рода диссеминации. Уже одно упоминание имени, ссылка на Ленина влекли отвержение цитируемых положений. Никто не пытался осмыслить его по существу, расценить в контексте событий того времени. Кстати, иногда это были и вовсе не ленинские, а, например, аристотелевские положения. Срабатывала реакция на символ. Точно так же идиосинкразически реагировали (хотя и по-разному в разное время) на имена Троцкого, Бухарина, Сталина. «Роман Пастернака не читал, но ...». В политике, в публицистике это уместно, но наука в подобных случаях уподобляется известной унтер-офицерской вдове. Яркий пример с оценкой трудов Г. Кельзена. Им была написана небольшая работа по критике коммунистической теории права и уже одно это обстоятельство обуславливало болезненную реакцию на его имя в советское время, несмотря на то, что России всегда были близки позиции нормативистской теории права. Труды Кельзена не издавали, их мало кто знал, но считалось уместным «лягнуть» его при случае. Сегодня, наконец, намечается объективный анализ его творческого наследия.

Взаимоотношения политики, экономики, идеологии и науки протекают в социокультурном контексте. Культурный уровень, который «никакому закону не подчинишь», определяет отношения людей в любой сфере. Он, в свою очередь, подвергается воздействию со стороны означенных «сестер», но способен проявлять здесь завидную устойчивость. Сменяющие одна другую моды на разные культурные и псевдокультурные ценности все-таки преходящи. Поэтому юридическая наука должна, во-первых, откликаться на вызовы общей и правовой культуры; во-вторых, поддерживать устоявшиеся культурные традиции, удовлетворяющие интересам народа; в-третьих, сопровождать рекомендациями действия власти, которая в рамках закона решительно препятствует явлениям коррозии легитимных культурных ценностей.

Наиболее принципиальные и серьезные вызовы правовой науке посылает юридическая практика. Их взаимоотношение заслуживает особого внимания. В свое время О. Эрлих не без оснований связывал возникновение правоведения исключительно с потребностями практики и основное содержание правоведения обозначал как практическое руководство для юристов-практиков, а собственно научные цели связывал с возникновением государственного права и общего учения о государстве⁸. Этот общий вывод нуждается в определенных коррективах в связи с тем, что в лоне науки частного права (в основном в гражданском праве) а затем и науках публичного права (в частности в полицистике) рождались общенаучные категории, развиваемые впоследствии теорией государства и права.

Сегодня в России отдельные представители отраслевых наук не видят ценности теории государства и права. Полагаем, что это их беда, однако и вина науки теории. Будучи скомпрометированной догматическим налетом в советское время, утратив марксистские «скрепы», не сразу адаптировавшаяся к реалиям постперестроечного общества, современная теория права и государства не дает исчерпывающих адекватных ответов на их вызовы, в т. ч. на те, что транслируются отраслевыми юридическими науками.

Традиционно юридическая наука изучала юридическую практику в аспекте изучения отклоняющегося поведения, борьбы с правонарушениями. И хотя время от времени внимание ученых привлекает правомерное поведение⁹, многие аспекты его остаются вне поля зрения, особенно в отраслевых науках, а перспективы здесь открываются огромные для трудового, предпринимательского и даже уголовного права¹⁰.

До настоящего времени, как представляется, недостаточно исследовано поведение должностных лиц государства, как правомерное, так и неправомерное. О мотивах и составе преступлений написаны фундаментальные работы. О мотивах и составе отклоняющегося поведения должностных лиц не знаю ни одной. Возможно, отсюда есть выход на проблему относительной самостоятельности государства. Это явление представляет собой серьезный вызов обществу, праву, юридической науке, которая его тщательно обходит. Между тем разные проявления относительной самостоятельности государства и, в частности, бонапартизм замечали не только классики марксизма, но и признанные авторитеты зарубежной науки.

Наконец, в особую группу внешних вызовов следует выделить вызовы юридической науке, идущие от других наук. Имеются в виду не только философия или иные социальные науки, но также и естественные. Юридическая наука до сих пор по-настоящему не откликнулась на достижения медицины (пересадка органов, клонирование), биологии и химии, кибернетики, на компьютеризацию. В данном случае мы имеем в виду отклик на ту социальную информацию, которую доставляют разные науки, имея предметом изучения не государство и право, а иные явления жизни человека и общества. Однако в качестве вызовов со стороны неюридических наук следует расценивать и те новые исследовательские механизмы, ту методологию, которую они предлагают¹¹. В частности, при всем релятивизме постмодернистских философских теорий, при всей ограниченности постклассических эпистемологических подходов (в особенности, когда они порывают с аподиктическими суждениями классики¹²), при всей их эпатажности и уводящей в заоблачность реификацией, они могут быть востребованы не только общей теорией права, но даже отраслевыми науками, если последние не замыкаются в заземленной легистике. Происходит диссеминация (от лат. *disseminatio* — сеяние, распространение) эпистемологического опыта.

Вызовы внешнего порядка существенным образом сказываются на вызовах, диктуемых потребностями саморазвития науки. С учетом состава исследовательских кадров и качества продукции можно сделать вывод, что юридическая наука неоднородна. В самом общем виде выделим три разновеликих ее части, каждая из которых претендует на звание науки, но не каждая таковой является в строгом значении этого слова.

Первая часть, возможно, исторически самая древняя, может быть образно поименована «служанкой». Впрочем, таковой она и была на самом деле. Она

не только не стремилась к поиску истины, но, напротив, использовала весь наличный инструментарий для увода от истины в угоду власти имущим, господствующему взгляду.

Вторую часть, отнюдь не объемную, составляют ни чем не обремененные поиски чистой истины по вопросам происхождения и сути государства и права, их назначения, наилучших форм, механизмов и функций. Это научные исследования, выполненные на самом высоком методологическом уровне с опорой на достижения науки предшествующих эпох. Эта наука не состоит в услужении у кого-либо, преследует собственный интерес, хотя не исключено, что ее результаты будут использованы той или другой социальной силой.

Третья часть — самая обширная. Ее следует рассматривать в свете своего рода «социальной алхимии» со всеми теми плюсами и минусами, которые свойственны алхимии вообще. Да, усилия ее тружеников нацелены на творчество, на поиск своего «золота», своего «философского камня», но усилия эти бесплодны. Алхимию юридической науки характеризует емкое русское слово «словоблудие».

Не проведя специального исследования, все же рискну предположить, что науку, как в первой, так и во второй ее части, делают менее чем 10 % всех занятых в этой сфере. Открытия здесь единичны, «изобретения» редки, преобладают «рационализаторские предложения». Большинство исследователей проводят черновую работу по систематизации юридических знаний, комментированию законодательства и практики, обозрению многочисленных точек зрения и т. д. Определенным показателем значимости проводимых исследований является возвращение к их результатам по прошествии времени, востребованность в дальнейших научных поисках. Российская юридическая наука рождалась в российских университетах, в которых первое время преподавали немецкие профессора и потом еще долгое время пропагандировались исследования преимущественно немецких ученых. Только в начале XX в. появились труды отечественных исследователей, претендующие на оригинальность.

В настоящее время оригинальными работами в области права являются те, в которых проводятся своего рода реконструкции взглядов плеяды российских профессоров (и теоретиков, и отраслевиков) конца XIX и первой четверти XX в. Через призму философии и теории права выявляется юридический концепт современных реалий, постигается реальность права и правовая реальность, в которую юридическая наука входит в качестве самостоятельной онтологии права¹³. В качестве таковой юридическая наука характеризуется собственными (внутренними) вызовами, обусловленными ценностями, принципами, нормами, институтами права и государства, конструктами их рефлексии, логическими конструктами, формулами генетических и семиотических средств управления. В коллаидере юридической науки производится масса идей, взаимные трения и столкновения которых порождают «кварки» отдельных независимых суждений и совокупности, образующие концепции, школы, направления правовой мысли.

¹³ См.: Словари и энциклопедии на Академике: сайт. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/627/%D0%AD%D0%9A%D0%97%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%95%D0%9D%D0%A6%D0%98%D0%AF (дата обращения: 25.04.2013).

² Не вдаваясь в анализ всех признаков и состава науки, представляется возможным исходить из того, что это концептуализированная совокупность верифицируемых знаний о том, что есть и что может быть в мире идей и мире вещей в пространственно-временном и субъектном измерении. Это особого рода деятельность и ее результат в неразрывной связи.

³ См.: *Веденев Ю.А.* К вопросу о теории государства и права // Правовая политика: вызовы современности: материалы IV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» (Москва, 27 ноября – 2 декабря 2012 г.): сборник тезисов / отв. ред. Т.Н. Радько, Л.А. Демина. М., 2012. С. 53–54.

⁴ Ср.: Проблемы общей теории права и государства: учебник для юридических вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. С. 2.

⁵ См.: *Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х.* Проблемы общей теории Jus: учебник для магистрантов юридических вузов. М., 2012. С. 10.

⁶ В качестве примера такого общего вызова со стороны общества или части его является отвержение права, что обуславливает актуальность давнего ответа на него, сформулированного и обоснованного Р. Иерингом (подробнее об этом см.: *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003; *Он же.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной «медали» // Правоведение. 1994. № 2).

⁷ При этом нельзя не видеть, что в постиндустриальном обществе марксистские характеристики классов устаревают, что антагонизмы, как и многое другое, перемещаются в сферу обслуживания и потребления, что само производство становится привлекательным в силу его творчества и отсутствия обременительного физического напряжения.

⁸ См.: *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб., 2011. С. 67–68. О. Эрлих фактически не считал научными труды, которые ограничивались законоведением. В 1903 г. он сделал доклад «Свободное правохождение и свободная правовая наука», название которого говорит само за себя: поиск права ведется за пределами закона, ученый не может быть связан волей законодателя.

⁹ См., например: *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999; *Лазарев В.В.* Правомерное поведение как объект юридического исследования // Советское государство и право. 1976. № 10; *Он же.* Выявление закономерностей правомерного поведения // Советское государство и право. 1983. № 11; *Оксамытный В.В.* Правомерное поведение личности. Киев, 1985.

¹⁰ См., например: *Тарханов И.А.* Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань, 2001.

¹¹ По мнению И.Л. Честнова, научная новизна «предполагает выход за рамки существующего знания, как правило, в междисциплинарную область. Она-то как раз и лежит за пределами юридической науки в философии, социологии, культурологии, лингвистики, семиотики и т. п.» (*Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 112).

¹² С некоторых пор возродился интерес к презумпциям и фикциям в праве. Но если быть более точным, следует признать, что они, прежде всего, категории юридической науки. Более того, из них она чаще всего и состоит. Много ли найдется в нашей науке аподиктических положений? Много ли мы можем привести, хотя бы в качестве примера, аксиом? Может ли существовать наука без аксиоматических идей? Нет аксиом — нет и открытий в науке.

¹³ См.: *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 12. Автор обращает внимание на «пространство виртуальной реальности», со стороны которого «праву брошен вызов, пожалуй, самый серьезный за всю его историю» (с. 14). Однако это вызов, прежде всего, юридической науке, вызов, требующий глубокого специального анализа (см.: *Стиглиц Джозеф Юджин.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 13, 23, 27, 39, 41 и др.), который имеет место быть, благодаря лицемерию игроков на мировой сцене. Рамки статьи не позволяют это сделать.

В.М. Баранов, М.А. Пшеничнов

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЭЛЕМЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ И.Е. ФАРБЕРА

В статье предпринята попытка анализа гармонии субъективного права и юридической обязанности как основных элементов структуры правоотношения. Показаны отдельные проявления дисбаланса рассматриваемых компонентов. Предложены пути предотвращения и устранения дисгармонии прав и обязанностей с позиции учета реальных возможностей их реализации.

Ключевые слова: субъективные права, юридические обязанности, правоотношения.

© Баранов Владимир Михайлович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности.

© Пшеничнов Михаил Александрович, 2013

Доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права (Нижегородская академия МВД России).

V.M. Baranov, M.A. Pshenichnov

HARMONIZATION OF THE ELEMENTAL STRUCTURE OF RELATIONS IN THE LIGHT OF THE GENERAL THEORETICAL VIEWS I.E. FARBER

The paper attempts to analyze the harmony of subjective rights and legal responsibilities as the main structural elements of relationship. It shows individual manifestation of imbalance of the component. The ways to prevent and eliminate the disharmony of the rights and responsibilities from the position account the real possibilities of their implementation.

Keywords: personal rights, legal responsibilities, relationship.

Разрыв генетического равновесия субъективных прав и юридических обязанностей приводит к тому, что субъективные права приобретают факультативный вид, ибо выходит, что их реализация не вызвана необходимостью. Напротив, признание юридической обязанности всегда необходимой закрепляет ее первоочередной, приоритетный, а порой и довлеющий характер в структуре правоотношения. На пагубность ситуации автономизации субъективных прав и юридических обязанностей справедливо указывал И.Е. Фарбер: «Субъективное право и юридическая обязанность суть юридические меры поведения, устанавливаемые в правоотношениях до самого фактического поведения. Само поведение юридически измеряется этими мерами — правами и обязанностями. Если праву не соответствует пассивная обязанность, то нарушить такое право, юридически говоря, невозможно. При конструкции правоотношения, возникающего лишь в момент нарушения права, получается, что в постоянно сталкивающихся взаимоотношениях лица, обладающего абсолютными правами (на имя, честь, собственность, свободу слова и т. п.), с другими лицами, эти права не защищены пассивными обязанностями (не нарушать этого права) последних. *Права одного гражданина, не подкрепленные обязанностями других граждан, теряют свой смысл как обеспеченные законом (и обязанностями, налагаемыми законом) меры поведения*»¹.

Ответ на вопрос о гармонии субъективного права и юридической обязанности во многом зависит от более общих методологических, мировоззренческих установок, которые принимаются за основу в качестве исходной базы в рамках соответствующей теории. Вряд ли стоит доказывать, что динамичность и многогранность взаимосвязей субъективных прав и юридических обязанностей, глубина их «контактов» с иными правовыми и неправовыми феноменами имеет принципиальное значение для всего категориального «сообщества». Не подлежит сомнению и то, что понятие «субъективное право» должно быть признано и получать развитие только в тесной связи с понятием «обязанность». Причем это замечание должно быть всеохватывающим, касаться всех прав и обязанностей, всех индивидов, всех групп членов данного общества, поскольку взаимозависимость индивидов в данном конкретном обществе есть не только взаимозависимость функций и связей, но и взаимозависимость обещаний, обязательств и действий, взаимозависимость обязанностей².

В российском правоведении рассматриваемые категории традиционно анализируются в рамках теории правоотношений и в основном — в качестве элементов содержания правоотношения.

Тщательному исследованию со стороны юридической общественности подвергнут принцип единства субъективных прав и юридических обязанностей, в

основе которого лежит классическая, хотя не бесспорная, формула «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав». Одни авторы обнаруживают смысл принципа в том, что «всякое субъективное право предполагает чье-то обязательность... и наоборот, всякая обязанность предполагает чье-то право требовать ее исполнения... Именно в этом корреспондировании обязанности праву, а права обязанности состоит единство прав и обязанностей, предполагающее как минимум двух субъектов правового отношения»³.

Другие ученые возражают против данного подхода, указывая, что в такое понимание «не укладывается общее и более широкое представление ... о сути единства»⁴.

Вопрос о единстве прав и обязанностей, по мнению Б.В. Щетинина, подменяется отдельными авторами «двусторонним характером связей, отражающих механизм сочетания интересов государства и граждан». Он считает, что «надо четко разграничивать два аспекта: соотношение прав и обязанностей самих граждан; соответствие прав граждан обязанностям государства и, наоборот, обязанностей граждан правам государства. В первом случае имеется в виду наличие у гражданина... не только прав, но и обязанностей и, наоборот, не только обязанностей, но и прав, во втором — правовой механизм осуществления прав и обязанностей»⁵.

С точки зрения Ю.Г. Ткаченко, вопрос о сочетании прав и обязанностей состоит в том, что каждый гражданин должен пользоваться не только правами, но и нести определенные обязанности, что связь человека с обществом нельзя сводить лишь к его возможности требовать для себя от общества какие-то социальные блага, но и к надобности участвовать в создании этих благ, нести определенные обязанности⁶. Аналогичные суждения высказывали Н.И. Матузов, И.Е. Фарбер, В.В. Борисов⁷.

Значительное место в отечественном правоведении занимает идея о возможности существования обязанностей без прав⁸. «Для уяснения специфических особенностей правоотношений в различных отраслях права, — отмечал С.Ф. Кечекьян, — необходимо учитывать, что нормы права иногда устанавливают не только правоотношения, но первоначально одни лишь обязанности без корреспондирующих им прав... Существуют правовые обязанности, устанавливаемые ради правопорядка в целом...»⁹.

Между тем окончательно этот вопрос по-прежнему не решен. И дело тут не только в самой идее, не только в первичности того или иного компонента правоотношения. Взаимосвязь прав и обязанностей отличается высокой степенью динамичности, что предопределяется качественными изменениями нормативного массива, современными внутренними и внешними процессами интеграции и дифференциации, расширением или сужением сферы правового регулирования.

За последнее время обозначился ряд новых, неизвестных доньше проблем и противоречий, имеющих важное теоретическое и практическое значение. Одна из очевидных дисгармоний современного российского права — диспропорция в соотношении прав и обязанностей гражданина. Как отмечает В.И. Бегинин, «провозглашая равные для всех права и свободы и фактически не связывая их с соответствующими обязанностями перед обществом и государством, мы создаем тем самым юридические гарантии поляризации граждан, когда реальные (материально обеспеченные) права одних будут все более концентрироваться на одном полюсе, а реальные (вынужденные) обязанности других — на другом»¹⁰.

Создание и поддержание гармоничных отношений в обществе требуют в т. ч. не только уважения к правам человека, но в первую очередь выполнения им определенных обязанностей, а в случае необходимости и его отказа от осуществления некоторых из своих прав.

Установление необходимой и обоснованной пропорциональности — гармонии между правами и обязанностями всегда было важнейшим требованием прогрессивной общественной мысли. Значение этого принципа, в частности, хорошо понимали русские декабристы, выдвигавшие идеи о том, что всякое государство может существовать «лишь на основе равновесия взаимных обязанностей и взаимных прав» (П.И. Пестель), что «невозможно согласиться с положением, когда все права находятся на одной стороне, а все обязанности на другой» (Н.М. Муравьев)¹¹.

В современном российском обществе наметилась тенденция превалирующего значения прав человека. Между тем их отрыв от юридических обязанностей не только не реалистичен, но и социально опасен. «Это, — как справедливо замечает Л.А. Морозова, — может понизить значимость обязанностей индивида перед другими людьми, обществом и государством»¹². К тому же само понятие «права человека» остается недостаточно разработанным как в философской, так и юридической литературе¹³. Права человека были и остаются одними из главных и неоднозначных по своей сущности ценностей современной мировой цивилизации. Неоднозначность заключается в том, что невозможно бесспорно определить вышеуказанное понятие, ибо его необходимо рассматривать сразу в нескольких ипостасях: в теологическом смысле, этическом, философском, политическом, экономическом, психологическом, демографическом и, наконец, правовом.

Юридическая наука и практика значительное внимание уделяют не только самим правам, но и проблемам их защиты. Возникает логичный вопрос: должно ли государство заботиться о помощи гражданам в реализации ими своих юридических обязанностей? В этом аспекте отсутствуют комплексные теоретические работы о механизме такого содействия. Следствие тому — появление в научных работах методологических неточностей и изъянов. Так, М.Н. Кузьмина в качестве форм выражения источников, определяющих основы формирования и функционирования органов внутренних дел, наряду с нормативно-правовыми актами, судебными прецедентами и т. д., называет правовой обычай¹⁴. Однако означает ли подобное утверждение, что сотрудники полиции не только руководствуются обычаями в своей деятельности (т. е. непосредственно исполняют те или иные обычные правила), но и вправе требовать (контролировать, содействовать) исполнения гражданами «обычных» юридических обязанностей?

Принижение юридических обязанностей, «затенение» их роли вызывает неполноту, а порой деструкцию всего механизма правового регулирования. Впервые в Конституции России устанавливается: «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» (ч. 1 ст. 55). Но означает ли это допустимость отрицания юридических обязанностей?

В научной печати порой встречаются крайние по своей категоричности суждения. Например, авторы проблемного комментария Конституции РФ не только отводят мизерное внимание юридическим обязанностям, но и без долж-

ного обоснования высказывают следующие идеи: «В действительности нет взаимных прав и обязанностей, или «взаимной ответственности» человека и государства»¹⁵. Более того, «если обязанности ставить в один ряд, на один уровень с неотчуждаемыми правами человека, то это значит принижать права человека, умалять их юридическую силу, низводить до уровня произвольных суждений законодателя»¹⁶.

Усугубляет сложившееся положение отсутствие должного внимания юридической общественности к международно-правовым аспектам данной проблемы. Отечественная теория права определяет гражданина как личность, наделенную государством комплексом юридических прав и обязанностей. Однако не только Российское государство предоставляет права своим гражданам и возлагает на них юридические обязанности. Процессы интенсификации международного сотрудничества в гуманитарной сфере, осуществляемые как на универсальном, так и на региональном уровне, значительно расширяют объем международной правосубъектности российских граждан. Поэтому оправданно вести речь о более глубоком проникновении международного права во внутригосударственные процессы, его приближении к конечному и главному субъекту любого социального действия — человеку¹⁷.

В ряду принципиальных вопросов, требующих своего разрешения, следует обратить внимание на то, должен ли нести индивид ответственность за неисполнение юридической обязанности по российскому законодательству в том случае, если последняя противоречит международным обязательствам Российской Федерации? При этом вправе ли гражданин самостоятельно определять соответствие внутригосударственной юридической обязанности ее международно-правовому аналогу и каковы должны быть юридические последствия подобного решения?

Немало пробелов взаимосвязи прав и обязанностей обнаруживается на «стыке» естественного и публичного права.

На сегодняшний день попытки определения естественных обязанностей человека в отечественной правовой науке единичны и к тому же непоследовательны. Так, Е.Н. Хазов считает, что обязанность человека — это «естественные, признаваемые, закрепляемые, соблюдаемые, охраняемые и защищаемые государством и мировым сообществом вид и мера должного поведения, детерминированная правами и свободами человека». Однако далее автор продолжает: «При этом обязанности человека и гражданина должны быть слиты воедино»¹⁸. Непонятно в таком случае, для чего автор производит выделение обязанностей человека, чтобы потом их снова «слить» с обязанностями гражданина?

Одна из смежных проблем возникает в связи с трактовкой ч. 2 ст. 17 Конституции РФ: «Основные права и свободы человека неотъемлемы и принадлежат каждому от рождения». Но, если возможность и наличие прав у ребенка до рождения принципиально никем не оспариваются, то о наличии у него юридических обязанностей (в той или иной форме) никем речь не ведется.

Так, В.И. Леушин и В.Д. Перевалов задаются вопросом: «Каким же образом осуществляются права и исполняются обязанности, если участником правоотношения выступает недееспособное лицо? В таких случаях недостающие элементы правосубъектности выполняются другими лицами. В гражданском праве существует институт представительства. Представитель своими действиями реализует права и исполняет обязанности»¹⁹.

Очевидно, что к числу недееспособных участников правоотношения со временем (сейчас этого в российском законодательстве нет, однако в зарубежных странах подобная проблема по многим позициям решена) может быть отнесены зачатые, но не рожденные дети.

В качестве примера укажем, что согласно ст. 192 Гражданского кодекса Квебека, «помимо прав и обязанностей, связанных с родительской властью, отец и мать, если они являются совершеннолетними или эмансипированными, являются в силу закона опекунами своего несовершеннолетнего ребенка в целях обеспечения его представительства при осуществлении его гражданских прав и в целях управления его имуществом. Отец и мать являются также опекунами по отношению к *зачатому*, но еще не родившемуся ребенку, и они обязаны действовать от его имени во всех случаях, когда этого требуют его имущественные интересы»²⁰, а ст. 617 предусматривает: «Наследовать могут физические лица, которые живы в момент открытия наследства, включая отсутствующих лиц, которые предполагаются в этот момент живыми, и зачатых, но не рожденных детей в случае, если они рождены живыми и жизнеспособными»²¹.

Отсутствие новейших теоретических разработок по проблемам взаимосвязи, взаимопереходов субъективных прав и юридических обязанностей приводит к негативным последствиям. Нередки ситуации, когда граждане самовольно «превращают» свои юридические обязанности в право²².

Каковы же пути разрешения и предотвращения в будущем указанных проблем?

Определяющим моментом для преодоления в будущем и разрешения существующих «разрывов» и пробелов, диспропорций и противоречий прав и обязанностей служит четкое понимание того, что означают термины «гармония», «соответствие», «корреспонденция»²³ применительно к их отношениям. Например, рассматривая проблемы внесения поправок в Конституцию России, В.В. Лапаева отметила: «Мы должны посмотреть, в какой мере та или иная поправка способствует *координации прав и обязанностей* субъектов конституционно-правовых отношений»²⁴.

Между тем в юридической науке данный вопрос до сих пор не поставлен и теоретически не исследован. Кстати, это проблема не только нынешнего времени. Еще Гегель заметил по поводу прав и обязанностей, что «будучи в себе, т. е. формально тождественными, они вместе с тем по своему содержанию различны»²⁵. Напротив, К. Маркс полагал, что «обязанности индивидов по отношению к государству и те права, которые государство предоставляет им, тождественны»²⁶.

Внешнее описание прав и обязанностей, отражая непосредственные знания об объекте, создает впечатление, что в данной плоскости исследуемые категории носят гармоничный, корреспондирующий характер. Подобная видимость внешнего соответствия служит основанием для вывода о том, что права и обязанности могут корреспондировать²⁷ либо не корреспондировать друг другу²⁸.

Структура субъективного права как способ связи его составных элементов воспроизводит реальные возможности управомоченного, предоставленные последнему субъективным правом в целях удовлетворения его интереса. Осуществление этих возможностей управомоченным находится в зависимости от определенных действий или бездействия других лиц — обязанных.

Однако конкретный вариант требуемого поведения, предписываемый соответствующей правовой нормой, также должен обладать качеством возможности реализации. В противном случае субъект будет игнорировать возложенную на

него обязанность, максимально уклоняться от ее исполнения. Подобное потребует дополнительных средств принуждения либо стимулирования.

Таким образом, гармония субъективного права и юридической обязанности предстает в виде гармонии возможностей соответственно осуществления права и исполнения обязанности. Именно характеристика существующих либо потенциальных возможностей реализации субъективного права и юридической обязанности служит основой для определения того, насколько они соответствуют, корреспондируют друг другу.

В самом деле, как можно говорить о том, что это корреспондирующие категории, если, например, гражданину предоставлено право на получение пенсии, а у государства отсутствуют возможности для их выплаты. Или, если на гражданина возлагается обязанность уплатить налоги, но нет возможности это сделать.

Степень возможностей управомоченного требовать должна находиться в пропорциональной зависимости от степени возможностей у обязанной стороны исполнить требования. Именно отсутствие соответствия между возможностью требовать и возможностью выполнять требуемое служит основой для формирования правового нигилизма, правовой апатии населения. Перекосы в сторону субъективного права, не подкрепленные возможностями обязанной стороны исполнить юридическую обязанность, приводят к трудноразрешимым социальным проблемам. Поэтому каждый раз нормативно закрепляя «право — возможность» одной стороны требовать, необходимо устанавливать «обязанность — возможность» ее исполнить.

В сравнительном контексте обратим внимание на Конституцию Республики Хорватия (вступила в силу 21 декабря 1991 г.), в ст. 51 которой предусмотрено: «Каждый обязан принимать участие в покрытии публичных расходов соразмерно своим экономическим *возможностям*. Налоговая система основывается на принципах равенства и справедливости»²⁹. Кстати, на это же ориентирует российское законодательство международное право. Один из примеров — ст. 11 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Никто не может быть лишен свободы на том только основании, что он *не в состоянии* выполнить какое-либо договорное обязательство»³⁰.

Субъективные права и юридические обязанности совокупно образуют ядро идеи справедливости. «Справедливость как источник прав и обязанностей охватывает все области объективных отношений»³¹, — писал Р.З. Лившиц.

Между тем дисбаланс в соответствии субъективных прав и юридических обязанностей может проявиться и в том, что на граждан порой возлагаются непомерные, в конкретно-индивидуальном плане не всегда выполнимые обязанности. И здесь мы обнаруживаем еще одну существенную грань. Означает ли равенство, равноправие, что все люди несут одинаковые обязанности? Если в отношении субъективных прав всегда возникает вопрос о дифференцированной возможности их реализации, то можно ли подобное сказать о юридических обязанностях? Думается, да. Настала пора говорить о дифференцированном государственном подходе к обеспечению реализации гражданами своих юридических обязанностей. Самоустранение государства от этого процесса недопустимо, а во многих случаях опасно.

Нельзя забывать, что в юридическом смысле равенство означает признание за всеми людьми равных возможностей не только пользоваться правами и свободами, но и в равной мере исполнять правовые обязанности. При «выпадении»

последнего элемента (обязанностей) о юридическом равенстве говорить уже нельзя. Однако равноправие вовсе не означает фактического равенства людей. Одни люди в состоянии нести большой круг обязанностей, другие — меньший. Одни граждане готовы к тяготам несения обязанностей, другие — не согласны возложить их на себя. Поэтому нельзя упускать из виду наличие соответствующих способностей субъектов.

И.Е. Фарбер писал, что «до тех пор, пока представления о правах и обязанностях правосознания не стали законом, нормативно-регулирующая сила правосознания находится в потенции, в возможности»³².

Субъективные права и юридические обязанности, их осознание и воплощение действительности — необходимый элемент развитого, «культурного» правосознания гражданина, важная предпосылка упрочения законности, средство воспитания уважения к традиционным, национальным, патриотическим ценностям государства и общества.

Следует полностью согласиться с мнением, что «говорить о гражданском обществе можно лишь с момента появления гражданина как самостоятельного, сознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного определенным комплексом прав и свобод и в то же время несущего перед ним моральную или иную ответственность за свои действия»³³.

Таким образом, гармоническое развитие субъективных прав и юридических обязанностей гражданина представляет собой один из фундаментальных «пластов» формирования стабильного гражданского общества.

¹ Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 32–33.

² См.: Сандеуар П. Введение в право. М., 1994. С. 147.

³ Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. М., 1974. С. 113; см. также: Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 119; Мамут Л.С. Гегелевская концепция соотношения государства и личности // Проблемы государства и права на современном этапе. М., 1973. Вып. 7. С. 53.

⁴ Тадевосян В.С. О единстве прав и обязанностей граждан // Проблемы государства и права. М., 1975. Вып. 1. С. 98.

⁵ Щетинин Б.В. Гражданин и социалистическое государство // Советское государство и право. 1975. № 2. С. 8.

⁶ См.: Ткаченко Ю.Г. Роль сепаратных прав и обязанностей в правовом статусе граждан // Проблемы правового статуса субъектов права. Калининград, 1976. С. 30.

⁷ См.: Матузов Н.И., Фарбер И.Е., Борисов В.В. Рецензия на книгу: Патюлин В.А. Государство и личность в СССР // Советское государство и право. 1974. № 10. С. 145–146.

⁸ См., например: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1897. С. 151; Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. М., 1953. С. 48–50; Строгович М.С. Развитие прав личности в период развернутого строительства коммунизма // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. Саратов, 1969. С. 16–17; Витрук Н.В. Проблемы личности в теории социалистического государства и права // Актуальные проблемы теории государства и права. М., 1974. С. 171.

⁹ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 62–64.

¹⁰ Бегинин В.И. Общественное правосознание и государственность. Саратов, 1993. С. 98–99.

¹¹ Цит. по: Скрипилев Е.А. Республиканские идеи декабристов // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 92.

¹² Морозова Л.А. Современная российская государственность: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 34.

¹³ См.: Мордовец А.С. Социально юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996.

¹⁴ См.: Кузьмина М.Н. Правовые основы формирования и деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 12.

¹⁵ Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 39.

¹⁶ Там же. С. 41.

¹⁷ См.: Верещетин В.С., Мюллерсон Р.А. Новое мышление и международное право // Советское государство и право. 1988. № 3. С. 9.

¹⁸ Хазов Е.Н. Юридические гарантии основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в России: автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 13.

- ¹⁹ Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 344.
- ²⁰ Гражданский кодекс Квебека. М., 1999. С. 63.
- ²¹ Там же. С. 119.
- ²² См., например: Не право, а обязанность // Российская газета. 1999. 31 июля.
- ²³ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 1995. С. 393.
- ²⁴ Журнал российского права. 1999. № 1. С. 40.
- ²⁵ Гегель. Соч. М.; Л., 1984. Т. 7. С. 272.
- ²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 223.
- ²⁷ См.: Байтин М.И. О нормативно-классовом понимании права // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. Саратов, 1983. С. 23.
- ²⁸ Мухачев И. Понятие и особенности конституционно-правовых отношений // Право и жизнь. 1998. № 17. С. 39–40.
- ²⁹ Право и жизнь. 1994. № 6. С. 182.
- ³⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.
- ³¹ Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 67.
- ³² Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 59.
- ³³ Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1995. С. 62.

Т.Н. Радько

ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА

В статье рассматривается значение идеологической функции права в современном обществе. Отмечается важность, прогрессивность демократической идеологии для формирования права.

Ключевые слова: право, идеология, функции права, признаки идеологической функции права.

T.N. Radko

ABOUT IDEOLOGICAL FUNCTION OF LAW

The article envisages role ideological function of law in modern society. Significance of democratic ideology in forming of law is stressed.

Keywords: law, ideology and functions of law, the signs of the ideological function of law.

Предваряя настоящую статью, хотелось бы сказать несколько слов о профессоре И.Е. Фарбере. Отмечая юбилей этого замечательного ученого и человека, не могу не вспомнить очень важное для меня обстоятельство, повлиявшее на мою научную судьбу. Выбирая тему кандидатской диссертации, я предложил своему научному руководителю М.И. Байтину тему «Функции права», обосновывая это тем, что о функциях государства написано много, а о функциях права почти ничего. Михаил Иосифович предложил мне другую тему «Рекомендательные нормы права». Я не был склонен брать эту тему, поскольку уже «загорелся» темой функции права. Своими сомнениями решил поделиться с Исааком Ефимовичем как с ученым-теоретиком права, понимая, что выбор темы диссертации — дело очень серьезное. Вот каким был его совет: «Тема “Рекомендательные нормы” хорошая, она конкретна, диссертабельна, но она одноразовая. Защитишь диссертацию и будешь искать другую. Тема “Функции права” — это глобальная, перспективная тема, ее тебе хватит на всю жизнь. Остановись на этой теме». Его

© Радько Тимофей Николаевич, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой теории государства и права (Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина).

слова оказались пророческими. Я действительно занимаюсь этой темой и сегодня. Более того, по определенным ее проблемам защитили диссертации несколько моих аспирантов. Поэтому я благодарен Исааку Ефимовичу за его ценный совет при определении моего научного пути.

Опыт развития российского общества свидетельствует, что ему чужды как тотальная идеологизация всей его жизни (СССР), так и отсутствие какой-либо идеологии вообще. События 90-х гг. XX в., первое десятилетие XXI в. показывают, что отсутствие общегосударственной идеологии ведет к расколу российского общества на самые различные (вплоть до противоречивых) группы, претендующие на лидирующие роли в обществе.

Российское государство очень робко заявляет о необходимости формирования общегосударственной идеологии, а это ведет к отсутствию четких ориентиров в политике, воспитании, законотворчестве и т. п.

Дело в том, что в конце XX – начале XXI в. государственная идеология в России с подачи некоторых западных идеологов стала рассматриваться только как негативное явление. При этом негативный подход к идеологии связывался не только с коммунистической идеологией. Проблема ставится шире. Предлагается рецепт, согласно которому идеология и право — это несовместимые явления. Право должно быть свободно от идеологии, иначе оно, действуя в ее рамках, становится ущербным, не соответствующим интересам человека и гражданина. Здесь, пожалуй, верно одно. Если идеология сама по себе ущербна, то она действительно оказывает негативное влияние на право. Но если она прогрессивна, демократична, отражает насущные интересы людей, то она будет способствовать становлению и развитию права прогрессивного, демократического, закрепляющего подлинные права и свободы человека.

Позиция, согласно которой право должно быть свободно от идеологии, подкреплялась примерами из советского прошлого, которое действительно было слишком идеологизировано. Соглашаясь с подобной оценкой (о чрезмерности идеологизации советского периода в нашей истории), нельзя не заметить, что не следует впадать в другую крайность — отрицать значение идеологии для права вообще, нельзя не видеть ничего позитивного в том периоде российской истории и умышленно девальвировать многие из ценностей, сформировавшихся тогда — общедоступность в сфере труда, культуры, образования, реальность медицинского и пенсионного обеспечения, личную безопасность, отсутствие той бездуховности, которая наблюдается в российском обществе сегодня и т. д. Поэтому положение Конституции РФ 1993 г. о том, что никакая идеология не может быть государственной, нельзя отнести к ее достоинствам, поскольку оно противоречит истории Российского государства, всегда имевшей собственную духовную (идеологическую) силу. Не случайно «антиидеологические» позиции усилились после принятия конституции, официально закрепившей деидеологизацию общества, в результате чего роль государственной идеологии в России была сведена к нулю¹. Поэтому в настоящее время российское общество не имеет четких идеологических ориентиров, оно социально аморфно и дезориентировано. Данное состояние — результат фактического прекращения осуществления государством идеологической функции с одновременным проникновением в российскую среду ценностей, сформулированных в иной духовной и политико-правовой культуре².

Вместе с тем фактор влияния права на сознание, мысли и чувства людей не подвергается сомнению ни одним из серьезных исследователей социальной роли

права. Право воздействует на духовную жизнь общества. Оно само выступает духовным явлением и представляет собой «форму духовного освоения мира»³. Разумеется, право лежит в иной системе координат, нежели идеология, но, тем не менее, представляет собой идеологический фактор. И у нас имеются все основания утверждать, что право осуществляет идеологическую функцию.

Идеологическая функция всегда занимала важное место в системе функций права. Она предопределяется его сущностью и существует объективно как результат его действия в современном обществе, особенно в условиях поиска новой парадигмы понимания права и его роли в современном обществе, в условиях противоречивых оценок права, исходящих от различных идеологических и политических сил. Право — регулятор общественных отношений, ему присуща, прежде всего, регулятивная и охранительная функции. Осуществляя же идеологическую функцию, право как бы решает «сверхзадачу», становится инструментом идеологии, т. е. принимает на себя определенную часть социальной нагрузки, которую должны нести другие надстроечные феномены. В юридической литературе правильно отмечалось, что право как система принципов и норм не является элементом формы общественного сознания, его не следует отождествлять с какой-либо из уже известных форм общественного сознания, в т. ч. и правосознанием.

Тем не менее, право интеллектуально по своему содержанию, неразрывно связано с общественным сознанием оно от него неотделимо. С.С. Алексеев верно говорил, что для понимания идеологической роли права существенно важно, что оно выступает в качестве средства, отражающего и выражающего духовную жизнь общества, т. е. в качестве носителя его духовных, культурных и моральных ценностей⁴. Процесс развития современных обществ показывает, что роль права в решении идеологических задач постепенно возрастает. Постановка вопроса об идеологической функции права имеет целью подчеркнуть его более широкие социальные возможности, его большую социальную ценность.

Идеологическая функция относится к числу социально-политических функций права. Ее осуществление правом наиболее очевидно в случаях его подключения к решению воспитательных задач, связанных не только с укреплением правосознания, но и других форм общественного сознания (политического, нравственного). Выделение ее в качестве самостоятельной иногда объясняется в юридической литературе необходимостью правового регулирования культурно-воспитательной деятельности государства⁵. Однако такое объяснение представляется не совсем точным. Реализация идеологической функции значительно шире, ее наличие предопределяется многими причинами, среди которых — обслуживание правом культуры, науки, образования стоит далеко не на первом месте. Анализ социальной роли права показывает, что выполнение им идеологической функции связано с отражением им идеологии властвующих политических сил, с превращением права в объект идеологической борьбы, с возможностью права внедрять идеи определенных социальных сил в сознание людей, активно и целенаправленно влиять на их социально-политическую ориентацию. Одна из главных предпосылок возникновения у права идеологической функции обусловлена соответствием правовых предписаний идеологии стоящих у власти политических сил, способностью права вбирать в себя систему определенных идей. При этом право не становится простым вместилищем любой идеологии, а

отражает, прежде всего, идеи господствующего класса, мысли которого «являются в каждую эпоху господствующими мыслями»⁶.

Право становится более влиятельным идеологическим фактором, начиная с конца XVIII в. Этому способствуют первые относительно демократические конституции США, Франции конца XVIII в., которые отразили передовую для того времени буржуазно-демократическую идеологию, содержащую важные положения о разделении властей, о правах человека и т. д. В современных условиях право демократических государств превратилось в мощный идеологический фактор, стало активнее воздействовать на социально-политическую жизнь общества. Тот факт, что в век научно-технической революции в праве увеличивается число норм технико-юридического порядка (в известной степени безразличных к идеологии), не означает умаления его идеологической функции. Приоритет права в решении важнейших проблем общественной жизни, его гуманизм, глубокая нравственная основа постоянно увеличивают его значение в системе других социальных регуляторов, что имеет огромную идеологическую ценность в условиях сосуществования различных культур и социально-политических систем. Кроме того, развитие средств информации, увеличение культурного обмена между странами, наличие развивающихся государств, определяющих свою историческую перспективу, превращают право в объект пристального внимания и глубокого анализа со стороны самых различных политических сил, что, безусловно, накладывает на него дополнительную идеологическую нагрузку. Поэтому процесс идеологизации права в противоположность стремлениям его деидеологизации в современном мире неизбежно нарастает. Идеология как система идей, выражающих интересы и потребности определенного политического класса, воздействует на сознание людей, мобилизует (или демобилизует) их социальную деятельность. Т. Парсонс правильно сказал, что идеология — это политическая религия⁷. Она активно влияет на все сферы общественной жизни, проникая в политику, право, мораль, искусство и т. д. Средствами идеологии и в рамках идеологии нередко создаются нормативные, ценностные представления общества, различного рода идеалы, принципы, цели, определяются задачи. Идеологические оценки и критерии неизбежно проникают в право, становятся его органической частью, составным элементом содержания⁸. Современная идеологическая борьба, существующая открыто или скрыто, в конкретных вопросах выливается и в борьбу за политическую и правовую ориентацию людей, за формирование у них соответствующих политических и правовых идеалов. В этой связи наличие у права идеологической функции совершенно очевидно. Отдельные представители науки и политики стремятся разорвать право и идеологию, пытаются доказать их несовместимость. А если кто-либо и обнаруживает проникновение идеологии в право, то усматривает в этом «засорение» права, требует его деидеологизации⁹. Подобные утверждения порождены в отдельных случаях непониманием глубинной, объективной взаимосвязи права и идеологии, которые создаются в соответствии с интересами и волей господствующих политических сил. Право каждого исторического типа создается, изменяется и развивается в силу экономических и политических причин, а также в результате реализации идеологических воззрений пришедших к власти политических сил. Эти факты исторически бесспорны и легко подтверждаются ретроспективным анализом. Отражение правом идеологии господствующего класса в эксплуататорских обществах довольно отчетливо прослеживается в классовом содержании правовых норм, которые, выражая

волю господствующего класса, отражают и его идеологические позиции. Именно для более успешного достижения политических интересов сложилась практика идеологического усиления важнейших правовых актов путем включения в них различного рода преамбул, вводных статей. Принятие многих законодательных актов сопровождается иногда опубликованием широковещательных заявлений и деклараций. В других, более распространенных случаях, требование деидеологизации права не более, чем заблуждение, стремление создать идеальное, чистое право вне времени и пространства. Но такого не бывает. Право, как и истина, всегда конкретно. Идеальным оно может быть только в теории. Нормативность права, его общеобязательный характер делают всеобщими те идеологические положения, которые получили отражение в праве.

Так, идеологическая функция советского права была одной из самых заметных и достаточно эффективных с первых лет существования советского государства. Исторической обстановкой того времени она была выдвинута на одно из первых мест в системе функций права.

На содержание идеологической функции права существенное влияние оказывают политические, экономические, нравственные и другие социальные факторы, которые в единстве определяют идеологическую направленность правовых норм. Эти факторы получают затем концентрированное выражение в руководящих идеях (принципах) права. Принципы, как известно, играют решающую роль в формировании и действии права. Важно, однако, подчеркнуть, что принцип — категория идеологическая, каждый из принципов права неразрывно связан с идеологией, служит составной частью идеологического фундамента права, отражает основополагающие идеологические установки тех политических сил, волю которых выражает право. В принципах содержатся важнейшие идейные начала, лежащие в основе права. Поэтому принципы служат одной из предпосылок наличия у права идеологической функции, они вместе с правом в целом осуществляют идеологическую функцию¹⁰.

Нельзя не отметить, что в структуре идеологической функции особое место принадлежит нормам Конституции, закрепляющим реальное соотношение политических сил, наиболее существенные черты политической системы общества, основные права, свободы и обязанности граждан, порядок образования и принципы деятельности государственных органов, общественных организаций и т. д.

Идеологическая сила демократических конституций, их целеустремленное воздействие на сознание людей обусловлены также тем, что положения отражают законы общественного развития, закрепляют на высшем законодательном уровне сущность и цели демократического государства. Изучение конституций способствует укреплению правосознания, расширению правовой и политической культур, углублению знаний о государстве, его истории, территориальной организации, перспективах развития. Поэтому не будет преувеличением утверждение, что знание положений Конституции — один из существенных показателей общей и правовой культуры каждого гражданина.

Говоря об идеологической функции права, следует рассмотреть вопрос о пределах ее действия, поскольку он имеет важное для теории права значение. Необходимо отметить, что в классификации функций права и функций государства имеется много сходных моментов, однако вопросы деления первых на внутренние и внешние практически не рассматриваются. Право создается каждым государством для решения внутренних задач, его действие ограничено

пределами государственной территории. Однако данное положение не распространяется на реализацию его идеологической функции, особенность которой состоит в способности преодолевать территориальные границы и воздействовать вовне. Собственно-юридические черты права здесь отступают на второй план, а на первый выдвигаются аксиологические, идеологические. Например, Конституция США 1787 г. являлась мощным стимулом для других народов, боровшихся за установление демократического строя, свержение диктатур. Конституция РСФСР 1918 г., Конституция СССР служили важным ориентиром для государств, строивших социализм.

Однако в принципе функции права — это его внутренние функции. Право конкретного государства, его действие ограничены границами данного государства¹¹. Поэтому следует исходить из того, что функции права как основные направления его воздействия на общественные отношения — это его внутренние функции, они не могут быть внешними подобно функциям государства. Что касается идеологической функции права, то в данном случае следует сделать некоторые уточнения, поскольку идеология не может быть жестко ограничена границами одного конкретного государства. Современные информационные технологии позволяют распространять идеи, преодолевая пограничные столбы. Поэтому идеи, на которых основываются конституции, избирательные законы, права и свободы граждан, их гарантии, становятся известными не только гражданам одной страны, но и народам других стран и даже всему миру. Особенно это касается общечеловеческих и демократических ценностей, закрепляемых правом.

Если право соответствует демократическим и гуманным стремлениям, интересам и надеждам людей, оно становится притягательным для них, гражданами каких бы государств они не являлись. Кроме того, существует множество международных организаций, добивающихся распространения реальных демократических и якобы демократических правовых институтов на все страны мира. С этих позиций можно утверждать, что идеологическая функция права — это одновременно и его внешняя функция.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В литературе высказаны суждения о внешних функциях права. Например, Л.А. Морозова, говоря о внешних функциях права, имеет в виду его действие как социального регулятора общественных отношений, т. е. задачи, решаемые им, помимо регулирования общественных отношений. Она пишет, что внешние функции права находятся как бы за пределами самого права. Соответственно она выделяет культурно-историческую, воспитательную, информационно-регулятивную функции и функцию социального контроля¹².

В данном перечне функций, пожалуй, лишь культурно-историческая функция соответствует понятию «внешние функции», ибо посредством ее, как пишет Л.А. Морозова, «право аккумулирует духовные ценности и достижения мировой культуры»¹³. Другие функции трудно отнести к внешним, их характеристика дает основание утверждать, что это обычные функции права — социальный контроль, информационное регулирующее воздействие, осуществляемые внутри государства.

Итак, каковы основные признаки идеологической функции права?

Во-первых, эта функция есть отражение правом определенной идеологии конкретного общества: или классовой, или общенациональной, что позволяет

праву более эффективно выполнять свою основную задачу — регулировать общественные отношения; во-вторых, эта функция всегда направлена на укрепление идеологии политических сил, стоящих у власти, причем не только правовых, но и иных взглядов и представлений; в третьих, идеологическая функция характеризует право как прогрессивный, или, напротив, регрессивный идеологический инструмент, способствующий или тормозящий развитие общества; в четвертых, идеологическую функцию можно рассматривать в рамках способности права осуществлять внешнее воздействие, т. е. отнести ее к внешним функциям права.

¹ См.: Рыбаков В.А. К вопросу о роли идеологии в современном государстве // Вестник Омского ун-та. 1998. Вып. 1. С. 91–93.

² См.: Буховец А.Н. Идеологическая функция государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 3.

³ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007.

⁴ См.: Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 198.

⁵ См., например: Реутов В.П. О разграничении функций права и правового регулирования // Правоведение. 1974. № 5.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 45.

⁷ См.: Парсонс Т. Социологическая функция в современном мире. Нью-Йорк, 1967. С. 190.

⁸ См.: Мальцев Г.В. Идеология, политика и право (Некоторые вопросы их взаимоотношения) // Советское государство и право. 1970. № 2. С. 19.

⁹ *Idiologie und Rech / herausgegeben von W. Meichoffer. Frankfurt-am-Main, 1969.*

¹⁰ См.: Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Вып. 10: Принципы права / под ред. В.В. Бутнева, В.Н. Карташова, Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2006. С. 31.

¹¹ О функциях международного права в данном случае речь не идет. Это отдельная тема.

¹² См.: Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2008. С. 208.

¹³ Там же.

А.И. Демидов

УРОКИ ФАРБЕРА: КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

В статье рассматривается принцип конституционализма как эффективная основа формирования национальной идеи как консенсуса относительно базовых ценностей, регулирующих деятельность государства.

Ключевые слова: Конституция, национальная идея, ценности, идеология, государство, консенсус.

A.I. Demidov

THE FARBER'S LESSONS: THE CONSTITUTIONALISM AS A PRINCIPLE OF THE FORMATION CIVIC NATIONAL IDEA

Principle of constitutionalism it is an effective base of making national idea as a consensus of basic values, which are regulating state activity.

Keywords: Constitution, national idea, values, ideology, state, consensus.

Как это часто бывает в жизни, мы узнаем о человеке гораздо раньше, чем с ним познакомимся. Об Исааке Ефимовиче Фарбере, видном теоретике-юристе, заведующем кафедрой государственного права, профессоре Саратовского юриди-

© Демидов Александр Иванович, 2013

Доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, проректор по инновационному развитию и международному сотрудничеству (Саратовская государственная юридическая академия).

ческого института, я еще школьником узнал от своего отца — Демидова Ивана Павловича, который в 60-е гг. прошлого века был ректором этого института. Отец всегда очень высоко ценил Исаака Ефимовича, с которым его связывала и общая Alma mater — Академия общественных наук при ЦК КПСС, аспирантуру которой они оба закончили, правда, в разное время.

А когда я уже сам учился в аспирантуре при кафедре философии Саратовского государственного университета, то многое для себя почерпнул из великолепной монографии И.Е. Фарбера «Правосознание как форма общественного сознания» (М.: Юриздат, 1963), ставшей заметным событием в тогдашней общественной науке. Книга раскрывала сложный, многоликий мир правового сознания, показывала, что оно не сводится только к праву (именно право до И.Е. Фарбера в историческом материализме считалось формой общественного сознания), включает и обыденное правовое сознание, и право, и идеологию, и правовую психологию. Он обращался к анализу взглядов своих предшественников ученых-правоведов, имена которых в то время были или забыты, или запрещены. Так создавалось представление о структуре правового сознания, которым мы пользуемся до сих пор.

В 1975 г. я начал работать в Саратовском юридическом институте в качестве заведующего кафедрой философии и с интересом приглядывался к И.Е. Фарберу, который на меня производил впечатление интеллектуальной и физической «глыбы» (Исаак Ефимович по телосложению был весьма крупным мужчиной), а «глыба», как он потом рассказывал, приглядывался ко мне. Кроме явного интереса к философии, Фарбер был заинтересован, чтобы кафедру философии в его родном вузе возглавлял квалифицированный, а не догматизированный человек. Вот на такой основе сформировалось наше взаимное доброжелательное и уважительное отношение друг к другу, которое потом никогда не менялось, а теперь, по крайней мере, с моей стороны, распространяется и на его учеников.

Исаак Ефимович многому научил своего молодого коллегу, а один из его советов — о необходимости для философа, преподающего в юридическом вузе, серьезного изучения и развития интереса к праву — я и мои коллеги реализуем по сию пору. Родоначальник широко известной и процветающей поныне саратовской школы конституционалистов, И.Е. Фарбер демонстрировал творческий подход к своим ученикам: уверенный в себе и своем потенциале ученый поддерживает и направляет работу своих учеников, он относится к ним не как к соперникам, а как к коллегам и продолжателям своего дела. Эта линия отчетливо выражена в школе саратовских конституционалистов по сию пору уже под руководством ученика Исаака Ефимовича — профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки РФ В.Т. Кабышева. Квалифицированные конституционалисты востребованы как на практике, так и в науке, образовании. Поэтому ученик Исаака Ефимовича — профессор, доктор юридический наук О.О. Миронов становится первым Уполномоченным по правам человека в России, а профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ Б.С. Эбзеев — судьей Конституционного Суда РФ, а затем избирается Президентом Карачаево-Черкесии. Свою научную школу в Волгограде создает доктор юридических наук, профессор Ю.П. Еременко. Под руководством ученицы уже В.Т. Кабышева — доктора юридических наук, профессора Г.Н. Комковой — воссоздается юридический факультет в Саратовском государственном университете. Вокруг Галины Николаевны формируется своя группа учеников, она становится депутатом Саратовской областной Думы. И в Саратове, и в Москве плодотворно

работают доктора юридических наук, профессора Т.В. Заметина и Т.М. Пряхина. Это уже не линия, это дерево добра.

А ведь может быть и иначе. Неуверенный в себе (и в глубине души знающий, что для этого есть основания), но алчущий власти глава научного коллектива ревниво отслеживает работу своих коллег и неутомимо, изобретательно «выпалывает поляну» вокруг себя, давя возможных конкурентов, разрушая судьбы и души людей. Бывает, к сожалению и так. Но это уже не «по Фарберу».

Школа Фарбера, востребованность ее учеников свидетельствуют о том, что кадровая проблема в науке и образовании не может быть решена раз и навсегда, она воспроизводится в новых условиях и требует каждодневных усилий, постоянного к себе внимания.

Интересен, ярок профессор И.Е. Фарбер и как вузовский педагог. Если бы он преподавал в наше время, то полностью бы соответствовал критериям современной инновационной методики преподавания. Исаак Ефимович отвергал лекцию как диктант «под запись», неоднократно выказывал презрение к такой манере «преподавания» — свидетельству интеллектуального бессилия человека, взявшегося не за свое дело. Он уважал студента, относился к нему не как к «попке», способному лишь к воспроизведению записанного, а как к товарищу по поиску, который будет решать задачи, не сопоставимые по сложности с теми, которые пришлось решать твоему поколению. Поэтому лекция для Фарбера была искусством, пробуждающим мысль студента, направляющим ее к решению проблем и задач, важных для его образования, последующего самостоятельного поиска и наращивания знаний.

Нельзя не отметить новаторского характера деятельности И.Е. Фарбера. Именно благодаря ему, проблематика прав человека, которая в советском общественном сознании в лучшем случае «не замечалась», а в худшем просто подавлялась, развивается в нашей Академии с конца 50-х гг. XX в. Таким же новаторским является его учение о правосознании.

Исаак Ефимович был патриотом своей страны — СССР. Этот патриотизм основывался не на забвении или превознесении своей национальности, а на рассмотрении СССР, России как общей Родины многих народов, объединенных общей судьбой, задачей, языком и культурой, стержнем которых были русский язык и культура. Он рассматривал Конституцию как выражение принципов, на которых строится народное единство, вырастает, как сейчас бы сказали, гражданская нация. И эти его идеи очень созвучны современности.

Актуальность необходимости решения этой проблемы обостряется под воздействием ряда известных обстоятельств. В условиях глобализации растет уровень интенсивности экономических, социальных, культурных связей, существующих в современном мире. Но при этом на фоне очевидных и мощных интеграционных процессов все более заметными становятся тенденции к обособлению: региональному, культурному, конфессиональному. Увеличивается количество этнических и религиозных конфликтов, нарастает их напряженность. Приходит в подвижное состояние геополитическая «картина мира», в котором возникают новые центры силы и влияния, приходят новые могущественные и претензиозные «игроки».

Крушение Советского Союза, которые В.В. Путин в одном из своих посланий назвал «крупнейшей геополитической катастрофой века»¹, резко изменило геополитическую ситуацию в мире, создав как новые угрозы, так и породив новые возможности и реалии, которые необходимо учитывать и использовать на благо, а не во вред России.

Уникальное качество нашей страны, определяемое ее геостратегическим положением, историей, экономикой и культурой, заключается в том, что Россия выступает как величайший стабилизатор международного экономического и политического порядка. Эта роль определяется ее самодостаточностью, отсутствием у нее (а вернее, у нас) дефицита жизненно важных ресурсов, который, как это не раз случалось в истории, толкает народы к геополитическим переменам, в т. ч. и весьма драматичным. Россия обладает огромной территорией (правда, находящейся в основном в очень неблагоприятной климатической зоне и плохо обустроенной). Наши ископаемые ресурсы колоссальны, на долю России приходится более чем половина плодородных земель планеты, она располагает огромными запасами пресной воды, дефицит которой становится все более ощутимым во многих частях нашей планеты.

Чего явно не хватает на этой земле, так это людей. Но люди — это подвижный, восполняемый ресурс, который может дополняться в результате целенаправленной демографической политики, правда, имеющей свои ограничения в странах индустриальной и постиндустриальной стадий развития, а также в результате притока людей из других стран, обделенных ресурсами, но не людьми (так развивались США, Канада, Австралия, страны Латинской Америки).

Этот приток в Россию происходит и в наше время и может иметь как разрушительные, негативные, так и созидательные, позитивные последствия. Первые могут превратить Россию в пространство политических, религиозных, этнических столкновений, смертельно опасных для судеб всего человечества, поскольку речь идет о ядерной державе. Последствия более благоприятные могут стать результатом плодотворного взаимодействия и взаимообогащения народов, представляющих разные культуры и этносы. Условием реализации второй возможности служит нахождение общих скреп — экономических интересов и ценностей, наличие которых позволит подняться над различиями в многоликом, мультикультурном и многоконфессиональном мире.

Движение к обретению национальной идеи как системы выношенных целей и ценностей предполагает уход от социального сектантства, логики политического доминирования и ее культурных, поведенческих стереотипов и ярлыков.

Национальная идея, выражая ценности гражданского самосознания, идентифицируя человека с определенным государством, не может ни отрываться от этничности, ни растворяться в ней. Она основывается на этничности (традиции, архетипы, мифы, верования), но преодолевает ее, дистанцируясь от других народов, но и явно демонстрируя элементы единства с ними, указывая на свое место в этих отношениях. Это происходит, прежде всего, потому, что «этничность и национальность отличаются друг от друга степенью представленности и развитости в них социокультурного начала. Этнос объемлет в себе антропологию нации, все свойства телесности и телесного происхождения, то общее, что образуется в нации на базе процессов расо- и этногенеза факторами общности, порожденными кровью. Они первичны по отношению к нации и возникают задолго до появления нации, определяя их этническую базу и суть. Не может быть нации вне этнической основы. Нация всегда этнична в своей основе и сущности и вместе с тем она — нечто большее, чем этнос и уже хотя бы в том смысле, что, как правило, полиэтнична, складывается из нескольких этносов, есть результат этнических синтезов в процессе своего этногенеза»². Национальная идея придает политическому развитию качества последовательности и целенаправ-

ленности на основе выдвижения идеалов и целей, соответствующих не только потребностям субъекта политики, но и реальным условиям, в рамках которых происходит развертывание, его деятельности. В таком качестве она выступает как объединительный принцип, приемлемый и понятный для большинства, отражающий интересы людей и служащий критерием оценки деятельности государства и каждого отдельного человека с точки зрения общего интереса, служения общему благу. Национальная идея — не мировоззрение узкой секты, а вид духовного творчества народа³. Ее формирование возможно, на наш взгляд, при соблюдении следующих условий:

такая идеология должна генерироваться из культуры, исторического опыта, народного сознания и творчества;

ее органической частью должны быть общечеловеческие ценности, как бы гарантирующие от нацеленности на нанесение очевидного вреда;

она должна не отрицать, а сочетаться с существованием политического и идейного плюрализма, что оказывается возможным при наличии согласия участников политического процесса по относительно небольшому, но устойчивому кругу политических и социальных ценностей, таких как безопасность, благосостояние, свобода, справедливость.

Существуют, по крайней мере, два основных подхода в трактовке этого феномена: мифологический (очень часто перерастающий в мистический) и рациональный. В первом случае национальная идея рассматривается как форма решения какой-либо сверхзадачи, участия в важном историческом деле, объединяющем всю нацию и возвышающемся над обыденностью повседневного существования. В зависимости от идейного настроя и темперамента своего создателя ею может быть и установление мирового господства, и экспорт свободы (или революции), и объединение Европы, и защита прав и свобод человека, и освобождение человечества от эксплуатации, или даже воскрешение мертвых. Ясна, по крайней мере, сомнительность, если не неприемлемость национальной идеи в таком виде для современного общества (исторический опыт все-таки кое-чему научил).

Во втором рациональном смысле под национальной идеей понимается ценностная часть Конституции определенного государства, представляющая собой консенсус относительно важнейших национальных приоритетов и служащих критерием оценки деятельности государства. Принцип конституционности фиксирует структуру базовых ценностей политической общности и выражает готовность государства выстраивать свои действия и структуру в соответствии с ними. На его основе осуществляется перевод политической идеологии в правовую систему, обеспечивается единство социальной, политической и правовой жизни. Происходит движение от произвольного и в значительной степени случайного построения права к его систематизации, ликвидации противоречий и нестыковок в правовой среде.

Конечно, существует колоссальное многообразие интересов, социальных и политических ориентаций, но оно не отменяет наличия общих интересов, среди которых и безопасность, и мир, и права и свободы человека, и целостность государства, и плюрализм, и справедливость.

Такая идея не формулируется и сообщается, а вынашивается и корректируется историческим опытом, в ходе которого отвергаются как мессианские, так и сектантские ее трактовки. В рамках первых перед общностью ставятся

чрезвычайные, выходящие за рамки реальности задачи, и нации предписывается некая «историческая миссия» («народ-богоносец», «соборность», «авангард человечества» и т. д.). В рамках вторых — абсолютизируется роль определенной социальной группы, другие же низводятся до положения ущербных, «пораженных». Источником такого рода искажений служат частные интересы социальных групп, в силу тех или иных причин узурпирующих реализацию общей задачи национальной консолидации.

В качестве стержня интегративной идеологии национальная идея выступает критерием оценки деятельности государства и каждого отдельного человека с точки зрения общего интереса, служения общему благу. Она формулируется не в чиновничьем кабинете, а служит обобщением народного исторического опыта и вызывает недоверие, когда предлагается людьми, не имеющими ничего общего ни с нацией, ни с идеей.

Идеологический потенциал российской Конституции достаточно велик и используется далеко не в полной мере. Достаточно привести такие важнейшие положения Конституции, как разделение властей, социальное государство, народовластие, федерализм, выборность как основной принцип формирования органов власти, реализация которых является лишь частичной.

Важное политическое качество действующей Конституции — это способность поддержания баланса интересов и регулирования конфликтов. Она вытекает из удачной композиции в Конституции консервативных, либеральных и уравнилельных идеалов и ценностей. Некоторый политико-мировоззренческий эклектизм здесь вполне допустим как отражение того переходного состояния, в котором находится наше общество.

Основой ее консолидирующего потенциала служит консенсус относительно важнейших национальных приоритетов. Они фокусируются в небольшой группе ценностей, выражающих фундаментальные потребности нации, без реализации которых ее существование как государственно-организованной общности оказывается просто невозможным (для нашей страны — это экономический рост, территориальная целостность, мир, безопасность, гармонизация отношений с окружающей средой, народовластие).

Наличие согласия не отвергает возможность политического плюрализма, выдвижения собственных приоритетов и целей деятельности, не противоречащих базовым ценностям, но указывающих на наличие различных путей их реализации. Своеобразие национальной идеи заключается в интегральном, разноплановом механизме генезиса, центральным элементом которого является культура. Ведь, с одной стороны, национальная идея — это вид абстрактного, системно организованного знания, обладающего значительным потенциалом обобщения реальности и служащего результатом специальной, целенаправленной мыслительной деятельности. С другой стороны, она должна обладать силой очевидности, быть понятной и разделяться массой людей, не обладающих специальными знаниями.

Синтезируемая национальной идеей ценностная среда формирует долговременные политические ориентации, представления о стереотипах должного поведения. Они приобретают устойчивость, массовую базу, если постоянно подтверждаются, подкрепляются деятельностью провозглашающих их людей. Именно практика оказывается здесь главным просветителем и педагогом, и все, что в ней не подтверждается, просто уходит из народного сознания. Возникая как продукт абстрактного специализированного знания, она проходит

сложный путь становления, чтобы стать компонентом практического опыта, элементом политической культуры определенного народа, быть выраженной в его государственной политике. Вырабатываться такая национальная идея должна, опираясь на исторический опыт и традиции народа в соответствии и согласии с приобретенными им в истории архетипами. Политическая культура выстраивается на основе национальной идеи, являющейся ее ценностным ядром. Становление политической культуры личности, т. е. политическая социализация реализуется как приобщение, освоение национальной идеи: ее оснований, принципов и идеалов.

Огромное значение здесь имеет соответствие деятельности государства заявленным в национальной идее принципам. Любое несоответствие, а попросту — политическая ложь, лукавство всякого рода — разрушительны. Вообще, всякого рода лакуны, несоответствия разрушительным образом действуют на ростки гражданского самосознания, оборачиваясь расчетливым прагматизмом или цинизмом.

Способность выработки и распространения национальной идеи — важное качество политической и культурной элиты. В настоящее время общим местом стало использование данного термина как собирательного, включающего в себя всех, кто в той или иной мере влияет на принятие и проведение в жизнь властных решений. Состав, качество людей, которые этим делом могут быть заняты, остается за бортом исследовательского внимания. Получается, что элита — это самоназвание правящих групп. Теоретическая традиция (В. Парето, К. Моска) связывает с этим термином, прежде всего, понимание, что способность эффективного управления не всем дана и требует соответствующей подготовки, как профессиональной, так и психологической. Критерий вхождения в элиту или выпадения из нее — вырастающая в силу разных причин способность подняться над обыденностью частного существования, отразить и проводить своими действиями общие интересы.

Не просто, хотя и не предопределенно, складываются отношения национальной идеи и принадлежности к конфессии как важному элементу культуры любого народа. Ясно, что в современных обществах эта проблема осложняется их поликонфессиональностью, которая может содержать в себе мощный потенциал конфликтности, а религия может использоваться как средство освящения разделенности, инициирования этнического и местечкового эгоизма.

Однако роль конфессиональной принадлежности в движении от национальной идеи как принципа, объединяющего разные народы, живущие в едином государстве, к религиозной розни и противостоянию однозначно не предопределена. И ее можно и нужно использовать как мощный фактор духовного объединения людей, если относиться к религии не как к этнографической особенности, характеризующей предрассудки, бытующие у обитателей определенной территории, но рассматривать ее как путь каждого к Единому, как эффективный механизм сакрализации ценностей, дающий их предельное возвышение, подкрепление авторитетом высшего духовного существа.

¹ Путин В.В. Послание Президента России Федеральному собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения: 15.04.2013).

² См.: Козин Н.Г. Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. М., 2012. С. 79–80.

³ См.: Ильин И.А. Учение о правосознании // Родина и мы. Смоленск, 1994. С. 382.

С.В. Кабышев

ФОРМУЛА ПРАВА ПРОФЕССОРА И.Е. ФАРБЕРА

В статье анализируются взгляды профессора И.Е. Фарбера на понятие «право», его сущность и социальное назначение. Отмечается актуальность данной концепции для современности. Обосновывается научная ценность и практическая значимость формулы права профессора Фарбера.

Ключевые слова: понятие права, социальное назначение права, распределение социальных благ, формула права.

S.V. Kabyshev

PROFESSOR I.E. FARBER'S LAW FORMULA

This article presents an analysis of Professor I.E. Farber's views on the concept of the law, its essence and social purpose. Actuality of his concept for modern times is noted. The conclusion is drawn that Prof. Farber's law formula is of scientific value and practical importance today.

Keywords: concept of the right, social purpose of the right, distribution of social benefits, formula of the right.

Исаак Ефимович Фарбер был научным руководителем моего отца. С детских лет я помню, с каким пиететом произносилась фамилия «Фарбер» в нашем доме. Встречаясь с детьми других аспирантов Исаака Ефимовича (Ю.П. Еременко, М.Т. Богомолова, О.О. Миронова), я слышал от них, что им родителями постоянно говорилось: «Будешь хорошо учиться — станешь Фарбером». Мы — дети — были совершенно уверены, что наши отцы учатся в аспирантуре, чтобы потом работать фарберами, и думали, что это какая-то особая профессия, должность.

Ученики не просто любили своего учителя, они боготворили его. Исаак Ефимович был для них образцом ученого и педагога. Его человеческие качества были настолько исключительными, что он заражал своей любовью к профессии. Аспиранты буквально копировали манеру, стиль проведения своего шефа.

В середине 70-х гг. прошлого века Исаак Ефимович переехал в новую квартиру на ул. Чапаева в г. Саратове, которая была недалеко от дома, где я жил с родителями. Исаак Ефимович пригласил меня (я тогда учился в 5 классе средней школы) помочь ему расставить книги (впоследствии мне еще дважды выпала честь помогать Исааку Ефимовичу разбирать его библиотеку). Для меня это был первый урок бережного отношения к книгам как источнику знаний. Сейчас я понимаю, как прав был мой отец, поскольку авторитет И.Е. Фарбера навсегда снял мое несерьезное отношение к книгам. После этого я иначе воспринимал и наставления отца, казавшиеся мне раньше ненужными нравоучениями. У Исаака Ефимовича был свой, особый порядок в библиотеке. Он расставлял книги по тематическому содержанию с учетом алфавитного порядка. Во втором ряду располагались произведения авторов, которые были не то что запрещенными, но не особо цитируемыми. При этом, по мнению Исаака Ефимовича, они имели научную ценность и он не мог позволить себе сдать их в макулатуру. Это были работы А.Я. Вышинского, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородского, Л.И. Петражицкого, Е.Б. Пашуканиса и др.

С этого момента мое общение с И.Е. Фарбером стало регулярным. Он взял над мной своеобразное шефство и я часто приходил к ним в гости, тщательно готовясь

© Кабышев Сергей Владимирович, 2013
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина); e-mail: svkabyshev@gmail.com

к этим встречам, поскольку Исаак Ефимович и его супруга Антонина Ивановна интересовались моими успехами в учебе, спрашивали мое мнение о пройденном материале. Я ловил себя на мысли, что к Фарберу, в отличие от школьного урока, я не могу прийти неподготовленным. Конечно же, он не поставил бы мне двойку, в нем не было никакой надменности и менторства. Исаак Ефимович живо интересовался моими успехами в спорте, даже приходил смотреть соревнования (я серьезно занимался академической греблей и баскетболом, стал кандидатом в мастера спорта).

Таким образом, мой путь в профессию был предопределен. Когда я поступил на I курс Саратовского юридического института им. Д.И. Курского, Исаак Ефимович пригласил меня к себе и подарил несколько оттисков своих статей о понятии и применении права, брошюру о сущности права со словами: «Уяснение этих вопросов — основа профессии, которую я выбрал». Прочитав их, я опять пришел к нему уже с конкретными вопросами. Он, выслушав меня, откровенно рассказал о своих заблуждениях и поисках в науке, доходчиво продемонстрировав пути достижения научной истины.

Научные работы, как, впрочем, и лекции профессора Фарбера, отличались четкостью и доступностью изложения сложных вопросов. У меня сохранились студенческие записи, где я фиксировал высказывания Исаака Ефимовича, ставшие для меня своеобразным практическим руководством. Приведу некоторые из них:

«Профессиональное воспитание юриста было бы неполным, если бы не затрагивало эмоциональной сферы студента. Необходимо уделять внимание формированию правовых чувств (чувств законности и др.)».

«Студенты должны стремиться к юридической профессии как самой престижной, важной для общества. Выработать уважение к закону — такова задача преподавателя».

«На базе юридических знаний должны сложиться умения толковать и применять закон или иной нормативный акт».

«Сначала студент должен уметь быстро находить нужную статью закона».

«Воспитание у студента жажды знаний проявляется в поиске нужной книги. Студенты должны сами подобрать литературу к избранной теме и доложить о ней преподавателю, который обязан проконтролировать библиографическую работу студента: старые источники снять, новейшие — рекомендовать».

«Профессиональное воспитание юриста — приобретение юридических знаний, умений практически реализовывать эти знания и выработка юридических навыков».

Профессор Фарбер был человеком высокой культуры, образцом профессиональной этики и педагогического такта. Умение просто объяснять сложные вещи обеспечивали его мощное воспитательное воздействие. Он прививал вкус к знаниям.

Высокая требовательность к себе, щепетильность и научная смелость ученого способствовали тому, что многие научные выводы Исаака Ефимовича не утратили своей актуальности и поныне. Его фраза «каждая научная статья должна быть явлением в науке», по моему мнению, должна быть девизом всех ученых.

Многие идеи И.Е. Фарбера востребованы и стали классикой отечественной правовой науки. В подтверждение достаточно привести несколько цитат из его работ:

«Теоретические истины науки постепенно, при помощи правовой пропаганды, учебного процесса в юридических вузах, судебной и административной практики

распространяются в массовом общественном правосознании, становятся достоянием если и не каждого, то большинства людей. Уважение к праву может сложиться лишь при определенном уровне теоретического правосознания. Наука права должна теоретически обосновать социальную ценность права, дать ответ на вопрос: зачем нужно право каждому человеку... Право — регулятор поведения. Однако акцент на поведении лиц, на нормах и мерах возможного и должного поведения дает одностороннюю характеристику социального назначения и социальной ценности права. Ведь кроме права есть другие регуляторы поведения — мораль, политика, искусство, организационные нормы и пр. В ряду многих норм поведения правовые нормы порой воспринимаются людьми далеко не как самые лучшие и ценные. Причина такого отношения, думается, в том, что еще недостаточно активно пропагандируется тезис о социальном назначении права, роль которого, конечно, не сводится только к регулированию человеческого поведения. Этот регулятор имеет объективные основания в экономической и культурной жизни советского общества, что выражается в категории объекта права. Хотя категория «объект права» вызывает незатихающие споры, все больше и больше юристов склоняются к мысли, что объект права — это социальное благо...

Когда речь идет о праве собственности, праве на труд, праве на материальное (социальное) обеспечение и других конституционных правах граждан, имеются в виду материальные, социально-экономические блага как объекты данных субъективных прав. Применительно к имущественным правоотношениям, где объект права способен удовлетворять материальные (экономические) интересы людей, положение о том, что право распределяет в индивидуальное обладание блага, вряд ли вызовет возражения. Этот вывод науки легко (под влиянием практики) усваивается общественным сознанием. Сложнее обстоит дело с культурными, политическими и иными правами. Можно ли и эти права связывать с понятием социальных благ?

Понятие «благо» вовсе не исчерпывается материальными ценностями; есть социально-политические блага (ценности), например свобода и равенство, культурные блага — образование, произведения живописи и др. Под социальным благом понимаются положительные ценности в предметах и явлениях общества, т. е. такие ценности, которые способны удовлетворять различные потребности людей в экономической, политической, духовной и личной жизни.

Активное избирательное право дает гражданам политическое благо, обеспечивающее одну из форм участия граждан в управлении государством; право на образование предоставляет культурное благо: получение образования, причем бесплатно, а в ряде случаев с обеспеченной государственной стипендией учащимся. Такие личные блага человека, как имя, честь, достоинство, свобода совести, неприкосновенность личности, защищаются нормами различных отраслей права. Указанные блага и выступают в качестве объектов соответствующих субъективных прав.

Общая теория права и отраслевые юридические науки недостаточно изучают правовые вопросы распределения социальных благ среди отдельных лиц (граждан и организаций). В общественном сознании крайне слабо распространена мысль, что право распределяет блага в индивидуальное обладание. В общественном правосознании слово «право» связывается прежде всего с поведением, с обязательными нормами, принуждением, ответственностью, но менее всего с обладанием социальными благами. Если право — только область государствен-

ного принуждения, то оно приложимо прежде всего к тем, кто нарушает нормы поведения. Если же право — это прежде всего социальный распределитель благ, без которого невозможно распределение благ среди всех граждан, то оно приложимо к каждому человеку, а следовательно, оно, право, — огромная социальная ценность, без которой не может жить буквально ни один человек в обществе.

Конечно, право не создает социальных благ — материальных, духовных, политических и личных. Все блага производятся трудом советского народа, его общественно-политической и культурной деятельностью, они возникают по объективным экономическим и политическим законам развития общества, строящего коммунизм. После того, как блага созданы, встает вопрос о том, как распределить эти блага, особенно ту часть общественного богатства, которая попадает в фонд народного потребления.

Общество должно иметь специальный механизм распределения произведенных социальных благ. Таким распределительным механизмом не может стать ни одна часть общественной надстройки — ни политика, ни мораль, ни искусство. Только право объективно обладает функцией распределения социальных благ в индивидуальное обладание. Право — не только и не столько форма фактического. Оно само выполняет в обществе содержательную социальную функцию распределения благ. Почти все, чем обладает советский человек, — трудом, зарплатой, отдыхом, свободой слова, совести, личными вещами и пр., получено им по праву, а если кто-то приобрел что-либо в обход закона, он осуждается моралью и правосознанием. Все это элементарно, но несомненно одно: огромные, постоянно растущие богатства общества могут быть распределены между отдельными людьми лишь при помощи правового механизма. В этом фактическая социальная ценность права и его объективная необходимость в обществе.

Таким образом, правовое регулирование — это не только подчинение людей государственно обязательным нормам поведения, но и распределение социальных благ между членами общества.

Абсолютное большинство социальных благ, которыми владеют, пользуются и распоряжаются отдельные лица — человек и организация, предоставляются по правовому титулу. Социальный смысл охраны прав Советским государством заключается не в самих правах как таковых, а в тех благах, которые предоставлены личности по праву, по закону»¹.

Можете представить, что это было написано 50 лет назад? И.Е. Фарбер не боялся в те непростые времена делать революционные заявления о том, что «наша наука уделяет недостаточное внимание проблеме распределения социальных благ при помощи юридического механизма регулирования общественных отношений. Может быть, одна из причин этого в том, что в общем определении права ничего не сказано о назначении права быть распределителем социальных благ. Это — серьезный, принципиальный недостаток определения права. Конечно, ни одна дефиниция не может охватить всех признаков предмета. Но когда определение опускает его наиважнейший, объективный, необходимый признак, наносится ущерб и науке, и практике...

Политическое сознание вкладывает в слово «право» тот смысл, что оно — инструмент распределения социальных благ, а не подчинения поведения людей известным нормам, что следует как из общего определения права. Пора нам, юристам, усовершенствовать общее определение права, указав в нем, что право — это не только совокупность обязательных норм поведения, но и распределитель

социальных благ между членами общества. Это продиктовано объективным назначением советского права распределять социальные блага»².

Преимственность идей профессора Фарбера наглядно демонстрирует Конституция новой России, которая закрепила свободу и справедливость, человеческое достоинство и благополучие, защиту семьи и отечества не только как общепризнанные ценности, но и как юридические понятия.

Но какова фактическая конституция? Достаточно ли правовое регулирование социальных благ?

О правах человека можно говорить сколько угодно, и это совсем не повлияет на реальную жизнь, если они не находят четкого юридического воплощения в строгих юридических формулах, которые «автоматически» обеспечивают определенный результат, чтобы никакой чиновник не мог помешать его наступлению. Наша Конституция гарантирует постоянную социальную защиту, а значит, нужны такие средства и формы реализации конституционных норм, которые бы исключали возможность их неисполнения.

Заслуживает внимания опыт Афинского государства, когда законодатели несли ответственность за последствия его реализации. Почему же у нас спустя несколько веков недостаточно мер ответственности законодателя? Право является таким социальным феноменом, который человечество выстрадало на протяжении своего развития в качестве регулятора распределения социальных благ. Когда же законодатель, не учитывая закономерности функционирования и развития права, принимает законы — это создает иллюзию реальности права, затем тиражируется в региональных законах и ведомственных нормативных актах и в конечном итоге ведет к инфляции права.

Вспоминая древних, заметим, что упрек Сократа, адресованный Периклу, состоит не в том, что его грандиозные предприятия потерпели неудачу впоследствии, а в том, что своими величественными проектами он уже при жизни вскружил голову афинянам и обесценил гражданские добродетели. В этой связи меры по повышению уровня и качества народного представительства во власти, ротации руководящего партийного аппарата, создания атмосферы «невыгодности» коррупционного поведения и др. своевременны и необходимы. Повышение требовательности к кадровому составу государственных и муниципальных служащих — это, прежде всего, их реальная ответственность за качество и результаты работы. Критерием оценки работы для законодателя должно стать не количество законов, а последствия их реализации. Это обязательный ингредиент формулы права.

Еще раз подчеркнем, наша задача создать такой механизм реализации конституционных ценностей, который бы работал «автоматически». Формула «права человека» — «обязанности государства» — «меры защиты, гарантий и ответственности» должна опираться на конституционное мировоззрение граждан и обеспечивать в конечном счете достижение общего блага и ее впервые четко сформулировал профессор И.Е. Фарбер. Эта формула ориентирует правовую науку на выявление благ, которые она дает людям, стимулирует уважение к праву, не умаляя роли принуждения и не выдвигая его на первый план.

¹ Фарбер И.Е. К вопросу об объективном в праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 103–107.

² Фарбер И.Е. Выступление на «круглом столе» «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 59–60.

Е.В. Колесников

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

В статье рассматриваются актуальные вопросы становления демократического правового государства в Российской Федерации; организационно-функциональные признаки правового государства. Показано, что верховенство закона является ведущим признаком демократического правового государства и конституционным принципом.

Ключевые слова: Конституция РФ 1993 г., конституционное законодательство, демократическое правовое государство, верховенство закона, законность, суд, судопроизводство.

E. V. Kolesnikov

ESTABLISHMENT OF THE DEMOCRATIC STATE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND PRINCIPLE OF SUPREMACY OF LAW

In this article is devoted to current issues of establishing of the democratic state of law in the Russian Federation. It is selected organizational and functional signs of state of law. It is shown that rule of law is a leading sign of the democratic state of law and constitutional principle.

Keywords: Constitution of Russian Federation in 1993, constitutional legislation, democratic state of law, supremacy of law, legality, the court, legal proceedings.

Задача построения в России *демократической правовой государственности* была поставлена в Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г.¹, а в концептуальном плане — только в действующем Основном Законе 1993 г. (ст. 1, 2, 4, 17, 18). Признание данной концепции, ее отражение в конституционных нормах связано с демократическими реформами, сменой общественного строя, новым обликом Российского суверенного государства².

В советской юридической науке концепция правового государства получила права гражданства в условиях перестройки. Задача создания демократической правовой государственности прямо ставилась правящей партией и влиятельной политической силой того периода — КПСС, — лишь начиная с 1988 г. Это был, несомненно, один из крупных реформаторских шагов тогдашнего партийного руководства, связанный во многом с признанием приоритета общечеловеческих ценностей. Знаменательно, что идея правового государства является едва ли не общепризнанной и поддерживается многими силами — политическими партиями различной идеологической ориентации, общественными движениями, предпринимателями, широкими кругами творческой и научно-технической интеллигенции.

Важнейшими свойствами правового государства являются новый тип отношений между государственным аппаратом, должностными лицами, руководителями всех рангов и гражданами, предполагающий их взаимную ответственность и изменение взаимоотношений между государством и правом. Причем, право — это в первую очередь стабильный, долговременный регулятор социальных отношений, воплощающий демократические и гуманистические

© Колесников Евгений Викторович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kmp@sgar.ru

ценности и соответствующий основным закономерностям общественного развития, средство достижения общего согласия, гражданского мира, а не только орудие государственного управления.

Цель правового государства — соблюдение, защита и гарантирование прав и свобод, при этом человек признается высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Первостепенной (но не единственной) предпосылкой подобных новых взаимоотношений государства, общества и личности являются признание и осуществление правового равенства граждан перед национальной Конституцией, законом и судом. Только в этом случае права и свободы человека и гражданина будут составлять не политическую декларацию или привлекательную совокупность лозунгов, а фундамент демократического государства, определять смысл и содержание деятельности органов государственной власти.

Среди признаков правового государства необходимо выделить группу т. н. *организационно-функциональных*, выражающих суть этого феномена и делающих реальным достижение его высоких идеалов.

Применительно к разнообразным и политически значимым аспектам организации государственной власти на первое место в условиях демократии выдвигается *принцип разделения властей*.

Конституция РФ 1993 г., признав концепцию народного суверенитета, установила законодательные и институциональные основы единства государственной власти и принципа разделения властей (ст. 5, 10–12). Данный базовый принцип направлен на *децентрализацию и деконцентрацию* институтов власти, ограничение монополизма в государственном строительстве и политической деятельности, и, как следствие, на соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина.

При демократическом режиме обязательно наличие *сильной судебной власти и независимого правосудия*, образующих в совокупности второй имманентный признак правовой государственности. Впервые в общем виде о «третьей власти» сказано в Декларации о государственном суверенитете новой России от 12 июня 1990 г. В ней разделение законодательной, исполнительной и судебной властей рассматривалось как важнейший принцип и условие функционирования РСФСР как *правового государства* (п. 13). Эта ветвь государственной власти в концептуальном плане закреплена только в Конституции РФ 1993 г. (гл. 7).

В 90-е гг. в условиях радикальных политических и социально-экономических преобразований была создана самостоятельная судебная власть, независимая от других ветвей власти. Ее задачи состояли в осуществлении правосудия, защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечении верховенства Конституции РФ и законов в иерархии источников права, а также в определенной мере — уравнивании законодательной (представительной) и исполнительной властей. Функциональное предназначение судебной власти — занять достойное место в *системе разделения властей, в механизме сдержек и противовесов*. Она призвана стабилизировать существующие общественные отношения, добиться протекания конфликтов и споров в цивилизованных формах. В соответствии с общепризнанными международными стандартами в Российской Федерации статус, устройство, юрисдикция судов, судопроизводство определяются исключительно Конституцией России, федеральными конституционными и федеральными законами.

Важнейшим организационно-функциональным признаком правового государства является *верховенство закона*. В действующей Конституции впервые четко зафиксирован принцип верховенства федерального закона (ч. 2 ст. 4, ст. 15, 90, ч. 1

ст. 115). Приоритет (от лат. *prior* — первый, т. е. первенство в какой-либо области)³ закона лежит в основе нового миропорядка и конституционного строя демократических государств. Альтернативой ему являются бесправие и социальный хаос⁴.

Верховенство закона — принцип правовой системы, означающий исключительную роль и ценность законодательной формы в регулировании общественных отношений и тем самым обеспечивающий невозможность (или, по крайней мере, ограничение) государственного произвола. В законе должны содержаться не любые нормы, а в основном первичные, базисные, имеющие прямое действие и государственную защиту. Так, одна из основных целей прокуратуры — обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности (ст. 2 Закона о Прокуратуре Российской Федерации 1992 г. с последующими изменениями и дополнениями)⁵.

Основополагающая черта подобного верховенства проявляется в том, что при коллизии законодательных и подзаконных норм предпочтение отдается правилу, содержащемуся в законе. Это особенно актуально для судов и других правоприменительных органов.

В правовой системе признается безусловное верховенство Конституции РФ, это юридическая аксиома. Приоритет закона показывает его уникальную роль и место применительно к массиву многочисленных и противоречивых подзаконных актов. Авторитет и юридическая сила закона зависят от его содержательной стороны, от того, насколько он способен быть эффективным регулятором общественных отношений, воздействовать на мотивы и поведение граждан и коллективов.

Содержательный аспект верховенства вытекает из суверенитета Российской Федерации, которая обладает всей полнотой власти на своей территории, необходимыми атрибутами и прерогативами самостоятельного, независимого государства, субъекта не только внутрисударственных, но и международно-правовых отношений. Это во многом предопределяет престиж и общеобязательность законодательных установлений. Принципиальное значение имеет характеристика России как демократического и правового государства (ст. 1 Конституции РФ). Развитие демократии возможно именно благодаря реализации данного конституционного положения, ибо основные государственные и общественные институты находят свое логическое воплощение в правовых формах. Кроме того, цивилизованная государственность может опираться только на единый рынок, общее социально-экономическое пространство, которые объективно требуют централизованного регулирования, опирающегося на систематизированные и непротиворечивые законодательные акты.

Немаловажное значение для утверждения анализируемого принципа имеет конституционная обязанность соблюдать законы (ч. 2 ст. 15), обращенная к гражданам, другим субъектам права. Российское государство обеспечивает равенство всех перед законом и правосудием (ст. 19), что также способствует повышению престижа законодательной формы.

Страны СНГ, провозгласив задачу построения правового государства, закрепили аналогичные или близкие формулировки: принцип верховенства права (ч. 1 ст. 8 Конституции Украины), безусловное верховенство Конституции и республиканских законов (ст. 15 Конституции Узбекистана), верховенство законов в качестве выражения воли народа (преамбула Конституции Азербайджана). В конституционном акте Кыргызской Республики сказано о «стремлении утверждения верховенства права» (преамбула)⁶.

Федеральные (общероссийские) законы имеют верховенство не во всех случаях. Учитывая федеративную природу Российского государства, конституционные нормы (ст. 76), они превалируют над актами субъектов Федерации, если изданы по предметам ведения Российской Федерации или же по предметам совместного ведения России и ее субъектов. Интересно, что еще Веймарская Конституция Германии 1919 г. предусматривала, что имперское (в современном значении федеральное) право имело перевес над областным (земельным) правом (ст. 13)⁷.

Анализируемое верховенство обеспечивает во многом его демократическое содержание, единство правовой системы и политических институтов, способствует укреплению государственности.

Рассматривая проблему более подробно, можно выделить следующие проявления подобного верховенства:

1. Приоритетность законодательной формы при регулировании определенных, политически и социально значимых общественных отношений.

2. Высшая (после Конституции) юридическая сила закона, что воплощается в его авторитете, непререкаемости, общеобязательности. В иерархии источников права он занимает высокое место и требует безусловного соблюдения, применения, исполнения, использования.

3. Непосредственность его действия. Вступивший в силу закон не требует специальной санкции, утверждения со стороны какого-либо государственного органа, учреждения, должностного лица, однако его отдельные положения могут конкретизироваться в подзаконных актах.

4. Соответствие ему иных нормативно-правовых и индивидуальных актов. С учетом конституционных положений это касается правотворческой деятельности главы государства, исполнительной власти, органов субъектов Федерации, министерств и ведомств. Подобные акты должны издаваться на основе и во исполнение закона или в пределах прав, предоставленных законодательными нормами, и быть подзаконными.

Верховенство закона можно рассматривать как ведущий формально-юридический признак правового государства и как конституционный принцип, положенный в основу демократического строительства. Его утверждение приводит к господству законности и правопорядка, уменьшает зоны хаоса, произвола и своеволия. Российская Конституция не только закрепляет данный принцип, но также говорит об обеспечении законности, правопорядка и общественной безопасности (п. «а» ч. 1 ст. 72), осуществлении мер по реализации законности (п. «е» ч. 1 ст. 114). Можно утверждать, что он распространяется не только на традиционное государственное управление, но и на многие важные сферы политической, социальной, экономической, культурной жизни.

Демократическая правовая государственность основана на выражении воли народа, уважении прав и свобод человека и гражданина. При демократическом политическом режиме никто не стоит над законом; государственные органы, должностные лица, партии, общественные объединения связаны правом и конституционным строем, действуют на основе законности, а Конституция обладает высшей юридической силой и имеет прямое действие.

⁷ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2, ст. 22.

⁸ Многие аспекты данной концепции уже исследовались в российском правоведении (см., например, работы С.А. Авакьяна, С.С. Алексеева, Н.В. Витрука, В.Д. Зорькина, А.В. Корнева, В.Н. Кудрявцева,

О.Е. Кутафина, В.В. Лазарева, Р.З. Лившица, В.В. Маклакова, Н.И. Матузова, В.С. Нерсесянца, В.Д. Первалова, Б.А. Страшуна, В.А. Четвернина).

³ См.: Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М., 2005. С. 538.

⁴ См.: Зорькин В.Д. Верховенство закона и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 30–31; *Он же*. В хаосе нет морали // Российская газета. 2012. 11 дек.

⁵ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8, ст. 336; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 35, ст. 3607.

⁶ См.: Новые Конституции стран СНГ и Балтии. М., 1997. С. 55, 452, 509; Конституции государств Азии: в 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 454.

⁷ См.: Конституции буржуазных стран: в 2 т. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 85.

В.Д. Мазаев

СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — ПОЛЕ БИТВЫ ИНТЕРЕСОВ И ЦЕННОСТЕЙ

В статье раскрывается социальная роль Конституции РФ; выделяются два уровня познания сущности Основного Закона и даются ее характеристики. Обосновывается рассмотрение Конституции с использованием закона единства и борьбы противоположностей.

Ключевые слова: сущность конституции, уровни познания сущности, интеграционные свойства, соотношение социальных сил, противоположности, противоречия, единство и борьба противоположностей.

V.D. Mazaev

ESSENCE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION — A BATTLE-FIELD OF INTERESTS AND VALUES

This article reveals the social essence of the Constitution of the Russian Federation and herewith allocates two levels of learning of essence of the basic law, and gives its characteristics. Consideration of essence of the Constitution with the use of the law of the unity and struggle of opposites is settled.

Keywords: essence of the Constitution, levels of learning of essence, integration properties, correlation of social forces, contrasts, contradictions, unity and struggle of opposites.

Название и содержание данной статьи навеяно воспоминаниями о профессиональной деятельности И.Е. Фарбера. В Исааке Ефимовиче сочетались выразительная внешняя фактура, черты яркой харизматической личности, лидера и пытливый ум исследователя. Общение с ним положительно влияло на творческие поиски аспирантов, молодых преподавателей. Научно-педагогическая школа И.Е. Фарбера давала фундаментальную подготовку по теории государственного права, методике преподавания данного предмета, ориентировала на наиболее актуальные и сущностные проблемы теории конституции, природы власти, институтов обеспечения и защиты народовластия, прав и свобод человека и гражданина. Об ее уровне свидетельствовали успехи его учеников и последователей. В частности, работая на кафедре государственно-правовых дисциплин Высшей следственной школы МВД СССР в Волгограде, я наблюдал у его учеников преданность идеалам своего учителя. Например, Ю.П. Еременко, руководитель кафедры государственно-правовых дисциплин, старался поддерживать на кафедре теории

© Мазаев Владимир Дмитриевич, 2013

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»); e-mail: vmazaev9@mail.ru

конституционного права высокой научный уровень исследований, нацеливать аспирантов на наиболее сложные теоретические и практические проблемы государственного права. В основе дружеских и творческих отношений родственных кафедр государственного права Саратовского юридического института (В.Т. Кабышев), Волгоградской следственной школы (Ю.П. Еременко) и юридического факультета Ростовского государственного университета (В.А. Ржевский) лежала система ценностей школы Фарбера.

У меня И.Е. Фарбер ассоциируется с исследователем, нацеленным на выявление природы явлений, сущностные характеристики вещей. Несмотря на идеологические трафареты советского времени, И.Е. Фарбер широко использовал универсальные законы и методы философии, социологии в познании правовых явлений, апеллировал к западным моделям и подходам при раскрытии потенциала конституции в социалистическом государстве (идеи конституционализма, прав человека и др.), рассматривал конституцию как важнейший регулятор удовлетворения социальных интересов общества и личности.

Социальная сущность российской Конституции¹: уровни и свойства. Закрепление в Конституции РФ 1993 г. общедемократической модели государства и общества, принципа идеологического многообразия открыло двери для появления в российской науке конституционного права различных научных подходов к оценке сущности российской Конституции. При этом доминирующей стала линия отрицания классового подхода (марксистского) и признание в качестве основного общедемократического характера Основного Закона².

Сущность Конституции как социального явления имеет различные характеристики, свойства, уровни познания. Согласно современным общедемократическим представлениям сущность Конституции отражает волю большинства народа, при этом в конституции выражается не только воля того большинства, которое проголосовало за данную Конституцию, но и воля меньшинства граждан. По мнению М.В. Баглая, Конституция воплощает добровольный компромисс, выражающий общую заинтересованность решать проблемы власти и свободы на основе закона, а не применения силы³. Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин определяют сущность российской Конституции в закреплении совпадающих жизненных интересов народа при приоритете интересов доминирующего социального слоя, юридическое выражение достигнутого в обществе компромисса на базе признания общечеловеческих ценностей⁴. В этих определениях в качестве основных признаков выделяются понятия «общая заинтересованность», «добровольный компромисс», «на основе закона, а не применения силы», «признания общечеловеческих ценностей».

Характеристики Конституции как выражения общего интереса, добровольного компромисса относятся к общедемократическому посылу современного постсоветского общества. Действительно, Конституция в условиях демократического режима (или близкого к нему) может отражать общий интерес народа, который выражен в потребности определения статуса политической власти в обществе, условий ее приобретения и осуществления⁵. Несмотря на то, что не все политические силы и социальные группы довольны конкретной моделью Конституции или отдельными ее институтами, конституция представляет собой неизбежное объединяющее поле сосуществования, средство определенной стабильности и инструмент интеграции. Сущность Конституции, отражающая общий интерес народа, раскрывается на первом уровне политико-правового обобщения конституционных ценностей.

Здесь на первый план выступают универсальная идея полновластия народа, наличие основных демократических институтов и принципов организации власти и ее взаимоотношения с личностью (права и свободы). Важнейшим сущностным аспектом в характеристике конституций является объявление в них народного суверенитета и неотъемлемых прав и свобод индивида⁶.

Социальная природа Конституции требует учета и иных качественных характеристик и свойств. Они, как правило, выражаются на следующем уровне познания данного явления. В год 20-летия российской Конституции нельзя не упомянуть, что ее принятие — процесс острейшей политической и идеологической борьбы. В России эта борьба сопровождалась не только в форме борьбы мнений, идейно-политических и мировоззренческих позиций, но и в форме прямого и открытого противостояния политических сил (и высших органов государственной власти, представлявших их в данный исторический момент). Эта борьба также сопровождалась выходом органов государственной власти (Президента РФ) за границы конституционного поля, участием народных масс, силовых структур в открытом вооруженном конфликте, расстреле парламента страны. Содержание данного противостояния предопределялось интересами различных социальных групп, наций, народностей. Собственно говоря, сам факт принятия Конституции РФ 1993 г. служит примером продавливания одной из политических сил в условиях разорванного конституционного поля собственного представления о модели власти. Российская Конституция в очередной раз показала, что в ее сущности отражается, во-первых, результат политической борьбы; во-вторых, соотношение социальных сил в обществе по поводу обладания политической властью или участия в ее осуществлении.

Конституцию как результат политической борьбы не обязательно сводить к классовой борьбе⁷, но, как правило, в этом результате отражается воля победителей. Все великие конституции по большей части создавались, чтобы завершить социальную революцию, выделяя при этом положения, особенно важные для победителей⁸.

В научной литературе представлена позиция, согласно которой борьба социальных групп, политических сил за свои интересы в праве, в конституции составляет основное фактическое содержание и сущность правовых явлений. В конституции отражается мера всеобщего интереса, мера свободы. Вместе с тем эта мера может не соответствовать интересам и ценностям отдельных социальных групп и политических сил. В свою очередь интересы этих сил нередко противоречивы, а иногда противоположны. «Разрешение данных противоположностей определяется их борьбой. Эта борьба постоянна и абсолютна. Столкновение интересов различных социальных групп — и как следствие этого, борьба за содержание права (конституцию) — охватывает все слои общества. Поэтому фактическое содержание права включает в себя интересы, ценности и идеалы той социальной группы, которая на данном историческом этапе стала победителем в этой борьбе»⁹. «Все великие приобретения в истории права были завоеваны путем ожесточенной, нередко вековой борьбы. Развитие права, жизнь права — это, прежде всего, борьба: длительная, упорная, изнурительная, требующая огромных умственных усилий и громадного напряжения воли»¹⁰.

Результат политической борьбы может выглядеть и как политический компромисс (согласие). По мнению Н.В. Витрука, конституция в демократическом правовом государстве есть результат известного политического согласия. Инте-

рессы той или иной политической силы отражены в конституции в той мере, в какой их удалось отстоять с другими политическими силами. В основном учитываются интересы наиболее влиятельных политических групп¹¹, но в любом компромиссе отражается результат борьбы, в т. ч. воля (и интерес) победителя.

Важнейшим свойством сущности конституции является отражение соотношения политических (или социальных) сил¹². Это соотношение предопределяет нормативную природу, характер конституционного воздействия. Ф. Лассаль определял конституцию как «силу, которая направляет все другие законы и общественные учреждения. А сила эта исходит из того фактического соотношения сил, которое существует в данном обществе»¹³. Конечно, конституция представляет собой самостоятельную социальную ценность и имеет собственный регулятивный потенциал основного закона, но регулятивная сила конституции может увеличиваться и уменьшаться (иногда и блокироваться) в зависимости от того, как соотносится правовое воздействие с социальной средой, с реальными участниками конституционных отношений. Например, модель федерализма по Конституции РФ 1993 г. не была в должной мере обеспечена в первые 7 лет ее действия. Соотношение политических сил в центре и в национальных республиках (особенно) было не в пользу единственного суверенного центра: политические силы ряда регионов старались отстоять большую долю самостоятельности, даже в ущерб конституционной модели. Федеративные отношения долгое время строились в квазиконституционном пространстве (на основе двухсторонних договоров органов федеральной государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации, которые зачастую выходили за рамки конституционных положений).

Сущность Конституции, выражающая соотношение политических (социальных) сил, направлена на раскрытие второго уровня свойств конституции, связанных с действием конституционных норм и ценностей в условиях отражения социальной конкуренции, политических противоречий. Каждая конституционная ценность раскрывается и действует в условиях конкурентной борьбы различных сил и интересов. В каждый исторический момент ее содержание уточняется, способы и приемы реализации изменяются. В российской практике таких примеров достаточно. В связи с этим можно упомянуть эволюцию института наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Федерации: выборность населением — наделение полномочиями представительным органом субъекта Федерации по представлению Президента РФ — вновь выборность населением с рядом исключений из этого правила.

Российская конституция по способу принятия и содержанию основных положений ближе к общедемократическим оценкам своей сущности. Она принята большинством избирателей; от лица многонационального народа (преамбула Конституции РФ) и народ в соответствии с ней является единственным источником власти в Российской Федерации (ч. 1 ст. 3). Эти признаки позволяют определить сущность Конституции РФ как выражение воли многонационального народа Российской Федерации, общего интереса. На этом уровне важнейшими свойствами сущности Конституции выступают ее интеграционные качества. Она представляет собой высший политико-правовой акт, интегрирующий систему основных политических, правовых, социальных, экономических, идеологических, нравственных ценностей общества и государства. Также она отражает особое социально-правовое явление — форму интеграции общества, государства

и личности в процессе взаимосуществования и развития в демократическом правовом государстве.

Второй уровень сущностных свойств Конституции проявляется в соотношении различных социальных сил российского общества по поводу наиболее полного обеспечения их политических и социальных интересов. На этом уровне раскрываются сущностные характеристики конституции, обращенные, прежде всего, на сферу действия, реализацию конституционных положений с учетом режима постоянной социальной и политической конкуренции (борьбы) различных общественных сил и интересов.

Сущность Конституции РФ и противоположности. Конституция является уникальным документом, в котором выражаются система ценностей и программа жизни общества и государства, обладающие качествами всеобщности и обязательности. Конституция как самостоятельное социальное явление имеет внутренние закономерности развития. На нее в связи с этим распространяются универсальные законы диалектики. На наш взгляд, закон единства и борьбы противоположностей помогает раскрыть еще одну из сторон сущности конституции. Согласно тезису Гегеля о самопротиворечивости всего существующего¹⁴, Конституция является системой ценностей, имеющих природу противоположностей. Действительно, она представляет собой совокупность взаимосвязанных и одновременно взаимоисключающих ценностей и положений, например, человек как высшая ценность; право на жизнь и территориальная целостность, безопасность государства; социальное государство и принципы свободной рыночной экономики; свобода личности и интересы общества; самоопределение народов и государственная целостность; демократия и единоличный орган государственной власти (Президент РФ) и т. д.

Закон единства и борьбы противоположностей имеет важное значение для научного познания Конституции и практики ее реализации. Во-первых, он раскрывает внутренний источник движения и развития, принцип самодвижения конституционных положений. В частности, это проявляется в постоянной динамике содержания конституционных предписаний, прежде всего, норм общего характера. Например, содержание принципов федеративного устройства (ст. 5) в первые 5 лет действия Конституции РФ наполнялось элементами самостоятельности (и даже суверенности) субъектов Федерации. В последние 10 лет в содержании этих принципов преобладают идеи «вертикали» власти и сужения реальных прав субъектов РФ. Серьезные изменения происходят в соотношении таких противоречивых ценностей, как открытость Российского государства (преамбула Конституции РФ), приоритет общепризнанных принципов и норм международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) и суверенитет государства, целостность территории (ст. 4 Конституции РФ). Принятие законодательных норм о статусе некоммерческих организаций «иностранных агентах», практика взаимоотношений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по вопросам приоритетности судебных решений с позиции защиты суверенных прав Российского государства и т. д. показывают направление развития конституционного содержания в рамках существующих противоречий по пути усиления государственного суверенитета.

Во-вторых, единство и борьба противоположностей есть не только источник движения и саморазвития, а, прежде всего, способ бытия. Противоречия — это способ бытия, от Вселенной до элементарных частиц. Применительно к обществу, кроме противоречий в отдельных сферах общественной жизни (как, например,

в марксизме: между производительными силами и производственными отношениями, базисом и надстройкой), существуют еще и т. н. общесистемные противоречия социума. К ним относятся противоречия между социализационной и приватизационной сторонами и это основное противоречие общественной жизни¹⁵. Применительно к российской Конституции из приведенного тезиса следуют два вывода. Первый состоит в том, что противоположность, конкуренция ценностей являются способом существования и реализации конституционных положений. К системе конституционных ценностей следует подходить с позиции наличия противоречий как нормальному объективному состоянию данного явления. Стремление к преодолению противоположностей в системе конституционных ценностей, достижение абсолютной истины есть тупиковый путь в решении проблем конституционного воздействия. Диалектический принцип реальных противоречий вещей предполагает сложный механизм выявления, оценки и разрешения противоречия, в т. ч. установления противоречия, всесторонний анализ каждой из противоположных сторон противоречия; определение места противоречия в системе других противоречий; анализ механизма разрешения противоречий как процесса и результата его развертывания и обострения. Развитие противоположностей предполагает определенные этапы: от тождественности и отличия до конфликта и разрешения противоречий. Проще говоря, противоположности развиваются в режиме баланса, но когда они достигают стадии конфликта, появляется необходимость в разрешении противоречий. Вся сложность заключается в поддержании необходимого баланса противоречий в системе конституционных ценностей. Например, в конституционной модели социально ориентированной рыночной экономики заложена одна из центральных противоположностей: соотношение свободы экономической деятельности и регулятивной роли государства (границы вмешательства). Одной из важнейших задач публичной власти является нахождение и поддержание оптимального баланса этих ценностей и интересов.

Второй вывод состоит в том, что основное системное противоречие Конституции заключается в соотношении частной (приватизационной) и публичной (социализационной) сторон, частных и публичных интересов. Это противоречие пронизывает содержание всего конституционного материала. Основным смыслом конституции состоит в ограничении государственной власти — частная сторона, и ограничении свободы личности (точнее произвола личности) в обществе — публичная сторона. Нахождение баланса и соразмерности в сосуществовании и развитии этих сторон есть наиболее сложная задача конституционно-правового законодательства и правоприменения.

В заключение отметим, что социальная сущность российской Конституции многопланова и многомерна. Она имеет различные уровни познания и представления. В ней одновременно выражаются общий интерес, интеграционный потенциал и в то же время борьба, соотношение социальных и политических сил за свои интересы на конституционном поле. Анализ сущности Конституции предполагает применение закона единства и борьбы противоположностей, который раскрывает ее как совокупность противоположностей в их саморазвитии и балансе сосуществования.

¹⁵ Сущностью называют основное неотъемлемое свойство Конституции, характеризующее ее содержание. Выделяют юридическую и социально-политическую сущности Конституции. В данной статье рассматривается социально-политическая сущность, которая определяется тем, чьи интересы и в какой мере отражает данный документ в обществе.

- ² Подробнее о различных подходах к анализу сущности Конституции см.: *Овсепян Ж.И.* Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции // *Правоведение*. 2001. № 5. С. 24–36.
- ³ См.: *Баглай М.В.* Конституционное право России. М., 2000. С. 66.
- ⁴ См.: *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М., 2005. С. 37–45.
- ⁵ См.: *Жакке Ж.П.* Конституционное право и политические институты: учебное пособие. М., 2002. С. 102–103.
- ⁶ См.: *Овсепян Ж.И.* Указ. соч. С. 30–35.
- ⁷ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 345–346.
- ⁸ См.: *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 2001. С. 25.
- ⁹ *Трусов Н.А.* Проявление закона единства и борьбы противоположностей в динамике содержания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 2–4.
- ¹⁰ *Иеринг Р.* Борьба за право. СПб., 1895. С. 19.
- ¹¹ См.: *Витрук Н.В.* Верность Конституции. М., 2009. С. 8–9.
- ¹² См.: *Кутафин О.Е.* Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. С. 35.
- ¹³ *Лассаль Ф.* О сущности конституции // Конституционное право: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 2: Конституционно-правовая мысль XIX – начала XX века. М., 1994. С. 42–43.
- ¹⁴ См.: *Фролов И.Т. и др.* Введение в философию: учебное пособие для вузов. 4-е изд. М., 2007. С. 103–105.
- ¹⁵ Данный подход отражен в работах: *Вырелкин В.П.* Некоторые теоретико-методологические проблемы познания социальных процессов и явлений // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2011. № 1; *Он же.* Действительность в выводах и замечаниях // *Правовой аспект*. Волгоград, 2011. № 2–3.

А.Б. Лисюткин

К ВОПРОСУ О РОЛИ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье предпринята попытка анализа концепции действующей Конституции страны. На основе имеющихся противоречий обосновывается необходимость переосмысления отдельных положений Основного Закона с целью преодоления имеющихся противоречий.

Ключевые слова: государство, право, конституция, структура власти, система законодательства, государственное устройство, национальные отношения, концепция развития.

A.B. Lisyutkin

ABOUT THE QUESTION OF THE ROLE OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION (THEORETICAL AND EMPIRICAL ASPECT)

In article attempt of judgment of the concept of the existing constitution of the country is made. On the basis of the analysis of available contradictions the author suggests to carry out reconsideration of separate provisions of the constitution for the purpose of overcoming of available contradictions.

Keywords: state, right, constitution, power structure, legislation system, state system, national relations, development concept.

Проблема природы конституции была и остается в центре внимания юридической науки и политики. Изучение этого вопроса имеет богатую историю. Данный процесс обусловлен практикой развития государственной формы организации и жизнедеятельности народа как самостоятельного субъекта властеотношений. Теоретической формой выражения указанной темы выступает политико-правовая доктрина конституционализма.

© Лисюткин Александр Борисович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия).

В разные эпохи эволюции общества мировоззренческими основаниями конституционализма являлись естественное право, историческая школа права и т. д. В России отмеченная доктрина была материализована после Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 г. Большой вклад в разработку теории конституции внесли С.А. Авакьян, Н.В. Витрук, В.Т. Кабышев, В.О. Лучин, Н.А. Михалева, Т.М. Пряхина, И.М. Степанов, Б.Н. Топорнин, Т.Я. Хабриева, И.Е. Фарбер и многие другие известные ученые.

Современный период в развитии теории конституции характеризуется неоднозначными и разнонаправленными доктринальными установками, которые имеют как политическую, так и юридическую природу. Политические аспекты обусловлены изменением конституционного строя и международными процессами, а нормативные — соответствующими концепциями эволюции конституции, закрепленными в этом правовом акте.

Политические стороны теории конституции определяются внутрисубъективными и международными факторами развития. Наибольшее воздействие конституционное законодательство испытывает со стороны глобальных изменений, происходящих в мире. Глобализм ведет к изменению содержания и формы выражения конституционных предписаний, их функциональной роли в системе законодательства. Перечисленные обстоятельства самым непосредственным образом отражаются на состоянии политической и правовой систем Российской Федерации.

На наш взгляд, наиболее значимыми являются две парадигмы — это теория «Основного Закона» и концепция «прямого действия конституции» в юридической практике. Многие могут возразить, утверждая, что одно вытекает из другого. Возможно и так, но в условиях глобализации и регионализации названные концепции приобретают самостоятельное функционально-содержательное значение. Оно выражается в том, что идея Основного Закона указывает на верховенство норм конституции и суверенитет государства, другими словами — приоритет национальных интересов.

В постсоветский период возобладали конструкция «прямого действия конституции». Она отражает идею формально-юридического рационализма и рассматривается в качестве принципа демократического правового государства. В этом значении конституция низводится до уровня нормативного правового акта. Ее ведущая роль выражается в юридической силе, которая имеет относительную природу и проявляется в следующих принципах: разграничение предметов ведения и полномочий, верховенство принципов и норм международного права.

Между тем для любого здравомыслящего юриста не является открытием положение, согласно которому любой нормативный правовой акт, в т. ч. и Конституция, действуют как непосредственно, так и опосредованно. Одним из аргументов, подтверждающих приведенное суждение, является объективная потребность в конкретизации большинства статей Конституции посредством как конституционного, так и текущего законодательства.

Тем не менее, доктрина прямого действия получила существенный импульс в условиях глобализации и регионализации. Она является следствием общей идеи глобализма, которая выражается в качественном и количественном снижении роли национальных государств внутри страны и на международной арене. В то же время существенно возрастает значение транснациональных корпораций и международных неправительственных организаций в жизнедеятельности современного общества.

Отмеченная тенденция в развитии современного общества не делает исключений ни для властеотношений, ни для правотворчества, ни для правоприменения. Ярким подтверждением этого служит протокол Всемирной торговой организации (ВТО), подписанный руководством страны. По этому документу на территории Российской Федерации в отношении субъектов финансово-хозяйственной деятельности устанавливается юрисдикция суда ВТО, а принципы и нормы этой организации действуют и обязательны для исполнения.

В сложившейся ситуации идея конституции как основного закона теряет свое политическое значение. Следовательно, конституция, несмотря на все заверения, приобретает качества обычного правового акта, обладающего высшей юридической силой в системе законодательства страны. Все ли государства в своем конституционном развитии идут по этому пути? Формально — да, но на практике имеют место исключения. Наиболее развитые страны позволяют себе уклоняться от принятых обязательств. К числу таких субъектов относятся не только Великобритания, США, ФРГ, но и КНР. В такой ситуации концепция прямого действия объективно ведет к нивелированию конституции в системе законодательства до уровня простого свода правил.

Понижение статусного значения конституции государства — одно из необходимых условий трансформации системы национального законодательства в свод универсальных велений права мира. Однако эта тенденция создает все предпосылки для нарушения баланса политико-правовых связей внутри государства и на международной арене. В таких условиях теряется авторитет власти и законодательства как в отношениях между субъектами Федерации и федеральным центром, так и между Россией и мировым сообществом.

Отражением данного положения выступает открытое пренебрежение содержанием предписаний конституции, отсутствие какой-либо реакции со стороны надзирающих органов государственной власти. В большинстве национальных субъектов Федерации игнорируются базовые веления Основного Закона в различных сферах жизнедеятельности общества, что ведет к дисбалансу между элементами политической и правовой систем. Одним из нормативных оснований нарушения баланса в отношениях между федеральным центром и субъектами Федерации выступают отдельные положения Конституции. Такие статьи закрепляют и формализуют многоуровневую, несбалансированную систему власти и законодательства, о чем свидетельствуют общие и неопределенные положения гл. 1, фиксирующей основы конституционного строя Российской Федерации. В структуре системы власти и законодательства — это полномочия федеральных органов государственной власти, исключительные полномочия субъектов Федерации, предметы совместного ведения и органы местного самоуправления. В сложившейся ситуации логичным выглядит предложение большинства ученых о разработке и принятии ряда конституционных актов, например, «закон о законах».

Одним из аргументов в пользу приведенного положения выступает система законодательства РФ. Она включает, во-первых, принципы и нормы международного права и международные договоры, которые являются составной частью правовой системы страны; во-вторых, Конституция РФ и федеральное законодательство; в-третьих, конституции, уставы и законодательство субъектов Федерации; в-четвертых, правовые акты органов местного самоуправления, издаваемые в пределах своих полномочий.

С учетом особенностей развития федеративного устройства страны и положением п. 3 ст. 11 Конституции РФ есть смысл вести речь о таком элементе системы законодательства, как правовые акты, принимаемые федеральным центром и субъектами Федерации по предметам совместного ведения. Кроме того, отмечается существенное возрастание роли негосударственных образований и принимаемых ими правовых актов, которые могут быть также включены в систему законодательства России. Политико-правовая практика — ярчайшее подтверждение данной тенденции в развитии отечественной системы законодательства.

Если в отношении Всемирной торговой организацией не все так однозначно, то после ратификации Португальской, Берлинской и Болонской конвенций все очень конкретно и определено. В сфере образования начинают действовать акты-документы, издаваемые негосударственными организациями. Данный факт позволяет вести речь об их включении в международное право или рассматривать в качестве самостоятельного элемента в действующем законодательстве страны, которые подлежат обязательному исполнению в странах, присоединившихся к Болонскому процессу.

С учетом сложной многоуровневой системы власти и законодательства большую роль начинает играть проблема соблюдения баланса между структурными элементами политической и правовой систем. Любое его нарушение отражается на эффективности осуществления властных полномочий, на состоянии законности и правопорядка, качестве принимаемого законодательства и его систематизации. Поэтому важным аспектом в деятельности государства как политико-территориальной формы организации и жизнедеятельности общества становится проблема соблюдения баланса и дисбаланса интересов.

Термин «дисбаланс» не относится к профессиональным языковым знакам юриспруденции. Он активно используется в социологии, политологии, экономической теории и других отраслях знания. В условиях глобализации это слово стало активно внедряться и в правоведение. Издержки развития политической системы, конституционного законодательства только стимулировали процесс образования новых понятийных форм выражения окружающей действительности.

В этой связи для определения места и роли Конституции в системе политико-правовых отношений приобретает проблема семантической природы дисбаланса. Это слово образовано с помощью префикса и означает нарушение баланса между элементами сложно-функциональных образований. Применительно к системе отечественного законодательства дисбаланс проявляется в игнорировании концепции юридической силы, в соотношении федерального и регионального законодательств.

Сложившееся положение в отечественном законодательстве — следствие проявления дисбаланса в политической системе страны. Оно может выражаться в нарушении компетенции между органами государственной власти, функциональной неопределенностью сфер ответственности, ненадлежащим исполнением полномочий и многими другими факторами. Все издержки в эволюции политической и правовой систем находят свое проявление в Конституции страны. Отражением данной тенденции в конституционном развитии выступает нарушение баланса между законодательной, исполнительной и судебной властями. Место и роль исполнительной власти гораздо значимее, чем двух других ветвей власти. Поэтому вести речь о сдержках и противовесах в реальной системе властных

отношений не представляется возможным, поскольку декларируемые Конституцией принципы на практике не работают.

Дисбаланс властной горизонтали проявляется в отсутствии контрольно-надзорных органов. Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, суды РФ. В субъектах РФ власть осуществляют образуемые ими органы государственной власти. Между тем Основной Закон страны советов в вопросе организации и осуществления власти был более демократичным, поскольку предусматривал контроль со стороны народа. Принцип подотчетности всех органов государственной власти народу был базовым в процессе формирования и деятельности органов власти. Наибольшее воплощение он получил в Законе СССР «О народном контроле в СССР» 1936 г.

Проявлением одной из сторон контрольно-надзорной функции государства как формы организации и жизнедеятельности многонационального народа был высший надзор за точным и единообразным исполнением законов, который возлагался на Генерального прокурора и подчиненных ему прокуроров. Единство контроля и надзора обеспечивало должный уровень состояния законности, дисциплины и правопорядка в стране.

Одним из проявлений дисбаланса, которое нашло свое закрепление в действующей Конституции, выступает статусное различие субъектов Федерации в России. Наиболее ярко оно проявляется в национальных республиках. Как вопиющий факт можно рассматривать событие с единым государственным экзаменом в Татарстане. Кто бы мог представить, что в Республике Татарстан соберутся две группы «ходоков»: одна к Президенту, а другая — министру образования в связи с нарушением права на образование.

Данная тенденция выражается и в неравенстве государственно-властных полномочий между республиками и иными субъектами в составе Российской Федерации. Эти отличия имеются как в формальных особенностях, так и в материальных, например, сборе налогов и их перераспределении между федеральным центром и субъектами Федерации. Почему за Республикой Татарстан сохранены особые положения во взаимоотношениях с федеральным центром? И таких примеров много.

Особенно остро дисбаланс проявляется в комплектовании органов государственной власти. В России имеет место нарушение принципа федерализма. Если в Советском Союзе соблюдалось пропорциональное представительство всех национальностей в высших органах власти как в союзе, так и в республиках, то в Российской Федерации этого нет. Более того, действует «местечковый» принцип формирования власти и никакие предостережения прокуратуры не исполняются.

Все издержки федеративного устройства в Российской Федерации отражаются на содержании национальных отношений. Дисбаланс в этой сфере служит одной из предпосылок роста национализма, сепаратизма и экстремизма. Как отметил В.В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию, «все это порой приобретает безобразные, агрессивные, вызывающие формы, скажу больше — создает долгосрочные угрозы обществу, безопасности, да и целостности России»¹.

Поэтому, хотим мы этого или не хотим, базовые положения Конституции должны совершенствоваться. Этот процесс по их изменению должен быть направлен на преодоление тех негативных моментов, которые имеют место в стране. Для этого есть все необходимые конституционные основания, например,

принципы социального государства и т. д. В этой связи необходимо провести детальное переосмысление содержания положений, касающихся исключительной компетенции федерального центра и субъектов Федерации. На наш взгляд, государственное устройство должно исходить не из национального, а экономического принципа выстраивания Федерации.

Конституция РФ должна отражать общие социально значимые приоритеты развития страны, которые воспроизводят принципы справедливости, равенства, доступности, законности и т. д. Система властеотношений обязана воспроизводить не принцип «триады», а «квартета», т. е. дополнительным компонентом выступает контрольно-надзорный элемент механизма государства.

Острота этой проблемы многократно возрастает в условиях глобализации и регионализации. Как справедливо отмечает в своем Послании В.В. Путин, «глобальное развитие становится все более неравномерным. <...> Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией»².

Таким образом, концепция конституции — это важнейший компонент развития любого государственно-организованного общества.

¹ Российская газета. 2012. 13 дек.

² Там же.

Г.Н. Комкова

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Статья посвящена исследованию функций Конституции РФ 1993 г. Особое внимание уделено воспитательной функции, которая отличается от идеологической функции. Анализируются ее содержание, воздействие на правомерное поведение граждан.

Ключевые слова: Конституция РФ, функции Конституции, воспитательная функция Конституции.

G.N. Komkova

EDUCATIONAL FUNCTION OF THE RUSSIAN CONSTITUTION

The article deals with the functions of the Constitution of the Russian Federation in 1993. Particular attention is paid to the educational function that is different from the ideological function of the Russian Constitution. Analyzes the content of the educational function and its impact on the good behavior of citizens.

Keywords: Russian Constitution, the functions of the constitution, the educational function of the constitution.

В советский период направления научных исследований в сфере права определялись потребностями социального развития общества и государства. Именно в этот период в отечественном правоведении была выработана теория

© Комкова Галина Николаевна, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского); e-mail: komkova_galina@mail.ru

функций права, средств и методов его воздействия на общественное бытие и сознание. Этими проблемами занимались ученые, видные теоретики права — М.И. Байтин, С.А. Голунский, М. П. Карева, Е.А. Лукашева, М.С. Строгович, Т.Н. Радько, И.Е. Фарбер, А.С. Федосеев, П.С. Элькин и др.

Среди функций права, главными из которых признаются регулятивная и охранительная, выделяют также воспитательную, которая заключается в формировании у человека мотива и установки для его правомерного поведения. Эта функция, порой незаслуженно забытая, отражая определенную идеологию, оказывает специфическое педагогическое воздействие на лиц, заставляя их не совершать противозаконные поступки. Ведь воспитание — это трансляция достижений культуры, мирового опыта, человеческих идеалов и ценностей, а также механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому¹.

Воспитательная функция заключается в воздействии на волю и сознание людей в целях обеспечения атмосферы законопослушания людей, привития психологических установок и ценностных ориентаций на правомерное поведение, воспитания чувства уважения к закону, повышения авторитета права, а также в пропаганде идей гуманизма, справедливости, демократизма, приоритета прав и свобод личности, верховенства закона в правовой системе. Она направлена также на обеспечение знания людьми нормативных предписаний, правовое просвещение².

В этой связи представляет интерес изучение содержания этой важнейшей функции. Известный теоретик права и конституционалист, мой учитель Исаак Ефимович Фарбер уделял воспитательной функции права серьезное внимание, посвятив этой теме несколько работ. В частности, он отмечал, что содержание воспитательной функции права «отвечает на вопрос, кого воспитывает право и как оно это делает, механизм воспитательного воздействия»³.

В настоящее время необходимо по-новому осмыслить позицию И.Е. Фарбера относительно воспитательной функции права, применив ее к современному конституционному праву.

Функции конституционного права определяют основные направления конституционного влияния на общественные отношения, роль конституции в экономической, политической, правовой, идеологической жизни общества. Современные исследователи под функциями Конституции понимают «основные направления воздействия Конституции на общественные отношения, поведение и правосознание людей, мораль и культуру, в которых раскрываются ее сущность и социальное назначение, которые обеспечивают связанность и эффективность действия всех элементов механизма конституционно-правового регулирования»⁴.

Набор этих функций современные ученые-конституционалисты видят по-разному. Так, С.А. Авакьян, А.А. Безуглов и С.А. Солдатов называют учредительную, организаторскую, внешнеполитическую, идеологическую, юридическую функции конституции⁵. В.О. Лучин к функциям конституции относит учредительную, правонаделительную, охранительную, программную и системообразующую⁶. Наиболее полную классификацию функций конституции по сферам общественных отношений приводит Н.В. Витрук, который разделяет их на функции в правовой сфере и функции в иных сферах общественных отношений, т.е. правовые и социальные⁷. К правовым функциям он относит конституирующую (учредительную), системообразующую, программно-целевую, регулятивную, обеспечительную, охранительную (защитную)⁸. Социальные функции, по его мнению, включают в себя политическую, экономическую, социальную, культу-

рологическую, духовно-идеологическую, внешнеполитическую⁹. Характеризуя духовно-идеологическую функцию, Н.В. Витрук отмечает: «Конституция, обладая духовно-нравственным содержанием и потенциалом, играет большую воспитательную роль, устанавливая основы взаимоотношений общества, государства и человека, базирующихся на их взаимной ответственности»¹⁰. Однако ни один из современных ученых-конституционалистов напрямую не выделяет отдельно воспитательную функцию, в лучшем случае считая ее частью идеологической функции. Однако, на наш взгляд, смешивать их нельзя.

Еще в советское время проводилось различие между идеологической функцией Конституции и воспитательной. Одно из первых исследований в этой области было проведено А.Ш. Будаговой, которая полагала, что содержание идеологической функции как основного направления воздействия конституционных норм определяется наличием «служебных», вспомогательных по отношению к ней функций: мировоззренческой и воспитательной¹¹.

Представляется, что данная позиция не верна. На наш взгляд, необходимо различать идеологическую и воспитательную функции Конституции, поскольку они имеют свой собственный смысл и специфическое воздействие на общественные отношения. При подготовке проекта Конституции РФ 1993 г. один из его разработчиков О.Г. Румянцев писал: «Правовая доктрина объективируется в Конституции, но преломляется через правовую культуру. Последняя-то во многом и определяет особенности конституционной практики. Воспитательная роль Конституции не менее важна, чем ее роль в упорядочении государственных дел»¹². Именно поэтому он выделял идеологическую функцию как «внедрение в умы духа и буквы конституционализма как системы идей, заложенной в конституционном строе и его основах», и воспитательную как «направленное воздействие на чувства, настроения, представления населения по отношению к праву и конституционному строю»¹³.

Произошедшие со времен перестройки глобальные изменения конституционного строя страны, утрата нравственных ориентиров, правовая реформа вызывают необходимость пересмотра теории функций конституции, включения в перечень основных функций конституционного права воспитательной функции как подвида социальных функций, ведь Конституция — это основа формирования конституционного правосознания. Она призвана оказывать воспитательное воздействие с целью выработки правомерного поведения у всех субъектов конституционного права. Конституция 1993 г. опосредует мощное воспитательное воздействие на жителей России, представителей гражданского общества, носителей власти, закладывая в них идеологические установки, являющиеся основами конституционного строя, главными ценностями и принципами существования государства и общества. «Установки Конституции, закрепленные в ней положения ориентируют поведение граждан, их оценки и восприятие политических, социально-экономических характеристик общества и государства, воспитывают граждан в соответствии с конституционными нормами, принципами и воплощенными в них ценностями демократии»¹⁴.

Содержание воспитательной функции конституционного права включает в себя также способы воспитательного воздействия на сознание и поведение людей. При этом имеется в виду весь спектр психологического воздействия на человека. И.Е. Фарбер в этой связи совершенно справедливо отмечал, что «объектом воспитательной функции права служит не только воля человека, а все

сознание в целом — мысли, чувства и воля. Нельзя говорить о воспитательном воздействии на сознание норм права, если изолировать это сознание от мыслей и чувств человека»¹⁵. Конституционное право, как и другие отрасли права, воздействует на человека с целью выработки у него адекватных психологических установок на правомерное поведение, уважение прав и свобод других лиц. Говоря о формах конституционного воздействия на мировоззрение человека и общества, Н.С. Бондарь отмечает: «В результате восприятия человеком конституционных предписаний у него возникают определенные психологические реакции (эмоции, переживания, чувства, настроения, установки и т. д.), характеризующие его отношение к требованиям Основного Закона и являющиеся составной частью конституционно-правовой психологии человека, оказывающей существенное влияние и на мировоззренческие установки субъектов правовой жизни»¹⁶.

Однако недостаточно закрепить демократические и гуманистические ценности государства и общества на конституционном уровне, необходимо, чтобы они присутствовали в повседневной юридической практике, подтверждая их реальность. Следует согласиться с теми учеными, которые утверждают, что «важнейшим условием повышения эффективности воспитательного воздействия Конституции РФ является максимальное приближение ее к конституции фактической, т. е. придание ей в большей степени реального характера. Воздействие Конституции на формирование у граждан конституционного правосознания будет тем сильнее и глубже, чем точнее содержание ее норм будет соответствовать реалиям жизни. Соответствие фактической и юридической конституций является основным критерием адекватности интерпретации последней и неперенным условием эффективной реализации ею функции воспитательного воздействия на индивидов с целью формирования и повышения уровня их правовой культуры»¹⁷.

Тем не менее, уровень правового воспитания в нашей стране еще далек от идеального, имеет место такое негативное явление, как «правовой нигилизм». Для того чтобы предотвратить нарушение конституционных норм, необходимо исследовать психологические причины, толкающие людей на это. Как отмечал И.Е. Фарбер, «мотивы, по которым люди исполняют или нарушают нормы права, убеждения и привычки людей соблюдать законы, словом, правосознание как общественная психология есть объект воздействия (а для науки — объект познания) воспитательной функции права»¹⁸.

Благодаря новому осмыслению идей И.Е. Фарбера относительно воспитательной функции права в заключение можно констатировать, что необходимо пересмотреть теорию функций Конституции, выделив в системе функций два основных вида — правовые и социальные. К социальным функциям Конституции следует отнести воспитательную, смысл которой заключается в воздействии конституционных норм на сознание и поведение физических субъектов конституционного права с целью выработки у них конституционного правосознания. Дальнейшее исследование воспитательной функции конституционного права должно быть связано с изучением воспитательных методов и средств воздействия на общество и его членов с целью выработки устойчивого правомерного поведения, а также выявления психологических причин, способствующих совершению конституционно-правовых деликтов.

¹ См.: Симонов П.В. Междисциплинарная концепция человека. М., 1989. С. 12–13.

² См.: Абрамова А.И., Боголюбов С.А., Мицкевич А.В. и др. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 67.

³ Фарбер И.Е. Воспитательная функция советского права // Государство и коммунизм: некоторые вопросы теории государства и права в современный период: сборник статей / под ред. А.А. Керимова. М., 1962. С. 126.

⁴ Петрова А. В. Основные функции Конституции Российской Федерации: Вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.

⁵ См.: Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 138–144; Безуглов А.А., Солдатов С.А. Конституционное право России: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 163–166.

⁶ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. М., 2002. С. 35.

⁷ См.: Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008. С. 117.

⁸ См.: Там же. С. 118–122.

⁹ См.: Там же. С. 122–128.

¹⁰ Там же. С. 127.

¹¹ См.: Будагова А.Ш. Идеологическая функция социалистической Конституции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 12, 16.

¹² Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М., 1994. С. 256–258.

¹³ Там же.

¹⁴ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 62.

¹⁵ Фарбер И.Е. О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 7. С. 41.

¹⁶ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 31.

¹⁷ Джамалова Э.К., Кадилаев М.А. Эволюция конституционализма в Дагестане // История государства и права. 2010. № 23. С. 36.

¹⁸ Фарбер И.Е. О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 7. С. 41.

В.Н. Шаповал

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ КОНСТИТУЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье рассматриваются вопросы взаимовлияния по содержанию конституции как основного закона государства и системы международного публичного права. Основное внимание уделяется отражению содержания современного международного права и международных отношений в конституциях различных государств.

Ключевые слова: конституция, международное право, права человека, внешнеполитическая деятельность, конституционализация, трансформация, общепризнанные принципы и нормы международного права.

V.N. Shapoval

ON INTERCONNECTION BETWEEN CONSTITUTION AND INTERNATIONAL LAW

The article covers issues of the interaction with regard to the content of the constitution as the fundamental law and public international law system. The main focus is on methods and extent the constitutions of different states reflect the content of modern international law and international relations.

Keywords: constitution, international law, human rights, foreign-policy activities, constitutionalization, transformation, universally recognized principles and norms (rules) of international law.

Проблема содержания конституции имеет различные стороны теоретического и практического характера, среди которых особого внимания заслуживают те, которые проявляются во взаимосвязях с международным правом. При этом

© Шаповал Владимир Николаевич, 2013
Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, председатель Центральной избирательной комиссии (Украина).

следует учитывать, что международное право и конституционное право, прежде всего конституция как основной закон, имеют общие исторические корни. В этой связи уместно процитировать Л. Оппенгейма, который сочетал начало развития международного права как универсального и системного явления с победой «конституционного правительства над неограниченным»¹.

Как отмечал в конце XIX в. Ф.Ф. Мартенс, «современное положительное международное право нельзя понять, не зная действующего государственного права образованных народов». По его словам, нормы государственного (конституционного) права «очевидно, должны оказывать влияние на право, обеспечивающее социальные интересы каждого народа в области международных отношений»². Приведенная оценка адекватна современному состоянию в соотношении международного и конституционного права.

Международное и национальное правотворчество — это различная по формам деятельность государства. Вместе с тем, как писал Г.И. Тункин, «национальные законодательные акты, а также решения национальных судов могут прежде всего выступать в качестве одного из средств установления норм международного права... могут в ряде случаев рассматриваться как выражающие признание определенным государством того или иного правила в качестве норм международного права»³. Такая «первичность» государства иногда воспринимается как формальное свидетельство первичности влияния национального права на право международное.

С другой стороны, аксиоматичным можно считать утверждение, согласно которому внутригосударственные системы права, в частности конституции и национальные отрасли конституционного права в целом, подвержены содержательному влиянию со стороны международного права. Соответствующая тенденция усилилась после Второй мировой войны, подтверждением чему служит, в частности, тот факт, что положения большинства новейших конституций, устанавливающие основы правового статуса личности, заимствованы из ключевых международных договоров по правам человека.

Важное значение для конституционного регулирования имеют положения основных законов, которые отражают содержание принципов международного права, создают юридические предпосылки для участия государств в различных интеграционных процессах, обеспечивают реализацию норм международного права во внутригосударственных отношениях и ряд др. По мнению отдельных авторов, рост влияния международного права на внутригосударственное право породил тенденцию к «конституционализации международного права»⁴.

Своеобразная конвергенция содержания международного права и новейших конституций, помимо прочего, объясняется сходством и даже значительным совпадением по предметам регулирования. Как отмечает И.А. Колюхова, «в настоящее время как международное право, так и конституционное право, имеют в качестве предмета регулирования публичные отношения по поводу осуществления государственной власти и ее взаимодействия с личностью во внутринациональном и международном аспектах»⁵. Остается добавить, что конституционное право, в отличие от других публично-правовых отраслей национального права, регулирует публичные отношения, которые обычно имеют выраженный политический характер. Такой же характер по определению присущ межгосударственным отношениям.

Как уже указывалось, международное и конституционное право взаимосвязаны по содержанию. Впервые такая взаимосвязь и, прежде всего, влияние первого на второе были отражены в отдельных основных законах, принятых в период между мировыми войнами. Соответствующие изменения в конституционном регулировании в известной степени были обусловлены становлением современного международного права.

Одна из особенностей новейших конституций состоит в наличии в их текстах положений, посвященных внешнеполитической деятельности государства (международным отношениям), где в общей форме идет речь о международном праве. В отдельных странах к конституционно определенным задачам (целям) внешнеполитической деятельности отнесено участие государства в развитии международного права. Так, в ст. 2 Конституции Швейцарии установлено, что государство выступает за «мирный и справедливый международный правопорядок», а согласно ст. 90 Конституции Нидерландов «правительство должно содействовать развитию международного правопорядка».

Нередко в основных законах определяются принципы внешнеполитической деятельности государства и устанавливается их связь с международным правом. Например, в соответствии со ст. 18 Конституции Украины «внешнеполитическая деятельность Украины направлена на обеспечение ее национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества на основе общепринятых принципов и норм международного права». Об осуществлении внешней политики (участии в международных отношениях) на основе международного права, его общепризнанных принципов и норм упоминается также в конституциях Армении, Болгарии, Греции, Ирландии, Македонии, Румынии и ряда других государств.

В отдельных случаях в конституции декларируются конкретные принципы внешнеполитической деятельности государства (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Туркменистан). Их формулировки, как правило, совпадают с основными принципами международного права, определенными в Уставе Организации Объединенных Наций (ООН) и в Декларации о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (1970 г.). В тех случаях, когда рассматриваемая связь между внешней политикой и международным правом непосредственно в основном законе не устанавливается, она вытекает из самой сущности современных международных отношений.

Среди основных принципов международного права в контексте исследуемой проблематики следует выделить принцип добросовестного исполнения международных обязательств. В ряде конституций требование исполнения международных договоров сформулировано как принцип или один из принципов внешнеполитической деятельности государства (Азербайджан, Молдова, Монголия, Румыния, Словакия). Исполнение международных договоров предусматривается также по смыслу зафиксированного в основных законах общего обязательства государства действовать в соответствии с международным правом (Албания, Польша, Швейцария).

Международно-правовое «звучание» имеют другие положения конституций, в частности о постоянном нейтралитете либо о постоянно нейтральном государстве (Австрия, Мальта, Молдова, Туркменистан). В ст. 18 Конституции Беларуси провозглашено намерение сделать территорию государства безъядерной зоной, а само государство — нейтральным. Иногда конституционно оговаривается не-

допустимость размещения на государственной территории вооруженных сил или военных баз других государств (Литва, Молдова, Монголия). В Литве соответственно не допускается размещение на ее территории оружия массового уничтожения, а на Филиппинах — ядерного оружия.

Согласно ч. 7 ст. 17 Конституции Украины «на территории Украины не допускается размещение иностранных военных баз». Вместе с тем, исходя из исторически сложившихся реалий, в п. 14 разд. XV «Переходные положения» установлено, что использование существующих военных баз на территории Украины для временного пребывания иностранных военных формирований возможно на условиях аренды в порядке, определенном международными договорами Украины, которые ратифицируются Верховной Радой Украины.

В некоторых конституциях предусмотрено, что внешнеполитическая деятельность должна осуществляться с целью политической интеграции с другими странами с учетом этнокультурных, исторических и других факторов. К примеру, интеграционные намерения отражает ст. 4 Конституции Бразилии: «Бразилия стремится к экономической, политической и социально-культурной интеграции с народами Латинской Америки с целью создания латиноамериканского содружества наций». О разных сферах и формах интеграции, которая признана целью внешнеполитической деятельности, идет речь в основных законах ряда других государств региона.

Соответствующие стремления отражены и в основных законах государств, которые до недавнего времени были субъектами некоторых т. н. социалистических федераций. В ст. 2 Конституции Хорватии установлено, что «Республика Хорватия создает союзы с другими государствами, сохраняя суверенное право самостоятельно решать вопросы передачи им полномочий и право свободного выхода». Такая передача полномочий допускается лишь по договору, который должен быть ратифицирован парламентом на основе квалифицированного большинства от его общего состава. В Македонии и Словакии парламентские решения о вступлении в «союз или объединение», в «государственный союз» также требуют квалифицированного большинства голосов с последующим утверждением этих решений на референдуме.

Положения, которыми предусматривалась возможность создания союзов или вступление в них, были включены в основные законы в процессе распада федерации (СФРЮ) или практически одновременно с т. н. «разводом» (Чехословакия). Они должны были в определенной мере нейтрализовать политические последствия дезинтеграции указанных федеративных государств. Позднее эти положения послужили и целям участия соответствующих стран в процессах общеевропейской интеграции.

Сама же общеевропейская интеграция, воплотившаяся в создании Европейского Союза, также приобрела необходимые конституционные формы. Так, в Конституцию Франции включен раздел «О Европейских сообществах и Европейском Союзе». В соответствии с одним из его положений «Республика участвует в Европейских сообществах и Европейском Союзе, созданных свободным выбором государств на основе заключенных между ними договоров для общей реализации некоторых своих полномочий» (ст. 78-1). При этом констатируется согласие на передачу таких полномочий европейским институтам.

В большинстве других стран с целью развития общеевропейской интеграции основной закон был новеллизирован положениями, в соответствии с которыми

допускается передача по международному договору части полномочий государственных органов («суверенных прав») международным организациям или международным учреждениям.

Конституции включают и другие положения, соотнесенные с международным правом по содержанию. В частности, иногда международные акты или сформулированные в них права человека признаются в основном законе его интегральными частями. Так, в ст. 75 Конституции Аргентины оговорено, что конкретные международные акты о правах человека «дополняют» зафиксированные в тексте этого Основного Закона права и свободы. В соответствии со ст. 5 Конституции Андорры Всеобщая декларация прав человека «интегрирована в андоррский правопорядок».

Существенным является то, что в основных законах нередко, хотя и по-разному, определяются сочетание по форме и соединение по содержанию национального права с международными договорами, с общепризнанными принципами и нормами международного права и даже со всей системой международного права. Таким сочетанию и соединению содействуют и служат конституционно и законодательно установленные механизмы трансформации норм международного права в нормы права национального, т. е. своеобразного перехода содержания конкретных норм международного права в национальное право, который обеспечивается соответствующими решениями (актами) государственных органов. Лишь вследствие такой трансформации становится возможной реализация международно-правовых обязательств в сфере внутригосударственных отношений.

Явление, которое в этой статье обозначено термином «трансформация», основательно исследовано в советской литературе по международному праву. Иногда для его обозначения использовались и используются другие термины. Само же использование термина «трансформация» или других относительно сочетания и соединения национального права с международным фактически свидетельствует о раздельности двух систем права. При этом необходимо учитывать, что нормы международного права, подвергшиеся трансформации, сохраняются в таком качестве и таковыми по форме. Одновременно они приобретают качество норм национального права и особенную форму, которую им сообщают акты государственных органов, которыми они трансформированы.

Как уже говорилось, особенность ряда новейших конституций состоит в том, что в них определяются сочетание по форме и соединение по содержанию национального права с международным. Так, в ст. 10 Конституции Италии предусмотрено, что национальный правопорядок «согласуется с общепризнанными нормами международного права». Подобным образом в ст. 6 Конституции Грузии оговаривается, что законодательство должно отвечать общепризнанным принципам и нормам международного права. Приведенные положения основных законов можно воспринимать как признание примата соответствующих принципов и норм.

В ст. 5 Конституции Албании установлено, что международное право является «обязательной частью национальной правовой системы». Согласно ст. 8 Конституции Португалии «нормы и принципы общего международного права есть составная часть португальского права». В ряде основных законов составной или даже неотъемлемой частью национального права названы общепризнанные принципы и нормы международного права. Соответствующие положения конституций вы-

глядят как признание т. н. монистической теории соотношения международного и национального права. Однако их нельзя воспринимать как констатацию якобы возможности непосредственного регулирования международно-правовыми нормами внутригосударственных отношений.

Приведенные положения основных законов, определяющие взаимосвязь двух правопорядков, сформированы общо, что усложняет роль соответствующих международно-правовых норм относительно регулирования внутригосударственных отношений. Общими по форме и содержанию являются, в частности, те конституционные положения, которыми оговорены примат общепризнанных принципов и норм международного права или «включенность» этих принципов и норм в систему национального права.

Характерно, что термин, близкий по смыслу к термину «общепризнанные принципы и нормы международного права», был сначала сформулирован именно для целей конституционного регулирования: в ст. 4 Конституции Германии 1919 г. упоминались общепризнанные нормы международного права. В дальнейшем такой термин в контексте определения соотношения национального и международного права был использован в основных законах Австрии, Греции, Италии и ФРГ. В свою очередь, в конституциях Беларуси и Словении в этом же контексте речь идет об общепризнанных принципах, а в конституциях Венгрии, Грузии и Эстонии — об общепризнанных принципах и нормах международного права.

В Конституции России соответствующие термины использованы чаще, чем в любом другом основном законе, и для определения разных аспектов соотношения международного и национального права. При этом в одних ее статьях речь идет об общепризнанных принципах и нормах международного права, в других — об общепризнанных нормах международного права. В ряде основных законов термин «общепризнанные принципы и нормы (либо только принципы или нормы) международного права» применяется в связи с характеристикой внешнеполитической деятельности государства: примером может служить положение ст. 18 Конституции Украины.

Общепризнанные принципы и нормы международного права — это нормы, которые рассматриваются как обязательные всеми или почти всеми государствами мира. Сложность их применения состоит в неопределенности содержания, поскольку общепризнанные принципы и нормы не зафиксированы как таковые в специальном международно-правовом акте. Более конкретными при определении соотношения международного и национального права выглядят положения основных законов, согласно которым составной частью национального права являются международные договоры. В частности, подобное положение содержит ч. 4 ст. 15 Конституции России. В ряде конституций такое значение прямо признано только за ратифицированными договорами.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 Конституции Украины «действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины». Такая формулировка не выглядит безупречной в контексте распространенного доктринального толкования понятия законодательства. В узком смысле под законодательством понимается совокупность исключительно законов, в широком — совокупность законов и, в зависимости от подхода, тех или иных нормативно-правовых актов. Не случайно В.Н. Денисов и А.Я. Мельник пред-

ложили использовать в ст. 9 Конституции Украины термин «внутренне право Украины» взамен существующего⁶.

Вопрос определения соотношения по юридической силе актов национального права и международных договоров решается, хотя и частично, в положениях конституций, касающихся примата международного права (международных договоров). При этом соответствующие положения сформулированы по-разному: обычно речь идет о приоритете, сравнительно высшей силе и даже верховенстве международных договоров относительно законов или относительно законов и подзаконных актов.

В основных законах Азербайджана, Армении, России, Таджикистана и Эстонии определено, что если международными договорами установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законе или подзаконном акте, применяются правила договора. Таким же образом примат международных договоров по разным вопросам установлен рядом законов Украины, отнесенных к различным отраслям национального права. Однако Конституция Украины положений о примате международного права или международных договоров не содержит.

Чаще всего в конституциях признается примат ратифицированных договоров (Албания, Армения, Болгария, Греция, Казахстан, Польша, Хорватия и Эстония). Во Франции примат ратифицированных договоров признается только при условии их исполнения другими участниками. В Словакии и Чехии приоритет относительно законов имеют ратифицированные договоры о правах человека и основных свободах. Существует также практика конституционного признания примата общепризнанных принципов и норм (или норм) международного права (Беларусь, Греция, Словения и ФРГ). В Конституции Южно-Африканской Республики примат выражен в оригинальной форме: «толкование законов должно осуществляться в духе международного права» (ст. 233).

В условиях, когда в конституции не предусмотрено примата международных договоров, не исчезает практическая необходимость определения их соотношения по силе с актами национального права. В случае ратификации международного договора путем принятия закона договор объективно приобретает силу закона. Его соотношение с законами по содержанию и действию должно устанавливаться по принципу *lex posterior derogat priori*. Юридическая сила договора, согласие на обязательность которого выражена актом главы государства или правительства, зависит, в частности, от предварительного одобрения договора парламентом, а также от места акта, которым выражено такое согласие, в иерархической системе национального права.

Конституционно признанный примат международного права (международных договоров) не имеет абсолютного характера и обычно не касается самого основного закона. Этот тезис является своеобразным постулатом, который основан на традиционно толкуемой идее государственного суверенитета. В связи с этим в Беларуси не допускается заключение международных договоров, противоречащих Конституции, а в Монголии оговорена необходимость соответствия договоров Конституции. По смыслу ст. 6 Конституции Грузии примат признается только за теми договорами, которые ей соответствуют.

Иногда верховенство конституции, по сравнению с международными актами, устанавливается опосредовано. Примером может служить положение ч. 2 ст. 9 Конституции Украины, в соответствии с которым заключение международных

договоров, которые противоречат Конституции Украины, возможно только после внесения изменений в Конституцию Украины.

Важным является то, что существует тенденция к установлению фактического приоритета международных договоров, регламентирующих процессы общеевропейской интеграции, относительно отдельных положений основных законов государств-участников этих процессов. Эту тенденцию отражает предусмотренная теми же конституциями передача части полномочий государственных органов соответствующим международным организациям и учреждениям. Однако соответствующая тенденция не отрицает юридических свойств конституции как основного закона государства, значения конституционного регулирования для организации и осуществления всех функций государства, включая внешние.

¹ *Оппенгейм Л.* Международное право. М., 1948. Т. 1, полутом 1. С. 100.

² *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. М., 2008. Т. 1. С. 162.

³ *Тункин Г.И.* Теория международного права. М., 2006. С. 164.

⁴ См.: *Лукашук И.И.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 121.

⁵ *Конюхова И.А.* Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М., 2006. С. 16.

⁶ См.: *Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України* / за ред. В.Н. Денисова. К., 2006. С. 38.

А.А. Селиванов

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ УКРАИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ ПАРЛАМЕНТА

В статье освещаются реально существующие условия недостаточного использования полномочий единым органом конституционной юрисдикции, который путем трансформации внутреннего порядка своей деятельности не реализует потенциал конституционного правосудия.

Ключевые слова: Конституционный Суд Украины, конституционная юрисдикция, конституционное правосудие, судебная система Украины.

A.A. Selivanov

IMPLEMENTING POWERS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF UKRAINE IN THE POLITICAL PERSPECTIVE OF THE PARLIAMENT

The article highlights the real-world conditions of insufficient use of authority by a single body of constitutional jurisdiction, which is by transforming the internal order of their activities does not implement the potential of constitutional justice.

Keywords: Constitutional Court of Ukraine, constitutional jurisdiction, constitutional justice, the judicial system of Ukraine.

В последнее время наблюдается повышенный интерес народных депутатов Украины к судебной системе, которая требует завершения реформирования

© Селиванов Анатолий Александрович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, академик Национальной академии правовых наук Украины, постоянный представитель Верховной Рады Украины в Конституционном Суде Украины.

ее структурного построения и процессуальной деятельности с тем, чтобы сделать ее доступной и открытой, профессионально безупречной.

Особое внимание государства и общества направлено на деятельность Конституционного Суда Украины, который представляет собой единый орган конституционного контроля, утверждения конституционности правовой системы. Его создание предусматривало введение особого статуса конституционного правосудия, ориентацию на закрепление признаков лучших образцов конституционных судов Европы, наделение их широкими полномочиями, быть ориентиром права, конституционных ценностей, верховенства права и свобод человека и гражданина, эффективности судебной деятельности не только в решении спорных конституционных вопросов, но и принятых судебных решений. Конституционное правосудие не подпадает под обычное представление «судопроизводства и судебного права», поскольку выходит за пределы общепринятого в судебной практике понимания судебного процесса и принятых Судом решений, которые имеют силу «обязывающих источников» правопонимания, а официальное толкование является средством преодоления коллизий и противоречий в законодательстве, что приводит к единому подходу в применении Конституции и законов Украины.

Авторитет и эффективность конституционного правосудия в большей степени зависят от характера и глубины познания Судом Конституции Украины, которая выступает единственным критерием в установлении правовой определенности регуляторов общественных отношений, интегрирующим элементом выявления конституционного смысла законов Украины, актов Президента и Правительства. Функциональное значение конституционного правосудия проявляется в случаях проверки на соответствие Конституции Украины, внесенных для рассмотрения и контроля международных актов, согласие на обязательность выполнения которых дает Верховная Рада Украины. Казалось бы, все условия реализации потенциала конституционным правосудием созданы законодателем и они достаточны для осуществления эффективной деятельности, однако реальная ситуация требует определенных коррективов.

Для Конституционного Суда основной формой выражения его юрисдикционных полномочий являются акты — решения и заключения, которые имеют обязательный характер на территории Украины и не подлежат обжалованию, несмотря на отнесение правовой системы Украины и, в частности конституционного права, к романо-германской системе права, в которой основным источником права является нормативно-правовой акт. На вопрос о том, содержатся ли нормы права в решениях Конституционного Суда Украины, остается дискуссионным. Верховная Рада Украины определена в Конституции Украины как единый законодательный орган и эту юрисдикцию она не делит ни с одним субъектом власти, не имеет права делегировать (закреплять) свои полномочия юрисдикционного характера в сфере законодательной деятельности за любыми субъектами власти. Однако официальное толкование Судом Конституции и законов Украины допускает в его деятельности признаки правотворчества. Такой подход подтверждается практикой Конституционного Суда, в решениях которого можно найти сложившиеся правовые позиции, т. е. нормативно-интерпретационные установки и это можно наблюдать в решениях, которые Суд связывает или с собственной компетенцией, или с определением полномочий органов государственной власти, приспособлявая их к управлению экономикой, социальной

сферой, ориентируясь на политику государства, которая быстро меняется и это отражается на качестве решений Конституционного Суда.

Верховная Рада Украины как единый законодательный орган государственной власти содействует деятельности Конституционного Суда, не расширяя предмет его компетенции и сохраняя критерий юрисдикционных полномочий, согласно которым принимаются решения, связанные с обеспечением соответствия Конституции нормативных актов (обеспечение приоритета Конституции), что связано с разграничением функций различных субъектов и уровней власти. Однако наблюдается явное отклонение компетенции Суда в предоставленных законом полномочиях, которые позволяют самостоятельно регламентировать организационную деятельность с помощью Регламента Суда. Он, повторяя положения Закона, вносит удобный для судей, а не для субъектов права внутриорганизационный порядок обращения в Суд, проведения конституционных производств. Именно Конституционный Суд выступает в таком праве — устанавливая для себя «процессуальную компетенцию», выступая квазизаконодателем, т. е. параллельным нормотворцем для определенных процедур реализации своей юрисдикции. Это несложно проследить по количеству внесенных изменений в Регламент, который в любом случае является налаживанием внутренней работы Суда, но важно выяснить, как такие нормативные поправки влияют на порядок деятельности органа правосудия.

Внимательное рассмотрение внесенных поправок свидетельствуют, что за период 2002–2012 гг. Суд был настроен создать собственные правила, которые бы имели общеобязательный характер. В частности, изменения вносились в соответствии с решениями Конституционного Суда от 6 марта 2002 г. № 3-г/2002, от 26 ноября 2003 г. № 6-р/2003, от 8 мая 2007 г. № 7-р, от 15 мая 2007 г. № 10-р, от 11 января 2008 г. № 3-г.

Однако Решением Конституционного Суда от 14 октября 2008 г. № 34-р/2008 была утверждена новая редакция Регламента, в которую уже вносились дальнейшие изменения в соответствии с Решением Конституционного Суда от 24 декабря 2009 г. № 17-р/2009.

Инициаторами предложений относительно изменений в Регламент были следующие субъекты:

- постоянная Комиссия по вопросам регламента и этики;
- комиссия, созданная Распоряжением Председателя Конституционного Суда от 6 марта 2003 г. № 18/2003;
- председатель Конституционного Суда Украины 2006–2007 гг. И.П. Домбровский (2 решения);
- судьи Конституционного Суда Украины Д.Д. Лылак и В.И. Шипкин;
- судья Конституционного Суда Украины И.П. Домбровский.

Обратим внимание на обстоятельства, по которым были определены изменения в Регламент Конституционного Суда Украины. В соответствии с решениями Конституционного Суда Украины от 6 марта 2002 г. № 3-г/2002 были внесены дополнения к § 57 Регламента о возможности исправления допущенных в решениях, выводах, неточности, опечатки редакционных и технических погрешностей уже по собственной инициативе Конституционного Суда Украины или по заявлению одной из сторон конституционного производства после официального оглашения решения или иного акта.

Кроме того, дополнения касались также возможности разъяснения Конституционным Судом Украины смысла решения, заключения Конституционного Суда Украины по ходатайству одной из сторон конституционного производства. Поэтому Решением Конституционного Суда от 26 ноября 2003 г. № 6-р/2003 были скорректированы § 10, 11 Регламента, регулирующие порядок принятия конституционных представлений и конституционных обращений, их предварительной проверки и изучения в новой редакции.

В частности, новая редакция § 10 предполагала, что зарегистрированные конституционные представления и конституционные обращения проверяет соответствующее подразделение Секретариата Конституционного Суда Украины, к полномочиям которого отнесено предварительное изучение и проверка их на соответствие требованиям статей Закона Украины «О Конституционном Суде Украины» и в случае их ненадлежащего оформления возвращает авторам.

Возможно ли такое, если сравнивать с установками Закона?

Согласно § 11 конституционные представления и конституционные обращения, которые по результатам предварительного изучения определялись как отвечающие требованиям, установленным Законом Украины «О Конституционном Суде Украины», должны передаваться в соответствующее подразделение Управления правовой экспертизы Секретариата КСУ для подготовки предварительного заключения о наличии оснований для открытия конституционного производства по делу или отказа в открытии производства. Если на этой стадии предварительной проверки принималось решение об отказе в открытии конституционного производства, норма Регламента предполагала, что субъектам права на такое представление (обращение) направляется уведомление за подписью руководителя Секретариата Конституционного Суда Украины или его заместителя. При этом п. 5 настоящего параграфа устанавливал, что следующие, явно не обоснованные обращения в Конституционный Суд Украины, расцениваются как злоупотребление правом. Разве такая редакция отвечает принципу доступа субъекта права к конституционному правосудию?

В соответствии с абз. 1 п. 1 § 12 было определено, что руководитель Секретариата Конституционного Суда Украины вместе с предварительными выводами подает обращения для ознакомления Председателю Конституционного Суда Украины, который направляет их к соответствующей Коллегии судей Конституционного Суда Украины.

Решениями Конституционного Суда Украины от 8 мая 2007 г. № 7-р, от 15 мая 2007 г. № 10-р, от 11 января 2008 г. № 3-г вносились изменения в § 6, 7, 12, 13, 22, 24 Регламента относительно процессуальных сроков конституционного производства, однако они относятся к прерогативам закона.

Согласно решению Конституционного Суда от 14 октября 2008 г. № 34-р/2008 была утверждена новая редакция Регламента, в которую были внесены изменения в § 57, 58 Решением Конституционного Суда от 24 декабря 2009 г. № 17-р/2009.

Какие соображения относительно такого порядка вызывают нововведения при анализе изменений в Регламент Конституционного Суда Украины?

Таким способом принятия указанных изменений в Регламент Конституционный Суд формирует собственный механизм, с помощью которого применение конституционной юрисдикции зависит не от закона, в котором дискреционные полномочия поставлены в зависимость от принципов открытости и доступности,

обязательности привлечения субъектов права и власти рассмотрения всех вопросов, которые касаются действующих актов, принятых в пределах, установленных Конституцией Украины. Если они оспариваются (проверяются в порядке конституционного контроля или подлежат официальному толкованию, закон (ст. 72) требует объективного, полного и всестороннего исследования (анализа и проверки их на соответствие требованиям конституционных положений, выявления смысла, заложенного в нормах законодательства, по которым открывается конституционное производство). Однако реализовать такие задачи (что вполне понятно для каждого) Суд обязан через открытые судебные слушания, на которых субъект конституционного представления или обращения должен лично (или через своих представителей) доказать, в чем состоит спорный предмет заявленного ходатайства, предоставить соответствующие доказательства, аргументировать собственную позицию, что вместе будет составлять необходимую информацию по каждому судебному делу для ее изучения судьями-участниками «устного» слушания дела.

Абстрактные представления о конституционном споре, высказанных позициях относительно конституционных представлений заявителей значительно ухудшают качество судебных исследований, поскольку заявители излагают в своих письменных обращениях минимальную конституционно-правовую информацию. При этом не исключается (а это обстоятельство вызывает тревогу) переход открытого и гласного конституционного правосудия к корпоративному, т. е. ограниченному для заинтересованных субъектов права на конституционное представление или обращения.

Таким образом, конституционный принцип доступа к правосудию нивелируется, а следовательно, это непосредственно влияет не только на качество принятых Конституционным Судом решений и рекомендаций. Ввиду отсутствия отдельного Закона «О юрисдикционной процессуальной деятельности Конституционного Суда Украины» вряд ли можно допустить, что Регламент как внутренний документ Конституционного Суда Украины имеет такую же юридическую силу, как закон, и способен его заменить. По смыслу ст. 153 Конституции Украины в императивном способе законодатель определил, каким образом должны регулироваться отношения процессуального порядка, и что в соответствии с законом должен устанавливаться строго регламентированный порядок организации осуществления конституционного правосудия. Если таково требование Конституции, можно ли самому органу правосудия устанавливать свои правила?

Обратимся к анализу практики Конституционного Суда Украины.

Количество показателей. В течение 2006–2012 гг. Конституционным Судом Украины всего было принято 136 решений, в т. ч.:

об официальном толковании — 59 решений,

на предмет соответствия Конституции Украины — 77 решений.

Однако количественное соотношение принятых решений с определениями Конституционного Суда Украины об отказе в открытии производства (302 определения) указывает на то, что большинство конституционных обращений и конституционных представлений остаются не рассмотренными Конституционным Судом Украины по сути направленных ходатайств (таблица). В связи с этим следует тщательно проанализировать официальные сведения о практике конституционного правосудия.

**Соотношение принятых Конституционным Судом решений
и определений об отказе в открытии конституционного производства
(2006–2012 годы)**

Год	Официальное толкование		Конституционность	
	Решение	Определение об отказе	Решение	Определение об отказе
2006	0	9	0	1
2007	8	25	5	22
2008	10	12	17	19
2009	10	29	26	20
2010	11	58	12	13
2011	11	61	9	11
2012	9	20	8	2
Всего	59	214	77	88

Совершенно определенно можно констатировать тот факт, что количество определений об отказе в открытии производства по поводу конституционных обращений относительно официального толкования норм законодательства существенно превышает количество аналогичных определений по поводу конституционных представлений о проверке на предмет конституционности нормативно-правовых актов.

Так, в течение 2006–2012 гг. было принято 214 определений об отказе в открытии производства относительно официального толкования положений законов и Конституции Украины и лишь 88 отказанных определений относительно конституционности норм законодательства.

Важно отметить, что фактически половину из общего количества отказов в открытии конституционного производства относительно официального толкования норм законодательства (214 определений) было принято Судом в отношении обращений граждан (100 определений).

Самый высокий показатель — 33 «отказные» определения за год — был в 2011 г.

В течение обозначенного периода были зафиксированы следующие показатели:

2007 г. — 11 (9 относительно обращений граждан и 2 в отношении юридических лиц)

2008 г. — 2 (2 относительно обращений граждан и 0 для юридических лиц);

2009 г. — 20 (14 относительно обращений граждан и 6 в отношении юридических лиц);

2010 г. — 31 (28 относительно обращений граждан и 3 относительно юридических лиц);

2011 г. — 36 (33 относительно обращений граждан и 3 относительно юридических лиц);

2012 г. — 16 (14 относительно обращений граждан и 3 относительно юридических лиц).

Более того, согласно статистическим данным официального «сайта» Конституционного Суда Украины можно проследить тенденцию, которая указывает на то, что подавляющее большинство конституционных обращений субъектов права вообще не попадает на рассмотрение Конституционного Суда Украины, а возвращается субъектам обращения Секретариатом Конституционного Суда Украины еще на этапе их предварительной проверки.

Так, в 2012 г. в Конституционный Суд Украины поступило 388 конституционных обращений, в т. ч.: от граждан Украины — 326; от юридических лиц — 62.

Учитывая, что в 2012 г. лишь 5 решений Конституционного Суда Украины было принято по результатам рассмотрения конституционных обращений граждан Украины, 2 решения — по обращениям юридических лиц; 14 определений об отказе в открытии производства по обращениям граждан, 2 отказных решения по обращениям юридических лиц, 2 определения о прекращении конституционного производства в деле, следует отметить, что из 388 конституционных обращений 363 возвращено Секретариатом Конституционного Суда Украины на этапе их предварительной проверки.

Несмотря на то, что Закон Украины «О Конституционном Суде Украины» не предусматривает полномочий Секретариата Суда относительно предварительной проверки и отказа в открытии конституционного производства, согласно Регламенту Конституционного Суда Украины, как отмечалось выше, зарегистрированные конституционные представления и конституционные обращения проверяет в неотложном порядке соответствующее подразделение Секретариата Конституционного Суда Украины, к полномочиям которого отнесено предыдущее их изучение и проверка на соответствие требованиям ст. 13, 14, 38–43 Закона Украины «О Конституционном Суде Украины». Ненадлежащим образом оформленные конституционные представления и конституционные обращения Секретариат Конституционного Суда Украины возвращает авторам, о чем указывает в письменном сообщении, подписанном руководителем соответствующего подразделения Секретариата Конституционного Суда Украины. Разве это можно назвать полномочиями аппарата Суда?

Таким образом, подавляющее большинство конституционных обращений возвращается авторам работниками Секретариата Суда, а их письменные сообщения, которые не являются судебными решениями, не подлежат обнародованию, в связи с чем не представляется возможным провести их содержательный анализ.

Основной аргументацией Суда при отказе в открытии производства по конституционным обращениям граждан служит стандартное утверждение: несоответствие конституционного представления требованиям Закона Украины «О Конституционном Суде Украины», неопределенность предмета официального толкования или отсутствие практической необходимости в рассмотрении этого дела.

Анализ определений Конституционного Суда Украины об отказе в открытии конституционного производства в течение 2006–2012 гг. свидетельствует о том, что таким образом остается вне поля зрения защиты единым органом конституционной юрисдикции достаточно значительного количества ходатайств к Суду о конституционных правах граждан, в частности:

права на социальную защиту (21 определение);

права на судебную защиту, апелляционное и кассационное обжалование, право на обжалование в суде решений, действий или бездействия субъекта властных полномочий (31 определение);

права на труд, на защиту от незаконного увольнения, на своевременное получение вознаграждения за труд (7 определений);

жилищные права граждан (7 определений);

права частной собственности (6 определений);

права на защиту от злоупотреблений со стороны органов государственной власти и их должностных лиц.

В течение 2006–2012 гг. среди определений Конституционного Суда Украины об отказе в открытии конституционного производства по делу одной из самых многочисленных является категория дел по конституционным обращениям физических лиц в сфере социальной защиты (21 постановление).

Конституционный Суд Украины, отказывая в открытии производства по указанным конституционным обращениям, наверное, не посчитал важным учесть неоднозначное применение соответствующих норм законодательства судами общей юрисдикции, что лишь усиливает сложную проблему нарушений прав граждан на социальную защиту и обеспечение достаточного жизненного уровня.

Конституционным Судом Украины было принято 31 определение об отказе в открытии конституционного производства по обращениям граждан, в которых затрагивались вопросы права на судебную защиту, апелляционное и кассационное обжалование, права на обжалование в суде решений, действий или бездействия субъекта властных полномочий.

Таким образом, несмотря на неоднозначное понимание судами общей юрисдикции соответствующих норм законодательства Украины, что влечет за собой проблемы в их практической реализации и негативно сказывается на реализации гражданами гарантированного права на судебную защиту, Конституционный Суд Украины, в частности, обошел внимание такой важный вопрос, как право или ограничение права граждан самостоятельно определять для себя суд, а также относительно того, следует ли платить судебные издержки за подачу апелляционных жалоб на определения судов первой инстанции и является ли основанием для признания судом считать не поданными апелляционные жалобы на определения, если не оплачены судебные расходы и не предоставлены соответствующие квитанции (платежные документы) и т. д.

Граждане, обращаясь в Конституционный Суд, надеялись получить официальное толкование отдельных законодательных понятий, содержащихся в нормах процессуального законодательства Украины, в частности: «интересы конкретного лица»; «официальный документ» в процессе рассмотрения уголовных дел по обвинению лиц в служебном подлоге; «специалист в области права»; соотношение понятий «полное решение суда» и «решение суда в полном объеме», и т. п.

Граждане неоднократно просили также растолковать, гарантируется ли каждому право на обжалование в суде любых решений, действий или бездействия субъекта властных полномочий на основании ст. 55 Основного Закона Украины предоставлено право обжаловать в суде не любые, а лишь определенные категории решений, действий или бездействия. В частности, имеет ли гражданин право на обжалование в суде в порядке административного судопроизводства решения и действия органов государственной налоговой службы, их должностных и служебных лиц, допущенных при производстве досудебного следствия, оперативно-розыскных мероприятий по уголовному делу, определение о возбуждении которого было отменено судом, и т. д.

Среди конституционных обращений граждан, которые остались не рассмотренными Конституционным Судом Украины, выделяются те, которые связаны с правом на труд, на защиту от незаконного увольнения, на своевременное получение вознаграждения за труд (7 определений).

Граждане также просили растолковать положения законов Украины «Об оплате труда», «О пенсионном обеспечении», «О сборе на обязательное государственное пенсионное страхование» относительно включения выплат среднего заработка

за время задержки расчета при увольнении и компенсации за потерю части заработка в связи с нарушением сроков ее выплаты до сумм, с которых начисляется сбор в Пенсионный фонд Украины и которые включаются в средний заработок для исчисления размера пенсии и др. По этим вопросам позиция Конституционного Суда остается неизвестной и для Верховной Рады Украины.

Все это выглядит тем более важным, когда, ознакомившись с анализом рассмотрения судебных дел по сути, видно насколько эффективным является конституционное правосудие по критерию сопоставления принятых решений и определений об отказе в рассмотрении (в письменной форме), т. е. без публичного (открытого) слушания без вызова в Суд субъектов права на конституционное представление и выяснения правовых позиций представителей органов государственной власти, акты которых оспариваются, экспертов, специалистов и других лиц. Их информации, объяснений, кроме научных выводов, а скорее теоретических взглядов специалистов различных университетов, в делах Суда не наблюдается и это уже влияет на качественную сторону подготовки актов единого органа конституционной юрисдикции.

Неоднократно граждане обращались в Конституционный Суд Украины с ходатайством выяснить конституционный смысл нормы жилищного законодательства в связи с нарушением, по их мнению, определенных жилищных прав, которые, тем не менее, остались нерассмотренными единым органом конституционной юрисдикции (7 определений об отказе).

Разве такие вопросы не касаются конституционного осмысления со стороны Конституционного Суда Украины? Выяснить постановку этих вопросов со стороны народных депутатов Украины и дать надлежащие объяснения постоянный представитель Верховной Рады Украины имеет возможность только при открытии конституционного производства Судом в устной форме открытого слушания дела.

Конституционный Суд Украины отказал в открытии производства по делам по конституционным обращениям, предметом защиты которых должны быть вопросы права собственности супругов, права собственности на землю и т. д. (6 определений).

Таким образом, при отказе в открытии конституционного производства по делам по обращению граждан в связи с отсутствием оснований для конституционного обращения Конституционным Судом Украины сужается доступ лиц к конституционному правосудию, а потому немалое количество конституционных прав и свобод лиц остаются незащищенными.

Практика осуществления конституционного правосудия за 16 лет его введения в сферу обеспечения верховенства и охраны Конституции Украины показывает, что, занимаясь соответствующими вопросами, Конституционный Суд Украины активно влияет на законотворческую и правоприменительную деятельность, способствует решению сложных коллизий, противоречий в законодательстве и судебной практике общих судов. Именно поэтому следует учесть исключительные возможности Конституционного Суда быть «судом права», а не фактов. В этом заключается социальная ценность конституционного правосудия, его исключительные полномочия при решении дел о конституционности положений законов, которые касаются не только государственных и общественных интересов, но и конкретных прав и свобод граждан Украины. Если говорить об изъянах, следует сослаться на такой факт. Действительно довольно неубедительный в частности, отказ в открытии конституционного производства в деле по конституционному

обращению гражданина Калюжного М.В. относительно официального толкования положений ч. 1 ст. 216 ГК Украины (Определение от 7 ноября 2012 г. № 30-в/2012). Суд заявил позицию оценки приложенных к конституционному обращению копий судебных решений, определив, что они приняты по различным юридически значимым обстоятельствам, а следовательно, отсутствует неопределенность в применении судами положений абз. 2 ч. 1 ст. 216 ГК Украины.

Ссылаясь на такой же «отказ» в ранее принятом Определении от 12 мая 2012 г. № 31-в/2012, Конституционный Суд оказался в плену собственного сужения обязанностей применить предоставленные ему Конституцией полномочия для толкования положений законов тогда, когда есть практическая необходимость. Искусственное «октроирование» предоставленных полномочий в дальнейшем будет мешать Конституционному Суду решать весомые конституционно-правовые проблемы правопонимания на основе требований приоритета интересов и конституционного статуса человека и гражданина.

В.В. Мамонов

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье дается определение конституционной ценности; выделяются конституционные ценности современной России, определяется их соотношение с основами конституционного строя. Называются «основные конституционные ценности». Рассматриваются ценности, не закрепленные в Конституции РФ.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционная ценность, основы конституционного строя, федерализм, светское государство, труд, демократия, Конституционный Суд РФ, Президент РФ.

V.V. Mamonov

THE CONSTITUTIONAL VALUES OF MODERN RUSSIA

The article gives a definition of the constitutional values, are the basis of the values of the modern Russia, is determined by their relation with the fundamentals of the constitutional system. The author describes the main constitutional values. Discusses the value is not fixed in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutional value, the fundamentals of the constitutional system, federalism, the secular state, labor, democracy, the basis district Court of the Russian Federation, the President of the Russian Federation.

Чтобы иметь ясное представление об обществе, определить перспективы его развития, необходимо выяснить ценности, имеющие приоритетное значение. В ценностях народа концентрированно выражается историческое, культурное наследие, доставшееся от предков. Ценности — это тот признак, который позволяет идентифицировать принадлежность субъекта к какой-либо группе. В системе ценностей особое значение имеют те, которые установлены Конституцией страны, поскольку этот документ принимается населением непосредственно или от его имени, имеет высшую юридическую силу и носит учредительный характер.

© Мамонов Вадим Васильевич, 2013

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права (Санкт-Петербургский государственный экономический университет); e-mail: mamonov1975@yandex.ru

Для современной России определение конституционных ценностей имеет приоритетное значение по следующим обстоятельствам: во-первых, они объединяют относящихся к различным социальным, возрастным, профессиональным, религиозным и иным группам граждан, делают из населения, проживающего на определенной территории, многонациональный народ России. И.Е. Фарбер справедливо обращал внимание на то, что Конституция — это не только юридический акт, но и важнейший политический документ¹. Как бы ни был высок уровень социально-экономического развития страны, этот фактор, взятый в отдельности, не может создать из людей одну общность. Именно совместные ценности определяют сплоченность народа. Идеалы советских людей были в немалой степени утопическими, но они служили опорой дружбы этносов, основой сохранения государственности, вдохновляли граждан на подвиги.

Во-вторых, важным элементом реализации суверенитета государства следует признать свободное установление им своих национальных ценностей, которые позволяют проводить независимую внешнюю политику. Желаемый результат не может быть достигнут без определения ценностей, которые стали бы общепризнанными в мире. Свидетельством этому выступают частые разногласия постоянных членов Совета Безопасности ООН по ключевым вопросам. Геополитическое положение делает неизбежным наличие для России ценностей, учитывающих приоритеты как западной, так и иных современных цивилизаций. Однако отечественная аксиология не может копировать иностранные ценности.

Разрешение конкуренции традиционных и заимствованных ценностей имеет практическое значение. Мнения Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по вопросу предоставления военнослужащим мужского пола отпуска по уходу за ребенком оказались диаметрально противоположными². Анализируя эту ситуацию, А.А. Ливеровский верно обращает внимание на проблему совместимости двух культур, двух цивилизаций в рамках правовой системы нашего государства³.

В-третьих, в условиях жизненно необходимого для экономики притока мигрантов, неизбежно требуется выработать идеи, учитывающие традиционные устои российского общества и взгляды, разделяемые натурализованными гражданами и приезжими.

В-четвертых, сегодня очевидным фактом является востребованность изменений в различных сферах жизни общества, взаимоотношений его с государством. Мы переживаем особый момент в нашей истории, когда прерывание необходимой модернизации может превратиться не в очередной эксцесс, что уже немало, а в окончательную катастрофу народа и государства⁴. Конституционные ценности могут стать гарантией от застоя, поскольку устанавливают ориентиры, достижение которых требует непрерывного, постоянного развития. Вместе с тем они препятствуют революционному слоу устоявшихся норм.

Дать определение понятия «конституционная ценность» представляется непростой задачей, поскольку ценности могут включать в себя процессы, субъекты, предметы, убеждения, ориентиры. В.П. Тугаринов определял ценности как «явления природы и общества, которые являются благами жизни и культуры людей определенного общества в качестве действительности или идеала»⁵. По мнению Н.В. Витрука, «конституционная ценность — объекты реальной действительности, признанные в качестве основных ценностей и нашедшие свое закрепление и гарантирование в использовании, реализации, охране и защите в Конституции Российской Федерации»⁶. Конституционные ценности не всегда

воплощены в жизнь. В ряде случаев их лишь предстоит достичь. Например, Н.С. Бондарь и Ю.В. Капранова рассматривают равноправие как базовую ценность современных демократий. Однако реализация гражданами своих прав в политике пока еще в значительной степени зависит от принадлежности к партии, в социальной сфере — от места жительства.

В современном конституционализме феномен ценностей проявляется в трех измерениях: а) сама по себе конституция как ценность; б) получающие прямое закрепление в нормах и институтах конституции ценности; в) имплицитно выраженные конституционные ценности как результат практической конституционно-судебной аксиологии⁷. Конституционные ценности не всегда непосредственно закреплены в конституции. Этому могут быть объективные и субъективные причины. Жизнь динамична, поэтому возможно появление новых ценностей, которые не были известны либо отрицались ранее. Однако для закрепления их в тексте основного закона требуется время. Иногда придание им соответствующего статуса сдерживается юридически сложной процедурой внесения дополнений в конституцию. Благоприятная окружающая среда не всегда рассматривалась в конституциях как ценность. Во втором десятилетии XXI в. все большую значимость приобретают Интернет, социальные сети. В июле 2012 г. Совет по правам человека ООН одобрил резолюцию о всеобщем праве на свободное пользование интернетом. Нельзя исключать, что доступ к интернету станет самостоятельной ценностью, отраженной в конституциях будущего.

Конституционные ценности в ряде случаев прямо не закреплены в конституциях в силу несовершенства их текстов, возникшего из-за поспешности принятия или сознательного дистанцирования авторов от предшествовавшей эпохи. В Конституции РФ не определены универсальные ценности, на которых основывается внешняя политика — всеобщий мир, безопасность. В преамбуле Конституции РФ сказано, что Россия является частью мирового сообщества. Но ведь оно неоднородно. Действия России по признанию Южной Осетии и Абхазии как субъектов международного права поддержали лишь несколько государств. В Конституции СССР 1977 г. в качестве ценностей провозглашались безопасность народов, дружба, широкое международное сотрудничество, разоружение. В эпоху принятия Конституции РФ распространенным было мнение, выраженное О.Г. Румянцевым: «Текст новой Конституции деидеологизирован, он не содержит идеологические директивы, заманчивые и эмоциональные посулы»⁸. Однако не следует игнорировать то обстоятельство, что одна из функций любой конституции — идеологическая. Конституционная идеология основывается на конституционных ценностях.

Вероятно, конституционные ценности — это конституция, закрепленные в ней процессы, цели, к достижению которых стремятся государство, общество и поддерживаемые большинством граждан, определяющие стратегические направления развития страны.

По мнению Н.С. Бондаря, генерируют конституционные ценности судебные органы конституционного контроля⁹. По своей сути это утверждение справедливо. Конечно, решения, принимаемые Конституционным Судом РФ, не могут выходить за рамки ценностей, установленных Конституцией РФ. Однако официальное установление сути ценностей, их взаимосвязи возможно лишь через решения Конституционного Суда РФ.

Следует признать, что в действующей системе власти и, исходя из своего статуса гаранта Конституции РФ, де-факто Президент РФ не только руководствуется

конституционными ценностями, но и устанавливает среди них приоритеты при осуществлении внутренней и внешней политики. Так, в Указе Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» отмечалось, что этот нормативный акт был издан с учетом того, что безопасность России и ее народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти¹⁰. Ценности России особо выделены в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г.: справедливость, свобода, жизнь человека, его благосостояние и достоинство, международный мир, единство разнообразных культур, защита малых народов, семейные традиции, любовь и верность, забота о младших и старших, патриотизм.

Ценности не одинаковы по своему значению. Для более ясного понимания и повышения эффективности защиты необходимо определить их иерархию. Не все институты и процессы, закрепленные в Конституции РФ, следует рассматривать в качестве конституционных ценностей. Статус конституционных необходимо признать лишь за жизненно важными ценностями, без которых немислима жизнь человека, сохранение государственности, развитие общества по пути прогресса.

В литературе, решениях Конституционного Суда РФ часто используются термины, близкие по значению к понятию «конституционная ценность» или производные от него. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2001 г. № 30-П говорится о «конституционно защищаемых ценностях» — независимости суда, состязательности судопроизводства. В Постановлении Конституционного Суда от 20 декабря 2011 г. № 29-П выделены «основные конституционные ценности», в т. ч. защита прав и законных интересов других лиц. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 26-П одной из «базовых ценностей общества и государства» выделено право каждого на объединение. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 июня 2001 г. № 14-П говорится о «балансе конституционно значимых ценностей». Можно встретить упоминание в качестве конституционных ценностей представительства, прав коренных малочисленных народов¹¹.

Вряд ли оправдано использование в юридической лексике термина «конституционно защищаемые ценности», поскольку любая конституционная норма подлежит защите, выражающейся в деятельности Конституционного Суда РФ. Таким образом, нет разницы между конституционной ценностью и конституционно защищаемой ценностью. К конституционно значимым ценностям следует относить те ценности, которые не закреплены в тексте Основного Закона, но имеют конституционное значение.

Определения «основные конституционные ценности» и «базовые ценности общества и государства» тождественны в том случае, если совпадают юридическая и фактическая конституции страны. В такой ситуации основные конституционные ценности выступают краеугольным камнем, на котором выстраивается пирамида всех иных ценностей. Основные конституционные ценности неизменны. Иное ведет к неминуемым революционным потрясениям или эволюционным реформам и принятию новой конституции. Они первичны по отношению к иным конституционным ценностям.

Основные конституционные ценности должны быть устойчивыми, понимаемыми и разделяемыми большинством населения. Их можно условно разделить на виды: духовно-нравственные (любовь и уважение к Отечеству, историческое и культурное наследие, справедливость, добро, просвещение, труд, семья, дружба), политические (суверенитет, гражданство, национальное развитие, мир, граждан-

ское согласие, безопасность), юридические (Конституция РФ, законность), имущественные (территория, земля), экологические (благоприятная окружающая среда). Отдельное место занимают выступающие в качестве самостоятельных ценностей многонациональный народ России, государственность, личность.

Статья 2 Конституции РФ провозглашает высшей ценностью человека его права и свободы. Для того чтобы понять значение такого пиетета к человеку, необходимо вспомнить, что многие из воспринятых Конституцией РФ идей зародились в предшествовавший ее принятию период, называемый часто «романтическим» конституционализмом. В начале 90-х гг. XX в. была предпринята попытка навсегда уйти от тоталитаризма, в котором фактически отрицались не только права человека, но и умалялся сам человек как субъект, представляющий значение для государства. Рассматривая Декларацию прав и свобод человека и гражданина, принятую Верховным Советом РФ 22 ноября 1991 г., Б.С. Эбзеев пишет: «Память о недавнем прошлом была слишком свежа. Отсюда стремление авторов Декларации ограничить власть государства как можно основательнее»¹².

Идея первостепенной значимости ценности человека своими корнями уходит к нормам Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Преисполненные решимости не допустить повторения ужасов Второй мировой войны, принявшие ее государства, вероятно, исходили из достаточности для гармоничного развития самого факта постановки человека на высшую ступень пьедестала. Возвышение значимости человека привело к дисбалансу ценностей. Кризисы последних лет в странах Европы в своей основе заключаются не в расстройстве финансовых или экономических систем, а в неадекватности современным реалиям гуманитарных политик. Государственные бюджеты все чаще не в состоянии нести бремя общепризнанных обязательств перед человеком.

«Высший» означает превосходную степень от слова «высокий» и предполагает, что над ним уже нет иных рангов. Однако абсолютное понимание ст. 2 Конституции РФ привело бы нас к тому, что любой преступник, лицо, перешедшее допустимую грань добра и зла, были бы ориентиром для развития общества и святы для государства. Конституционной ценностью следует признать не каждого человека вообще, а лишь личность, ответственную за свои действия, заботящуюся о благополучии близких, созидающую, вкладывающую собственные ресурсы, энергию для процветания малой родины и Отечества в целом. Для воспитания и развития личности должны прилагать усилия общество и государство.

Одной из привилегированных конституционных ценностей, требующей пристального внимания государства, является общность многонациональный народ России. Именно он принял Основной Закон страны, в котором конституировал все иные ценности. Народный суверенитет неосуществим вне рамок отечественной государственности, которой в 2012 г. исполнилось 1150 лет. Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, СССР, Российская Федерация — это этапы ее становления. Интересы сохранения государственности в различные периоды истории как никакой иной ценности требовали напряжения всех людских ресурсов, часто сопровождались многочисленными жертвами. С ее утратой не мог смириться российский народ.

Таким образом, высшими взаимосвязанными ценностями современной России следует рассматривать общность многонациональный народ России, государственность и личность. Можно встретить утверждения, что конституционной ценностью являются отдельные права человека¹³. Вряд ли это верно. Гармоничное развитие

личности предполагает обладание и возможность использования всего комплекса прав, присущих гражданину цивилизованного государства нынешнего века.

Главные конституционные ценности находятся в тесной взаимосвязи, но не совпадают с основами конституционного строя, которые выступают ценностями юридической конституции, поскольку имеют в силу ст. 16 Конституции РФ особый статус. Мы не относим к основным конституционным ценностям ряд основ конституционного строя: демократический политический режим, федеративную форму государственного устройства, социальное и светское государство, республиканскую форму правления, самостоятельность местного самоуправления.

Очевидно, что демократии нет приемлемой альтернативы. Однако нельзя выделить идеальную ее модель. Демократия не может быть самоценностью, ее институты представляет собой важность лишь в обществе, которое достигло определенного уровня стабильности и свободы, гарантирующего от наступления охлократии и следующей за ней тоталитарной диктатуры. Демократия жизнеспособна, если большинство избирателей — граждане, самостоятельно обеспечивающие себе достойную жизнь, не связывающие доступ к благам исключительно с предпочтениями от государства. Несмотря на формальное присутствие в нашей действительности многих принципов демократии, она еще не стала ценностью жизни. На власти лежит ответственность по подготовке социально-экономических предпосылок для поступательного движения к ней.

Ряд авторов считают, что конституционной ценностью является федерализм¹⁴. По нашему мнению, более адекватным для России является унитаризм с правом предоставления широкой автономии для территорий, имеющих особенности в своем развитии. Такая модель выгодна самим регионам с неординарным статусом, поскольку позволяет им выстраивать отношения с центром с учетом своей уникальности. Равноправие субъектов ведет к ординарности их положения в России.

Одной из послевоенных европейских ценностей, воспринятых Конституцией РФ (ст. 7), является провозглашение России социальным государством. Вероятно, сегодня выделять как особый признак социальный характер государства не имеет практического смысла. Каждое современное цивилизованное государство является социальным. Сложность состоит не в конституционном признании обязательств перед нуждающимися в социальной защите лицами, а в экономических возможностях страны для установления уровня гарантий. Например, все европейские страны устанавливают пенсионное обеспечение. Однако размер выплат разный. Социальное государство — это не юридическая проблема, а экономический вопрос.

В настоящее время можно наблюдать рост активности религиозных объединений в общественной жизни и деятельности государства. В ряде случаев это делает уместной дискуссию о соответствии позиционирования церкви принципам светского государства, провозглашенного ст. 14 Конституции РФ. Нелепо отрицать рост за последние десятилетия религиозного самосознания людей. Атеизм для отдельного человека может быть благом, поскольку позволяет более объективно познавать окружающий мир, следовать научным теориям. Вместе с тем безверие всего народа может обернуться для него катастрофой. В условиях конституционного запрета на активное участие государства в выработке и продвижении своей идеологии образовавшийся идейный вакуум может быть быстро заполнен губительными для государственности и традиционных морально- нравственных основ общества идеями. Присутствие Церкви в публичной сфере — это совершенно нормальное для свободного общества явление¹⁵. Ценность сотрудничества государства и религиозных объединений, а не отделения их друг от друга может быть

признана в качестве конституционной. Это позволит четко определить пределы совместных действий, взаимную ответственность и обязательства.

Одной из основных конституционных ценностей является труд. Статья 37 Конституции РФ необоснованно исходит из узкого понимания труда, рассматривает его лишь как право каждого. В широком смысле труд имеет колоссальное общественное значение. В ст. 14 Конституции РСФСР 1978 г. он признавался источником роста общественного богатства, благосостояния народа, первой жизненной потребностью человека, определяющей его положение в обществе. Конституционная ценность труда не означает его принудительный характер, но указывает на то, что только труд дает каждому возможность повысить свой статус в обществе, сделать свою жизнь более достойной.

В Конституции РФ не выражена ценность просвещения. Образование рассматривается лишь как право и до определенного уровня обязанность каждого. Ничего не сказано о ценности научного знания. Как самостоятельную конституционную ценность следует понимать развитие страны, выражаясь современным термином, модернизацию. Конституционные доктрины ряда зарубежных стран включают соответствующие положения в свои правовые системы в качестве базовых норм. Например, преамбула и ст. 3 Конституции Республики Бразилии от 5 октября 1988 г. среди высших ценностей и основных целей Бразилии называет обеспечение национального развития¹⁶.

Добро как основная конституционная ценность находит воплощение через принцип гуманизма, закрепленный в нормативных актах (Соглашение стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О помощи беженцам и вынужденным переселенцам», ст. 7 УК РФ, ст. 8 УИК РФ), реализуемый в деятельности органов государственной власти РФ (амнистия, помилование), работе общественных объединений и жизни граждан (благотворительность, волонтерство). На протяжении 2012 г. наблюдалась тенденция усиления и введения ответственности за совершение различных преступлений. В УК РФ внесены ст. 128.1 «Клевета», 298.1 «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава». Ужесточены санкции за нарушение правил проведения массовых мероприятий (ст. 20.2, 20.2.2. КоАП РФ). Необходимо учитывать тот факт, что лишь криминализация явлений, попытка регулирования их только через ужесточение воздействия государства не способна решить проблемы. Во всех возможных ситуациях государству следует проявлять гуманность, сопоставляя ее со справедливостью, являющейся еще одной основной конституционной ценностью. Жизнеспособно только добро. Его противоположности — зло, жестокость — в исторической перспективе оказываются неконкурентоспособными и проигрывают.

Названные основные конституционные ценности следовало бы полно указать в преамбуле Конституции РФ. Процедура внесения изменений в эту часть Основного Закона РФ не установлена. Полную ясность в урегулирование данной проблемы могла бы позиция Конституционного Суда РФ.

Конституция РФ сама выступает в качестве одной из основных конституционных ценностей. Будучи принятой в условиях противостояния политических, социальных, региональных сил и групп, она помогла избежать безвозвратного распада общества, парализации государства, что привело бы к повсеместному нарушению естественных прав человека. Конституция РФ не идеальна, но она позволяет достигать всем участникам политической жизни приемлемых компромиссов, двигаться многонациональному народу России вперед в своем

развитии, обеспечивает связь поколений, формирует прогрессивные традиции. Согласимся с В.Т. Кабышевым в том, что «в обозримом будущем нечто лучшее, чем Конституция РФ, не предвидится»¹⁷. Изучить конституционное наследие страны позволяет знание ее конституционных ценностей. Через их совершенствование возможно приумножение потенциала Конституции России.

¹ См.: Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 71.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г., Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2010 г. «Константин Маркин против России».

³ См.: *Ливеровский А.А.* Перспективы претворения шариата и адата в современной России. Махачкала, 2012. С. 9.

⁴ См.: *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 544.

⁵ *Тугаринов В.П.* О ценностях жизни и культуры. Л., 1960. С. 3.

⁶ *Витрук Н.В.* Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности // Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ и 60-летию Всеобщей декларации прав человека (Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2009. С. 270.

⁷ См.: *Бондарь Н.С.* Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда РФ) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 2.

⁸ *Румянцев О.Г.* Новая Конституция для России: наши подходы // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993): в 6 т. Т. 1: 1990 / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2007. С. 840.

⁹ См.: *Бондарь Н.С.* Конституционное право как фундаментальная ценность демократического правового государства (по мотивам научного наследия академика О.Е. Кутафина) // LEX RUSSIA. Научные труды МГЮА. Т. LXIX. 2010. № 2. С. 271.

¹⁰ См.: САПП РФ. 1993. № 39, ст. 3597.

¹¹ См.: *Брежнев О.В.* Права коренных малочисленных народов как конституционная ценность (рецензия на книгу: Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010) // Право и политика. 2010. № 7. С. 1383–1385.

¹² *Эбзеев Б.С.* Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2011. С. 163.

¹³ См.: *Колоцей И.А.* Право на охрану здоровья и медицинскую помощь как конституционная ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.

¹⁴ См.: *Юсубов Э.С.* Российский федерализм как конституционно-правовая ценность // Российское правосудие. 2009. № 8. С. 10–16.

¹⁵ См.: Речь Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на конференции «От Древней Руси к Российской Федерации — история российской государственности» 28 сентября 2012 г. // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: www.patriarchia.ru (дата обращения: 15.04.2013).

¹⁶ См.: Конституции государств Америки: в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 3: Южная Америка. М., 2006. С. 122–302.

¹⁷ *Кабышев В.Т.* Россия — суверенное демократическое государство (к 20-летию Декларации о государственном суверенитете РСФСР) // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2010. Вып. 11. С. 13.

В.О. Лучин, Т.М. Пряхина

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются социально-психологические факторы реализации Конституции РФ как гаранта обеспечения реальности норм Основного Закона страны, построения в России правового конституционного государства. Дается оценка вкладу профессора И.Е. Фарбера в развитие конституционной теории, особенно развитие им концепции право-

© Лучин Виктор Осипович, 2013
Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда РФ (в отставке).

© Пряхина Татьяна Михайловна, 2013
Доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета (Московский городской педагогический университет).

сознания, формирования конституционной культуры, юридического мышления, обоснования им непосредственного действия конституционных норм, определения предмета конституционного регулирования.

Ключевые слова: реализация Конституции РФ, факторы реализации конституционных норм, конституционное правосознание, конституционная культура, конституционная грамотность населения.

V.O. Luchin, T.M. Pryakhina

SOCIAL AND PSYCHOSOCIAL FACTORS OF IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article analyzes the social and psychological factors of implementation of the Constitution as an important factor in ensuring the reality of the rules of the Basic Law, the legal construction in Russia of a constitutional state. The article highlights the contribution of Professor I.E. Farber in the development of constitutional theory, particularly the development of the concept of justice, the formation of the constitutional culture, legal thinking, justification of their direct application of constitutional norms, definitions of the subject of constitutional regulation.

Keywords: implementation of the Constitution, the factors of the implementation of constitutional norms, constitutional sense of justice, constitutional culture, constitutional literacy.

Приближающееся 20-летие Конституции РФ — серьезный повод подвести некоторые итоги, осмыслить конституционную практику, обсудить пути повышения ее эффективности. Конституция сыграла и продолжает играть конструктивную стабилизирующую роль в развитии общества и государства. Однако конституционной практике по ряду позиций пока не удастся выйти на уровень нормативных установлений Основного Закона. Конституция оправдывает свое социальное назначение, удовлетворяет социальные ожидания лишь тогда, когда ее принципы и нормы претворяются в жизнь, включаются в общественную практику, когда они осуществляются в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях. Недостаточно иметь хорошую Конституцию, необходимо создать условия и механизмы, чтобы она была реальным и действенным фактором общественного развития. Важным резервом, обеспечивающим надлежащую реализацию конституционных принципов и норм, являются социально-психологические факторы реализации Основного Закона страны.

Воздействие права связано с «включением» норм поведения в сознание людей, поскольку право всегда обращено к сознательно-волевой деятельности индивидов. Конституционное правосознание выступает как специфическое проявление общественного и, в частности, правового сознания; как социальный фактор, влияющий на реализацию конституционных норм. Оно включает знание конституционных норм; отношение к конституционным нормам — признание объективной необходимости Конституции и ее приоритета в правовой системе страны либо отрицание этого; поведенческую позицию (осуществление, игнорирование, нарушение). Конституционное правосознание составляет часть политической и правовой культуры.

В юридической литературе обращается внимание на то, что конституционное правосознание — это особый вид правового сознания, в котором отражаются представления и чувства отдельной личности, социальных групп, общества в целом о Конституции, ее роли в жизни общества и государства. Конституционное правосознание формируется на стыке правового и политического сознания, соединяет их основные компоненты — идеи о власти, властеотношениях в единое

целое. Именно в конституционном правосознании находятся ключевые идеи гражданского общества, суверенитета народа, прав и свобод человека и гражданина, федерализма, правового, демократического и социального государства.

Весомый вклад в развитие концепции правосознания внес выдающийся ученый-государствовед И.Е. Фарбер. Взгляды Исаака Ефимовича на сущность и структуру правосознания, его неразрывную связь с правом, экономическими отношениями, политическим сознанием, философией, моралью, динамические характеристики как специфической формы общественного сознания были представлены им в фундаментальной монографии «Правосознание как форма общественного сознания»¹, вызвавшей большей резонанс в научных кругах. В том же году И.Е. Фарбером была защищена докторская диссертация на тему «Правосознание как форма общественного сознания». Говоря об идеях И.Е. Фарбера, часто приходится использовать термин «впервые». И это поистине так. Новаторский дух, научная смелость, прозорливость, глубина творческой мысли сделали его первопроходцем отечественной государственно-правовой науки. Ю.П. Еременко и В.Т. Кабышев, оценивая по достоинству данную работу, отмечают, что в ней впервые был рассмотрен вопрос о сложной структуре правосознания. Несомненной заслугой И.Е. Фарбера стал вывод о том, что структура правосознания представляет собой неразрывное единство правовой идеологии, правовой психологии, правовых идей и правовых чувств. Такая постановка вопроса была для своего времени не только новой, но и достаточно смелой, подчеркивают авторы. Впервые в советской юридической литературе рассматривался вопрос о функциях правосознания: нормативно-регулирующей, воспитательной, правотворческой. Впервые в юридической науке И.Е. Фарбер охарактеризовал такие новые для теории правосознания понятия, как «правовые чувства», «эмоции» и «переживания», «идеи» и «убеждения», «правовая культура» и «правовое воспитание»².

Субъективные факторы образуют механизм трансформации конституционных предписаний в убеждения и образ действий тех, кто на их основе создает нормы права, использует их, руководствуется ими в практической деятельности. В механизме действия Конституции активную роль играют стереотипы поведения, установки, мотивы, цели, интересы и другие социально-психологические факторы, т. е. те социальные качества людей, которые обеспечивают перевод конституционных предписаний в общественную практику и определяют ее социальную эффективность.

Субъективные факторы оказывают влияние на процесс реализации Конституции главным образом через интересы и потребности его участников, получившие соответствующее психологическое опосредование. Психологический аспект нормативного поведения служит соединительным звеном между предписанием закона и реальным поступком. Убежденность граждан, должностных лиц в целесообразности и результативности предписаний Конституции — важнейшее условие их реализации. Отсутствие мотивационного компонента в механизме действия отдельных конституционных норм практически блокирует их реализацию, поскольку такие нормы не воспринимаются как всеобщие и обязательные, не перерастают во внутренне осознанный правовой долг участников конституционных правоотношений.

Позитивное отношение формируется в единстве с ценностным отношением к Конституции, которое приобретает регулятивное значение в силу того, что оценка перерастает в принципы, правила поведения людей. Ценностная сторона

правосознания, таким образом, выступает как своеобразный целеполагающий ориентир правомерной деятельности. Осознание социальной ценности Конституции, принятие личностью конституционных предписаний в качестве норм собственного поведения — один из основных мотивов соблюдения ее норм, существенный стимул и резерв совершенствования механизма ее реализации, укрепления законности и правопорядка.

Индивидуальное правосознание как система социально-правовых установок конкретной личности включает правовые знания, эмоции, мотивы. Правомерное поведение в зависимости от доминирующих мотивов различается как социально активное, привычное, конформистское, маргинальное. Максимальную реализуемость конституционных норм обеспечивает социально-активное поведение участников конституционных отношений, связанное с осознанием и использованием Конституции как важнейшего инструмента социального управления, средства достижения общезначимых целей и гарантирования основных прав, свобод человека и гражданина.

Правовая культура личности вбирает в себя, помимо правосознания, также сложившиеся стереотипы поведения, социальные и другие компоненты правового значения. Нижний уровень правовой культуры образуется в результате усвоения личностью конвенциональных норм и принципов поведения, что позволяет ей органично включиться в данную систему социальных связей. В процессе социализации личность усваивает необходимый минимум правовых принципов, соблюдение которых обеспечивает ей бесконфликтное существование и удовлетворение элементарных социальных потребностей. В пределах этого уровня личность может достичь высокой степени информированности о государственно-правовых институтах, но необходимости в широком знании права на этом уровне правовой культуры еще не существует.

Верхний уровень правовой культуры личности возникает на определенной стадии развития общественных отношений, когда социальное управление обществом предполагает принятие гражданином самостоятельных решений правового значения на основе знания права, сочетания общественных и личных интересов граждан, а также осознания внутренней потребности в правомерном поведении как единственном и безальтернативном. Со временем, отмечал Ф. Энгельс, когда люди овладевают знанием объективных законов общественного развития, их идеи (включая политические и правовые представления), основанные на таком знании, станут орудием целенаправленного изменения социальной действительности, будут усиленно использоваться для изменения условий собственного существования³. Раскрытию и формулированию объективных законов общественного развития способствовали научные изыскания профессора И.Е. Фарбера, труды которого вошли в золотой фонд отечественной юридической науки. Научные идеи, взгляды, концепции Исаака Ефимовича проверены временем и получили подтверждение своей истинности в практике государственного и общественного развития страны.

Уровень знания конституционных норм и принципов в целом выше знания других норм права. Однако это не дает оснований для самоуспокоения. Полагаем, необходимо поставить вопрос о формировании конституционного стиля мышления, развития юридического мировоззрения. Юридическое мышление — это мышление доказательственное. Как справедливо отмечал И.Е. Фарбер, каждое утверждение или отрицание юриста должно опираться на факты, на закон, а не

на эмоции⁴. Знание Конституции РФ является базовым в перечне квалификационных требований, предъявляемых к профессиональным знаниям и навыкам, необходимых для исполнения должностных обязанностей государственными служащими ряда органов государственной власти и управления⁵. Однако мало знать Конституцию, необходимо понимать ее, знать критерии конституционности, практику реализации конституционных норм. Профессионал не должен апеллировать к собственному мнению о конституции, он должен принимать решения, руководствуясь правовыми позициями Конституционного Суда РФ. Опыт показывает: необходимы серьезные коррективы в правовом обучении специалистов, их подготовке к использованию новых правовых средств, открывающихся в связи с созданием и функционированием конституционного правосудия в России.

Положение с конституционным всеобучем требует более пристального внимания и энергичных действий как со стороны государственных структур, так и со стороны юридического сообщества. Развитие системы правового воспитания, в т. ч. укрепление системы юридического образования и юридической науки — составная часть государственной политики, оцениваемая в качестве одного из факторов экономического и социального прогресса общества. Среди проблем юридического образования преподавание конституционного права требует особого внимания. Очевидна значимость конституционной культуры для юристов любой специальности, особенно работающих в государственном аппарате, выполняющих представительные функции в органах государственной власти. Полагаем, самым главным в данном направлении является осознание того, что данные лица не должны отождествлять себя с государством, они призваны оказывать публичные услуги, руководствуясь в своей деятельности публичным интересом, избегая ситуаций, когда личная заинтересованность влияет или может повлиять на объективное исполнение должностных (публичных) обязанностей.

В связи с вышесказанным представляется актуальной и социально значимой инициатива Ассоциации юристов России объявить 2013 г. Годом российской Конституции, провести Всероссийский урок Конституции в День знаний 1 сентября, образовать Национальный центр конституционного законодательства и публичного права, создать интернет-ресурс «Электронный музей истории Конституции Российской Федерации». Ввести в традицию обязательное вручение текста Конституции всем гражданам, достигшим избирательного возраста, а также всем лицам, впервые получающим паспорт гражданина России⁶.

Повышение правовой, и в частности конституционной грамотности, как граждан, так и должностных лиц, особенно значимо в связи с признанием и юридическим закреплением прямого действия Конституции (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ 1993 г.). И.Е. Фарбер был активным сторонником признания конституционных норм непосредственно действующим правом. Видный ученый на много десятилетий опередил конституционную практику по данному вопросу, что лишний раз доказывает его прозорливость. Прямое действие Конституции означает отсутствие посредника между нормой Основного Закона и субъектом, который должен данную норму применять либо воспользоваться закрепленным в ней правом. Теоретически абсолютизация непосредственного действия Конституции объясняется признанием юридически обязательного характера за всеми положениями Основного Закона. На практике сфера прямого действия конституционных норм будет сужаться, ограничиваясь конституционными отношениями⁷.

Российское общество демонстрирует множественность нравственных стандартов. Подобная коллизия характеризует одно из важнейших проявлений

морального кризиса в российском обществе, когда такие внутренне актуальные моральные качества, как честность, порядочность и законопослушание, не востребованы в реальной жизни и поведение в рамках закона не является единственно одобряемым. Однако данные социологических исследований свидетельствуют о ситуативности и во многом вынужденном характере терпимости россиян к существующему плюрализму нравственных стандартов, выявляют их подспудное желание к восстановлению моральных устоев общества. Терпимость к нарушению закона и моральных норм сочетается в их сознании со стремлением обрести сильное государство, способное «навести порядок».

Одна из неоспоримых общечеловеческих ценностей — свобода. Однако она не абсолютна. Свобода одного человека, как известно, заканчивается там, где начинается свобода другого. Осудив практику тоталитаризма, мы с горечью убедились в том, что под видом демократии можно, оказывается, распоряжаться судьбами людей, обеспечить себе власть, уйти от ответственности. А это не что иное, как своеволие. Своевольный индивид отказывается признать право, если оно не выражает его вожеланий. Он отвергает все, что не соответствует его собственным жизненным установкам. Иначе говоря, любой (государственный, корпоративный, личностный) деспотизм вырастает как логическое продолжение безбрежной свободы. Свобода — нравственный императив. Она предлагает не только преодоление различных препятствий на пути человека, но и сознательное ограничение определенных порывов, которые могут обернуться несвободой других. Ущемляя чужую свободу, человек сам рискует оказаться в зоне дефицита свободы. Понимать необходимость самоограничения правом, связанность конституционными рамками коллективной и личной свободы и следовать данному императиву — веление времени, жизненная необходимость, создающая реальные предпосылки построения в России правового конституционного государства. 28 апреля 2011 г. были приняты Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан⁸, в которых подчеркивается, что они направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, преодоление правового нигилизма в обществе, препятствующего развитию России как современного цивилизованного государства (п. 4).

Российское государство и общество пытаются бороться с правовым и, в частности, конституционным нигилизмом, тормозящим формирование высокого правосознания граждан. Даже при обилии законов их нормы еще не стали в полной мере ценностным элементом, основанием поведения. С одной стороны — признание полезности, высокого назначения закона в обеспечении порядка, охраны прав, интересов и безопасности граждан; с другой — девальвация закона, непризнание права и законности в качестве высшей ценности. Подобной двойственности в немалой степени способствует смешение частных и публичных начал в области государственно-правового регулирования. И.Е. Фарбер справедливо акцентировал внимание на том, что теоретически несостоятельно и практически вредно смешение общественных и личных отношений. Для правового регулирования важны деятельность и поведение индивидов и организации, но не в их личностной, психологической характеристике, а как участников общественных отношений, социальная значимость этого поведения. Само понятие «общественные отношения» имеет два аспекта: а) исходная устойчивая связь

больших групп людей, классов, наций, социальных групп; б) развитие этой взаимосвязи в ходе практической деятельности. Практическая деятельность людей в ее волевой форме и регулируется правом. Поэтому общественные отношения как предмет правового регулирования — это не целиком все стороны экономических, политических, семейных и других отношений, ибо право — это не зеркальное отражение общественных отношений, констатировал И.Е. Фарбера⁹. В ходе строительства правового государства в России произошла явная переоценка регулирующей роли закона. Право не может и не должно охватывать все стороны общественной и личной жизни, повторим мы вслед за И.Е. Фарбером, оно имеет свой предмет регулирования. Право как лекарство исцелит общество от социальных недугов только тогда, когда будет соблюдаться, образно говоря, дозировка. Право — один из самых мощных и эффективных регуляторов общественных отношений, который, однако, чтобы быть эффективным, должен обеспечиваться экономическими, политическими, социально-классовыми, идеологическими, социально-психологическими факторами его реализации.

Подводя итог, мы не можем еще раз не обратиться к теоретическому наследию великого ученого, с высоты научной мысли видевшего всю глубину и сложность проблем реализации Конституции. И.Е. Фарбер писал: «Разработка, принятие и реализация юридической конституции, зависят не только от реальных политических отношений, но и от культуры, нравственного сознания, состояния науки конституционного права, прочности режима законности и других обстоятельств... Так что отражение конституции в юридических актах не гладкий, зеркальный и простой процесс, а сложный и противоречивый»¹⁰.

Несмотря на всю сложность и драматичность конституционного развития России, мы не теряем исторического оптимизма и верим, что в российском обществе есть силы, способные обеспечить процветание страны, которая может и должна жить по Конституции, выражающей подлинную волю и интересы народа. Признание Конституции общезначимой ценностью, утверждение ее авторитета и верховенства в общественном сознании и общественной практике — веление времени, важное условие формирования демократического социального правового государства, в котором права и свободы человека и гражданина будут надежно защищены.

¹ См.: Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.

² См.: Еременко Ю.П., Кабышев В.Т. Фарбер Исаак Ефимович — видный ученый и педагог // Личность и власть (конституционные вопросы): межвузовский сборник научных работ. Ростов н/Д; Саратов, 1995. С. 7–8.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 639.

⁴ См.: Фарбер И.Е. Конституционные основы модели юриста // Проблемы конституционного права: межвузовский научный сборник. Саратов, 1979. Вып. 3. С. 8.

⁵ См., например: Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими Центрального аппарата Министерства юстиции Российской Федерации: утверждены Приказом Министерства юстиции РФ от 30 марта 2012 г. № 42 // Российская газета. 2012. 20 апр.; Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими Министерства здравоохранения Российской Федерации: утверждены Приказом Министерства здравоохранения РФ от 10 сентября 2012 г. № 156н // Российская газета. 2012. 21 дек.; Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными и государственными гражданскими служащими центрального аппарата и территориальных органов Федеральной налоговой службы: утверждены Приказом Федеральной налоговой службы (ФНС России) от 16 июля 2012 г. № ММВ-7-4/500@ // Российская газета. 2012. 28 сент.; Квалификационные требования к должностям рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации: утверждены Приказом Министерства внутренних дел РФ от 18 мая 2012 г. № 521 // Российская газета. 2012. 18 июля и др.

⁶ См.: Степашин С. Берем в расчет // Российская газета. 2013. 11 янв.

⁷ См.: Фарбер И.Е. Конституционное регулирование в советском обществе // Проблемы конституционного права. Вып. 1 (2). Саратов, 1974. С. 10.

⁸ См.: Российская газета. 2011. 14 июля.

⁹ См.: Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 30.

¹⁰ Фарбер И.Е. Конституционное регулирование собственности в советском обществе // Проблемы конституционного права / отв. ред. И.Е. Фарбер. Саратов, 1969. С. 7; Советское государственное право / под ред. И.Е.Фарбера. Саратов, 1979. С. 70.

В.И. Гавриленко

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье исследуются закономерности взаимодействия институтов гражданского общества и государства, являющихся определяющими для обеспечения свободы личности, реальности прав и свобод человека и гражданина, социальной и правовой гарантированности его достойного существования.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, права человека.

V.I. Gavrilenko

TO A QUESTION OF CONCEPT AND ESSENCE OF CIVIL SOCIETY: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

The article is devoted to the study of patterns of interaction institutes of civil society and the state institutes which are crucial for the freedom of the individual, the reality and the rights and freedoms of man and citizen, social and legal guarantee its dignity.

Keywords: civil society, constitutional state, human rights.

Гражданское общество как феномен современной цивилизации изучается многими науками: философией, политологией, социологией, юридической наукой и др. Каждая из перечисленных наук рассматривает гражданское общество под своим углом зрения, непосредственно определяемым ее предметом.

Специфический конституционно-правовой аспект изучения гражданского общества — установление закономерностей взаимодействия власти и общества, институтов гражданского общества и государства, являющихся определяющими для обеспечения свободы личности, реальности прав и свобод человека и гражданина, социальной и правовой гарантированности его достойного существования. По И. Канту, гражданская свобода личности, законодательно обеспеченная правом, есть необходимое условие самосовершенствования, гарантия сохранения и возвышения человеческого достоинства¹. Традиционно считается, что гражданским обществом может быть только такое общество, в котором признается и обеспечивается высшая ценность человека, его право на достойную жизнь и безопасность. В гражданском обществе нет места насилию и нарушениям прав человека, уважаются закон, обеспечивается социальная справедливость. Следует согласиться с выводом о том, что гражданское общество — это способ социальной жизни, основанный на праве и демократии, общественное устройство, при котором человеку

© Гавриленко Валентина Ивановна, 2013
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: valentinagavrilenko@yandex.ru

гарантируется свободный выбор форм его экономического и политического бытия, утверждаются права человека, обеспечивается идеологический плюрализм².

Права и свободы человека, уровень его свободы и реального обеспечения права человека на достойное существование выступают непосредственным выражением зрелости и цивилизованности гражданского общества. Гражданское общество и образует то социальное пространство, в котором через такие негосударственные институты, как семья, научные и культурные объединения, профессиональные, женские, молодежные, конфессиональные и т. д. организации и ассоциации, осуществляются выявление, выражение и удовлетворение в конечном итоге разнообразных потребностей и интересов людей. Следовательно, под гражданским обществом понимается определенное качественное состояние общества, свидетельствующее о его зрелости и развитости, способности к саморегулированию и самоуправлению на основе свободной инициативы граждан и их объединений в целях удовлетворения потребностей и интересов каждого члена общества.

К числу важнейших функций гражданского общества относятся также: обеспечение баланса личных и общественных интересов; формирование и обеспечение основных прав человека; образование среды (почвы), в которой формируется развитый социальный индивид; стабилизация социального развития; интегрирование общества и цивилизованное разрешение социальных конфликтов; продуцирование норм и ценностей, которые затем закрепляет государство; функция воздействия на государство в целях формирования его в соответствии с демократическими устремлениями граждан³.

Гражданское общество — это не государственная, а, прежде всего, личная, частная сфера жизнедеятельности людей, в которой действуют независимые от государства субъекты — частные собственники, предприниматели, общественные объединения, партии, церковь и другие, имеющие относительную автономию и возможности самоорганизации для выражения и защиты своих интересов. Понятие «гражданское общество» необходимо для того, чтобы четко определить границы и пределы государственного вмешательства в общественную и частную жизнь. О гражданском обществе можно говорить лишь в том случае, когда складывается совокупность общественных институтов, способных к равноправному диалогу с государством, осуществлению общественного контроля за действиями власти.

Конституционное провозглашение человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ) служит мерилom и критерием подлинной свободы, социально-политическим источником основополагающих прав и свобод человека и гражданина⁴. При этом следует учитывать, что свобода личности не является сама по себе атрибутом гражданского общества. Для последнего характерно, что частный, индивидуальный интерес каждого отдельно взятого индивида в процессе его взаимодействия с другими членами общества преобразуется в их общие интересы, цели и задачи. Еще Г. Гегель писал о том, что «каждый для себя цель... Но без соотношения с другими он не может достигнуть всего объема своих целей»⁵. Иначе говоря, гражданское общество — это механизм трансформации частных интересов в общественные и, соответственно, их гармонизации.

Организационной основой такого механизма служат разнообразные формы взаимодействия индивидуумов — общественные объединения, ассоциации, союзы, корпорации, церковь и т. д. Вместе с тем следует учитывать, что гражданское общество — это не только комплекс институтов, но и система отношений. В этом качестве оно есть духовное и социо-культурное образование⁶.

Современное зрелое гражданское общество — это *общество свободной самоорганизации*. Профессиональные, культурные и иные сообщества, из которых оно состоит, открыты для тех, кто осознанно стремится к объединению на основе общих интересов. Институты гражданского общества позволяют гражданам вместе выработать цели и достигать их — либо непосредственно совместными усилиями, либо отстаивая в диалоге с другими общественными структурами, бизнесом и представителями власти.

О наличии зрелого цивилизованного гражданского общества можно говорить в том случае, когда складывается критически достаточная совокупность самостоятельных и относительно независимых от государства общественных институтов и учреждений, «имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государства, способных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом; сдерживать его стремление к монополии, превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения»⁷.

Гражданское общество имеет сложную структуру и все более приобретает форму множества автономных социумов, образующих многообразную сеть взаимопересекающихся сообществ. При этом для институтов гражданского общества, в отличие от государственных структур, характерны не вертикальные, основанные на подчинении, а горизонтальные отношения, базирующиеся на свободной инициативной деятельности равноправных субъектов.

Гражданское общество и его основные институты должны органически вырастать «снизу» как результат свободной и инициативной деятельности самих граждан, объективно заинтересованных в формировании сильных и самоуправляющихся общественных учреждений и структур, активно участвующих в выдвигании и реализации социально значимых целей и задач. Поэтому всякие попытки искусственного форсирования данного процесса «сверху» не плодотворны и способны лишь привести к формированию суррогатных институтов, которые никогда не смогут заменить собой реальных, выросших из глубин самого общества и связанных корнями с этим обществом жизнеспособных общественных институтов⁸.

Становление в России демократической правовой государственности требует одновременного повышения самостоятельности и автономности гражданского общества. При этом следует учитывать, что процесс формирования гражданского общества, а на его основе — правового государства — это довольно противоречивый, сложный и к тому же весьма длительный процесс, требующий взаимных усилий как со стороны общества, так и со стороны государства⁹.

Необходимым условием и важнейшим фактором институционализации структур гражданского общества является высокая гражданская активность различных групп и слоев населения. Вместе с тем, как считает К.Г. Холодковский, современное российское общество «в результате двойной деструкции — разрушения тоталитаризмом традиционных структур и разрушения или ослабления тоталитарных структур в постсоветский период, приобрело аморфный и в то же время недостаточно пластичный характер. Оно состоит в основном из атомизированных социально инертных индивидов, где агрегированные, общие для больших групп населения социальные интересы мало осознаны и недостаточно оформлены»¹⁰.

В научной литературе общепринятой типологии форм гражданской активности не существует. Чаще всего выделяют такие типы или формы, как, например, гражданские акции, гражданские инициативы и гражданские движения. Формами коллективной самоорганизации граждан могут являться различные

общественные комитеты, союзы, движения, инициативные группы гражданского давления, экспертные общественные комиссии, советы и т. д. Диапазон их действий достаточно широк — от сбора подписей, подачи петиций до уличных манифестаций и пикетирований, распространения печатной продукции (листовок, газет), иных форм гражданских акций¹¹.

Такого рода гражданская активность, особенно проявившаяся в ходе массовых протестных акций в 2011–2012 гг., предполагает давление на правящую элиту в целях осуществления сбалансированной, т. е. отражающей интересы всех сегментов российского общества, политической реформы. В структуре проблем, приоритетных для граждан, на первый план выходят проблемы соблюдения законов, основополагающих прав человека. Эти качественные изменения должны быть вполне осознаны и оценены политическими структурами власти и управления¹².

Вместе с тем проблему взаимодействия гражданского общества и государства нельзя рассматривать без учета необходимости гражданской ответственности людей перед своей страной и ее законами. Государство так же в свою очередь должно содействовать развитию демократических общественных институтов, гуманистических идей и принципов, обеспечивая соблюдение прав и свобод человека, поощряя различные формы гражданской активности населения и участия граждан в государственной и общественной жизни, развивая начала самоуправления, гарантируя свободу печати и гласность, судебную защиту и другие ценности гражданского общества.

Для России характерна традиция сильного государства. Поэтому именно государству сегодня адресованы основные общественные запросы: обеспечить гарантии гражданских прав и справедливость. Главным критерием оценки эффективности власти, предоставляющей услуги гражданам, а также учреждениям социальной сферы, должно стать общественное мнение, мнение самих граждан¹³.

В отношении гражданского общества государство призвано обеспечить в полном объеме основные права человека, добровольную гражданскую кооперацию посредством свободы ассоциаций, полноценный общественный диалог, идейный плюрализм и терпимость к различным взглядам, ответственность государства перед гражданами, осознанное самоограничение власти, а также правовую защищенность гражданского общества и его структур.

¹ См.: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. М., 1966.

² См.: Мухаев Р.Т. Политология: учебник. М., 2000. С. 175–185; Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 258–259.

³ См.: Левин И.Б. Гражданское общество на Западе и в России // Полис. 1996. № 5. С. 118; Становление гражданского общества в России (правовой аспект) / под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2000. С. 24.

⁴ Одним из первых идею прав человека как общесоциологической категории, результата общественного развития в российской юридической науке обосновал И.Е. Фарбер. См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 35–39.

⁵ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 227.

⁶ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2009. С. 37.

⁷ Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России / отв. ред. В.Г. Хорос. М., 1998. С. 8.

⁸ См.: Марченко М.Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 58.

⁹ См.: Баймаханов М.Т. Избранные труды по теории государства и права. Алматы, 2003. С. 332.

¹⁰ Гражданское общество в России: структуры и сознание / под ред. К.Г. Холодковского. М., 1998. С. 252.

¹¹ См.: Чигрина Е.В., Батянова Л.Н. Гражданская активность как фактор и условие институционализации структур гражданского общества // Гражданин и право. 2010. № 3.

¹² См.: Доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 год. URL: www.oprf.ru. (дата обращения: 12.01.2013).

¹³ См.: Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 дек.

В.В. Гошуляк

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

В статье раскрывается юридическая природа и нормативное содержание института собственности как института конституционного права.

Ключевые слова: институт собственности, конституционное право, юридическая природа, нормативное содержание.

V.V. Goshulyak

THE LEGAL NATURE AND THE STANDARD MAINTENANCE OF INSTITUTE OF PROPERTY IN A CONSTITUTIONAL LAW

In article the legal nature and the standard maintenance of institute of property as institute of a constitutional law reveals.

Keywords: property institute, constitutional law, legal nature, standard contents.

Традиционно юридическая наука правовой институт собственности относит к гражданскому праву. И это не удивительно, т. к. научные разработки специалистов в области теории государства и права, составляющие методологическую основу всех отраслей права, именно в этом ключе выработали понятие «институт права». Так, например, Л.И. Спиридонов институт права определяет как «группу юридических норм, регулирующих *в пределах отрасли права* (курсив наш. — В.Г.) отдельный подвид общественных отношений»¹. Следовательно, определенный институт права существует только в определенной отрасли права. Отсюда вытекает вывод о том, что институт собственности относится только к гражданскому праву.

Между тем настоящий вывод не может быть признан бесспорным и отнесен к юридическим аксиомам. Разве можно институт собственности сводить только к подвиду общественных отношений? Ведь собственность, право и государство возникли практически одновременно. Более того, есть основания полагать, что собственность возникла раньше государства и права. При всем разнообразии теорий происхождения государства и права большинство из них свидетельствует о том, что именно возникновение собственности оказало решающее влияние на происхождение государства и права. Собственность — это неизбежный атрибут человеческого общества, отличающий его от мира животных, двигатель общественного прогресса, основа жизни и деятельности человека. Поэтому нельзя низводить институт собственности только к регулированию определенного подвида общественных отношений и рассматривать его как институт только одной отрасли права.

Таким образом, теория государства и права не в полной мере разработала само понятие «правовой институт». Видимо, поэтому М.Н. Марченко, рассматривая теорию права как самостоятельную юридическую дисциплину, ушел от анализа правовых институтов как таковых² и ограничился лишь указанием на то, что нормативную сторону элементов правовой системы составляют юридические нормы, принципы и институты, хотя по поводу принципов можно подискутировать, т. к. они представляют собой разновидность юридических норм³.

© Гошуляк Виталий Владимирович, 2013

Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета (Пензенский государственный университет); e-mail: vvgoshulyak@rambler.ru

Нельзя не отметить и тот факт, что такой подход к определению правовых институтов в теории права не является единственным. О.Ф. Скакун в определении правового института не столь категорична. По ее мнению, институт права представляет собой систему относительно обособленных от других и связанных между собой правовых норм, регулирующих определенную группу общественных отношений⁴. Как видим, здесь нет указания на то, что институт права может быть отнесен только к одной отрасли права. Кроме того, О.Ф. Скакун указывает на два важных обстоятельства. Во-первых, институт права — необходимое звено в целостной системе права и, *как правило*, каждая отрасль права имеет институты права как свое самостоятельное структурное подразделение⁵. Обращает на себя внимание утверждение «как правило». Это означает, что О.Ф. Скакун допускает и такие институты права, которые могут быть структурными подразделениями разных отраслей права, о чем она и пишет далее. Во-вторых, «институты права могут состоять из правовых норм различных отраслей, быть межотраслевыми. Ведь главное назначение институтов права — в пределах своей группы однородных общественных отношений обеспечить цельное, относительно законченное регулирование»⁶. И с этим следует согласиться.

По мнению Е.А. Суханова, в институт собственности включаются не только нормы гражданского права, но и нормы публично-правового характера: конституционные, административные и даже уголовно-правовые⁷. Следовательно, институт собственности представляет собой не только гражданско-правовой институт, а комплексный, межотраслевой институт права.

В.Д. Мазаев говорит о конституционно-правовом, цивилистическом, хозяйственно-правовом, финансовом и других элементах межотраслевого института права собственности⁸.

По мнению Н.А. Богдановой, институт собственности проявляется в статусных характеристиках всех субъектов конституционно-правовых отношений, приобретаая различные правовые формы (нормы, принципы, основы) и играя важную роль в выявлении правового состояния таких субъектов как на конституционном уровне, так и в законодательстве иных отраслей права, исходящих из конституционного права. А если учесть, что все отрасли российского права исходят из Конституции РФ, то можно сделать вывод о присутствии этого института во всех отраслях российского права.

Б.Н. Алейников пишет о комплексном межотраслевом институте права собственности как структурном элементе каждой отрасли права⁹.

В. Мельников рассматриваемый институт права собственности называет смешанным институтом российского права¹⁰.

О.Ф. Скакун также отнесла институт частной собственности к межотраслевым институтам права¹¹.

Такой подход к институту собственности представляется не совсем верным. Во-первых, он может привести к его дроблению на более мелкие единицы, а такого понятия как «подинститут права» теория права не знает. По крайней мере, применяя данный метод, весь институт собственности мы разделим на два разных института — частной собственности и всей остальной собственности. Выделяя только лишь одну форму собственности, мы тем самым ограничиваем само понятие «собственность» и ограничиваем содержание целостного правового института. Во-вторых, институт собственности в праве является общим институтом и сводить его роль только лишь к межотраслевому институту было бы

неверным. Однако теория права также не выработала понятия «общий институт права». Нам он видится как институт права, который представлен во всех без исключения отраслях права, в то время как межотраслевые институты права представлены только в ряде отраслей права.

Институт собственности — неизбежный атрибут гражданского общества. И главная задача права состоит в том, что он должен регулировать и регулирует, по крайней мере, в демократических государствах, отношения гражданского общества и государства. Право определяет тот баланс гражданской свободы и государственной власти, который позволяет этим главным сферам человеческой деятельности существовать автономно, взаимно уравнивая друг друга и не нарушая прав друг друга. А раз это так, то данный институт права не может быть только межотраслевым институтом, а он является общим, т. е. представленным во всех отраслях права.

Гражданское общество представляет собой особую сферу общественных отношений, главным образом имущественных, рыночных, семейных, нравственных. Это область реализации интересов отдельных индивидов и их объединений при минимальной роли государства. Среди признаков гражданского общества Н.И. Матузов правомерно на первое место ставит экономическую свободу, многообразие форм собственности, рыночные отношения, конкуренцию¹². В этом случае собственность становится фундаментальной и краеугольной ценностью гражданского общества и выступает главной предпосылкой свободы личности и всего общества. Это является дополнительным аргументом в пользу присутствия института собственности во всех отраслях права, регулирующих социальные институты гражданского общества.

Следовательно, институт собственности находит свое выражение и в конституционном праве. Однако конституционалисты не относят его к институтам конституционного права, а предпочитают вести речь об институте основ конституционного строя, в который входит и правовое регулирование отношений собственности. М.В. Баглай, В.А. Туманов в «Малой энциклопедии конституционного права» не выделяют институт собственности вообще¹³. В.О. Лучин также не ведет речь об институте собственности¹⁴. Обошли данный институт права и авторы учебника «Конституционное право стран Содружества Независимых Государств»¹⁵. По крайней мере, нам не известна ни одна научная работа, которая рассматривает данный институт в конституционном праве. Это означает, что обозначенная проблема нуждается во всестороннем освещении.

Авторы научных работ в области конституционного права, рассматривая основы конституционного строя, в числе важнейших элементов фундамента гражданского общества выделяют институт экономических отношений¹⁶. А.В. Зиновьев акцентирует внимание на институте экономической политики¹⁷, что, по нашему мнению, одно и то же.

Такой подход также видится неправомерным, т. к. экономические отношения представляют собой экономический базис гражданского общества и складываются из отношений собственности, производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ. Однако именно отношения собственности присутствуют и в производстве, и в обмене, и в потреблении. Поэтому правильнее вести речь не об институте экономических отношений, а об институте собственности в конституционном праве. Он понимается в широком смысле как система, урегулированная правом, исторически изменяющихся общественных отношений между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления

материальных и духовных благ и в узком смысле — как имущество, принадлежащее лицу. При этом в широком смысле понятие «институт собственности» регулируется конституционным правом, а в узком смысле — иными отраслями права с учетом конституционных норм.

Также следует обратить внимание и на тот факт, что институт собственности нельзя сводить только к основам конституционного строя. Он присутствует и в других институтах конституционного права. Институт собственности в конституционном праве, так же как и другие правовые институты, имеет свои особенности, которые представляются нам следующим образом.

Во-первых, нормы о собственности в основах конституционного строя носят учредительный характер. Они конституируют экономические основы Российского государства, закрепляют единство экономического пространства, предусматривают формы и объекты собственности, указывают основные направления социального развития страны, подчеркивают своеобразие юридического режима собственности. Кроме того, на учредительность конституционных норм о собственности указывает и тот факт, что на конституционном уровне впервые юридически признаны в России такие формы собственности, как частная и муниципальная, не ведомые ранее советскому праву.

Во-вторых, Конституция РФ учредила разные формы собственности и признала их многообразие. И здесь основным, на наш взгляд, является то, что эти разные формы собственности защищаются равным образом государством.

Нередко в научных работах принцип равной защиты всех форм собственности трактуется как принцип равенства форм собственности. Так, Т.А. Горюнова пишет о том, что большинство конституций бывших социалистических стран закрепили принцип равенства форм собственности¹⁸.

Е.А. Суханов по этому поводу высказал мнение о том, что в действительности никакого равенства форм собственности нет и быть не может, ибо правовой режим имущества, находящегося в разных формах собственности, различается¹⁹. В подтверждение этих слов можно привести пример, что в государственной собственности может находиться любое имущество, как изъятое, так и не изъятое из гражданского оборота, а в муниципальной и частной — далеко не все. Поэтому, как справедливо пишет Г.Н. Комкова, достижение полного равенства во всех сферах жизни — несбыточная идиллия, к достижению которой стремились и стремятся многие человеческие сообщества²⁰.

В.Д. Мазаев справедливо считает, что ставить вопрос о приоритетности той или иной формы собственности некорректно. Каждая из них выполняет определенную социальную задачу, дополняя друг друга²¹.

Представляется, что анализируемую конституционную норму о формах собственности и их равной правовой защите необходимо понимать буквально и не давать ей расширительного толкования, распространяя принцип равной правовой защиты форм собственности до более общего принципа равенства всех форм собственности. Конституция РФ установила не равенство форм собственности, а только их равную правовую защиту. Конституционное положение о том, что частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности защищаются равным образом означает следующее: все субъекты права собственности обладают равными правами защиты этого права.

В-третьих, особенностью регулирования института собственности в конституционном праве является тот факт, что он регулируется только материальными

конституционными нормами. Эта особенность вытекает из общего характера конституционного регулирования отношений собственности. Процессуальные нормы института собственности содержатся, например, в гражданском, гражданско-процессуальном и иных отраслях права.

В-четвертых, институт собственности в конституционном праве представлен правонаделительными и правоохранительными нормами. Если первые устанавливают позитивные юридические права и обязанности, то вторые служат целям их гарантирования, охраны и защиты на случай возможного нарушения и направлены на регламентацию мер юридической ответственности.

В-пятых, конституционные нормы о собственности носят характер только управомочивающий или запрещающий, но не обязывающий. Очевиден также ряд гарантирующих норм. Это связано с тем, что государство, способствуя формированию гражданского общества в России, стремится предоставить человеку максимальную степень свободы, в т. ч. и в сфере собственности.

В-шестых, ряд положений Конституции РФ устанавливает пределы права собственности, например на землю.

В-седьмых, конституционные нормы о собственности носят не конкретно-регулятивный, а общерегулятивный характер. Конституция РФ является Основным Законом страны, учредительным правовым актом, который в силу этого не может ставить своей целью конкретное правовое регулирование отношений собственности. Это задача других отраслей права. Она в отношении рассматриваемого института устанавливает такие правила поведения, которые не получают достаточно четкого выражения. Эти нормы определяют правовые цели, принципы, понятия или категории, имеющие юридическое значение. Они не формируют непосредственных юридических прав и обязанностей, однако обретают высокую ценность, т. к. заставляют субъекты права действовать с их учетом.

В-восьмых, субъектами права собственности на конституционном уровне выступают все субъекты конституционного права — личность, народ, государство.

В-девятых, конституционное право в силу общего характера правового регулирования института собственности не устанавливает степень присвоения средств производства и иных материальных и духовных благ. Поэтому на его уровне не может идти речь о праве собственности в рамках известной триады: право владения, право пользования и право распоряжения.

Таким образом, институт собственности, учитывая специфику его регулирования Конституцией РФ, должен быть, признан в т. ч. и институтом конституционного права. Это комплексный и общий институт права и из этого следует исходить при его рассмотрении в любой отрасли права.

Анализ теоретических вопросов института собственности в конституционном праве требует также решения проблемы, связанной с оценкой его нормативности. Это, прежде всего, положения Конституции РФ, закрепляющие принципы института собственности, такие как признание и защита равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств (ст. 8), провозглашение Российской Федерации социальным государством (ч. 1 ст. 7), охрана частной собственности законом (ч. 1 ст. 35) и т. п. Отдельные из них, по мнению ряда авторов, несмотря на их большое значение, не могут быть признаны нормами права²². Утверждается также, что некоторые конституционные положения по существу являются правоотношениями, «которые лишь

через посредство других правовых норм и лишь в сочетании с ними определяют поведение участников общественных отношений»²³. Иными словами — это квазинормы, лишенные самостоятельного регулятивного характера.

С этими точками зрения трудно согласиться. Если такие воззрения логически провести до конца, то можно сделать вывод о том, что конституционное право не является самостоятельной отраслью российского права. Однако это не так. Действительно, далеко не все конституционные положения устанавливают точно определенные права и обязанности участников регулируемых отношений. Конституция — не свод законов и поэтому не в состоянии охватить систему функционирующих в обществе отношений путем установления конкретных прав и обязанностей участвующих в них субъектов. Поэтому в конституционном законодательстве, наряду с предписаниями, устанавливающими конкретные варианты поведения граждан и иных субъектов права, содержится немало правовых деклараций, принципов, определений, имеющих юридическое значение и выполняющих особую роль в правовом регулировании. И такие принципы следует признать нормами права, т. к. они самым тесным образом связаны с регулированием общественных отношений, оказывают направляющее воздействие на всю правовую систему и действуют именно в качестве правовых принципов, которыми обязаны руководствоваться все правотворческие и правоприменительные органы, все граждане, должностные лица и общественные объединения. Такой точки зрения придерживаются видные ученые — специалисты в области теории права и конституционного права В.О. Лучин, А.В. Мицкевич, Н.А. Михалева, Ю.А. Тихомиров, Л.А. Морозова²⁴ и ее следует разделить. Именно поэтому институт собственности в конституционном праве, так же как и в других отраслях права, носит нормативный характер.

С оценкой нормативной природы конституционных предписаний связан вопрос о поведенческом характере конституционных положений. Н.А. Михалева и Л.А. Морозова считают, что конституционные нормы-принципы, нормы-цели, нормы-задачи, нормы-определения по своей юридической природе не имеют поведенческого характера и не устанавливают правил поведения²⁵. Это утверждение относится в т. ч. и к институту собственности, где есть такие правовые нормы. Однако с приведенной позицией трудно согласиться. Действительно, поведенческий характер некоторых конституционных норм скрыт, завуалирован, но это не означает, что они не устанавливают правил поведения. Несмотря на особенности внешнего выражения, такие конституционные нормы определяют основные параметры (цели, границы, способы, условия) поведения социальных субъектов в наиболее важных сферах общественной и государственной жизни. Более того, такие нормы обязательно учитываются при принятии других, текущих законов. Сказанное касается не только института собственности, но и всех конституционных прав и свобод человека и гражданина, включая право собственности. Для них характерны высокая степень обобщенности (абстрактности)²⁶ и одновременно нормативности предписаний.

Итак, в институте собственности в конституционном праве мы обнаруживаем основополагающие конституционные нормы, которые в теории права относятся к нормам-целям, нормам-задачам, нормам-принципам, нормам-определениям. В настоящее время в правовой науке содержится, по крайней мере, три определения принципов права.

Согласно первому определению, «принципы права — основополагающие идеи, начала, выражающие сущность права и вытекающие из генеральных идей

справедливости и свободы»²⁷. Они имеют, как писала Н.А. Богданова, большое значение для развертывания конституционно-правового знания, в основу них кладется та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли²⁸.

По второму определению — «правовые принципы — это воплощенные в праве основные положения (руководящие начала, идеи), определяющие содержание права и обусловленные, в конечном счете, объективными общественными закономерностями»²⁹.

По третьему определению — правовые принципы — суть специфическое юридическое выражение объективно существующих экономических и политических законов общественного развития³⁰.

Из всех приведенных определений правовых принципов мы склонны отдать предпочтение последнему. Первое определение не может быть принято, т. к. оно выводит принципы права только из человеческого мышления, оставляя вне анализа реально существующую объективную действительность. Второе определение ближе к истине, но оно обуславливает принципы права только в конечном счете объективными общественными отношениями. Третье определение считает принцип права непосредственным, хотя и специфическим выражением объективно существующих экономических и политических законов общественного развития. Другими словами, принципы права не придумываются учеными, как считает Н.А. Богданова, а открываются ими в результате изучения объективной действительности. Только после этого они закрепляются в законодательстве. Здесь мы солидарны с точкой зрения, высказанной Д.А. Ковачевым по данному вопросу³¹.

Следовательно, конституционные принципы института собственности установили то, что к моменту принятия Конституции РФ 1993 г. они уже реально существовали в действительности, начиная от форм собственности и заканчивая правомочиями собственника. Это положение, на наш взгляд, является принципиально важным. Сюда относятся принципы правового государства, приоритета прав и свобод человека и гражданина, социального государства, федерализма, экономического плюрализма и равной защиты всех форм собственности, единства экономического пространства и поддержки конкуренции.

Вместе с тем необходимо обратить внимание и на тот факт, что в конституционном праве могут находиться и такие правовые положения, которые закрепляют то, чего еще нет в реальной действительности. Например, факта частной собственности на землю в Российской Федерации в момент принятия новой российской Конституции еще не существовало, но, тем не менее, такое право граждан в ней было закреплено (ч. 2 ст. 9; ч. 1 ст. 36). Из этого можно сделать вывод о том, что третье определение правовых принципов также не состоятельно. Однако это не так. Дело в том, что конституционное право, как ни одна из других отраслей права, тесно связано с политикой. И конституция в этом смысле является элементом философии государства. Она есть стабильный и долговременный, рассчитанный на длительную перспективу нормативный правовой акт. Поэтому государство, определяя стратегию своего развития с целью стимулирования возникновения того или иного процесса, включает такие правовые нормы в Основной Закон страны. Тем более, что правовые нормы о частной собственности на землю к моменту принятия Конституции РФ уже существовали в конституциях других государств мира. Удивляться этому не следует. Такой подход вполне правомерен.

Таким образом, институт собственности как общий правовой институт находит свое выражение и в конституционном праве России. Юридическая природа этого института проявляется в закреплении в Конституции РФ правовых норм о собственности и праве собственности. При этом эти нормы являются нормами права и участвуют в регулировании конституционных правоотношений собственности.

- ¹ Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1996. С. 170.
² См.: Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 1998.
³ См.: Там же. С. 300.
⁴ См.: Скакун О.Ф. Теория государства и права. Харьков, 2000. С. 269.
⁵ Там же. С. 269.
⁶ Там же.
⁷ См.: Маттен У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 310.
⁸ См.: Мазаев В.Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности. М., 2004. С. 29.
⁹ См.: Алейников Б.Н. Институт права собственности и социальное государство в России / под ред. С.А. Комарова. СПб., 2008. С. 89–108.
¹⁰ См.: Мельников В. Экономические отношения и собственность в России // Право и жизнь. 2009. № 12. С. 89.
¹¹ См.: Скакун О.Ф. Указ. соч. С. 269.
¹² См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 395.
¹³ См.: Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998.
¹⁴ См.: Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997.
¹⁵ См.: Ковешников Е.М., Марченко М.Н., Стещенко Л.А. Конституционное право Содружества Независимых Государств. М., 1999.
¹⁶ См.: Конституционное право / отв. ред. А.Е. Козлов. М., 1996. С. 94.
¹⁷ См.: Зиновьев А.В. Конституционное право России. М., 2000. С. 61.
¹⁸ См.: Горюнова Т.А. Место и роль понятия «форма собственности» в конституционном праве России // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 118.
¹⁹ См.: Суханов Е.А. Право собственности в современной России. М., 1999. С. 171.
²⁰ См.: Кожкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов, 2002. С. 7.
²¹ См.: Мазаев В.Д. Указ. соч. С. 10.
²² См.: Бабаев В.К. Советское право как логическая система. М., 1978. С. 178; Конейчиков В.В. Конституция развитого социализма: теоретические основы, сущность, функции. Киев, 1979. С. 21.
²³ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 67.
²⁴ См.: Лучин В.О. Указ. соч. С. 10; Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967. С. 145; Михалева Н.А. Социалистическая конституция. М., 1981. С. 131–132; Тихомиров Ю.А. Конституционные нормы. Теоретические основы советской конституции. М., 1981. С. 138; Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. М., 1985. С. 52–54.
²⁵ См.: Михалева Н.А. Указ. соч. С. 140; Морозова Л.А. Указ. соч. С. 51–55.
²⁶ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 272.
²⁷ Лившиц Р.З. Современная теория права: краткий очерк. М., 1992. С. 88–91.
²⁸ См.: Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М., 2001. С. 166.
²⁹ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 213.
³⁰ См.: Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1998. С. 215; Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 58.
³¹ См.: Очерки конституционного права иностранных государств: учебное и научно-практическое пособие / отв. ред. Д.А. Ковачев. М., 1999. С. 28–29.

Ж.И. Овсепян

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

В статье обсуждается вопрос о новых специальных междисциплинарных направлениях в науке конституционного права, позволяющих использовать в конституционно-правовом регулировании (правотворчестве и правоприменении), конституционно-правовых исследованиях инструментарий и методологию неюридических отраслей с целью эффективного мониторинга конституционно-правового законодательства и практики.

Ключевые слова: конституционное право, конституционная экономика, конституционная политология, конституционная социология.

© Овсепян Жанна Иосифовна, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права (Южный Федеральный университет).

Zh.I. Hovsepyan

ABOUT INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN CONSTITUTIONAL LAW

The article is devoted to the discussion of the issue of new specialized, interdisciplinary directions in the science of constitutional law, allowing to use in the constitutional-legal regulation (lawmaking and enforcement), the constitutional-legal research tools and methodologies non-legal industries with a view to the effective monitoring of the constitutional-legal legislation and practice

Keywords: constitutional law, constitutional economics, constitutional political science, constitutional sociology.

Отрасль знаний и научных исследований, которая ныне именуется «конституционное (государственное) право», в России возникла в имперский (монархический) период в конце XIX – начале XX в. и тогда наиболее распространенным ее наименованием было «русское государственное право». На тот период речь могла идти только об исследованиях (изучении) государственного (но не «конституционного») права, об использовании только этого понятия в наименовании учебной дисциплины и учебников¹, т. к. первые документы конституционного значения, продекларировавшие определенное самоограничение самодержавия, были приняты в России лишь в 1905–1906 гг.

В советский социалистический период в юридических вузах СССР и РСФСР преподавалась учебная дисциплина, которая называлась «советское государственное право». Вместе с тем отдельные авторы уже тогда высказывали мнение о целесообразности перехода к наименованию «конституционное право» (В.Ф. Коток, С.М. Равин, В.А. Рянжин, И.Е. Фарбер, В.А. Ржевский). Соответствующая позиция получила наиболее развернутое теоретическое обоснование в работах И.Е. Фарбера, в т. ч. в вызвавшей большой резонанс и широкое обсуждение в науке 70-х гг. XX в. монографии «Вопросы теории советского конституционного права», написанной в соавторстве с В.А. Ржевским². В порядке сравнения отметим, что в подавляющем большинстве зарубежных стран для наименования отрасли понятие «конституционное право» (страны англо-саксонской и романо-германской правовых систем) стало использоваться значительно раньше — с конца XVIII в., поскольку раньше начался «период буржуазных революций в континентальной Европе и Северной Америке, когда передовая общественная мысль выдвинула требование принятия основного закона, конституции для ликвидации феодально-абсолютистского произвола»³.

Обосновывая необходимость употребления наименования «конституционное» к соответствующей отрасли, науке и учебной дисциплине в России, И.Е. Фарбер писал: «Нам представляется, что наименование “конституционное право” лучше отражает и предмет, и принципы, и источники государственного права, отмежевывая в массовом правосознании данную отрасль от административного, гражданского, уголовного, колхозного и других отраслей права... Думается, что распространение и пропаганда нового наименования... должны... поднять еще выше в массовом сознании авторитет... конституционного законодательства...»⁴.

Данные идеи опередили время, не были восприняты в официальной юридической практике советского периода. Однако понятие «конституционное» в наименовании соответствующей отрасли, науки и учебной дисциплины стало широко употребляться в период горбачевской «перестройки», т. е. реорганизаций

и последующего слома советской системы (начиная с 90-х гг. XX в.). С таким наименованием с середины 90-х гг. в России выходят почти все учебники по обозначенному курсу.

Современные процессы развития, на наш взгляд, дают ряд подтверждений соответствия наименования «конституционное право» предмету и системе отрасли, а также науке и учебной дисциплине. Вместе с тем не исключается обсуждение вопроса о расширении использования этого наименования и специальных его дополнениях, т. к. обнаруживается необходимость в новых подходах к осуществлению конституционно-правового регулирования и, соответственно, к исследованию и изучению конституционного права, которые являются показателями актуальности не только традиционного (общего) конституционного права, но и специальных направлений в конституционном праве. Возникновение этих новых направлений, во-первых, отражает усиление правовой мощи Конституции в России вследствие учреждения специализированных органов конституционного правосудия, провозглашения конституционных норм о правах и свободах непосредственно действующим правом и осознания обществом значения норм конституционного права как инструментов осуществления радикальных преобразований и обеспечения демократического развития. Во-вторых, специальные направления в конституционном праве формируются (складываются) в междисциплинарном формате, служат отражением потребности использования в конституционно-правовом регулировании (правотворчестве и правоприменении), конституционно-правовых исследованиях инструментария и методологий неюридических отраслей с целью эффективного мониторинга конституционно-правового законодательства и практики.

В-третьих, новые направления в конституционном праве возникают по той причине, что при сохранении их автономности конституционно-правовые нормы сближаются в своем регулятивном воздействии с нормами иных отраслей права и иными социальными нормами. Кроме того, регулятивное действие конституционно-правовых норм корректируется под воздействием процессов конвергенции публичного и частного отраслей права.

Следствием соответствующих трансформаций является, прежде всего, возникновение двух отраслей конституционного судебного права. К ним мы относим конституционно-судебное материальное право и конституционно-судебное процессуальное право. Под конституционно-судебным материальным правом мы понимаем совокупность правовых позиций, сформированных в процессе осуществления конституционного правосудия, представляющих собой положения о толковании конституционных норм, данные Конституционным судом РФ и конституционными (уставными) судами субъектов РФ. Конституционно-судебное процессуальное право — это совокупность конституционно-правовых норм и институтов, регулирующих конституционное судоустройство и порядок конституционного судопроизводства.

Потребности использования в конституционно-правовом регулировании (правотворчестве и правоприменении) и конституционно-правовых исследованиях инструментария и методологий неюридических отраслей с целью эффективного мониторинга конституционно-правового законодательства и практики обуславливают актуальность таких новых междисциплинарных направлений в науке и образовании по конституционному праву, как: «конституционное право и экономика» («конституционная экономика») (В.С. Автономов, Г.Н. Андрее-

ва, П.Д. Баренбойм, Г.А. Гаджиев, О.Е. Кутафин, В.И. Лафитский, В.А. Мау, В.Е. Чиркин и др.), «конституционное право и политика», или «конституционная политология» (И.М. Степанов, В.А. Ржевский, О.Е. Кутафин, А.В. Малько, Н.И. Матузов, Г.Н. Комкова, Н.А. Боброва, Т.М. Пряхина, О.Ю. Рыбаков и др.). Мы видим перспективу в научных исследованиях и образовательном процессе по конституционному праву и по такому направлению, как «конституционное право и социология» (или «конституционная социология»).

Соответствующие подходы в ряде стран ставят вопросы и относительно предмета, системы, а иногда и наименования общей отрасли, научной доктрины, учебной дисциплины конституционного права. Так, применительно к соответствующей отрасли юридической науки и учебной дисциплине в зарубежных странах можно отметить следующие особенности наименования по странам. Допустим, «в Великобритании и некоторых других англоязычных странах учебные курсы и монографии нередко имеют название «конституционное и административное право». Во многих странах основной материал конституционного права входит в дисциплину, называемую политологией, политической наукой, политической социологией. Во Франции декретом от 27 марта 1954 г. на всех юридических факультетах был введен курс «конституционное право и политические институты». По данным Л.В. и В.В. Бойцовых, «в последнее время... во многих странах наблюдаются перемены: учебные курсы изменяют название и содержание («конституционное право и политические институты», «конституционное право и политическая наука»). Конституционалисты сходятся во мнении: преподавание конституционного права должно основываться на толковании текстов и изложении фактов»⁵.

Конституционное право и экономика («конституционная экономика»)

Развитие законодательства и разработка научной доктрины, а также изучение конституционной экономики в юридических вузах соответствуют периоду вхождения России в систему рыночных экономических отношений, цели обеспечения конституционализации государственно-правового воздействия на экономическую и социальные сферы. При этом конституционализация экономических и социальных отношений означает расширение конституционного влияния на регулирование экономических и социальных отношений; проникновение конституционно-правовых норм в методологию иного отраслевого воздействия на сферу социально-экономических отношений, что обеспечивает интеграцию в правовую практику функционирования государства основополагающих конституционных принципов, отражающих качественные характеристики демократического конституционного строя. Условием и предпосылкой конституционализации экономики является возрастание активности и масштабов государственного участия в экономике в двух качествах: и как одного из хозяйствующих субъектов, и как субъекта конституционно-правовых отношений, устанавливающего условия и порядки экономической — предпринимательской деятельности, что требует установления пределов государственного вмешательства в экономическую сферу как субъекта публично-правового регулирования экономической сферы в нормах Конституции — Закона самой высокой юридической силы, рассчитанного на наиболее продолжительный срок действия.

В юридической науке высказываются следующие представления о понятии и предмете конституционной экономики. П.Д. Баренбойм, Г.А. Гаджиев, В.И. Лафитский, В.А. Мау считают, что конституционная экономика как научное направление — это направление в научных исследованиях, «изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженных в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве»⁶. По мнению Г.Н. Андреевой, «экономическая конституция может быть исследована, по крайней мере, в трех аспектах: во-первых, в теоретическом плане как научная концепция; во-вторых, в нормативном, с точки зрения содержания экономических положений в конституциях; и, наконец, в практическом плане, т. е. как реализация конституционных положений в правоприменительной практике, включая решения органов конституционного контроля, интерпретирующих конституцию. Воссоздание всех трех аспектов дает полную картину экономической конституции»⁷.

Мы считаем, что конституционная экономика как подотрасль конституционного права представляет собой совокупность конституционно-правовых норм, учреждающих деполитизированную систему экономики, подчиняющуюся предписаниям права, функционирующую на основе приоритета конституционных принципов над государственным усмотрением. Глобализация предполагает эволюцию экономического порядка общества, изменение с середины XX в. и в третьем тысячелетии экономической функции государства, переход от концепции государства как «ночного сторожа» к концепции государства как активного регулятора экономики, расширение вмешательства государства в экономические процессы. Это не исключает проблему установления правовых пределов государственного (политического) вмешательства в экономику. Однако в новое время востребована новая концепция правовых пределов государственного участия в экономике. Конституционная экономика есть правовой предел вмешательства государства в сферу предпринимательства в период необходимого, обусловленного процессами глобализации расширения государственного вмешательства в сферу частнопредпринимательской деятельности, установленный в Конституции государства с середины XX в. и в третьем тысячелетии.

Конституционная экономика — это совокупность конституционно-правовых нормоустанавливающих ограничений государственного вторжения в экономическую сферу. Конституционный характер экономики предполагает минимальное вмешательство государства в сферу частного предпринимательства; функционирование государства в системе экономических рыночных отношений преимущественно в статусе хозяйствующего субъекта, а не носителя властных полномочий. Конституционная экономика — это сфера воспроизводства государственного и муниципального сектора экономики. Конституционные принципы социального государства являются ограничителями вмешательства государства в сферу экономики.

Конституционное право и политика («конституционная политология»)

Исследования соотношения «конституция и политика» имеют более протяженную историю в сравнении с исследованиями дихотомии «конституция и экономика».

По мнению А.В. Малько, «одной из первых работ в этом направлении можно считать «Курс конституционной политики» (1816–1820) Б. Констана, в которой

он, используя термин «конституционная политика», обосновал необходимость деконцентрации власти государства посредством ее разделения, что могло служить гарантией против произвола политиков, как одно из условий прогрессивного развития общества и права⁸. К этому добавим, что исследования соотношения политики и права ведутся в России представителями различных отраслей права (как публичного, так и частного). Вместе с тем политика конституционная становится «среди отраслевых видов правовой политики все заметнее», она «по своей злободневности все больше и больше выдвигается на первый план среди всех иных разновидностей правовой политики»⁹. В первых исследованиях конституционной политики политический аспект в Конституции в отечественной науке исследовался в увязке с анализами конституционно-правового института общественного строя. Так, одним из распространенных в российской науке определений сущности общественного строя являлась его характеристика через категорию «политика». Развернутые обоснования этой позиции можно найти в трудах В.А. Ржевского, В.М. Степанова и других авторов.

В российской юридической литературе постсоциалистического периода определения общественного строя, основанные на выделении политики в качестве ее существенного свойства, встречаются в ряде учебников по конституционному праву зарубежных стран. В частности, в известном четырехтомном курсе по конституционному (государственному) праву зарубежных стран отмечается, что «политический момент при государственной организации общества присутствует практически в большинстве общественных отношений или, во всяком случае, во многих из отношений, отнесенных к другим группам»¹⁰ (под последними понимаются экономические, социальные и другие — *О.Ж.*). И.А. Алебастрова также указывает на решающую роль политики в состоянии общественного строя, усматривая следующую взаимосвязь: «Государство оказывает воздействие на общественный строй путем проведения той или иной политики во всех сферах жизни общества, т. е. его политика затрагивает все элементы общественного строя (общеизвестны такие выражения, как экономическая политика, социальная политика, культурная политика государства)»¹¹.

Обобщающее определение конституционного строя, основанное также на проведении его соотношения с политикой и имеющее философский смысл, дано в работах Н.А. Бобровой. По ее мнению, «конституционный строй есть сложное и многофункциональное политико-юридическое понятие... Конституционный строй — это и цель, и средство, и процесс, и результат» политики (дополнение. — *О.Ж.*)¹².

В анализируемый период наметился и более широкий подход к определению соотношения понятий «конституция» и «политика», не ограниченный лишь поиском норм о политике в одном из (хотя и ведущем) институтов конституционного права. Так, в монографии И.М. Степанова указывается: «В той мере, в какой право выражает и закрепляет долговременную политику (а это относится ко всем нормам Конституции) оно служит основой текущей политики. В этом смысле можно сказать, что не политика определяет право, а, наоборот, право политику»¹³. И.М. Степанов критически оценил идеи западной политологии, которая, «по словам В.А. Туманова, взлелеяла себя на идее «деюридизации» исследований в сфере политики, «высвобождения» их из «гнетущих оков» формальной догматики»¹⁴. В российской науке критически оценивается афоризм известного американского социолога Т. Парсонса, который писал: «1) Политика

динамична и, следовательно, прогрессивна, право стабильно и, следовательно, консервативно. Чем больше в обществе политики, тем меньше в нем права»¹⁵.

В научных статьях и монографии А.В. Малько дается наиболее обстоятельное изложение новых, широких подходов к определению конституционно-правовой политики. Согласно его дефиниции «конституционно-правовая политика есть научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма конституционно-правового регулирования, по оптимизации конституционного развития конкретной страны»¹⁶. А.В. Малько отмечает также, что «конституционно-правовая политика призвана организовать процесс конституционного строительства России, т. к. он не может протекать в стихийном ключе и в конституционно-правовой сфере тоже нужны своя стратегия, логика и система действий. Конституционно-правовая политика как особое направление правовой политики имеет свое содержание и особенности. В рамках данной политики вырабатываются, закрепляются на высшем законодательном уровне и проводятся в жизнь наиболее принципиальные положения, имеющие значение отправных начал для всех иных отраслей государственной политики. Тем самым конституционно-правовая политика формирует своеобразную общую программу (стратегию) правового развития общества, деятельности государственных и общественных институтов в сфере правового регулирования»¹⁷.

В заключение можно дать следующее определение предмета конституционной политологии: это сфера ассимиляции политологической науки в конституционно-правовую отрасль научных исследований.

Конституция и социология («конституционная социология»)

Исследования соотношения «конституция и социология» имеют менее протяженную историю в сравнении с исследованиями дихотомий «конституция и экономика» и «конституция и политика». В философской литературе по этому поводу отмечается, что «социология бурно развивалась в дореволюционной России и первые годы советской власти. Начиная с 1930-х годов, социологическую науку начинают насильно растворять в историческом материализме советского покроя. Примерно такая же картина наблюдалась с частными социологическими дисциплинами (социологией искусства, социологией религии, социологией политики, социологией права и др.)»¹⁸.

В.Н. Жуков обращает внимание на то, что в России социология права сейчас после длительного перерыва «рождается заново», при этом в своей доктринальной основе «она в основном опирается на разработки советских юристов и в целом понимается как социология правотворчества и правоприменения, т. е. как часть общей теории государства и права... очевидно, что такой узкопрофессиональный подход обедняет социологию права. Представляется, что перед нашей социологией права стоит задача освоить темы, идеи и методологический аппарат классической социологии (европейской и русской) и на этой основе расширить ее границы»; обеспечить междисциплинарную ассимиляцию¹⁹.

По нашему мнению, предмет конституционной социологии как междисциплинарного направления в конституционном праве составляют закономерности развития и функционирования социальных систем в Российской Федерации в контексте их осмысления и сопоставления с конституционно провозглашенными целями общественного развития и содержанием основополагающих принци-

пов конституционного государственного и общественного строя в Российской Федерации для обнаружения их совпадений и расхождений, прогнозирования развития, обеспечения соответствий юридической и фактической конституций.

¹ См.: *Кистяковский С.А.* Государственное право (общее и русское). Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1908–1909 академическом году. Б. г., б. м.; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. М., 1908; *Шалланд Л.А.* Русское государственное право. М., 1908; *Он же.* Русское государственное право. Конспект лекций. Вып. 1. Юрьев, 1908; *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1; *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911; *Гачек Ю.* Общее государственное право. Вып. 1: Право современной монархии. Рига, 1912; *Корф С.А.* Русское государственное право. Ч. 1. СПб., 1915.

² См.: *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967.

³ *Чиркин В.Е.* Сравнительное конституционное право: учебное пособие для магистрантов и аспирантов. М., 2011. С. 3.

⁴ *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Указ. соч. С. 8; см. также: *Фарбер И.Е.* Проблемы предмета государственного права // Проблемы конституционного права. Саратов, 1986. С. 13–14.

⁵ *Бойцова В.В., Бойцова Л.В., Сорокин С.В.* Образовательный и научный проект «Конституционное право России и зарубежных стран в сравнительной перспективе» (при поддержке Института «Открытое общество») // Официальный сайт Института «Открытое общество». URL: www.osi.ru (дата обращения: 15.04.2013).

⁶ *Баренбойм П.Д., Гаджиев Г.А., Лафитский В.И., Мау В.А.* Конституционная экономика: учебник для юридических и экономических высших учебных заведений. М., 2006. С. 10.

⁷ *Андреева Г.Н.* Экономическая конституция в зарубежных странах. М., 2006. С. 3.

⁸ См.: *Малько А.В.* Теория правовой политики. М., 2012. С. 6, 230.

⁹ Там же. С. 230.

¹⁰ *Рыжов В.А.* Определение и структура общественного строя // Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / отв. ред. Б.А. Стрешин. 3-е изд. М., 1999. С. 189.

¹¹ *Алебастрова И.А.* Конституционное право зарубежных стран / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 2001. С. 98.

¹² *Боброва Н.А.* Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003. С. 39–40.

¹³ *Степанов И.М.* Конституция и политика. М., 1984. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 25

¹⁵ Цит. по: *Степанов И.М.* Указ. соч. С. 26.

¹⁶ *Малько А.В.* Теория правовой политики. М., 2012. С. 231.

¹⁷ Там же. С. 232.

¹⁸ *Жуков В.Н.* Изменение и развитие как категории социологии права // Государство и право. 2012. № 11. С. 47.

¹⁹ См.: Там же.

М.В. Пресняков

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОДХОДЕ К ПРАВУ

В статье рассматриваются возможности социокультурного подхода к праву. Автор исходит из того, что право, являясь самостоятельной и относительно обособленной социальной системой, испытывает воздействие «внешней среды», т. е. социума как системы более высокого порядка.

Ключевые слова: право, социальная система, имманентные характеристики, социокультурная обусловленность, справедливая конституция.

M.V. Presnyakov

TO THE QUESTION OF SOCIOCULTURAL APPROACH TO THE RIGHT

In article possibilities of sociocultural approach to the right are considered. The author recognizes that the right being the independent and rather isolated social system is affected by “environment”, i.e. society as systems of higher order

Keywords: Right, social system, immanent characteristics, sociocultural conditionality, fair constitution.

© Пресняков Михаил Вячеславович, 2013

Доктор юридических наук, профессор кафедр служебного и трудового права (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Исаак Ефимович Фарбер в одной из своих работ, обращаясь к вопросам происхождения и развития правосознания, выделил специфику правовых категорий, которые, по его мнению, отражают «социальную потребность общества в общественной дисциплине... потребность регулировать поведение и тем самым вносить порядок и устойчивость в общественные отношения»¹. Ученый обосновывал новую для юридической науки того времени категорию «правовая психология», под которой он понимал «более или менее массовое распространение мыслей (идей, понятий, представлений), чувств, убеждений, привычек и мотивов юридически значимых волевых действий...»².

Несмотря на то, что данный подход встретил достаточно оживленную критику со стороны ученых-юристов³, как представляется, И.Е. Фарбер во многом предвосхитил признанный сегодня социокультурный подход к изучению правовых явлений. Исследование права как такового, т. е. в качестве лишь совокупности правовых норм и практики их применения вне окружающей его социально-культурной «среды» приводит к его инкапсуляции.

Рассматривая право как самостоятельную систему социальной регуляции, нельзя исключать и собственных детерминант ее развития. Разумеется, право не есть только продукт социального конструирования, результат законотворческого воплощения идей, «витающих» в социуме. Можно сказать, что право как сложная социальная система «живет собственной жизнью», развиваясь сообразно, имманентно присущим ей «законам движения правовой материи» — принципам.

По нашему мнению, право как особая социальная система не может не обладать некоторым набором инвариантов, которые присущи ей по определению, т. е. в рамках любых конкретно-исторических условий⁴.

Право не есть некий «придаток», «надстройка» социально-экономических платформ, базисов. Это качественно своеобразный и вполне самостоятельный феномен социальной жизни. То, что мы называем принципом права, не есть вектор, задающий извне пути развития права, а имманентно присущий ему принцип существования и деятельности. Здесь нам ближе всего семантико-лингвистическое понимание принципа не как идеи, а как основной особенности устройства, т. е. как принципа действия.

Вместе с тем не следует забывать, что одно из условий саморазвития системы — ее открытый характер, возможность взаимодействия с внешней средой. Сегодня системный, синергетический подход к праву только еще «набирает обороты», однако уже имеются исследования, посвященные анализу системного характера права и законов его развития. В этом смысле чрезвычайно интересной представляется работа Г.В. Мальцева⁵, в которой право рассматривается как динамическая система со свойственными ей процессами самоорганизации и самоупорядочения. В качестве условий саморазвития такой системы автор выделяет следующие: а) воспринимать информацию извне; б) сохранять на каждом новом витке своего развития равновесие, устойчивость. «Одна фаза не может существовать без другой: если регулирование не вызовет внутри объекта саморегулятивных эффектов, оно теряет смысл, а саморегулирование без внешних направляющих воздействий обречено на постепенное затухание, оно, в конце концов, замирает. “Вечное движение” в природе и обществе сохраняется благодаря тому, что системы, формируя среду, детерминируются и подталкиваются действием многообразных и разнонаправленных сил. Толчок извне необходим

любой саморегулирующейся системе»⁶. На этом основании Г.В. Мальцев критикует либертарианскую концепцию свободного рынка.

Необходимо отметить, что вышеизложенные идеи высказывались нами ранее⁷. В.И. Майоров в своем отзыве на автореферат упрекнул меня в том, что, рассматривая проблему справедливого закона и конституционности в качестве критерия его качества, я не касаюсь проблемы справедливой конституции. Между тем в литературе на это обращается внимание. Например, О.Г. Румянцев отмечает, что «справедливую конституцию с известной долей условности можно рассматривать как формализованный критерий саморазвития человека, общества, государства, мира в их постоянном стремлении к общественному идеалу»⁸. Т.М. Пряхина полагает; «Справедливой, по нашему глубокому убеждению, может быть названа только та конституция, которая гарантирует каждому человеку и в глобальном масштабе каждому социуму право на развитие»⁹.

Действительно, если мы считаем правовым закон, который соответствует Конституции страны, то по меньшей мере сама эта Конституция должна быть правовой. Однако где критерий качества Конституции? Сейчас мы говорим о том, что плюрализм и защита со стороны государства всех форм собственности — важнейшая конституционная ценность, а несколько десятилетий назад обосновывался примат «общенародной», социалистической собственности. Одним из столпов нашего конституционного строя является идеологическое многообразие. Согласно ст. 13 Конституции РФ никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. А вот Конституция Республики Беларусь в ст. 4 закрепляет несколько иную формулировку: «Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан». В Республике Беларусь государственная идеология признается: существует как учебная дисциплина, на тему государственной идеологии защищаются диссертации и т. п.¹⁰ Означает ли это, что Конституция Республики Беларусь является менее «правовой», чем Конституция РФ?

В Конституции Исламской республики Иран (ст. 12) говорится, что официальной религией Ирана является ислам джафаритского толка. Согласно Конституции Саудовской Аравии власть принадлежит отнюдь не народу, а сыновьям короля — основателя государства (ст. 5). Означает ли это неправоподобный характер таких конституций?

Необходимо отметить, что вопрос о «хорошей» или «справедливой» конституции, хотя и редко, но поднимается в специальной литературе. Так, например, Е.В. Мирашева выделяет четыре основные особенности справедливой конституции¹¹.

Во-первых, по ее мнению, такая конституция должна предусматривать стабильность и непрерывность в управлении страной.

Второй критериальный признак «хорошей» конституции предполагает ограничение властных полномочий правительств в отношении вопросов, находящихся в компетенции иных политических единиц, общностей или людей.

В-третьих, конституция должна установить постоянную договоренность, которая позволит должностным лицам и другим лицам, имеющим политическую власть, представлять людей, которыми они управляют.

Наконец, «справедливая» конституция считает должностных лиц непосредственно ответственными перед людьми. Это означает, что правящий класс или должностные лица должны быть ответственными — в соответствии с конституцией — в тех мерах, которые они предпринимают в то время в государстве¹².

Совершенно очевидно, что выделенные черты «справедливой» конституции представляют современный идеал демократического правового государства. Следует подчеркнуть, что идеализация политико-правовых ценностей, существующих здесь и сейчас, провозглашение их «истинными», вневременными, свойственными праву по существу, вообще характерная ошибка юридической науки.

¹ Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 24.

² Там же. С. 70.

³ См.: Мицкевич А.В. Рецензия на книгу: Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юридическая литература, 1963. — 205 с. // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 143–146.

⁴ См.: Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости / под ред. Г.Н. Комковой. М., 2009.

⁵ См.: Варламова Н.В., Лапаева В.В., Лукашева Е.А., Малахов В.П., Мальцев Г.В. и др. Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации / под ред. Н.С. Соколовой. М., 2006 (автор главы IV — Г.В. Мальцев).

⁶ Там же. С. 191.

⁷ См.: Пресняков М.В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009.

⁸ Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М., 1994. С. 43.

⁹ Пряхина Т.М. Конституционная доктрина Российской Федерации. М., 2006. С. 309.

¹⁰ См.: Мельник В.А. Государственная идеология Республики Беларусь. Минск, 2003.

¹¹ См.: Миряшева Е.В. Реализация идей конституционализма в Англии и во вновь образованных колониях в XVII–XVIII веках // История государства и права. 2011. № 16. С. 39–43.

¹² См.: Там же.

А.Р. Еремин

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос определения конституционно-правовой ответственности в российском праве в сфере местного самоуправления. Анализируются характерные черты, классификации конституционно-правовой ответственности. Исследуются определения, особенности и меры конституционно-правовой ответственности в сфере местного самоуправления.

Ключевые слова: конституция, юридическая ответственность, конституционно-правовая ответственность, местное самоуправление, органы местного самоуправления, должностные лица местного самоуправления.

A.R. Eremin

CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY IN THE SPHERE OF LOCAL GOVERNMENT

Article is devoted to studying of a question of definition of constitutional and legal responsibility in the Russian law in the sphere of local government. Characteristic features, classifications of constitutional and legal responsibility are analyzed. Definitions, features and measures of constitutional and legal responsibility in the sphere of local government are investigated.

Keywords: Constitution, legal responsibility, constitutional and legal responsibility, local government, local governments, officials of local government.

© Еремин Алексей Роальдович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева); e-mail: eralro@mail.ru

В теории права юридическая ответственность понимается как «возникшее в результате лично совершенного правонарушения и предусмотренное юридической нормой политико-правовое состояние, когда компетентный орган, должностное лицо или гражданин на основе закона или в специальной форме требует от правонарушителя отчет в совершенном деянии, возлагает на него определенную меру лишений, а правонарушитель претерпевает неблагоприятные последствия нарушения юридической нормы»¹. Основанием юридической ответственности, таким образом, является правонарушение.

В юридической литературе существуют различные подходы к определению ответственности в муниципальном праве.

Так, О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев определяют, что ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления — это неблагоприятные правовые последствия за принятые ими противоправные решения, ненадлежащее осуществление своих задач и функций².

Н.Н. Черногор понимает под юридической ответственностью органов и должностных лиц местного самоуправления возникновение и реализацию в установленном законом (уставом) порядке обязанность соответствующих органов и должностных лиц претерпевать предусмотренные санкцией правовой нормы меры принуждения в виде лишений или ограничений личного, имущественного или организационного характера за нарушение условий деятельности по реализации собственной компетенции в решении вопросов местного значения и осуществлению отдельных государственных полномочий³.

Понимание соотношения категорий «юридическая ответственность в сфере местного самоуправления» и «конституционная ответственность в сфере местного самоуправления» в юридической науке различно.

Понятие «юридическая ответственность» довольно полно исследовано и определено в теории государства и права. В самом общем виде под ней понимается предусмотренная нормами права обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные последствия⁴.

Правовой наукой такой вид ответственности, как конституционно-правовая, не называется. Говорится только о традиционных видах ответственности: уголовной, административной, гражданско-правовой, материальной и дисциплинарной. Однако существование конституционно-правовой ответственности у ученых не вызывает на сегодня сомнений⁵, поэтому о ней не только пора говорить, но и необходимо ее всесторонне исследовать, поскольку к этому располагают определенные изменения в системе как государственной власти, так и местного самоуправления.

Для определения объективности существования такого рода ответственности, как конституционно-правовая, определим ее наиболее характерные черты.

1. Для любого вида ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной и т. д.) карательного толка всегда основой возникновения является нарушение соответствующих норм права. Например, уголовная — нарушение нормы права, определенной в Уголовном кодексе РФ, материальная — нарушение норм трудового законодательства и т. д. Основанием наступления конституционно-правовой ответственности служит нарушение норм конституционного права.

2. В юридической науке сложилась классификация всех видов юридической ответственности на репрессивные и материальные. Представляется, что

конституционно-правовая ответственность не относится ни к одному из этих видов, а представляет собой особый вид юридической ответственности.

3. Нарушение конституционных норм — основа для возникновения различных видов юридической ответственности. Поэтому можно утверждать, что не всегда нарушение конституционной нормы является основой для возникновения конституционно-правовой ответственности. Можно определить случаи нарушения конституционных норм по следующим моментам: во-первых, это возникновение чисто конституционно-правовой ответственности (например, отрешение Президента РФ от должности); во-вторых, возникновение иных видов ответственности (например, защита Отечества — конституционный долг и обязанность гражданина Российской Федерации, но за уклонение от этой обязанности лицо несет административную или уголовную ответственность).

4. Субъектами конституционно-правовой ответственности могут выступать органы и должностные лица всех уровней власти.

5. Можно согласиться с мнением М.В. Баглая, что конституционно-правовая ответственность иногда представляет собой реализацию санкции, указанной в конституционно-правовой норме⁶. Например, отмена незаконных актов, освобождение от должности (отставка), лишение депутата его полномочий.

6. Справедливо мнение С.А. Авакьяна, в котором определяется, что конституционно-правовая ответственность зачастую есть политическая ответственность, всего лишь сопровождаемая конституционно-правовой формой⁷. Однако здесь необходимо учитывать и то обстоятельство, что в отличие от политической ответственности конституционно-правовая ответственность наступает только при нарушении конкретных норм права, а привлечение осуществляется с соблюдением процессуального порядка, в то время как политическая ответственность детерминирована социально-политической целесообразностью, конъюнктурой и наступает по инициативе уполномоченного лица, вне строгого процессуального порядка⁸.

Важно отметить, что ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц обладает рядом особенностей, в виду чего отдельными учеными выделяется отраслевой вид ответственности — муниципально-правовая ответственность, которая отличается от других собственными признаками и свойствами и не является суммарным выражением других видов ответственности. Главное ее отличие состоит в том, что ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления предполагает не только (и не столько) акцент на кару в плане государственного принуждения, а в большей степени ориентирована на позитивные аспекты, исходя из обязанности отвечающих выполнять необходимые действия для достижения определенных результатов, предписанных законом⁹.

Е.С. Шугрина, рассматривая особенности юридической ответственности органов местного самоуправления и их должностных лиц, приходит к следующей классификации: уголовная, административная, дисциплинарная, гражданско-правовая, материальная, конституционно-правовая и муниципально-правовая ответственность¹⁰.

Изучая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством, А.В. Колесников определяет, что в данном случае правильнее будет говорить о муниципально-правовой ответственности, являющейся разновидностью конституционной (государственно-правовой) ответственности¹¹.

Анализируя различные подходы к пониманию юридической ответственности на муниципальном уровне, представляется, что здесь необходимо вести речь о конституционной ответственности в сфере местного самоуправления. Все составляющие муниципально-правовой ответственности являются ничем иным, как отдельными структурными элементами конституционно-правовой ответственности.

Таким образом, конституционно-правовая ответственность находит свое выражение и в сфере местного самоуправления. Местное самоуправление, в отличие от государственного, имеет ряд особенностей, что определенным образом влияет на процедуру возникновения конституционно-правовой ответственности. К числу таких особенностей можно отнести следующие:

1. В отличие от государственного управления местное самоуправление — это деятельность самого населения местной территориальной единицы и его выборных органов по управлению его делами. Поэтому органы государственного управления не вправе давать каких-либо указаний органам местного самоуправления по реализации функций местного самоуправления.

2. В соответствии с законодательством на органы местного самоуправления возможно возложить решение задач государственного управления. В таком случае органы местного самоуправления приобретают «специальный статус», в соответствии с которым обязаны выполнять указания вышестоящих государственных органов. Поэтому в отношении органов местного самоуправления может возникнуть конституционно-правовая ответственность, подобная ответственности в отношении государственных органов.

3. В отличие от иных форм самоуправления местное самоуправление осуществляется в пределах всей территории муниципального образования. Для него характерна самостоятельность в принятии населением непосредственно или через создаваемые органы решений по вопросам местного значения.

4. Пределы полномочий органов местного самоуправления определяются федеральными правовыми актами и законодательством субъектов РФ.

5. Материальная база местного самоуправления формируется органами местного самоуправления самостоятельно в рамках действующего законодательства.

6. Защита прав населения на осуществление местного самоуправления обеспечивается Конституцией РФ и федеральными законами, всем механизмом охраны прав граждан и хозяйствующих субъектов.

Можно назвать следующие случаи применения конституционно-правовой ответственности в местном самоуправлении:

1) ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением;

2) ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством;

3) конституционно-правовая ответственность в отношении органов местного самоуправления, возникающая вследствие осуществления ими отдельных полномочий государственных органов;

4) ответственность государства за несоблюдение гарантированности местного самоуправления, что определено в ст. 12 и гл. 8 Конституции РФ.

К числу мер применения конституционно-правовой ответственности в местном самоуправлении можно отнести следующие: отзыв депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного са-

моуправления; роспуск представительного органа местного самоуправления; отрешение от должности главы муниципального образования или главы местной администрации высшим должностным лицом субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ); удаление главы муниципального образования в отставку; временное осуществление органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления (в частности, временная финансовая администрация)¹².

В качестве примера применения конституционно-правовой ответственности в сфере местного самоуправления может выступать неисполнение представительным органом местного самоуправления какой-либо обязанности, возложенной на него законом, или издание им противоречащего законодательству правового акта.

Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» установлена громоздкая процедура привлечения к ответственности представительного органа местного самоуправления¹³. Основанием для роспуска представительного органа служит принятие им нормативного правового акта, признанного впоследствии судом противоречащим Конституции РФ, федеральному конституционному закону, федеральному закону, конституции, уставу, закону субъекта РФ, уставу муниципального образования, если представительный орган в течение трех месяцев или иной, установленный решением суда, срок не принял мер в пределах своих полномочий по исполнению решения суда. Таким образом, совершенное представительным органом местного самоуправления правонарушение должно быть установлено судом. В таких случаях суд признает то или иное решение представительного органа незаконным и не подлежащим применению с момента его принятия. Тем самым устраняется имевшее место нарушение законодательства, а причиненный вследствие несоблюдения прав и свобод человека и гражданина ущерб подлежит возмещению в соответствии с судебным решением.

Таким образом, процесс определения конституционно-правовой ответственности в российском праве достаточно сложен и противоречив. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что такой вид юридической ответственности существует и активно развивается, в т. ч. и в сфере местного самоуправления.

¹ Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2002. С. 507.

² См.: *Кутафин О.Е., Фадеев В.И.* Муниципальное право Российской Федерации: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 540.

³ См.: *Черногор Н.Н.* Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (теоретико-правовые проблемы). М., 2006. С.44.

⁴ См.: Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. 2-е изд. М., 1998. С. 365.

⁵ См., например: *Колосова Н.М.* Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000.

⁶ См.: *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М., 2002. С. 33.

⁷ См.: *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учебный курс: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 107.

⁸ См.: *Кузько А.В.* Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

⁹ См.: *Черногор Н.Н.* Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих // Государство и право. 2000. № 4. С. 23–25.

¹⁰ См.: *Шугрина Е.С.* Контроль, ответственность власти и иные гарантии права на осуществление местного самоуправления. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 229.

¹¹ См.: Муниципальное право Российской Федерации: учебник / под ред. А.В. Колесникова. М., 2011. С. 373.

¹² См.: *Авилов В.В.* Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. С. 22–23.

¹³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.

М.А. Дубровина

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИИ

В статье раскрываются вопросы совершенствования реализации принципа политического плюрализма в Российской Федерации, развития конституционных начал политической конкуренции в законодательстве России.

Ключевые слова: политический плюрализм, конституционный строй, политическая конкуренция.

M.A. Dubrovina

DEVELOPMENT OF POLITICAL COMPETITION IS IN RUSSIA

The questions of perfection of realization of principle of political pluralism in Russian Federation, development of the constitutional beginning of political competition in the legislation of Russia open up in the article.

Keywords: political pluralism, constitutional order, political competition.

Справедливо убеждение о продолжающихся реформах российского конституционного строя. Переустройству подвергаются все принципы экономической, социальной, политической, духовной сфер жизни. Предметом острых дискуссий остаются вопросы преобразования государственной власти, основы безопасности, демографическая ситуация, социальные и многие другие проблемы. Целью указанных реформ является построение сильного, конкурентоспособного, развивающегося государства¹.

В посланиях Главы государства Федеральному Собранию РФ данная цель упоминается неоднократно и рассматривается как программа действий на долгосрочную перспективу. «В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией»².

Достижение целей сильного государства обуславливается стабильностью основ конституционного строя, устранением противоречий в действующем законодательстве, эффективностью государственного управления, активностью институтов гражданского общества, последовательностью конституционных реформ, а также их научной обоснованностью и т. д.

Государства со стабильной политической системой, избегающие политических кризисов, обеспечивающие соревновательность в политическом процессе,

© Дубровина Марина Анатольевна, 2013

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия).

свободную конкуренцию политических партий, расцениваются международным сообществом как демократические.

Согласно Конституции РФ Россия — демократическое государство (ст. 1). Принцип политического плюрализма в Российской Федерации в соответствии с Основным Законом страны реализуется через деятельность политических партий с разной идеологической направленностью³. Обеспечение политической конкуренции в стране обозначено в Послании Президента РФ 2012 г. как важнейшая задача укрепления демократических основ российского государства⁴.

Научная конституционная концепция политического плюрализма необходима для познания объективных процессов развития данного принципа конституционного строя применительно к российской государственности. Конституция РФ, закрепив лишь принцип многопартийности, оставила на усмотрение законодателя определение пределов его юридического содержания. Соответственно на парламентариев возложена колоссальная ответственность по обеспечению стабильности Конституции и ее основ. Разработка и принятие любого государственно важного решения, затрагивающего реализацию принципов конституционного строя, должно осуществляться исходя из глубокого понимания сущности процессов, происходящих в обществе в конкретный исторический период, избегая методологических ошибок прогнозирования, аргументации и интерпретации теоретических постулатов конституционного права.

В настоящее время Министерством юстиции РФ зарегистрировано 54 политических партии⁵, ввиду законодательного снижения минимальной численности членов политической партии до пятисот, еще более двухсот оргкомитетов ведут работу над созданием собственных политических партий. «...Для обеспечения соревновательности конституционное право стремится установить равные права и равные возможности (например, в ходе избирательной кампании), хотя более мощные в экономическом, финансовом, численном отношении, более активные объединения всегда имеют фактические преимущества»⁶.

Законодательное решение о снижении численности членов политической партии может привести к переходу качественных показателей реализации принципа политического плюрализма (сильных, состоявшихся политических партий, поддерживаемых народом с ярко выраженной идеологической направленностью) к количественным показателям (множество малоизвестных партий, не способных активизировать население для участия в политической жизни страны). Конечно, количественные и качественные изменения относительны. Однако в России имеет место их поляризация (сокращение численности членов партии от 40 000 до 500 чел.).

Возможно, развитием принципа политического плюрализма и приемлемым для нашей страны стало бы условие увеличения количества членов политической партии. На момент регистрации подобного объединения членство может исчисляться 500 участниками, при условии, что за год до предстоящих выборов численность членов будет увеличена до 10 000 чел., при наличии региональных отделений в большинстве субъектов РФ.

Прогрессивный рост численности политического объединения докажет конструктивную работу по распространению собственной идеологии, закрепленной в программе партии, сделает ее конкурентоспособной, поскольку конкуренция есть соперничество, соревнование людей, организаций в достижении сходных

целей, лучших результатов в определенной общественной сфере⁷. Политическая конкуренция получит свое развитие, движение. Повышение интенсивности политической конкуренции произойдет вследствие роста числа политических партий, доказавших свою состоятельность, способных сплотить вокруг идеологии политически активное население страны. Опасность политической стабилизации, стагнации отпадет. Для апробации такой конституционной практики и утверждения ее состоятельности применительно к Российской Федерации потребуется время. Теоретически такая конструкция верна.

По мнению действующего Президента РФ, изменения политической системы РФ естественны и необходимы. Согласимся с этим утверждением. Однако такие изменения должны носить системный, взаимосвязанный характер и, как уже говорилось, быть научно обоснованными. В Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 г. Главой государства предложено вновь вернуться к смешанной системе выборов в Государственную Думу — к партийным спискам и по одномандатным округам, а также о восстановлении права на участие в выборах избирательных блоков.

Предложенные изменения носят позитивный характер, т. к. направлены на укрепление гарантий реализации конституционного права избирать и быть избранными в органы государственной власти в личном качестве. Данная инициатива восстанавливает принцип равенства прав («партийных» и «беспартийных» граждан ст. 19 Конституции РФ). Соответственно устраняется дифференциация категорий «политическая партия» и «фракция» ввиду появления возможности избрания кандидатов, предложивших свои кандидатуры на выборах путем самовыдвижения.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (п. 4 ст. 4, пп. 11–14 ст. 12) фактически уравнивает понятия «политическая партия» и «фракция». Конституционный Суд РФ, рассмотрев дело о досрочном прекращении депутатских полномочий гражданки Т.И. Романовой в Государственном Совете Чувашской Республики, установил, что выход депутата из политической партии, в составе которой он был избран в региональный законодательный орган, не означает его выхода из фракции этой партии в законодательном органе и, соответственно, досрочного прекращения им депутатских полномочий. По мнению Конституционного Суда РФ, п. 1.1 ст. 12 указанного Закона устанавливает запрет выхода депутата из фракции, в которой он состоит в связи с избранием его по партийному списку. Как отметил Конституционный Суд РФ, указанное требование означает, что депутат не вправе поменять свою партийную принадлежность, но не исключает беспартийности депутата, вышедшего из партии, по списку которой он избран⁸, делая таким образом понятия «фракция» и «политическая партия» автономными и не рассматривая фракцию фактически как часть более общего понятия.

Итак, развитие политической конкуренции в современной России в рамках модернизации политической системы движется по экспериментальному пути. Законодательство претерпевает частые изменения, которые подчас прямо противоположны предыдущим, а значит поспешны и теоретически не обоснованы. Экспериментальный путь — угроза стабильности государству. Поиск оптимального пути развития политической состязательности в России — зада-

ча, устремленная в будущее, основным вопросом которой является сохранение собственной идентичности.

¹ О концепции сильного государства см.: *Затонский В.А.* Эффективная государственность / под ред. А.В. Малько. М., 2006.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 дек.

³ См.: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95 «О политических партиях» (в ред. от 1 декабря 2012 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29, ст. 2950; 2012. № 49, ст. 6756.

⁴ «Политическая конкуренция — это безусловное благо для страны. При этом нам нужно сформировать своего рода свод правил добросовестной политической конкуренции» (Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 дек.).

⁵ URL: <http://www.minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok?theme=minjust> (дата обращения: 15.01.2013).

⁶ Цит. по: *Енгибарян Р.В.* Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М., 2007. С. 185.

⁷ См.: Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. Кн. 2. М., 2001.

⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2012 г. № 4-П по делу о проверке конституционности пункта 11 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Т.И. Романовой // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 11, ст. 1365.

А.В. Колесников

О НЕКОТОРЫХ КОЛЛИЗИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ, НАРУШАЮЩИХ ПРИНЦИПЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

Статья посвящена некоторым коллизиям норм, нарушающих принцип самостоятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: коллизии, органы местного самоуправления, администрация, принципы муниципального права, Конституционный Суд РФ.

A.V. Kolesnikov

SOME CONFLICTS OF LAWS ON LOCAL GOVERNMENT, VIOLATING THE PRINCIPLES OF MUNICIPAL LAW

The article is devoted to some conflict of laws that violate the principle of autonomy of local governments.

Keywords: conflict, local government, the administration, the principles of municipal law, the Constitutional Court of the Russian Federation.

Законодательство о местном самоуправлении далеко от идеала не только по степени урегулированности общественных отношений, но и по технике юридического письма. «Авторы муниципальной реформы провозглашали вполне правильные цели: приблизить муниципальную власть к населению, четко определить ее социальные обязанности, упорядочить межбюджетные отношения. Однако уже в ходе разработки проекта новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» стали наблюдаться попытки, если не нарушить Конституцию РФ, то хотя

© Колесников Андрей Владимирович, 2013

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kaviras@yandex.ru

бы обойти ее требования с помощью различных юридических ухищрений»¹. «Знание законодательства позволяет не только эффективно его применять в законных интересах заинтересованных граждан и организаций, но и использовать неправомерным образом. При подготовке юридических документов недобросовестные юристы закладывают в них множество положений — так называемых ловушек»². Органы государственной власти с помощью законодательных технологий пытаются создать муниципальное законодательство, внешне отвечающее требованиям Европейской Хартии местного самоуправления, но имеющее сущность централизованной системы.

Этот процесс не простой, поэтому находится в стадии «становления» вот уже почти 22 года. За это время, начиная с 1991 г., принято три закона, закрепляющих принципы местного самоуправления на территории России. «К сожалению, практика применения нового законодательства о местном самоуправлении зачастую лишена всякой логики и начисто игнорирует конституционные принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации»³. Судья Конституционного Суда РФ А.Я. Слива точно заметил, что в Конституции РФ не сказано о том, что местное самоуправление появляется в 2003 г. или перенесено на 2009 г. Конституция вступила в силу в 1993 г. и ее положения, касающиеся местного самоуправления, должны соблюдаться. Происходящее в т. н. «переходный период» он оценил как антиконституционные действия»⁴.

Рассмотрим лишь некоторые коллизии, дискредитирующие принцип самостоятельности местного самоуправления и отсутствия подчиненности органов местного самоуправления одних муниципальных образований органам местного самоуправления других муниципальных образований. Так, например п. 3 ст. 17 Закона 2003 г. устанавливает, что подчиненность органа местного самоуправления или должностного лица местного самоуправления одного муниципального образования органу местного самоуправления или должностному лицу местного самоуправления другого муниципального образования не допускается. При этом в п. 2 ст. 34 этого же Закона закрепляется положение, согласно которому уставами муниципального района и поселения, являющегося административным центром муниципального района, может быть предусмотрено образование местной администрации муниципального района, на которую возлагается исполнение полномочий местной администрации указанного поселения. В этом случае в поселении, являющемся административным центром муниципального района, местная администрация не образуется. Известно, что администрация выступает исполнительно-распорядительным органом, подконтрольным и подотчетным представительному органу. Представительный орган в административном центре района никто не отменял. Он также имеет исключительную компетенцию и принимает акты, обязательные для исполнения местной администрацией. Получается, что местная администрация муниципального района будет исполнять решения представительного органа поселения (административного центра района) и будет подконтрольна и подотчетна ему в пределах компетенции административного центра. Это противоречит принципу, закрепленному в п. 3 ст. 17 Закона 2003 г. Аналогичную параллель в рассуждениях можно привести, изучив статус контрольно-счетных органов муниципального образования. Этот орган в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов

Российской Федерации и муниципальных образований»⁵ является постоянно действующим и по сути это четвертый обязательный орган в системе органов местного самоуправления. Указанный Закон также устанавливает, что между представительным органом района и представительными органами поселений может быть заключено соглашение о том, что полномочия контрольно-счетного органа поселения будут осуществлять контрольно-счетный орган муниципального района. Следовательно, местные администрации поселений будут подконтрольны контрольно-счетному органу района и в итоге представительному органу района.

Существуют коллизии, косвенно влекущие нарушение принципа самостоятельности местного самоуправления, закрепленного ст. 12 Конституции РФ. И, поскольку этот принцип служит основой конституционного строя России, федеральный законодатель (учитывая практику применения Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁶ (далее Закон 1995 г.)) не принимает прямо противоречащих Конституции РФ, а сознательно закрепляет недописанные нормы. Другими словами, намеренно создаются пробелы в правовом регулировании. В качестве примера можно привести абз. 3 п. 3 ст. 79 Закона 2003 г. В нем сказано, что в соответствии с законами субъектов РФ — городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга — исходя из необходимости сохранения единства городского хозяйства и установленного перечня вопросов местного значения внутригородских муниципальных образований городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга местная администрация в таких муниципальных образованиях может не формироваться. Казалось бы, ничего нарушающего Конституцию РФ тут нет. Однако нельзя забывать, что ст. 79 Закона 2003 г. закрепляет особенности, т. е. специальные нормы, не отменяющие общие правила. Существуют и общие правила. Во-первых, представительный орган заслушивает ежегодные отчеты главы муниципального образования, главы местной администрации о результатах их деятельности, деятельности местной администрации и иных подведомственных главе муниципального образования органов местного самоуправления, в т. ч. о решении вопросов, поставленных представительным органом муниципального образования (п. 11.1 ст. 35 Закона 2003 г.). Во-вторых, нормативные правовые акты представительного органа муниципального образования, предусматривающие установление, изменение и отмену местных налогов и сборов, осуществление расходов из средств местного бюджета, могут быть внесены на рассмотрение представительного органа муниципального образования только по инициативе главы местной администрации или при наличии заключения главы местной администрации (п. 12 ст. 35 Закона 2003 г.). В-третьих, управление и (или) распоряжение представительным органом муниципального образования или отдельными депутатами (группами депутатов) в какой бы то ни было форме средствами местного бюджета в процессе его исполнения не допускаются, за исключением средств местного бюджета, направляемых на обеспечение деятельности представительного органа муниципального образования и депутатов (п. 15 ст. 35 Закона 2003 г.). В-четвертых, согласно п. 9 ст. 35 Закона 2003 г. представительный орган внутригородского муниципального образования города федерального значения может обладать правами юридического лица в соответствии с уставом муниципального образования. Это диспозитивная норма, т. е. представительный орган может и не

обладать правами юридического лица. В-пятых, в представительном органе на постоянной основе могут работать не более 10 % депутатов, которые только принимают концептуальные решения. Их выполнение должно осуществляться достаточно широким кругом специалистов, осуществляющих деятельность на постоянной профессиональной основе, т. е. в любом случае необходим исполнительный аппарат.

Если вышеперечисленные нормы анализировать в системном единстве с положениями о компетенции муниципальных образований, то можно прийти к выводу, что самостоятельно без исполнительных органов представительные органы не только не справятся с работой, т. к. их формирование не строится на принципе профессионализма, как в муниципальной службе, но и не имеют право осуществлять всю муниципальную деятельность. В связи с этим возникает вопрос: кто будет осуществлять исполнительскую деятельность в данных внутригородских муниципальных образованиях, если местная администрация не будет сформирована? Законодатель на него не отвечает. Однако, поскольку такой подход к установлению системы местного самоуправления в городах федерального значения не новый, можно сделать выводы на основе исторической практики системы самоуправления в таких городах. В свое время п. 2 ст. 14 Закона 1995 г. содержал аналогичные безответные положения. Различие было лишь в том, что в Законе 1995 г. эти нормы касались статуса выборных органов, но в тот период Федеральный закон вообще не упоминал в нормах местную администрацию. Там было сказано, что в субъектах РФ — городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге — в соответствии с уставами и законами субъектов РФ — городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга — могут не создаваться выборные городские органы местного самоуправления городов Москвы и Санкт-Петербурга. Согласно законодательству этих городов органы городов федерального значения (органы государственной власти субъектов РФ) по вопросам местного значения выступали в роли органов местного самоуправления⁷. Эти положения были признаны судом противоречащими пп. 5 и 6 ст. 14 (аналог ст. 12 Конституции РФ), ч. 1 и 2 ст. 16 Закона 1995 г.⁸

В наше время такое решение судом общей юрисдикции принято быть не может, поскольку, во-первых, Закон 2003 г. в отличие от Закона 1995 г. (п. 5 ст. 14), не содержит положений, аналогичных имеющимся в ст. 12 Конституции РФ, а, во-вторых, в наше время в законодательстве не сказано, кто будет осуществлять полномочия администраций внутригородских муниципальных образований городов федерального значения. А, как известно, пробелы в законодательстве не обжалуются. Тем не менее, можно предположить, что в отсутствие администраций их компетенцию будут, скорее всего, осуществлять территориальные структурные подразделения мэрии Москвы, но оспаривать такую ситуацию можно будет только в Конституционный Суд РФ и только при наличии норм, закрепляющих такую систему в законодательстве.

Все эти коллизии, допущенные законодателем, видны значительной части юридической общественности, изучающей проблемы конституционного и муниципального права. Вероятно, они видны и судейскому корпусу. Однако сегодня в России «не принято» идти против властных установок, какое бы содержание они не имели. Причем все это в полной мере касается и основного органа конституционного контроля — Конституционного Суда РФ. Решения этого органа в отношении прав местных сообществ все чаще воспринимаются с пессимизмом.

Так, юридическим сообществом и жителями Кабардино-Балкарской Республики с негативом было воспринято прекращение Конституционным Судом РФ производства по делу о проверке конституционности законов Кабардино-Балкарской Республики, регулирующих вопросы организации местного самоуправления⁹. Население, ведущее борьбу за права на местное самоуправление, получило отказ в последней инстанции. Судья Б.С. Эбзеев в «особом мнении» отметил, что этот прецедент размывает пределы усмотрения законодателя и легитимирует практику преодоления позиций Конституционного Суда РФ¹⁰, а судья А.Л. Кононов назвал это обыкновением отказом в правосудии¹¹.

Выдающийся российский правовед XIX в. А.Д. Градовский отмечал, что понятие «самоуправление» — это понятие политическое, определяемое степенью участия общества не только в административных делах местности, но и в общегосударственном управлении. Он считал, что органы самоуправления являются не только инструментом удовлетворения потребностей населения, но и средством поддержания государственного порядка. Эта цель может не закрепляться в законах и не провозглашаться открыто, но она лежит в самом существе дела. Поэтому, какие бы практические выгоды не предоставляло местное самоуправление, оно останется невостребованным, если того требуют политические интересы государства¹².

Настоящая демократия предусматривает истинную децентрализацию власти и подлинную возможность у граждан влиять на систему управления, тем более, что современное законодательство регулирует систему местного самоуправления, а не местного управления.

¹ *Сергеев А.А.* Муниципальная реформа: ошибки или правовой нигилизм? // «Черные дыры» в российском законодательстве: юридический журнал. 2007. № 4. С. 27.

² *Шугрина Е.С.* Техника юридического письма: учебно-практическое пособие. 3-е изд. М., 2001. С. 74.

³ См.: *Сергеев А.А.* Указ. соч. С. 28.

⁴ См.: Стенограмма парламентских слушаний в Совете Федерации 25 апреля 2006 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 903.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 35, ст. 3506.

⁷ См.: Закон города Москвы от 11 сентября 1996 г. № 28-91 «О районной Управе в городе Москве» устанавливает основные нормы организации и деятельности районной Управы в г. Москве — органа власти района г. Москвы: районная Управа в г. Москве — орган власти района, осуществляющий установленные законодательством функции органа местного самоуправления по вопросам местного значения, за исключением вопросов, отнесенных законодательством города Москвы к компетенции городского (местного) самоуправления. Согласно ч. 1 ст. 17 Устава г. Москвы, ст. 2 Закона г. Москвы «О районной Управе» Управа обеспечивает в пределах своих полномочий решение вопросов местного значения. Следовательно, районная Управа является органом местного самоуправления. Данный вывод подтверждается также и тем, что служащие районных управ г. Москвы являются муниципальными служащими согласно Закону г. Москвы от 21 октября 1998 г. № 24 «О муниципальной службе в районах города Москвы». В соответствии со ст. 21 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» лица, осуществляющие службу на должностях в органах местного самоуправления, являются муниципальными служащими. Согласно ч. 1 ст. 1 Закона г. Москвы «О районной Управе в городе Москве» в состав Управы входят районное Собрание и администрация района, возглавляемые главой Управы. В силу ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 12 данного Закона глава Управы избирается районным Собранием по представлению Мэра Москвы тайным голосованием. URL: <http://www.law7.ru/base65/part2/d65ru2066.htm> (дата обращения: 15.04.2013).

⁸ См.: Решение Московского городского суда от 26 декабря 2000 г. № 3-713/2000 «О признании противоречащим федеральному законодательству отдельных статей города Москвы «О районной управе в городе Москве». URL: <http://www.law7.ru/base65/part2/d65ru2066.htm> (дата обращения: 15.04.2013).

⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2006 г. № 137-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 5. С. 60–65.

¹⁰ См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеева // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 5. С. 77.

¹¹ См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 5. С. 73.

¹² См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. СПб., 1883. С. 20–21.

Е.В. Корнукова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИНЦИПА ОТКРЫТОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются некоторые аспекты института прямого народовластия в России, в частности, осуществление государственными органами и должностными лицами своих полномочий на основе принципов открытости, гласности, при участии и во взаимодействии с представителями народа.

Ключевые слова: народ, власть, открытость, транспарентность, правосудие, органы государственной власти.

E. V. Kornukova

SOME ASPECTS OF THE PRINCIPLE OF THE OPENNESS IN THE ACTIVITIES OF RUSSIAN FEDERATION COURTS

In the article examines some aspects of the institution of direct democracy in Russia. In particular, we are talking about the implementation of government agencies and officials of their authority on the basis of the principles of openness, transparency, with the assistance of and in cooperation with the representatives of the people.

Key words: people, power, openness, transparency, bodies of State power.

Конституция РФ в качестве важнейшей основы конституционного строя закрепляет принцип народовластия, который означает, что в России власть осуществляется народом непосредственно, а также от имени народа через его представителей. Народ России передает, доверяет всю полноту своих властных полномочий органам государственной власти. Резонно предположить, что эти органы, осуществляя доверенную им функцию, должны, прежде всего, ориентироваться на интересы граждан государства, информировать их о проводимой работе, отчитываться перед народом и в случае ненадлежащего исполнения возложенных на них полномочий нести определенную ответственность. Для этого деятельность уполномоченных органов должна основываться на принципе открытости, причем речь идет обо всех трех ветвях власти. Ориентация работы всех звеньев госмеханизма и уровней власти направлена на измеримый, прозрачный и понятный для общества результат работы. Главным критерием оценки эффективности власти, предоставляющей услуги гражданам, а также учреждений социальной сферы должно стать общественное мнение, мнение самих граждан¹.

Проблема нашего государства состоит в том, что отсутствует обратная связь власти и народа. В то же время эффективное осуществление властных полномочий возможно, когда граждане и их объединения находятся в активном, а не инертном состоянии. Должна быть заинтересованность в делах государства, активное взаимодействие и воздействие на его властные органы. Это возможно только при открытости и доступности деятельности органов государственной власти, поскольку главным требованием в данном случае является прозрачность механизма принятия решений. Особое значение этот принцип имеет применительно к судебной власти, поскольку до последнего времени деятельность судебных органов была одной из самых закрытых, не доступных и не понятных,

© Корнукова Елена Владимировна, 2013
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия).

прежде всего, для граждан. А ведь именно правосудие выступает одним из институтов, характеризующих систему связей общества, государства и личности.

Открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судостроительстве и судопроизводстве, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство служит одним из средств поддержания доверия общества к суду².

Конечно, нельзя говорить об абсолютной изоляции судебной власти от общества и граждан, определенные подвижки в этом направлении есть. Все чаще мы слышим о транспарентности, гласности, открытости при отправлении правосудия. Некоторые авторы отождествляют эти понятия, другие находят точки их соприкосновения, разделяя их на самостоятельные принципы. Однако все ученые сходятся во мнении, что эти основы деятельности суда позволяют обеспечивать контроль над судебной властью со стороны общества, повышают уровень доступности и понятности данного процесса для граждан.

Кроме того, для реализации названных целей, создана общественная комиссия при Московском городском суде, призванная заниматься вопросами взаимодействия общества и судейского сообщества столицы, в целях осуществления общественного контроля за деятельностью судов. При этом следует согласиться с председателем Московского городского суда О. Егоровой, которая считает, что подобные органы должны активно создаваться на региональном уровне и в их состав должны входить столичные судьи, журналисты, руководители средств массовой информации, публичные деятели и представители различных общественных организаций³. Главное, чтобы деятельность данного органа была открытой и регулярной.

Однако это только одна из форм взаимодействия, в то время как правосудие вообще должно осуществляться открыто и гласно, за исключением случаев, предусмотренных законом. При этом судом выносится мотивированное решение о проведении разбирательства в закрытом судебном заседании.

На одной из встреч с членами Общественной палаты Д. Медведев назвал судейское сообщество корпорацией, не способной к самоочищению. Он раскритиковал судей за закрытость и взяточничество и констатировал, что доверие к судам находится практически на нуле. Было предложено подумать о новом этапе судебной реформы, для того чтобы корректными, конституционными способами контролировать ситуацию внутри судебной корпорации⁴. Как следствие, было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», в котором судам даются разъяснения в целях обеспечения открытости и гласности судопроизводства, доступа граждан, организаций, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления, представителей редакций средств массовой информации к информации о деятельности судов при рассмотрении гражданских дел, дел об административных правонарушениях и уголовных дел⁵.

Зачастую граждане элементарно не осведомлены о том, как реализуется правосудие в России. Отсюда неверие судебным органом (в справедливое судебное разбирательство), поскольку разорвана связь, на которой основывается такое доверие. Судья, назначенный в соответствии с законом, самостоятельно и независимо

осуществляет правосудие, формально с возможным участием граждан в этом процессе. Судья не отвечает перед народом за свою деятельность, т. е. власть в данном случае является отчужденной, за исключением суда присяжных. Однако в России в настоящее время суду присяжных подсудны только несколько наиболее тяжких составов преступления (например, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 131 и др. УК РФ). И это возможно только при ходатайстве обвиняемого о рассмотрении его дела таким составом суда (п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ), в то время как, например в Америке, судом с участием присяжных заседателей рассматриваются все дела, за которые предусматривается наказание свыше одного года.

Анализируемая проблема имеет организационно-правовой аспект, проявляющийся в том, что, во-первых, народ не участвует в организации судебной власти; во-вторых, это деятельная сторона, когда люди не знают, как судят. При этом следует отметить отсутствие элементарной доступности в залы судебных заседаний, прежде всего, по техническим причинам (нехватка мест).

Для оживления данной работы можно предложить некоторые варианты вовлечения и заинтересованности граждан в отправлении правосудия. Во-первых, можно вернуться к опыту советского периода, когда существовала практика ежегодных выступлений районного судьи перед жителями соответствующего района. Во-вторых, необходимо создать фонд или корпорацию по изучению проблемы взаимодействия и взаимоучастия граждан в осуществлении судебной власти. Возможно, что возникнет потребность в какой-либо общественно-государственной структуре, которая бы мониторилась проблемы связи народа, гражданского общества и правосудия. Такая структура могла бы возникнуть при общественной палате. Главное, чтобы работа проводилась не только на уровне Федерации, но и в субъектах, поскольку на данный момент доступна в основном деятельность высших судов. Это гарантировало бы открытость судебной деятельности и обеспечивало возможность гражданам и обществу в целом высказывать свое мнение о деятельности судей.

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 дек.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета. 2012. 19 дек.

³ См.: Суд открыт. Создается первая в стране комиссия по взаимодействию служителей правосудия и общества // Российская газета. 2011. 17 марта.

⁴ См.: Неподсудная корпорация // Российская газета. 2011. 10 февр.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

Е.В. Комбарова

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуется вопрос о доверии населения органам государственной власти Российской Федерации. На основании действующего законодательства анализируется порядок формирования органов государственной власти в стране.

Ключевые слова: органы государственной власти, легитимность, легальность, порядок формирования органов власти.

E.V. Kombarova

ON THE QUESTION OF THE LEGITIMACY
OF PUBLIC AUTHORITIES' OF RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the question of population's confidence to public authorities' of Russian Federation. According to current legislation there is the analysis of the Russian Federation's state authorities' formation.

Keywords: public authorities, legitimacy, legality, prosedure of the state authorities'.

Власть в любом государстве стремится к тому, чтобы утвердить свою легитимность. Процесс взаимоотношения власти и общества является важным на современном этапе легитимизации государственной власти в России. Для стабильности и безопасности внутри государства необходимо, чтобы публичная власть и общество не были отчуждены и оторваны друг от друга, а представляли единую целостную систему, чтобы власть находилась в соответствии с ценностными предпочтениями граждан. Соответственно источник легитимности, на наш взгляд, следует искать в народе, в его ценностях и нормах, стереотипах общественного сознания. Легитимность существует в сознании граждан в виде положительной установки на политические институты данной власти.

Легитимность органов государственной власти ставится в зависимость от воли народа как носителя суверенитета и единственного источника власти. Чтобы публичная власть была успешной, она должна быть легитимной. В большей мере легитимность власти в современной России приобретена благодаря легальному способу формирования властных институтов. В Российской Федерации как демократическом правовом государстве официальный способ закрепления и признания государственной власти населением обеспечивается на основе результатов свободных выборов, в соответствии с действующим законодательством и, прежде всего, с Конституцией РФ. В своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В. Путин 12 декабря 2012 г. отметил, что «российская демократия — это власть именно российского народа с его собственными традициями народного самоуправления, а вовсе не реализация стандартов, навязанных нам извне. Демократия — это в том числе соблюдение и уважение принятых действующих законов, правил и норм... Демократия — это возможность не только выбирать власть, но и постоянно эту власть контролировать, оценивать результаты ее работы»¹. Путем выборов народ передает выбираемым органам власти и должностным лицам не суверенитет, а право на его реализацию в установленных законодательством пределах. Органы и должностные лица осуществляют свои полномочия, определенные законом, в период, на который они избраны. Легальность всех стадий избирательного процесса, законность избирательных процедур, легитимность выборных органов государственной власти — ключевые условия реальной возможности осуществления народного суверенитета. Граждане, реализуя право избирать и быть избранными, оказывают воздействие на формирование органов государственной власти, участвуют в управлении государственными делами.

Порядок формирования органов публичной власти РФ посредством выборов дает высшую изначальную легитимность всей структуре органов государственной власти. Народ на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании избирает Президента страны, депутатов Государствен-

ной Думы, высших должностных лиц субъектов РФ, региональные парламенты, органы местного самоуправления. Таковыми стали президентские выборы 1996, 2000, 2004, 2008, 2012 гг., парламентские выборы 1993, 1995, 1999 и 2003, 2007, 2011 гг., в ходе которых в определенной мере произошло дистанцирование должности от ее носителя, личного авторитета от авторитета должности², поскольку в сохранении должности Президента многим россиянам видится гарантия успешного строительства и укрепления России. Необходимо отметить, что персональный уровень легитимности власти — самый подвижный, изменчивый и «поддающийся корректировке» с помощью технологий политического манипулирования. Центральным институтом легитимности, конечно, служит доверие во всех его проявлениях, которое может базироваться на разных вещах — на уважении к личности, силе, развитости демократических институтов. Если обратиться к данным социологического опроса населения России о доверии политикам федерального уровня, общенациональным лидерам, можно констатировать, что до избрания Президентом страны В.В. Путина ни один политик не пользовался устойчивой поддержкой большинства населения в течение длительного срока. Исключение составляли лишь Б.Н. Ельцин в 1991 г., но его ресурс легитимности был довольно шатким, а также Е.М. Примаков в период короткого пребывания на посту Председателя Правительства России³. По данным социологов «Левада-центра» на ноябрь 2012 г., деятельность Президента РФ одобряют 63% населения России⁴, он же возглавляет рейтинг самых доверяемых политиков страны. Хотя некоторые исследователи указывают на падение рейтингов доверия к власти, происходящее по всей стране, выделяя динамику рейтинга доверия власти, состоящую из трех явно различающихся отрезков: понижающегося в 2009–2011 гг., повышающегося с декабря 2011 г. по март 2012 г. и снижающегося с марта 2012 г. по настоящее время.

В западной политологии разработан такой показатель, как «порог легитимности власти». Он определяется по результатам социологических опросов, указанных выше, и составляет 30 % населения. Это означает, что если по результатам социологических опросов больше 30 % населения выражает доверие существующей власти, она считается легитимной; если же по результатам социологических опросов доверие существующей власти выражает менее 30 % населения, она считается нелегитимной, и политик, как правило, уходит в отставку.⁵ Однако даже крайне оппозиционно настроенный В.Л. Иноземцев, постоянно критикующий «путинский режим», констатирует: «В настоящее время политическая и экономическая система России стабильна. До 2018 года потрясений не ожидается. Большинство населения удовлетворено, оно никогда так нормально не жило, как сейчас. Система не показывает никаких признаков распада»⁶.

Законодательные органы — коллективные органы. Они легитимны лишь при избрании в них определенного числа депутатов, а принимаемые ими решения правомочны, как правило, если за них проголосовало более половины соответствующего депутатского корпуса. Фактом избрания законодательных органов обусловлено и то, что они одновременно являются органами народного представительства в соответствии со ст. 66, 77, 104 и 134 Конституции РФ. В данном контексте прошедшие 4 декабря 2011 г. выборы в Государственную Думу подтвердили актуальность категории доверия как необходимую составляющую легитимности государственной власти. Если прежний состав Государственной Думы опирался на 90 % избирателей, то нынешний — на 93 %, потому что только

7 % отдали голоса партиям, которые не вошли в парламент. Это высокая степень легитимности нашей Думы. Однако стоит отметить, что легитимность Государственной Думы будет повышена возвращением к смешанной избирательной системе, когда половина депутатов будут избираться на мажоритарной основе и половина — на партийной. С этим предложением обратился 12 декабря 2012 г. Президент РФ В.В. Путин к Федеральному Собранию. Отказ от мажоритарной избирательной системы и использование пропорциональной системы повлекли лишение избирателей права выдвигать кандидатов в депутаты Государственной Думы, отрицательно влияют на развитие гражданского общества.

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал в своих решениях, что в Российской Федерации «федеральный парламент и парламенты субъектов РФ являются органами народного представительства, выразителями интересов и воли народа, осуществляющими законодательную власть»⁷. Сочетание указанных способов представительства допустимо лишь при проведении свободных всеобщих равных и прямых выборов в Совет Федерации при тайном голосовании, что не повлечет утрату конституционного права гражданина избирать и быть избранным в органы законодательной (представительной) власти, ни существо народного представительства. Однако при принятии нового Федерального закона от 3 декабря 2012 г. «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»⁸ не были соблюдены полностью требования Конституции РФ, за исключением требований для кандидата — представителя от законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, которым может быть только депутат этого органа, избранный гражданами, проживающими на территории субъекта России. Однако стоит отметить, что данные положения Закона полностью не решили задачу при формировании Совета Федерации, т. к. в нем нет реального представительства населения субъекта, а есть представительство законодательного и исполнительного органов субъектов РФ. Проживающие на территории субъекта граждане непосредственно не участвуют в отборе представителей в Совет Федерации и, естественно, не делегируют тем, кто в нем находится, право представлять соответствующий субъект.

Легитимность правосудия — обязательное условие его эффективности. Она связана с местом институтов судебной власти в российском правовом пространстве, а также соответствием их деятельности представлениям большинства населения государства о правовом порядке и справедливости. Но, к сожалению, легитимность правосудия всегда будет иметь незавершенный характер, т. к. проходит в условиях российского общества, в котором не может быть абсолютного совпадения интересов индивидов и их групп, их оценок правовой и политической жизни. Однако в целях сохранения единства и целостности государственно-правового пространства России необходимо развивать наряду с федеральной судебной системой и негосударственные институты правосудия, и различные медиативные процедуры, не отказываться от специализации общей судебной системы, ввести ювенальные суды и административные суды.

Государственная власть, нашедшая поддержку у населения страны, имеет шанс быть эффективной в своей политической, экономической и социальной деятельности, поскольку она пользуется поддержкой, авторитетом и не встречает противодействия в своем функционировании. Расширение возможностей граждан по участию в управлении делами государства; реализация прав граждан избирать

и быть избранным; включенность каждого гражданина в процесс формирования органов публичной власти; ответственность органов власти на всех уровнях перед населением; профессионализм государственных служащих; обеспечение национальной безопасности, безопасности человека в сфере социально-правовой защиты; активное участие институтов гражданского общества в политико-правовой жизни — все это имеет серьезный потенциал для обеспечения стабильности основ конституционного строя, повышения доверия населения органам государственной власти Российской Федерации и органам местного самоуправления и соответственно повышение эффективности их работы.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Российская газета. 2012. 13 дек.

² См.: Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций: в 3 ч. СПб., 2004.

³ См.: Савин С. Легитимность власти как фактор стабильности современного российского общества // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 2.

⁴ См.: Техника манипуляций результатами опросов Левада-центра // Информационный портал: новости, мнения, видео, сообщество. RUSSIA.RU. URL: <http://www.russia.ru/news/society/2012/11/29/5164.html> (дата обращения: 12.12.2012).

⁵ См.: Легитимность и легальность власти: учебные материалы по курсу политологии // Учебно-методический проект «Хрестоматия по культурологии». URL: <http://kulturoznanie.ru/politology/legitimnost-i-legalnost-vlasti/> (дата обращения: 12.12.2012).

⁶ Оппозиционный эксперт В. Иноземцев дал интервью Shpiegel // Политическое обозрение: информационно-аналитический журнал. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/199293> (дата обращения: 12.12.2012).

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 16, ст. 1601.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50, ч. 4, ст. 6952.

Т.А. Ленкина

ЭВОЛЮЦИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье рассматривается тенденция распространения смешанной формы правления в государствах Европы, усиление концентрации власти в руках Главы государства в России, причины, приводящие к изменению форм правления в современных странах.

Ключевые слова: форма правления, глава государства, парламент, правительство, конституция, республика.

T.A. Lenkina

EVOLUTION OF THE REPUBLICAN FORM OF GOVERNMENT IN THE COUNTRIES OF EUROPE (CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT)

The article discusses the analysis of a tendency of distribution of the mixed form of government in the states of Europe, strengthening of concentration of the power in hands of the head of state in Russia, the reasons of change of the form of government.

Keyword: form of government, head of state, parliament, government, constitution, republic.

© Ленкина Татьяна Алексеевна, 2013

Доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия).

Во второй половине XX в. в странах Европы начался процесс эволюции республиканской формы правления. Парламентарная форма правления постепенно утрачивает свою доминирующую позицию, возникает новая, т. н. смешанная республика.

Смешанная или полупрезидентская форма республиканского правления впервые была установлена в Веймарской республике по Конституции 1919 г. Через четверть века она прочно обосновалась во Франции после принятия Конституции V Республики и установления прямых выборов главы государства в 1962 г. Конституционное развитие многих стран мира, включая Россию, во второй половине XX – начале XXI в. обнаруживает явную тенденцию распространения этой формы правления.

Для смешанной формы правления характерно сочетание признаков парламентарной и президентской республик, приводящее к нарушению логики взаимоотношений органов государственной власти. Так, глава государства, избираемый прямыми выборами без участия парламента, вопреки логике имеет право досрочного роспуска нижней палаты. Правительство, сформированное главой государства на внепарламентской основе, формально ответственно перед парламентом, который вправе выразить ему недоверие. В смешанной республике правительство фактически находится в двойном подчинении парламента и правительства, поскольку именно президент принимает решение об отставке правительства или роспуске парламента в случае разногласий между этими органами государственной власти.

Глава государства формально не принадлежит ни к одной ветви власти и выступает в роли координатора их взаимодействия¹. Он занимает положение «над» всеми органами государства и его полномочия распространяются во все сферы государственной власти — законодательную, исполнительную, судебную.

Смешанная форма правления базируется на идее максимального расширения власти президента, сосредоточения в его руках наибольшего объема дискреционных полномочий путем соединения всех прерогатив главы государства в президентской республике с правом досрочного роспуска парламента, характерным для парламентарных форм правления. Основным фактором, вызвавшим к жизни смешанную республику, явилась крайняя необходимость сохранения демократического политического режима в условиях острого социального, экономического и политического кризиса. Создатели смешанной конструкции стремились использовать огромные властные полномочия главы государства как инструмент выведения страны из кризиса, преодоления угрозы национальной катастрофы. В Германии эта форма правления просуществовала около 14 лет и не смогла предотвратить установление фашистского режима в 1933 г. Опыт Франции оказался более успешным, страна преодолела опасность фашистского переворота и вышла из состояния системного кризиса конца 50-х гг. прошлого века под руководством Президента де Голля. К началу 90-х гг. смешанная форма правления под воздействием различных факторов утвердилась в ряде европейских государств — Австрии, Ирландии, Португалии, Финляндии². В конце XX в. радикальные конституционные реформы были проведены в большинстве стран, ранее входивших в мировую систему социализма. Важнейшим вопросом был вопрос о форме правления. Лишь некоторые страны выбрали парламентарную модель республики. В большинстве государств Центральной и Восточной Европы, в т. ч. и государствах бывшего Советского Союза, была установлена смешанная республиканская форма прав-

ления. Белоруссия, Грузия, Македония, Молдова, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Хорватия и другие страны предпочли смешанную модель республики. Причина этого очевидна. Исследователи отмечают равные или схожие стартовые условия бывших социалистических стран в части установления формы правления и принципов взаимоотношения ветвей власти. Смешанная форма правления была использована как средство преодоления кризиса, угрозы революции и гражданской войны, необходимости применения радикальных мер стабилизации государственной и общественной жизни. Следует отметить, что под влиянием разнообразных факторов исторического, политического, национального характера смешанная форма правления в этих странах отличается от существующей в России и Франции. Так, в Болгарии и Словакии парламент занимает более сильные позиции, а полномочия главы государства не столь обширны³. В Румынии и Хорватии, напротив, роль президента существенно повышена⁴. Польша представляет собой пример смешанной республики, в которой роль парламента в государственном механизме «едва ли не столь же значительна, как и роль президента»⁵. Дуализм власти в этой стране обеспечен системой взаимных сдержек и противовесов, предусмотренной нормами Конституции⁶.

В первых десятилетиях XXI в. продолжают процессы распространения и изменения смешанной формы республики. Так, в феврале 2012 г. в Чехии был принят Конституционный закон о введении прямых выборов Президента, что означает переход от парламентарной формы правления к смешанной. Существовавшая в этой стране парламентская республика отличалась более сильным положением главы государства, что, как правило, связывают с личностью весьма популярного в народе первого Президента Чехии Вацлава Гавела. Теперь Президент избирается на 5 лет прямыми выборами по мажоритарной системе абсолютного большинства с голосованием в два тура. Первые выборы прошли в январе 2013 г.

Во Франции в 2000 г. была ликвидирована существовавшая с 1958 г. разница в сроках полномочий парламента и президента, которая способствовала появлению таких ситуаций, как «совпадающее правление» и «разделенное правление», радикально влиявших на фактический статус президента и правительства. В Конституцию Франции была внесена поправка, сократившая срок президентуры до 5 лет.

Совершенно иные процессы проходят в Российской Федерации. Несмотря на то, что Президент России назначает главу правительства с согласия Государственной Думы, п. 4 ст. 111 Конституции РФ позволяет Президенту назначить Председателя Правительства по своему усмотрению даже вопреки сопротивлению нижней палаты парламента. Угроза досрочного роспуска заставляет Государственную Думу соглашаться с любой кандидатурой, предлагаемой Президентом. Более того, даже «пожертвовав собой», Государственная Дума не в состоянии предотвратить назначение на этот пост нежелательного кандидата. Примеры такой «победы» Президента над нижней палатой парламента истории России известны. Структура центральной исполнительной власти включает в себя Президента и Председателя Правительства. Президент должен вырабатывать общие направления деятельности государства, а на Главу Правительства возложена обязанность проводить в жизнь акты исполнительной власти, осуществлять государственную политику, руководствуясь общими ориентациями Президента. Доминирование президентских прерогатив ни у кого не

вызывает сомнений. Назначаемый Главой государства и ответственный перед ним премьер-министр не может быть никем иным, как первым помощником Президента. Дальнейшее усиление позиций главы государства произошло в результате принятия поправки к Конституции от 30 декабря 2008 г., в соответствии с которой сроки полномочий Президента увеличены до 6 лет, а Государственной Думы — до 5. Таким образом, созданы предпосылки возникновения ситуации, когда парламентское большинство не будет совпадать с партийным составом Правительства, формируемого Президентом на внепарламентской основе, что может привести к дестабилизации системы государственных органов. Слабым местом, «ахиллесовой пятой» смешанной формы правления является то обстоятельство, что вся система государственной власти замкнута на главное звено — президента, при этом неизбежна чрезмерная зависимость стабильности, устойчивости, эффективности системы от личных качеств и амбиций человека, занимающего высший государственный пост. Преодолеть этот недостаток смешанной республики можно лишь при маловероятном условии благоприятного сочетания основных факторов: сильного парламента, ответственного правительства, независимого суда, подконтрольного президента и политических партий, способных заставить работать механизмы государственной власти на пользу народа, а не олигархической верхушки.

¹ См., например: Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции зарубежных государств: учебное пособие / сост., пер., введение и вступительная статья В.В. Маклакова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 54–58.

² См., например: Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты / пер. с нем.; под ред. и со вступ. ст. И.П. Ильинского. М., 1985. С. 57–61.

³ См.: Конституция Республики Болгария от 12 июля 1991 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. Т. 1. М., 2001. С. 381–422; Конституция Словацкой Республики от 1 сентября 1992 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. Т. 3. М., 2001. С. 103–158.

⁴ См.: Конституция Румынии от 21 ноября 1991 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 51–92; Конституция Республики Хорватия от 22 декабря 1990 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. Т. 3. М., 2001. С. 435–490.

⁵ Гребенников В.В., Дмитриев Ю.А. Развитие республиканской формы правления на постсоциалистическом пространстве // Государство и право. 2006. № 7. С. 8.

⁶ См.: Конституция Польской Республики от 2 апреля 1997 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. Т. 2. М., 2001. С. 673–732.

В.В. Полянский

ГАРМОНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ — МАГИСТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В статье анализируются условия, средства и методы гармонизации интересов в целях обеспечения устойчивого развития государственно-организованного общества. Показано определяющее значение гармонизации экономических интересов, прежде всего, отношений собственности для гармонизации в системе публичной власти.

Ключевые слова: публичная власть, устойчивое развитие, интересы, гармонизация, консолидация общества, планирование, средства гармонизации интересов.

© Полянский Виктор Владимирович, 2013

Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права (Самарский государственный университет); e-mail: polansky.v@gmail.com

V.V. Polyanskiy

HARMONIZATION OF SOCIAL-ECONOMICAL INTERESTS IS THE MAIN DIRECTION OF CIVIL SOCIETY'S DEVELOPING AND STATEHOOD'S PERFECTION

In the paper conditions, remedies and methods of interest's harmonization are characterized for maintenance of sustainable development of the state organized society. The defining value of economical interest's harmonization, first of all — relations of property for harmonization at the system of public power is shown.

Keywords: public power, sustainable development, interests, harmonization, society's consolidation, planning, remedies of interest's harmonization.

Последние два десятилетия существования российской государственности, определявшей стратегию развития общества в целом, привели к созданию некоторых положительных социально-экономических, политических результатов. Определены начала конкурентной экономики, сформированы предпосылки для возникновения партийной системы (создана ее основа — многопартийность); в сознании населения утверждается идея правового государства как основа воспитания уважения к праву, закону, что, в конечном итоге, должно привести к формированию высокого правосознания, отражающего «экономические и политические потребности и интересы общественного развития»¹. Заложены основы формирования гражданского общества. Экономическая идеология и политика пережили узурпаторскую и антигуманную идею потребительского отношения к природным ресурсам России — высшее руководство страны заявило о необходимости развития высоких технологий, машиностроения. Одной из главных задач российского государства признана борьба за экологическое благополучие как цели устойчивого развития. Предполагаемые трансформации в экономической сфере, заявленные руководством страны, дают надежду на утверждение в реальной политике принципов обеспечения справедливости², равноправия, общедоступности важнейших социально-экономических ресурсов для всех граждан государства, создание условий для их достойной жизни, как это установлено Конституцией России. Важность идеи устойчивости развития страны подчеркнул В.В. Путин при вступлении в должность Президента России³. Ставится задача гармонизации отношений и интересов во всех сферах жизни общества.

В процессе гармонизации отношений, интересов все субъекты управления государственно-организованным обществом должны иметь ясные алгоритмы своего поведения и, прежде всего, параметры развития государства и общества, которые должны быть выражены в тексте развивающегося, совершенствующегося в соответствии с потребностями общества основного нормативно-правового акта государства — Конституции. К таковым следует отнести основные принципы жизни общества, функции государства, конституционные ценности (человек, его права и свободы, собственность), цели развития государства, механизм влияния на общество и т. д.

Социально-экономические контексты развития России в глобализирующемся мире в первую очередь ставят цель устойчивого развития государственно-организованного общества как среды и предпосылки сохранения социального мира, прогрессивного развития экономики. В «Основных положениях стратегии устойчивого развития России» отмечалось, что «стратегической целью устойчивого развития России является повышение уровня и качества жизни населения»,

а «главной внутривластной целью устойчивого развития должна стать консолидация расслоившегося российского общества»⁴. Вместе с тем достижение разнообразных целей, диктуемых вызовами современного кризисного развития экономики, разрастания политических конфликтов, в т. ч. обеспечение социальной справедливости, возможно при условии не столько механической консолидации⁵, сколько на основе гармонизации социально-экономических интересов. Гармонизация указанных интересов должна стать магистральным направлением развития гражданского общества и совершенствования российской государственности. Консолидацию можно рассматривать только как одну из предпосылок, предварительный либо последующий шаг движения к гармоничности отношений в обществе и государстве.

Гармонизация отношений, факторов бытия предполагает системное сокращение различий и увеличение сходства во всем многообразии сторон статуса объектов гармонизации (индивидов, социальных групп — экономического, политического, национально-этнического, культурного и т. д. характера), что не является обязательным в консолидации. При этом процесс гармонизации развивается до определенной меры, которая будет препятствовать возникновению стагнации в социально-экономических и политических отношениях. В частности, гармонизация не должна привести к абсолютному экономическому равенству (прежде всего в объеме собственности), которое ведет к экономической и социальной деградации, застою, упадку и даже дегенерации общества и отдельных индивидов. В этом случае поле гармонизации исчезает, поскольку она возможна при наличии некоторого различия в статусе гармонизируемых объектов, факторов, отношений, не позволяющих им быть абсолютным тождеством. Поэтому противоречат смыслу государственно-общественной гармонизации как «уровнировка», так и не основанное на адекватном труде, личном вкладе несоразмерное обогащение отдельных лиц, использование ценностей, полученных в результате эксплуатации материального и интеллектуального ресурса, достояния всего общества исключительно в частных интересах. Именно этим предопределяется новое осмысление значимости совершенствования экономических отношений и включение в современные конституции положений о том, что «собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу» (ст. 14 Основного Закона ФРГ⁶), об ограничении частной хозяйственной инициативы в пользу общества (ст. 41 Конституции Италии⁷). Однако дисгармоничность имеет свои источники, в т. ч. внутреннюю энтропию общества, которая не позволяет ему быть абсолютно гармоничным.

В процессе гармонизации государственно-организованного общества необходимо сочетание как *технологических (формальных)*, так и *сущностных методов* устранения дисгармоний. К формальным по преимуществу относятся политико-правовые инструменты совершенствования форм реализации публичной власти (система сдержек и противовесов в разделении властей, избирательная система с разнообразными приемами допуска населения к выборам государственных, муниципальных органов, должностных лиц и т. п.). Эти инструменты эффективны только в сочетании с сущностными методами, которые реализуются в социально-экономической сфере. К ним в первую очередь относятся обеспечение принципов отношений собственности, формы и методы производства и распределения материальных и иных благ. В противном случае сущностные дисгармонии взрывают, как это бывает в революционные моменты истории, технологические

формы снятия социального напряжения, придания некоторых формальных признаков гармонии системе публичной власти.

В гражданском обществе формируются и удовлетворяются интересы двух существенно различающихся его частей — экономически активных (преимущественно занятых производительным трудом, направленным на получение прибыли за счет использования капиталов — собственных, заемных, в т. ч. государственных и т. п.) и экономически пассивных акторов (преимущественно занимающихся трудом в целях получения средств для физического и интеллектуального существования, т. е. потребления). Интересы этих двух частей населения выступают самыми мощными и социально значимыми факторами взаимодействия социальных групп, конфликтов, ведущих к системно-структурным изменениям, включая коренную ломку социально-экономической и политической систем, смену общественного строя. Политико-правовые манипуляции в партийном строительстве, в избирательных отношениях, установление разрушающих суть прямых форм народовластия ограничений, как, например, в проведении референдума, дают временный эффект и не могут быть основой устойчивого развития, тем более на гармоничной основе.

Общественная результативность гармонизации только тогда позитивна, когда гармонизации подвергаются интересы во всех сферах общественных отношений — экономических, социальных, политических. В каждой из этих сфер есть свои специфические цели, задачи, средства и методы. Конечно, все звенья цепи общественных отношений важны — они есть некая целостность, системное диалектическое единство, но ведущим звеном в этой цепи выступает экономическая подсистема, определяющая сущность общественного строя в целом.

Эффективным средством и методом гармонизации интересов и обеспечения устойчивого развития, оправдавшим себя в разных странах, является социально-экономическое планирование — один из важных способов определения приоритетов и последовательной их реализации в специально заданных количественных и качественных параметрах. Одновременно это способ гармонизации интересов в социально-экономической сфере, поскольку в плане открыто демонстрируются приоритеты государства и гражданского общества, заложены цели деятельности участников социально-экономических отношений, в т. ч. обеспечение социальной справедливости.

¹ Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 204.

² Оценивая власть, В. Путин отмечал в своем Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 г.: «Ответственность за страну формируется не лозунгами и призывами, а когда люди видят, что власть прозрачна, доступна и сама «вкалывает» во имя страны, города, региона, посёлка и каждого гражданина, учитывает общественное мнение. Власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создаётся прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости для национально ориентированного сознания» // Российская газета. 2012. 13 дек. Как видно, от полного замалчивания принципа справедливости в 90-е гг. прошлого века власть и имущие стали открыто говорить о справедливости, правда, не все одинаково ее понимают, и не всегда она связана с социумом в целом — как социальная справедливость.

³ Владимир Путин вступил в должность Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15224> (дата обращения: 15.01.2013).

⁴ См.: Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А.М. Шелехова. М., 2002. С. 123.

⁵ Консолидация (от лат. consolidatio — уплотнять, укреплять, сращивать) — в социально-политическом смысле — процесс объединения, укрепления единства и сплоченности социальных и политических сил (людей, социальных групп, политических партий и организаций и т. д.) в целях усиления борьбы за решение общих задач. См.: Болдонов А., Башинова Т., Тармаханов Е. Краткий словарь-гlossарий по политологии. М., 2005. Указанный термин отражает механистичность объединения объектов консолидации, что не может быть устойчивым фактором стабильности и гармоничности отношений в социально-экономической среде.

Консолидацию можно рассматривать только как одну из форм движения к гармоничности отношений в обществе и государстве.

⁶ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. / под ред. Л.А. Окунькова. Т. 1. М., 2001. С. 585.

⁷ См.: Там же. Т. 2. С. 110.

А.В. Семёнов

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

В статье исследуются проблемы оценки эффективности конституционных норм, ее количественных, качественных параметров и путей повышения их действенности.

Ключевые слова: конституционная норма, система права, конституционное законодательство, конституционное нормотворчество, пути повышения эффективности.

A.V. Semenov

THE PROBLEM OF EFFICIENCY OF NORMS CONSTITUTIONAL LAW

Abstract: the article is devoted to research of problems of evaluation of the effectiveness of constitutional norms, its quantitative and qualitative parameters and ways to enhance their effectiveness.

Keywords: constitutional norm, system of law, constitutional law, a constitutional norm-setting, ways to improve efficiency.

Тема эффективности относится к числу наиболее сложных, мало изученных проблем юриспруденции, не имеющих однозначной интерпретации. В конституционном праве этому аспекту не уделяется должного внимания. Поэтому постановка данной проблемы оправдана. Дело в том, что объектом научного интереса выступает эффективность не норм, а форм права.

Следует заметить, что конституционные нормы представляют собой продукт рационализации политико-правовой действительности. Чем выше уровень рационализации таких предписаний, тем меньше в системе конституционного права коллизионных положений. В связи с этим возрастает роль ценностных критериев эффективности конституционных норм, эффективность приобретает качества полезности.

В то же время эффективность конституционных норм не является постоянной величиной. Она может изменяться в зависимости от изменения социальных условий. При благоприятных условиях правовое предписание будет иметь более высокую эффективность, а при неблагоприятных — она будет снижена. Однако существование закона теряет смысл, если он вообще неэффективен. Эффективность предусматривает оценку продуманности политики, проводимой в стране.

Рассматриваемое явление отражает интеллектуальный базис институциональных трансформаций в сфере конституционного права. Поэтому эффективность используют для разрешения проблемы количественных и качественных показателей функциональности системы права. Обоснованность и целесообраз-

ность такого подхода к теме эффективности конституционных норм обусловлены комплексной природой конституционного права.

С учетом изложенного можно заключить, что проблема эффективности охватывает не только конституционные нормы, но и процесс их формирования и осуществления. Следовательно, оценка эффективности проводится на основании количественных и качественных параметров. Первые определяют совокупную потребность в создании системы конституционного законодательства, а качественные критерии фиксируют обоснованность и целесообразность конституционно-правового регулирования, его фактическое воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения.

Важным аспектом эффективности конституционных норм является оценка норм конституционного законодательства. В этой связи следует различать следующие критерии: во-первых, цель принятия конкретной конституционной нормы; во-вторых, результат действия конституционных предписаний; в-третьих, материальные затраты на разработку и реализацию конституционной нормы.

С учетом принципа разграничения предметов ведения и полномочий эффективность действия конкретных источников конституционного законодательства дифференцируется по результатам работы уполномоченных субъектов права. В этом случае имеет место т. н. «двойная эффективность». Она определяется совокупностью мер, принимаемых по реализации конституционного права и форм его выражения федеральными и региональными органами власти.

В данных обстоятельствах для повышения эффективности следует систематизировать практику конституционного нормотворчества и принять федеральный конституционный (текущий) закон о нормативных правовых актах, в котором необходимо четко сформулировать перечень субъектов конституционного нормотворчества, формы конституционного законодательства, компетенцию федерального центра и субъектов Федерации в сфере конституционного нормотворчества. Только закон способен разрешить проблему иерархии в системе конституционных норм и законодательства в целом.

В этой связи большое значение приобретает выбор путей повышения эффективности конституционных норм. Они должны исходить из относительной меры оценки ценности достигнутого результата и фактических затрат, понесенных субъектами конституционных отношений для достижения планируемого эффекта. В данном случае пути повышения эффективности можно рассматривать как один из элементов механизма реализации конституционных норм. Однако сами по себе пути повышения эффективности не смогут обеспечить результативность осуществления конституционных норм, т. к. субъективное вмешательство в процесс формирования конституционных норм или предпочтение в выборе доктрины развития конституционного права имеет существенное значение для выбора тех или иных путей повышения эффективности конституционных предписаний. Поэтому субъективные аспекты действия конституционных норм могут привести к изменению содержания мер по повышению эффективности.

Отмеченные факты свидетельствуют о том, что эффективность конституционных норм заключается не в количественном их увеличении, а в повышении качественных параметров конституционного законодательства. Одно из таких направлений — создание оптимальной системы конституционных норм и форм их объективации. Дело в том, что практика реализации конституционных принципов разделения властей и разграничение предметов ведения и полномочий

свидетельствует о сложностях в организации конституционного нормотворчества и правоприменения. Проблемы начинают возникать между различными законодательными органами государственной власти, поскольку отсутствует определенность в вопросе компетенции.

Между тем эффективность конституционных норм предполагает высокую степень оперативности функционирующих систем и достижение ими положительного эффекта. Создание качественной оптимальной системы конституционного права и форм ее объективации в политико-правовой реальности характеризует результативность мер, которые принимаются государственным аппаратом. Итогом же такой деятельности должен стать рост правовой культуры населения страны.

Очевидно, что эффективность конституционных норм определяет технологию деятельности субъектов права и ее ресурсно-техническое обеспечение. Поэтому понятия «эффективность» и «неэффективность» конституционных норм определяется тем, что люди больше всего ценят. Отсюда следует, что все многообразие позиций по эффективности права относится к разногласиям об относительной ценности тех или иных юридических норм. Проблема эффективности конституционных норм состоит в вопросе: «Кто имеет право принимать решения»? Например, проблемы эффективности и неэффективности права частной собственности, разделения властей и т. д.

Весь вопрос о путях повышения эффективности конституционных норм в мировоззренческом плане состоит именно в том, каким образом могут быть оценены выгоды и потери от издания и применения конституционных норм, т. к. ни право, ни конституционные нормы сами по себе не имеют ценности в отрыве от целей, способов достижения целей, содержания и результата работы по изданию и применению конституционных норм.

Проблема выбора тех или иных путей повышения эффективности конституционных норм определяется рядом факторов. Они обусловлены сложностью отношений, которые регулируются конституционными нормами, оценочной природой эффективности, слабым уровнем систематизации конституционных норм, неопределенностью форм материализации конституционного права. Поэтому выбор направлений действенности конституционных норм неразрывно связан с процессом формирования механизма реализации конституционных норм. Повышение эффективности конституционных норм — краеугольная задача развития конституционного права.

У.А. Старшова

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Действенная социальная политика является необходимой составляющей социального государства. Она должна быть направлена на обеспечение достойной жизни и полноценного развития человека.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, Конституция Российской Федерации, социально-экономическое развитие.

U.A. Starshova

SOCIAL POLICY AS THE BASIS FOR THE FUNCTIONING OF THE WELFARE STATE IN RUSSIA

Effective social policy is a necessary component of the welfare state. It should be designed to ensure a decent life and the full development of human.

Keywords: social policy, welfare state, Constitutions of the Russian Federation, socio-economic development.

В Конституции РФ закреплён важнейший принцип современного Российского государства — социальное государство. В дальнейшем этот принцип получил свое развитие в различных нормативно-правовых актах и иных документах, однако нельзя говорить о нормальном функционировании социального государства без его действенной социальной политики. Социальное государство сегодня как одну из основ конституционного строя России необходимо рассматривать в 3-х аспектах: концептуальном — как идею и ее развитие в различных научных теориях, нормативном — как конституционный принцип, закреплённый в Конституции РФ и иных нормативных актах, практическом — как реальную практику деятельности государственных институтов по решению различных социальных проблем и осуществляющих социальную политику. Исходя из смысла ст. 7 Конституции РФ, можно сделать вывод, что наша страна, провозглашая себя социальным государством, устанавливает обязанность проводить социальную политику.

Социальное государство — это государство, которое обеспечивает социальную защиту малоимущим и социально уязвимым гражданам (инвалидам, старикам, детям и т. д.), проводит социальную политику, признающую за каждым членом общества право на жизненный уровень, необходимый для поддержания его самого и его семьи, когда он работает, а также в большей степени, в случае безработицы, болезни, вдовства, старости.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития России была утверждена еще в 2008 г.¹ Основная ее цель заключается в определении способов устойчивого повышения благосостояния российских граждан. Таким образом, основы социальной политики современности заложены в этом документе. В своем ежегодном Послании Федеральному собранию РФ Президент России обозначил основные направления социальной политики: поддержка рождаемости, создание благоприятных условий для женщин, решение жилищных вопросов и в целом перспектива создать большую крепкую семью, воспитывать много детей и др.²

Исторический опыт наглядно демонстрирует, прежде всего, 2 основные модели социальной политики и защиты населения, а следовательно, функционирования социального государства. Во-первых, либерально-рыночная; во-вторых, социально-ориентированная. В первом случае свободный рынок занимает ведущие позиции, является основой производства и оказания социальных услуг. Предпочтение при этом отдается независимости потребителя. Государство здесь исполняет роль медиатора между рынком и населением, поддерживая отрасли социальной сферы субсидиями, налоговыми льготами, страхуя тех, кто не в состоянии удовлетворить свои минимальные потребности самостоятельно (безработные, малообеспеченные, инвалиды). Эта модель наиболее характерна

для США. Во втором случае предпочтение отдается доступности и социальной справедливости в распределении социальных услуг. Здесь преобладает регулируемый рынок с мощной системой социального страхования. Государство выступает в роли гаранта удовлетворения важнейших социально-культурных потребностей всех или большинства граждан, а рынок выполняет роль дополнительного средства в обеспечении удовлетворения возрастающих запросов и потребностей населения сверх системы государственного патернализма³. Эта модель характерна для большинства европейских стран. В понимании сущности российской социальной политики выделяются различные позиции: одни ученые связывают ее только с удовлетворением материальных потребностей, а социальное развитие формулируют как проявление изменений в социальной структуре общества; другие ограничивают социальную политику лишь сферой распределения общественных фондов потребления. Как справедливо отмечал А.Е. Козлов, «неправильно было бы связывать ее только с удовлетворением материальных потребностей»⁴. Социальную политику можно определить в самом общем плане как политическое руководство социальными процессами, целенаправленное воздействие субъективного фактора на развитие объективных социальных процессов. Социальная политика имеет дело с руководством и управлением всеми социальными процессами: и теми, что связаны с обеспечением благосостояния народа, и теми, которые направлены на совершенствование социальной структуры общества, т. е. это целенаправленная деятельность по развитию всей социальной сферы общества⁵. Социальная политика — неотъемлемая часть внутренней политики демократического правового социального государства, которая выражается в целенаправленной стратегии государства, ориентированной на создание благоприятных условий жизни и развития человека. Она должна охватывать такие сферы государственного регулирования, как образование, здравоохранение, наука, культура, социальное обеспечение, труд и занятость, поощрение реализации негосударственными субъектами мер социального характера⁶.

Провозглашение России социальным государством сегодня остается лишь перспективной целью и, понятно, что становление социального государства невозможно без внедрения эффективной социальной политики. Исходя из того, что социальная политика — составная часть всей проводимой государством политики, нельзя ее рассматривать без других направлений многоплановой деятельности современного государства и в первую очередь — экономической. Достаточно сказать, что такие области социальной сферы, как социальное обеспечение, медицина, образование и другие, предъявляют растущие требования именно к сильной и эффективной экономике. Объясняется это просто: финансовые основы этих сфер зависят непосредственно от экономических достижений.

Социальная политика имеет свои определенные цели. В.И. Ленин еще при разработке проекта первой Программы партии сформулировал одну из основных целей социальной политики при социализме, достижение которой актуально и сегодня, «обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»⁷.

Для того чтобы социальное государство в Российской Федерации стало реальностью, необходимо, чтобы социальная политика обеспечивалась в следующих направлениях:

1. Повышение благосостояния народа, которое охватывает как уровень удовлетворения материальных потребностей людей, так и социально-экономические условия их жизнедеятельности.

2. Осуществление принципа социальной справедливости, который не означает создание абсолютного равенства. Социальная политика призвана обеспечить социальную компенсацию в такой степени, чтобы вследствие неравномерного распределения ресурсов не возникали социальные конфликты, лишения, чтобы не проходила правовая, социальная и культурная изоляция определенных социальных групп. Социальная политика должна быть направлена на увеличение доходов малозащищенных слоев населения выше прожиточного минимума.

3. Обязательная социальная защита населения. Статья 7 Конституции РФ определяет гарантии социальной защиты. Указанные гарантии реализуются нормативными актами, регулирующими отношения в различных сферах правового регулирования. Социальная защита населения охватывает сферы труда и занятости, семейной и молодежной политики, социального обеспечения, здравоохранения и т. п. В России осуществляется социальная защита безработных, инвалидов, пожилых, многодетных семей, сирот, детей в неполных семьях и иных малоимущих слоев населения. Однако нельзя ограничивать смысл социальной защиты рамками выплаты денежных пособий определенным категориям граждан.

Поскольку наличие целостной социальной политики является главным определяющим фактором социального государства, можно сделать вывод, что закрепленная в Конституции единая социальная цель государства — обеспечение достойной жизни и свободного развития человека и есть конечная цель, на достижение которой должна быть направлена социальная политика.

¹ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. URL: www.ifap.ru (дата обращения: 15.04.2013).

² См.: Российская газета. 2012. 13 дек.

³ См.: Черепенников Д.Г. Становление и функционирование социального государства в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 32.

⁴ Козлов А.Е. Социальная политика советского государства: конституционно-правовые проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 11.

⁵ См.: Козлов А.Е. Социальная политика: конституционно-правовые проблемы. М., 1990. С. 9–10.

⁶ См.: Солосин С.В. Конституционно-правовые основы социальной защиты населения в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 11.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232.

Е.Г. Стребкова

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются проблемы модернизации законодательной власти в условиях повсеместного внедрения информационных технологий в ее деятельность, а также концепция электронного парламента.

Ключевые слова: законодательная власть, информационные технологии, электронный парламент, транспарентность.

E.G. Strebkova

MODERNIZATION OF THE LEGISLATIVE POWER
IN THE INFORMATION SOCIETY AND THE STATE

Article is devoted to the modernization of the legislative power in the widespread implementation of information technology in its operations, as it explores the concept of e-parliament.

Keywords: legislative power, information technology, e-parliament, transparency.

Информационными технологиями в современном обществе уже никого не удивишь. Они затронули все сферы жизни граждан и не могли не повлиять на государственную власть. В этой связи совершенно необходимо обратиться к проблеме модернизации государственной власти вообще и законодательной в особенности. Электронный обмен информацией — это очень важное условие для взаимодействия представительных органов и общественности. Народ, избравший депутатов в законодательный орган, должен иметь возможность проверять их деятельность.

Все большую популярность приобретает концепция т. н. электронного парламента (E-Parliament). В докладе за 2012 г. Центра информационно-коммуникационных технологий в парламенте указывается, что электронный парламент является эффективным инструментом, при помощи которого общественность может использовать информационные и коммуникационные технологии для эффективного выполнения основных функций: законотворчества, представительства и контроля¹.

Концепцию «E-parliament» разработали Николас Данлоп и Вильгельм Юрай². Под их руководством была создана база данных с контактной информацией о 25000 демократических национальных законодательных органах. Она позволяет парламентам по всему миру общаться напрямую, проводить парламентские слушания и круглые столы.

Следует отметить, что Российская Федерация не отстает от мирового сообщества. Повсеместное внедрение информационных технологий — путь к прозрачности и открытости деятельности государственных, в т. ч. законодательных органов в современных государствах.

Из содержания интернет-сайтов можно многое узнать о законодательной власти в целом — уровне ее открытости и желании предоставлять гражданам информацию о своей деятельности.

В рамках Федеральной программы «Электронная Россия» была разработана специальная информационная интернет-система «Парламентский портал». Она предоставляет свободный доступ к информационным ресурсам Федерального Собрания и всех региональных парламентов.

6 декабря 2012 г. Совет Федерации объявил о запуске тестовой версии обновленного официального сайта палаты. Она доступна по адресу beta.council.gov.ru. Важная новация — появление на сайте блока обсуждений. Он позволяет пользователям комментировать законопроекты, предлагать поправки к ним, задавать вопросы, высказывать свое мнение по поводу любого аспекта деятельности Совета Федерации.

Еще одна новация — впервые на постоянной основе будут транслироваться не только заседания Совета Федерации, но и заседания комитетов палаты, парламентские слушания и проходящие в стенах Совета Федерации конференции и круглые столы.

Отдельный блок посвящен деятельности членов Совета Федерации. Персональные блоги сенаторов дадут возможность жителям всех субъектов РФ получить представление о работе своих представителей в верхней палате, о том, какие позиции по ключевым вопросам развития страны и региона они занимают.

Представляется, что интернет-сайты обладают рядом преимуществ: позволяют постоянно обновлять информацию; доступны для неограниченного числа граждан без значительных затрат; позволяют проводить опросы и обсуждение в режиме он-лайн; упрощают обмен информацией и взаимодействие; обеспечивают достаточный уровень транспарентности деятельности и процесса принятия решений.

Региональные парламенты не отстают от Федерального Собрания в сфере реализации транспарентности. Так, заседания парламента Тверской области транслируются в прямом эфире на официальном сайте, создан аккаунт на Youtube, текущая хроника событий распространяется в социальной сети Twitter³.

В результате реализации концепции электронного парламента у граждан есть возможность активнее участвовать в правовой жизни общества. Они могут получать свободный доступ к документам, относящимся к деятельности законодательных органов государства. Это позволяет создать новый уровень доверия к представительной власти. Доверие сегодня строится в первую очередь на открытости. Избиратель хочет знать, что делает в парламенте его представитель, какие законодательные инициативы он предлагает, как голосует за тот или иной законопроект, как расходует бюджетные средства для своей депутатской работы.

Законотворческий потенциал у наших граждан есть. Недавний пример — сбор подписей, организованный на сайте «Новой газеты», против принятия т. н. Закона Димы Яковлева, запрещающего усыновление российских сирот американцами. Однако пока в действующем законодательстве отсутствует механизм учета общественной инициативы и проверки достоверности электронных подписей. В перспективе возможно и законодательное закрепление практики по реализации общественных инициатив по отдельным направлениям совершенствования российского законодательства⁴.

Интересным представляется опыт реализации общественных законодательных инициатив в зарубежных странах. В 2011 г. в Великобритании появился сайт для подачи электронных петиций <http://epetitions.direct.gov.uk/>. Для того чтобы подать петицию, необходимо сначала удостовериться с помощью поиска, что аналогичных запросов еще не поступало. Если таковой уже есть, то его можно подписать. Электронная петиция остается активной в течение года. Если за это время она соберет 100 000 и более подписей, то выносится на обсуждение в парламент.

Таким образом, внедрение электронного парламента в современных условиях необходимо для обеспечения представительности, прозрачности, доступности, подотчетности и эффективности деятельности законодательного органа. Законодательный орган должен обладать высокой степенью транспарентности. Это не просто доступ граждан ко всем решениям и дискуссиям в парламенте, это среда, в которой процесс принятия решений происходит в условиях полной открытости при помощи информационно-коммуникационных технологий. Переход работы парламентов на новый уровень может потребовать улучшения качества взаимодействия законодательного органа и общественности. В этой связи необходимо модернизировать работу парламентов по связям с общественностью.

¹ World e-Parliament Report 2012. URL://www.ictparliament.org (дата обращения: 29.12.2012).

² URL: <http://www.e-parl.net> (дата обращения: 29.12.2012).

³ URL: www.rg.ru. Тверская область (дата обращения: 18.07.2012).⁴ См.: Шкель Т. Докажите, что голосовали // Российская газета. 2013. 15 янв.

С.А. Сусликов

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассматриваются конституционные вопросы организации и создания общественного телевидения в России. Анализируется законодательство РФ об общественном телевидении.

Ключевые слова: общество, средства массовой информации, общественное телевидение, автономная некоммерческая организация, финансирование общественного телевидения.

S.A. Suslikov

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF PUBLIC TELEVISION IN RUSSIA

In article the constitutional questions of the organization and creation of public television in Russia are considered. The legislation of the Russian Federation on public television is analyzed.

Keywords: society, mass media, public television, autonomous non-profit organization, financing of public television.

Создание общественного телевидения в России сегодня является одним из наиболее значимых условий обеспечения демократии и формирования гражданского общества в стране.

В Послании Федеральному Собранию РФ 22 декабря 2011 г. Президент РФ предложил в ближайшее время решить вопрос о создании общественного телевидения: «...Ни один из владельцев этого нового средства массовой информации не должен иметь определяющего влияния на принятие любых решений — ни государство, ни частный владелец. Уверен, что такое общественное телевидение может сделать нашу информационную среду более конкурентной и, соответственно, более интересной»¹.

В прессе началось бурное обсуждение создания общественного телевидения, проекты по его созданию готовили несколько рабочих групп².

22 марта 2012 г. состоялись парламентские слушания Комитета Государственной Думы по культуре на тему «О создании общественного телевидения в Российской Федерации»³.

Уже 17 апреля 2012 г. Президент РФ подписал Указ «Об общественном телевидении в Российской Федерации»⁴.

А. Лысенко, назначенный Указом Президента РФ от 18 июля 2012 г. генеральным директором автономной некоммерческой организации «Общественное телевидение России», замечает: «Я не очень понимаю, что такое Общественное телевидение. На мой взгляд, любое телевидение должно быть общественным, потому что в этом его функция — обслужить интерес общества. <...> Мы же работаем для людей, которые не очень понимают, что они-то и составляют общество.

© Сусликов Сергей Анатольевич, 2013

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: suslikov80@mail.ru

Мне кажется, что Общественное телевидение в какой-то мере должно потихоньку учить людей тому, что они живут в обществе, и что жизнь в обществе — не просто красивые слова, а это еще и налагает определенную ответственность»⁵.

Нельзя не привести точку зрения В. Познера: «Общественное телевидение существует в 49 странах мира. Оно не зависит от бизнеса, поскольку не нуждается в рекламе. Оно финансируется за счет налогов на количество телевизоров в доме. Либо — за счет суммы, выделяемой государством из бюджета. Причем не менее определенного процента, оговоренного законом; при этом государство не имеет права вмешиваться в вещательную политику»⁶.

И. Дзялошинский рассуждает об общественном телевидении: «Конечно, общественное телевидение как идея — это лучшая форма организации информационного взаимодействия с разными социальными группами. <...> СМИ берут на себя некую миссию выступать не только институтом добросовестного и честного информирования своей аудитории, но и миссию модератора общественного взаимодействия. Когда телеканал становится местом, где граждане высказывают свои мнения. Не в форме ток-шоу, не в форме игры, а в форме острого социального анализа проблемы — с участием самих граждан. Это вообще другое телевидение»⁷.

В Докладе Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества в Российской Федерации сказано, что пресса — и электронная, и печатная — находятся преимущественно либо в руках государства, либо во владении крупных финансово-промышленных групп. Это ставит под угрозу важнейший для демократии принцип независимости прессы. Такая ситуация не может не сказаться на объективности и разнообразии информации, отражении в средствах массовой информации всего спектра общественных интересов⁸.

На наш взгляд, основными задачами общественного телевидения должны быть удовлетворение информационных потребностей и конституционных прав на получение информации гражданами Российской Федерации, независимо от их социального положения, политических взглядов, национальной религиозной принадлежности, обеспечение доступа к объективной и достоверной информации в области внутренней и внешней политики, культуры, образования, науки, духовной жизни и других сферах, представляющей общественный интерес, а также обеспечение конституционных прав граждан Российской Федерации на свободу мысли и слова путем открытого обсуждения общественно значимых проблем.

Общественное вещание должно отличаться от государственного и коммерческого принципами составления программ для общей аудитории, независимостью редакторов, подотчетностью органов вещания аудитории и отражением в программах интересов общества.

Сегодня в России уже сложилось представление о том, что общественное вещание должно строиться на следующих принципах: особом негосударственном управлении, финансировании без опоры на бюджет государства (хотя не исключена возможность первоначального финансирования за счет федерального бюджета), на механизме общественного контроля. Это и было отражено в Указе Президента РФ «Об общественном телевидении в Российской Федерации». Во-первых, создание автономной некоммерческой организации «Общественное телевидение России», осуществляющей функции учредителя, редакции и вещателя телеканала. Во-вторых, образование Совета по общественному телевидению, основной функцией которого является общественный контроль за деятельностью телеканала. Состав Совета утверждается Президентом РФ из числа кандида-

тур, представляемых Общественной палатой РФ. В-третьих, высшим органом управления организации является наблюдательный совет, который формируется Советом по общественному телевидению.

Финансирование за счет абонентской платы («за счет общества») в противоположность финансированию за счет государственного бюджета или за счет рекламы обладает рядом преимуществ, имеющих решающее значение. Во-первых, это означает, что компания независима от политической воли тех, кто принимает решение о размере ассигнований из государственного бюджета. Во-вторых, коммерческие интересы не будут безраздельно довлеть, и компания может развивать плюрализм и разнообразие программ, отвечающих этическим нормам и имеющих высокое качество, может не жертвовать целями качества ради интересов рынка. В-третьих, важным преимуществом финансирования за счет абонентской платы является психологическая связь между плательщиком сбора, гражданином и компанией общественного вещания, а также объективная возможность установления контроля со стороны общества за общественным телевидением (участие представителей общественности в управлении).

А. Лысенко утверждает: «Сегодня Общественное телевидение не может существовать без поддержки государства. Что это значит? Что это — покупка государства? Или это взнос государства? На мой взгляд, содержание Общественного телевидения — это тот же элемент просвещения, как и школа, образование, медицина, на которые государство дает деньги. Это обязанность государства»⁹.

Согласно Указу Президента РФ на первом этапе общественное телевидение будет финансироваться за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета и банковских кредитов, а затем Правительство РФ должно обеспечить формирование целевого капитала для финансирования деятельности, предусмотрев публичный сбор денежных средств в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (в ред. от 21 ноября 2011 г.)¹⁰.

Необходимо ограничить возможности представителей власти манипулировать общественным мнением и управлять средствами массовой информации. Власть должна иметь право читать газеты, смотреть телевизор и слушать радио. Других прав по отношению к СМИ быть не может.

Общество должно принимать собственные решения. Это невозможно сделать без объективной информации в сочетании с открытым обменом мнениями. В условиях демократии и свободного рынка в конечном счете сам гражданин решает, как должны действовать средства массовой информации.

¹ Российская газета. 2011. 23 дек.

² См.: Российская газета. 2011. 23 дек.; Коммерсантъ. 2012. 1 февр., 19 марта.

³ URL: <http://www.komitet2-3.km.duma.gov.ru/site.xp/052051124057053057.html> (дата обращения: 14.02.2013).

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 17, ст. 1914.

⁵ Российская газета. 2012. 11 дек.

⁶ Независимая газета. 2006. 28 апр.

⁷ Дзялошинский И. Мы попали в тяжелейшую западню // Независимая газета. 2004. 26 нояб.

⁸ URL: www.oprf.ru/rus/documents/report (дата обращения: 14.05.2007).

⁹ Российская газета. 2012. 11 дек.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 38; 2011. № 48, ст. 6728.

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

В.В. Невинский

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

В статье рассматривается история формирования прав человека как особой социальной ценности. Оценивается вклад российской науки конституционного права в их доктринальное развитие, роль в этом процессе саратовской научной школы конституционного права, одним из основателей которой был профессор И.Е. Фарбер.

Ключевые слова: человек, права, конституционализм, Фарбер.

V.V. Nevinskii

HUMAN RIGHTS AS A SOCIAL VALUE IN THE CONTEXT OF WORLD HISTORY

Human rights as a special social value have been formed over a period of many centuries. Russian science of Constitutional law made a significant contribution to their doctrine development. Particularly, Saratov scientific school of Constitutional Law with one of its founder Professor I.E. Farber takes the leading role in this process.

Key words: human being, rights, constitutional system, Farber.

Не будет преувеличением признать важную роль российской юридической науки вообще и науки конституционного (государственного) права в частности в общем процессе научного познания социальной природы человека, создания и развития человеком организационно-правовых форм взаимодействия с окружающей средой. При смене государственной идеологии, основ политической и экономической систем стержень преемственности многих базовых теоретических юридических конструкций в этой сфере научных знаний все же сохранялся. Последнее зиждилось на интуитивном понимании хода истории, закономерностей государственно-правового развития общества, на преломлении собственного видения тех или иных социально-правовых явлений через определенный житейский опыт, на восприятии теоретического багажа исследователей предшествующих поколений, научных знаний других правовых культур. Особое значение имеют взгляды исследователей на ключевые проблемы определения места и роли человека в природе, обществе и государстве, которые позволяют чувствовать не только дыхание эпохи исследователя-современника, но и видеть связь времен в их динамике с сохранением преемственности и отрицанием нежизненных теоретических конструкций. Тем более, когда речь идет об исследователях с четко очерченной гражданской и профессиональной позицией.

© Невинский Валерий Валентинович, 2013
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права (Алтайский государственный университет).

К плеяде таких исследователей, безусловно, можно отнести Исаака Ефимовича Фарбера (1913–1987 гг.), видного советского государствоведа, одного из основателей саратовской школы конституционного (государственного) права. Разносторонность, системность и твердость научных знаний позволили ему предвосхитить позитивное отношение российской государственно-правовой науки к отдельным, нередко критически характеризваемым в советский период категориям: к конституционному праву в противовес праву государственному; «общественному договору» как либеральной правовой идеологии; «правам человека» в сопоставлении с правами и свободами личности и т. п.¹

Классовый подход в оценке социально-правового статуса человека, очевидный крен в сторону заданности определенного объема прав и обязанностей человека государством в советской юридической науке не способствовали взвешенному определению социоприродной сущности человека, активной его роли в экономической и политической жизни. Одновременно они разрушали системный взгляд на историю развития социально-правового статуса человека, в т. ч. его прав и свобод. Тем ценнее на этом фоне являются «опередившие время идеи выдающегося отечественного ученого-конституционалиста — профессора Исаака Ефимовича Фарбера»² в области определения конституционно-правовой сущности человека, конституционно-правового регулирования взаимоотношений человека, общества и государства, развития прав и свобод личности в историко-правовой ретроспективе. Идеи эти нашли достойное развитие в научных изысканиях многих учеников И.Е. Фарбера (В.Т. Кабышева, Б.С. Эбзеева и др.), обеспечивающих связь времен в научном поиске, всесторонность и целенаправленность исследований. Обращение в настоящей статье к теме эволюции прав человека как социальной ценности есть лишь незначительный фрагмент общего учения о правах человека, развиваемого под различным углом правового мировоззрения в современном сложноустроенном мире.

Одним из уникальных явлений нашей планеты является человек, высокоорганизованное живое существо, которому присущи телесные формы, более приспособленные для преобразования самого себя и окружающего мира; сознание и самоосознание собственной жизни, собственного «Я» (душа), позволяющие ему целенаправленно, планомерно и творчески (не только на инстинктивном, но и рациональном уровне) осуществлять жизнедеятельность; индивидуальный дух, устанавливающий связь человека с окружающим его материальным миром и мыслительной деятельностью, идеями другого человека, сообщества людей и тем самым способствующий установлению различных форм социализации людей с использованием определенных социальных регуляторов (права, обычаев, традиций, морали, этики, религии, корпоративных норм). Возвышение человека в силу его особых качеств над миром живых существ уже много столетий назад позволило воспринимать его как «меру всех вещей» (древнегреческий мыслитель V в. до н. э. Протагор). Таковым он воспринимается и в наши дни. Правда, усиливающаяся социализация человека притупляет осознание естественно-природной сущности человека как неотъемлемой части живого мира, имеющей для природы «голубой» планеты равную ценность наряду с иными живыми существами. Апогеем такого «притупления сознания» является провозглашение человека господином природы, всего сущего в ней, имеющим абсолютное право на вторжение в закономерный ход развития окружающего мира и соответственно разрушающим его.

Известно, что биосоциальная сущность человека и осознание им собственной роли в окружающем мире покоятся на его материальных и духовных интересах

позитивного либо негативного характера, которые вытекают из соответствующих человеческих потребностей. Интересы человека определяют содержание (вид и меру) возможного его поведения, обусловленного личными качествами, объективными естественно-природными условиями, своеобразием положения его в социуме, вытекающего из интересов других людей, человеческого сообщества в целом. Иначе они проявляются через субъективные права каждого в отдельности человека. Очевидно, в таком качестве субъективные права присущи человеку с эпохи первобытнообщинного общества как результат самоопределения человека в роде, племени. Речь не идет об отчетливо выраженных субъективных правах в силу господства общины (рода) над человеком, ограничения общиной свободы выбора его поведения. К тому же регулировавшие в тот период поведение человека, отношения между членами общины правила невозможно отнести ни к нормам морали, ни к религиозным нормам, ни к нормам права, хотя сплав отдельных ростков этих социальных регуляторов уже формировался, утверждая и консервируя привычки, дозволения и запреты. В поздний период развития первобытного общества (в «протогосударствах») по мере упрочения власти общинной (родовой) верхушки степень свободы последней значительно возрастает в сравнении с рядовыми общинниками. Процесс социализации человека совершенствовался. Однако его нарождавшиеся права еще не стали предтечей универсальных прав человека как самостоятельной социальной ценности.

В эпоху становления и расцвета рабовладельческих государств на Древнем Востоке и в Европе вместе с четким выстраиванием личностных и социальных отношений членов общества происходит и все более отчетливое восприятие человеком окружающего мира и собственной ценности как живого существа с присущими ему потребностями и интересами. Ретроспективный взгляд на эти процессы позволяет обратить внимание на три важных обстоятельства.

Во-первых, формировавшиеся рабовладельческие отношения объективно разделяли членов общества и на Востоке, и на Западе по их «месту в системе производственных отношений» и соответственно по степени устанавливаемых дозволений, долженствований и запретов в семье, общине и обществе. Крайними точками различий выступали, с одной стороны, признание у отдельных членов общества сверхъестественных качеств с неограниченными субъективными правами, а с другой стороны, обезличивание человека с лишением его природных и социальных субъективных прав, приравниванием к животным, приводящим себя в движение парой ног или «говорящему орудию». Подобное различное отношение к человеку и человека к самому себе положило начало жесткой дифференциации субъективных прав и обязанностей человека в последующих общественно-экономических формациях (феодальной, капиталистической, социалистической). Соответственно «формационный» взгляд на развитие субъективных прав (и обязанностей) отдельного человека позволяет увидеть достаточно сложный и противоречивый путь формирования прав человека как универсальной социальной ценности.

Во-вторых, для понимания своеобразия формирования и развития прав человека в рабовладельческую и последующие эпохи важен взгляд на восприятие человеком окружающего мира и самого себя через призму зарождавшихся культур и религиозных культов, т. е. через призму возникающих цивилизаций. В регионах Европы (Древняя Греция, Древний Рим), где родились идеи достоинства человека как основа его прав, демократии и высокой духовной культуры, возобла-

дал «персоноцентристский» подход с его идеологией «от человека к государству». В традиционалистских же обществах (древнеегипетской, древнекитайской, индусской и иной азиатской цивилизации) утвердился «системоцентристский» подход, сущность которого выражалась в абсолютном подчинении человека государству, сообществу единоверцев, т. е. в идеологии «от государства к человеку». Такой цивилизационный срез в характеристике взаимоотношений человека и государства на ранних стадиях государственно-правового развития человечества позволяет лучшим образом понять природу субъективных прав человека в их развитии, своеобразии становления прав человека в различных уголках планеты.

В-третьих, уже в древнюю, рабовладельческую эпоху субъективные права становятся (прежде всего в странах европейской цивилизации) осознаваемой человеком обособленной социальной ценностью, которой придают то сакраментальный характер (божественное, внеземное начало), то естественно-природный (природное начало, отличающее человека от иных живых существ), то государственно-правовой (обусловлены велениями, правовыми предписаниями государства). Каждое из этих начал в определении происхождения, сущности и роли прав человека в той или иной интерпретации прошло через толщу веков до наших дней. При этом особое значение для человечества приобрели представления древних мыслителей о человеке как «мере всей вещей», свободе, равенстве и справедливости, естественных, данных от природы правах человека, достоинстве как внутренне присущем человеку качестве (Аристотель, Демокрит, Сократ, Эпикур; М. Аврелий, Сенека, Цицерон).

В эпоху Средневековья представления о месте и роли человека в окружающем мире, о самоценности человека либо были законсервированы в пределах уже имевшихся воззрений, либо утеряли свой естественно-гуманистический пафос Афино-Римской эпохи. Абсолютизация государственной власти, личное, экономическое и политическое бесправие подавляющей части населения в различных уголках планеты, всемогущество церковных догматов как официальной, государственной идеологии, возвышающей статус правителей в качестве посланников высшего существа (бога) на земле, и принижающей возможности человека, обусловленности его прав сверхъестественным разумом либо правителями, предопределили качество развития и субъективных прав и прав человека вообще. При этом не только в традиционалистском (азиатском) обществе, но и в европейском средневековом (феодалном) обществе приоритет в регулировании поведения человека отдавался его обязанностям и запретам, которые, к тому же, в силу строгого деления населения по сословиям, гильдиям, цехам и прочим разрядам имели различное содержание. Отдельные светские и духовные мыслители Европы (Ф. Аквинский, Ф. де Бомануар, П. де Мираделла, М. Падуанский и другие) развивали идеи естественных прав и достоинства человека («дигнитас») как высшей ценности, данной человеку высшим разумом и выделяющей его из животного мира. В частности, взгляды Ф. Аквинского на божественное наделение человека достоинством и естественное право каждого на достоинство явились «большим вкладом Фомы Аквинского и в целом христианского гуманизма в концепцию неотчуждаемых естественных прав человека»³.

Качественно новый этап в развитии прав человека наблюдается в эпоху Нового времени (XVII–XIX вв.) и приходится на период кризиса феодализма и формирования сначала в Европе, а затем и в Северной Америке капиталистических отношений, для которых характерно признание в государственном устройстве формально-юридической свободы личности, формально-юридического равенства

членов общества, суверенитета народа, разделения государственной власти на три взаимноуравновешиваемые власти, независимости суда. Особое значение в этом перечне имеют элементы, характеризующие взаимоотношения человека и государства. «Свобода», «равенство», «справедливость» чаще всего звучат в трактатах английских, голландских, американских и французских просветителей XVII–XIX вв. (Г. Гроций, Т. Джефферсон, И. Кант, Д. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Б. Спиноза и др.), основанных на вековечных, неотделимых от сущности человека его природных, естественных прав, которые предопределяют исходящие от государства предписания (позитивное право). Именно естественные права человека (и естественное право как совокупность правил поведения людей, олицетворяющих высшую справедливость) обуславливают и право народа в целом на собственное правительство, сопротивление любому угнетению. Тем самым осознаваемые человеком в предшествующие эпохи его субъективные права окончательно превращаются в категорию «универсальных» прав человека как самостоятельной ценности.

Это находит официальное закрепление в исторических политико-правовых актах времен английской, американской и Великой французской революций XVII–XVIII вв. В частности, первая в мире декларация прав человека — Декларация прав Вирджинии (американской колонии Англии) от 12 июня 1776 г. провозгласила, что все люди по природе своей в одинаковой степени свободны и независимы и обладают присущими им правами, от которых они не могут отказаться сами или лишиться таковых свое потомство. Среди таких прав «наслаждение жизнью и свободой посредством приобретения и владения собственностью»; «стремление и обретение счастья и безопасности»; свобода выбора религии и способа ее исповедования; «свобода печати» как «один из оплотов свободы вообще», которая «никогда не может быть ограничена никем, кроме деспотического правительства»⁴.

Принятая тринадцатью годами позже, на первом этапе Великой французской революции, Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. разделяла демократический, ориентированный на возвышение прав человека пафос социальных преобразований новой эпохи. При этом она отчетливо определила обусловленность конституирования, сущность и круг основных прав человека, а также впервые провела отличие прав человека от прав гражданина. В частности, в преамбуле Декларации говорится, что лишь невежество, забвение прав человека и пренебрежение к ним являются единственными причинами общественных бедствий и пороков правительства, они обусловили решение национального собрания «изложить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека». Испытание временем выдержали положения Декларации о том, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» (п. 1); цель каждого государства — «обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека» (п. 2); определение границ пользования естественными правами возможно только законом (п. 4); свобода мыслей и мнений, в т. ч. религиозных, как одно «из драгоценнейших прав человека», которое может быть ограничено лишь в случаях, предусмотренных законом (пп. 10, 11); собственность есть право неприкосновенное и священное (п. 17). К правам гражданина отнесены право граждан «участвовать лично или через своих представителей в выражении общей воли»; на равный доступ «ко всем общественным должностям, местам и службам сообразно их способностям и без каких-либо различий...» (п. 6); право самому непосредственно или через представителей устанавливать «необходимость государственного обложения, свободно давать согласие на его взимание, следить за его расходом и определять его долевым размером...» (п. 14)⁵.

Вышеупомянутые и некоторые другие положения французской Декларации нашли непосредственное заимствование в учредительных политико-правовых актах многих стран мира, а с середины XX в. — и в международно-правовых актах. Что же касается Франции, то действующая сегодня Конституция Пятой республики 1958 г. включает Декларацию в качестве ее составной части.

К основным результатам этого этапа в развитии прав человека следует отнести глубокую системную проработку философской и политико-правовой мыслью христианского мира генезиса, природы, содержания и значения для дальнейших судеб человечества самоценности человека и его прав; закрепление в основных законах развитых на тот период стран определенного перечня личных (гражданских) и политических прав человека с целью обезопасить человеческое общество от произвола отдельных лиц, отдельных групп общества, государства; открытие простора для капиталистического способа производства и посредством него усиление взаимопроникновения политики, экономики и культуры различных народов мира, цивилизаций.

Коренные изменения политических, социально-экономических и духовных отношений в европейских и воспринявших их культуру странах XVII–XIX вв. сопровождались, с одной стороны, демократизацией общества и государства, формированием идеологии правовой государственности и культивированием в общественном сознании неотчуждаемых естественных прав человека как цели государства, а с другой стороны, усилением роли государства в формировании обновляемого правопорядка, упорядочением развиваемого индивидуализма предписаниями, законами государства (позитивным правом). В этих условиях с середины XIX в. естественное право как регулятор общественных отношений было потеснено позитивным правом, что нашло, в частности, отражение в нормативистской доктрине права на рубеже XIX–XX вв., а затем в социологическом направлении в праве (доктрины «солидаризма» и «институционализма») 20–40-х гг. XX в. В государственно-правовой практике свертывание или отказ от признания приоритета прав человека нашло отражение в установлении в первой половине XX в. (новейшее время) авторитарных и тоталитарных политических режимов в некоторых крупных государствах мира (Германия, Италия, Советская Россия (СССР), Япония и др.), сущность которых выражалась в тезисе «один вождь — одна партия — один народ» и своеобразной «системоцентристской» модели взаимоотношений государства и человека («от государства к человеку»).

В жестком противоборстве стран «старой демократии» в сотрудничестве с Союзом ССР, в котором зарождались признаки тоталитаризма, со странами с фашистским тоталитарным режимом в середине XX в. вновь, как и 150 лет назад, человечество возвратилось к признанию естественных прав человека (уже без внеземного, божественного налета) как всепланетарной ценности человеческого рода. В Уставе Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г., принятом странами-участниками антигитлеровской коалиции перед окончанием Второй мировой войны, отмечалось: «Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций...». В развитие положений Устава ООН 1945 г. Генеральная Ассамблея ООН в течение последующих более чем 20 лет приняла Международный билль о правах человека (Всеобщую Декларацию прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических,

социальных и культурных правах 1966 г. и Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г.), который указал на безусловную ценность человека в окружающем мире, значимость, сущность, перечень и содержание основных прав человека.

Особое значение имеет нацеленность Билля о правах человека на всеобщее (всем человечеством) признание неотъемлемых прав человека, уважение и соблюдение их каждым человеком, обществом и государством. В преамбуле Всеобщей декларации прав человека провозглашается: «Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира... всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения обязательства государств-членов ООН содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод, Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства».

На протяжении всей послевоенной истории приняты десятки международно-правовых актов, подтверждающих и развивающих положения этого «катехизиса» прав человека. Большинство государств мира (их более 200) восприняли идеологию прав человека, что находит закрепление в декларациях, конституциях и иных учредительных актах этих стран.

Что нового утвердилось в вопросе о правах человека? Какие проблемы стоят перед ними? К новеллам в области прав человека можно отнести следующее.

Первое. Права человека признаются мировым сообществом как «одна из высших ценностей человеческой цивилизации, охватывающая самые различные аспекты индивидуального общественного бытия...»⁶.

Второе. Каталог и содержание прав человека находятся в постоянном развитии, включая права «первого поколения» (конститулируемые с XVII–XIX вв. личные и политические права и свободы); права «второго поколения» (конститулируемые с конца XIX в. социально-экономические права и свободы); права «третьего поколения» (конститулируемые со второй половины XX в. «коллективные» права, осуществляемые объединением людей, например, право на информацию, здоровую окружающую среду, мир и т. п.).

Третье. Подвижность в соотношении прав человека и прав гражданина. Права человека, т. е. права, принадлежащие каждому, постепенно прирастают правами собственно гражданина (например, право участвовать в выборах и право на занятие государственной либо муниципальной должности зачастую провозглашаются международно-правовыми и национальными правовыми актами как право каждого, а не только гражданина соответствующего государства).

Четвертое. Признание установленных международно-правовыми и национальными учредительными актами прав человека в качестве «основных прав» или «основных прав человека» (категория «основные» или «фундаментальные» права человека употреблялась в юридической науке и конституционном законодательстве отдельных стран с середины XIX в., но вне контекста с международно-правовыми актами).

Пятое. Провозглашение связанности законодательной, исполнительной и судебной властей государства основными правами как непосредственно действующим правом. Впервые такая связанность была закреплена формально-юридически Основным Законом ФРГ 1949 г. (абз. 2 ст. 2). В Конституции РФ 1993 г. она также нашла закрепление, но несколько в иной интерпретации: права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение

законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18). Не ставя задачу выяснения, насколько удачно последнее положение, следует все же отметить, что судебная власть как бы выпадает из триады государственных властей, деятельность которых должна быть ориентирована на реализацию основных прав.

Шестое. Создание специальных механизмов международно-правовой защиты прав человека, к которым, в частности, можно отнести Комитет по правам человека ООН, Европейский суд по правам человека Совета Европы (Страсбург), иные надрегиональные институты защиты прав человека.

Седьмое. Становление самостоятельного научного направления — теории прав человека, изучающей сущность, генезис, историческое развитие, систему, содержание, гарантии реализации и значение прав человека как социальной ценности.

На фоне упомянутых новелл в сфере развития прав человека возникают и новые проблемы, требующие своего решения: 1) права человека — всеобъемлющее общественное явление. Как вид и мера возможного поведения человека они могут развиваться в разных направлениях, что требует от самого человека, общества и государства определенной соразмерности их отношений; 2) реализация основных прав человека требует все возрастающего потенциала общества и государства при соблюдении руководящих ориентиров — обеспечение достоинства человека и социальное, политическое соучастие человека, общества и государства; 3) необходимость тесной увязанности формально конституированных прав человека с формированием и развитием демократической, правовой и социальной государственности; 4) минимизация социальных, этнических, религиозных, половых и иных дискриминационных различий между членами общества в границах одного государства, объединения государства, человечества в целом; 5) разновременное и отличающееся по содержанию восприятие прав человека правовой идеологией различных государств сдерживает продвижение прав человека у отдельных народов (например, стран Юго-Восточной Азии, в т. ч. Китая и Индии, а также мусульманского мира); 6) в условиях нарастающей глобализации, взаимного проникновения политики, экономики, культур разных народов и государств, сохраняющих различия цивилизационного характера, христианская модель прав человека наталкивается на неприятие со стороны иных культур.

Задача народов, правящих сил государств и международных сообществ — не допустить «крестовые походы» друг против друга различающихся еще пока цивилизационных пластов человечества, акцентировать внимание на общей природе человека, единстве глобальных целей человечества — сохранении нашей «голубой планеты» и человеческого рода.

¹ См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967; Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979; Фарбер И.Е. Свобода и права человека в советском государстве. Саратов, 1974; *Он же*. Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе // Правоведение. 1967. № 1; Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2008. Вып. 9.

² Бондарь Н.С. Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения (в контексте творческого наследия профессора И.Е. Фарбера) // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 58.

³ Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1999. С. 60.

⁴ История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов / под общ. ред. Н.А. Крашенинниковой и О.А. Жидкова. Ч. 2. М., 1998. С. 29–30.

⁵ См.: Конституция стран Европы: в 3 т. / под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 433–434.

⁶ Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. С. 1.

Д.С. Велиева

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СУБЪЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

В статье обосновывается необходимость выделения коллективных прав наряду с индивидуальными правами человека. Анализируется специфика субъектного состава таких прав и особенность правоупотребления.

Ключевые слова: индивидуальные и коллективные права, третье поколение прав человека, система коллективных прав, конституционная правосубъектность народа.

D.S. Veliyeva

COLLECTIVE SUBJECTS OF CONSTITUTIONAL LAWS

Need of allocation of the collective rights locates in article along with individual human rights. The author analyzes specifics of subject structure of such rights and feature of right using.

Keywords: individual and collective rights, third generation of human rights, system of the collective rights, constitutional right subjectivity of the people.

Конституция РФ в заголовке второй главы и тексте наряду с термином «гражданин» употребляет термин «человек», чего прежде не было в советских Конституциях. Следует, однако, отметить, что права человека имеют своим адресатом не только отдельных лиц, но и целые общности (например, детей, женщин, национальных меньшинств, социальные группы, народы, народности).

В научной литературе выделяется классификация прав и свобод человека и гражданина по субъекту осуществления прав. По этому критерию принято разграничивать индивидуальные и коллективные права, включая права народов. Существует мнение об особом статусе прав народов¹.

После Второй мировой войны стало формироваться третье поколение прав человека². Идею коллективности прав третьего поколения подтверждает и Л.И. Глухарева, по мнению которой к правам третьего поколения как коллективным правам относят права, «принадлежащие и реализуемые совместными действиями людей определенной общности»³. Особенность этих прав состоит в том, что они являются коллективными правами и могут осуществляться не только (а может быть, и не столько) отдельным человеком, но и коллективами, общностями, государствами. Разумеется, отдельный человек принимает участие в реализации таких прав, но это участие связано не с его личным статусом, а с его положением как члена коллектива, общности, государственно-организованного общества.

В литературе встречается и противоположная точка зрения. Так, Н.В. Варламова утверждает, что «в качестве прав третьего поколения целесообразно рассматривать права, которые в силу своей природы в принципе не могут быть реализованы непосредственно одним лицом». Они принадлежат не отдельным людям, а их устойчивым естественно-исторически сложившимся сообществам и реализуемы этими сообществами в целом⁴.

С такой позицией вряд ли можно согласиться. Между индивидуальными и коллективными правами существует взаимозависимость. В ее основе должен

© Велиева Джамиля Сейфадиновна, 2013

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

лежать принцип, согласно которому осуществление коллективных прав должно в максимальной степени удовлетворять индивидуальные интересы личности.

Коллективные права — это права, реализуемые множеством субъектов, т. е. права народа, нации, общности, ассоциации. Например, право на забастовку, право проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и др. Права этой группы принято считать коллективными, или солидаристскими. Некоторые авторы подчеркивают тем самым беспомощность как индивидов, так и отдельных государств в определенных критических ситуациях и неэффективность их действий в одиночку. В этой связи высказывается идея, что указанные права не могут осуществляться отдельным индивидом. Он может принять участие в их реализации лишь на положении члена коллектива (т. е. здесь не будет учитываться личный статус индивида). К примеру, отдельно взятый представитель коренного малочисленного народа не может индивидуально использовать право на самоопределение. Но в то же время он пользуется определенными льготами, установленными государством, в соответствии с правом на самоопределение совместно с другими представителями своего народа⁵.

На наш взгляд, в данном случае уместно говорить о двойственном характере коллективных прав. Об этом пишет и Ю.А. Занкина, по мнению которой названные права могут считаться как индивидуальными, так и коллективными, поскольку от их реализации выгадывает в конечном итоге индивид. Более того, мы можем и должны говорить о праве индивида, к примеру, на здоровую и сбалансированную окружающую среду, о праве на гуманитарную помощь и т. д.⁶ Среди коллективных субъектов выделяются этнические, языковые и религиозные меньшинства и народы. При этом меньшинства и народы считаются одновременно и коллективным, и индивидуальным субъектом в зависимости от содержания признаваемых прав человека. Если речь идет о правах, которые гарантированы им как сообществу в целом, к примеру право на самоопределение, то меньшинства и народы выступают коллективным субъектом. Если же речь идет о наделении представителей этих меньшинств и народов правами, равными с представителями других сообществ и населения в целом, то представители меньшинств выступают индивидуальными субъектами прав человека⁷.

Однако не все ученые солидарны в определении системы коллективных прав. Так, по мнению Н.В. Варламовой, коллективные права (включая право на мир) представляют собой нравственные и политические ориентиры, которых следует придерживаться мировому сообществу, и не поддаются юридизации, т. е. не могут быть интерпретированы как права ни человека, ни народов (этносов, наций)⁸.

Необходимо сказать, что в науке конституционного права положение о правосубъектности народа следует признать вполне устоявшимся и традиционным. Большинство исследователей склонны положительно решить вопрос о конституционной правосубъектности народа, выделяя ее как особые субъекты права⁹. Однако, по мнению ряда авторов, народ, нации, социальные группы выступают как субъекты не права, а политики, являясь источником и носителем политической власти¹⁰. Другие ученые признавали народ субъектом преюдициальных правоотношений¹¹. То, что условно может быть названо преюдициальными правоотношениями, представляет собой явления доюридического характера, принадлежащие к области непосредственно-социальных прав. Такая позиция обосновывалась тем, что главные социальные общности людей (народ, нация, человечество в целом) выступают в качестве решающих институтов политиче-

ской жизни, выражающих ее глубинные связи. При этом они не обладают и не могут обладать свойствами внешне обособленного, институционального, формально персонифицированного порядка, которые позволили бы им быть субъектами правовых отношений. Социальные общности выступают в сфере правовых отношений не непосредственно, а опосредствованно — через персонифицированные социальные образования (государство, избирательный округ и др.) и разнообразные организации, в т. ч. партии, профессиональные союзы, кооперативы и т. д.¹²

Аналогичную позицию высказывают и современные авторы. Так, Е.В. Колесников обосновывает это тем, что ч. 2 ст. 3 Конституции РФ называет формы участия народов в осуществлении власти (референдум и выборы), а в них участвуют только избирательный корпус, то соответственно «данную социальную общность юридизировать не следует»¹³.

Считаем данную позицию не совсем верной. Нельзя возможности народа сводить только к участию в избирательном процессе, к способности выступать субъектами конкретных конституционных отношений. Народ может и выступает носителем коллективных прав (на мир, на благоприятную окружающую среду), и в этом случае речь идет не столько о правоупотреблении, сколько о правообладании.

Как справедливо отмечает В.И. Крусс, по объему (содержанию) «правоупотребление» не всегда равнозначно «правообладанию»¹⁴. В качестве аргумента он приводит мнение М.И. Васильевой, согласно которому право на благоприятную окружающую среду, взятое как «право-употребление» (пассивное пользование социальным благом — состоянием факторов окружающей среды), не требует для своей реализации наличия специальных условий, относящихся к субъекту, не предполагает наличия у него особых юридических качеств или специальной правовой формы¹⁵.

Обратим внимание, что В.И. Крусс суть конституционного правоупотребления видит в пользовании «...каждым человеком основными правами и свободами для целей обретения и усвоения тех конституционных благ, которые он сам полагает для себя необходимыми»¹⁶.

Коллективные субъекты конституционных прав можно подразделить на формализованные в юридическом смысле, т. е. выступающие в виде одной из организационно-правовых форм, предусмотренных действующим законодательством, и неформализованные. К первым можно отнести различного рода общественные организации и объединения, которые приобретают свою правосубъектность путем государственной регистрации либо совершения иных юридически значимых действий. Неформализованные коллективные субъекты права представляют собой естественно сложившиеся общности людей, не обладающие официально закрепленным статусом. К таковым следует отнести народы, нации, меньшинства и т. п. Как правило, данные коллективные субъекты осуществляют свои правомочия, вытекающие из предоставленных им прав посредством образования формализованного субъекта, который представляет их интересы. Однако в качестве правообладателя выступают непосредственно указанные выше неформализованные субъекты.

¹ См.: Бахин С.В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // Правоведение. 1991. № 2. С. 44–45.

² См.: Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 30.

³ Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М., 2003. С. 55.

⁴ Варламова Н.В. Третье поколение прав человека как форма юридикации отношений между социальными общностями // История государства и права. 2009. № 14. С. 46–48; № 15. С. 44–47; № 16. С. 41–45.

⁵ См.: Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права и свободы человека. Трактовка свободы как важнейшего принципа права // Адвокат. 2006. № 7. С. 76–88.

⁶ См.: Занкина Ю.А. Понятие и сущность прав человека // Адвокатская практика. 2005. № 1. С. 23–25.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Варламова Н.В. Третье поколение прав человека как форма юридикации отношений между социальными общностями // История государства и права. 2009. № 14. С. 46–48; № 15. С. 44–47; № 16. С. 41–45.

⁹ Подробнее об этом см.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 149; Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 317–329; Бурцев А.А. Система субъектов конституционно-правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 17; Матейкович М.С., Воронин В.В. Народ, гражданское общество, общественность как субъекты конституционно-правовых отношений // Право и политика. 2007. № 10. С. 85–92; Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008.

¹⁰ См.: Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. М., 1965. С. 38–39.

¹¹ См.: Губенко Р.Г. Советский народ субъект конституционных правоотношений // Советское государство и право. 1980. № 10. С. 114–115.

¹² См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. Вып. 1. С. 60; Кабышев В.Т., Миронов О.О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 40–41.

¹³ Конституционное право России: учебник / под ред. Г.Н. Комковой. М., 2005. С. 21.

¹⁴ См.: Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М., 2007. С. 63.

¹⁵ См.: Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. М., 2003. С. 107.

¹⁶ См.: Крусс В.И. Указ. соч. С. 21.

Б.Т. Разгильдиев

КОНСТИТУЦИОННОЕ РАВЕНСТВО И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Стержнем работы выступает равенство прав и свобод человека и гражданина. Посредством сравнительно-правового метода демонстрируется актуальность конституционного равенства и его органическая связь с равенством права уголовного. Доказывается, что в главном равенство уголовно-правовое должно выстраиваться в рамках равенства конституционного и что равенство, представленное в УК РФ, не обеспечивает эти рамки. Предлагается проект, устраняющий это несоответствие.

Ключевые слова: равенство конституционное, равенство уголовно-правовое.

B.T. Razgildiev

THE CONSTITUTIONAL EQUALITY AND ITS REFLECTION IN CRIMINAL LAW OF RUSSIA

The main object of this article is the citizen's equality of rights and freedoms. The actuality is demonstrated through the constitutional equality and its connection with the equality of criminal law. It is proved that main equality must be constructed in the frames of the constitutional equality, represent in the Criminal Code of RF, which usually doesn't provide these frames. There is a project eliminated this the discrepancy.

Keywords: constitutional equality, criminal law equality.

Исаак Ефимович Фарбер был любим студентами института за простоту и педагогичность, лаконичность и логичность, афористичность и глубину мысли, интеллигентность и элегантность в поведении, общении. Конечно, будучи студентом, я лишь догадывался о научном и социальном значении многих его работ. Реальное понимание пришло гораздо позже, когда я стал формироваться как исследователь.

© Разгильдиев Бяшир Тагирович, 2013

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия).

И сейчас я продолжаю удивляться целому ряду позиций И.Е. Фарбера, особенно в части прав человека и гражданина. В 60–70-е гг. прошлого века им представлены соображения, которые актуальны и в наши дни. Я имею в виду его суждения о субъективном праве и его обеспечении государством¹, воздействию права на поведения людей², социальное распределение благ³. Эти и другие позиции ученого важны сами по себе. Кроме того, они стимулируют новые научные мысли и не только в части конституционного, но и других отраслей права. Именно эти идеи и положены мною в исследование конституционных и уголовно-правовых проблем равенства.

Равенство граждан перед законом основывается на том, что человек по своей природе (происхождению, биологическому содержанию, назначению) един. Он отличается от других существ отдельными свойствами интеллекта, физическими, психологическими, социальными характеристиками. Оба заявленных аспекта объективны и являются сторонами единой природы человека, которая, будучи двуединой, чрезвычайно уязвима. Особенно это характерно для аспекта неравенства. Вот почему чрезвычайно важно государству и обществу иметь правовые средства, позволяющие оберегать природу человека. Таким средством выступает Конституция России, признающая одним из прав человека и гражданина равенство перед законом. Статья 19 Конституции России гласит: «1. Все равны перед законом и судом. 2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. 3. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Из текста видно, что равенство рассматривается на четырех, надо полагать, равнозначных уровнях. Рассмотрим, каждый из представленных уровней. Первый — равенство всех перед законом и судом. Заметим, что Конституция говорит о законе вообще, не выделяя закон регулятивный или охранительный. Основой закона выступает норма, структурированная на гипотезу, диспозицию, санкцию. Равенство предполагает не какую-либо часть нормы, а закон в целом. Второй — государственные гарантии равенства прав. Можно предположить, что одной из основных гарантий является указанный в статье запрет любых форм ограничений прав граждан по социальным, расовым, национальным, языковым или религиозным признакам. Третий — мужчина и женщина имеют равные права и свободы, а также равные возможности по их реализации. Таким образом, Конституция регламентирует как равенство прав и свобод мужчин и женщин, так и равенство в их реализации. Последнее равенство принципиально важно, поскольку процесс реализации прав и свобод не всегда прост. Он чаще всего осложняется способами, которые непосредственно не ограничивают сами права и свободы, однако именно они нередко по существу их ограничивают. В этой связи было бы правильным распространить «равные возможности для реализации прав и свобод» на все положения ст. 19 Конституции России.

И последнее. Действие рассматриваемой статьи распространяется на всех без исключений физических лиц.

Равенство, регламентированное Конституцией России, так или иначе, находит отражение во всех отраслях права. Вместе с тем нельзя не учитывать, что каждая отрасль права имеет свой предмет и метод, которые придают отрасли самостоя-

тельность⁴, а она предполагает формальную и содержательную специфику равенства. При этом необходимо иметь в виду, что особенность отраслевого равенства в главном, сущностном не должна противоречить равенству конституционному. Проследим правильность высказанного тезиса на уголовном законодательстве. Прежде всего (и на это следует обратить внимание) равенство в уголовном законодательстве представлено одним из принципов в виде уголовно-правового положения (ст. 4 «Принцип равенства граждан перед законом» УК РФ). Тем самым подчеркивается его фундаментальность. Возникает вопрос: насколько конституционное равенство отражено в уголовно-правовом принципе равенства (далее — принцип, если не оговорено иное. — *Б.Р.*)? Полагаю, что соотносить принцип следует с ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции России, в которой констатируется: ВСЕ равны перед законом и СУДОМ (выделено мною. — *Б.Р.*), что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина. В уголовном законодательстве равенство ограничивается только законом (равенство перед судом отсутствует) и только в отношении лиц, совершивших преступления (что делать с лицами, совершившими общественно опасные деяния, не образующие преступлений?), только в части уголовной ответственности (как быть с иными мерами уголовно-правового характера, освобождением от ответственности, наказания, отсрочкой исполнения наказания?).

Представленная конструкция принципа в теории уголовного права по разным основаниям подвергнута серьезной критике⁵. На самом деле, его объем не соответствует конституционному равенству, в котором констатируется равенство всех перед законом, в связи с чем вызывает сомнение возможность действительного обеспечения равенства в уголовном праве. Эти сомнения основываются на четырех обстоятельствах. Первое — почему лица, в т. ч., совершившие преступления, равны только перед законом? Уголовный закон в значительной степени реализуется судом. Суд — единственный орган, обладающий функцией признания деяния преступлением, а лицо, его совершившее, преступником. Он не только решает вопросы привлечения к уголовной ответственности, иным мерам уголовно-правового характера, но и нередко освобождения от нее и всегда решает вопросы освобождения от наказания, отсрочки исполнения наказания, в связи с чем исключительно важно равенство лиц не только перед законом, но и перед судом. Второе — заключается в том, что принцип не выделяет в качестве самостоятельного аспекта равную уголовно-правовую охрану человека и гражданина независимо от любых обстоятельств, в т. ч. и тех, о которых говорится в статье о равенстве.

Действующее уголовное законодательство имеет нормы, нарушающие конституционное равенство граждан перед уголовным законом, в части уголовно-правовой охраны жизни. Так, ряд категорий граждан — государственные и общественные деятели, судьи, присяжные заседатели, иные лица, осуществляющие отправление правосудия, прокурор, следователь, дознаватель, защитник, эксперт, специалист, судебный пристав, судебный исполнитель, их близкие, сотрудник правоохранительного органа, военнослужащий, их близкие — охраняются от преступных посягательств более основательно. Социальный статус, перечисленных субъектов, усиливает их уголовно-правовую охрану, что нарушает, как представляется, ч. 1 ст. 19 Конституции России. Подтверждением этого выступает тот факт, что охрана названных лиц осуществляется нормами, носящими усеченный характер, да и их санкции более суровы. В науке уголовного права уже высказывались мнения о необходимости включения этих составов в п. «б» ч. 2 ст. 105 «Убийство» УК

РФ⁶. Третье обстоятельство выражается в том, что уголовный закон возлагает на правоисполнителей⁷ не только обязанности, но и права, в связи с чем равенство лиц в правах, предоставляемых УК РФ, должно обеспечиваться не в меньшей мере, нежели равенство уголовно-правовых обязанностей⁸. Например, положения, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности в связи с посткриминальным позитивным поведением⁹, наделяют органы, решающие вопросы освобождения, не обязанностями, а правами. Освобождение от ответственности, осуществляемое на основании реализации правоприменителями своих прав, не гарантирует обеспечение равенства, поскольку напрямую зависит не от «воли» закона, а от воли исполнителя. В этом же ряду находятся вопросы освобождения (полного или частичного) от наказания, отсрочка исполнения приговора.

И, наконец четвертое обстоятельство, не позволяющее реализовывать принцип, выражается в том, что закон связывает его лишь с лицами, совершившими преступления. А как быть с теми, которые были оправданы, реализовали свое право на деяния, исключаяющие их преступность, совершили общественно опасные деяния, не образующие преступлений? Кроме того, акцентирование внимания на лицах, совершивших преступления, ставит под сомнение конституционную презумпцию невиновности. Статья 49 Конституции России гласит: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором». Исходя из презумпции видно, что к лицам, совершившим преступления относятся только те, в отношении которых вступил в законную силу обвинительный приговор суда. Таким образом, если трактовать принцип равенства с позиции презумпции невиновности, то очевиден вывод: он не может быть реализован в рамках уголовно-правовых отношений, поскольку вступает в действие, когда лицо уже привлечено к уголовной ответственности. И в этом плане можно говорить о равенстве не перед уголовным законом, а о равенстве перед законом уголовно-исполнительным.

Пятое обстоятельство основано на том, что законодатель связывает принцип с лицами, подлежащими уголовной ответственности. Предполагается, что все лица, подлежащие уголовной ответственности, равны. На самом деле это не так. Ряд категорий не подлежит ответственности за совершенные деяния (невменяемые, не достигшие возраста уголовной ответственности, лица, наделенные дипломатическим иммунитетом), подлежащие ответственности, но в особом порядке (депутаты, члены Совета Федерации, судьи, аудиторы, следователи, прокуроры)¹⁰. Кроме того, немало лиц, совершивших преступления, освобождаются от уголовной ответственности в соответствии со своим посткриминальным позитивным поведением. Как видим, оба аспекта противоречат принципу. В теории высказаны суждения, как бы обосновывающие фактическое положение дел. Например, Т.В. Кленова отмечает, что «принцип равенства граждан перед законом не абсолютен»¹¹, из чего можно предположить, что он относителен. Допустим, это так, но, что из этого следует? Что в части относительности он является фикцией?

К сожалению, в реальной действительности уголовное законодательство не лишено отдельных фикций¹². Для законодательства это, мягко говоря, нежелательно. Совершенно неприемлема фикция к принципам вообще и принципу равенства в частности. Полагаем, что принцип всегда абсолютен, в т. ч. и потому, что это принцип. Его значение — абсолютизировать ту идею, носителем которой он является.

Изложенное показывает, что устанавливать равенство следует по уголовно-правовым параметрам, которые, во-первых, отражают сущностные стороны уголовного права; во-вторых, либо объективно-субъективно, либо объективно являются обязательными для всех лиц. С учетом сказанного анализируемый принцип, на мой взгляд, должен основываться на равной уголовно-правовой охране человека, его прав и свобод, уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения общественно опасного деяния под угрозой уголовно-правового воздействия, равных уголовно-правовых возможностях освобождения от уголовно-правового воздействия. Названные аспекты принципа должны распространяться на всех физических лиц. Все они в равной мере подлежат уголовно-правовой охране от общественно опасных посягательств и обязаны воздерживаться от совершения общественно опасных деяний. Не являются исключением и лица, наделенные соответствующими иммунитетами. И тот факт, что они не несут уголовной ответственности либо она осложнена дополнительными процедурными моментами, по существу ничего не меняет, поскольку юридически они все-таки обязаны воздерживаться от совершения деяния. Ответственность, хотя и не всегда уголовную, они несут и она напрямую связана с нарушенной обязанностью по воздержанию от совершения деяния.

Рассматриваемая обязанность мною связывается не с преступлением, а с одним из его сущностных признаков — общественной опасностью. Делается это для того, чтобы исключить противоречие с презумпцией невиновности. Еще один признак, включаемый в принцип, — это угроза уголовно-правового воздействия. Она, так же как и обязанность по воздержанию от совершения общественно опасного деяния, является либо объективно-субъективной, либо объективной. Последнее имеет место в отношении невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Кроме того, я не акцентирую внимание на уголовной ответственности, а использую категорию «уголовно-правовое воздействие». Она включает в себя уголовную ответственность, связанную или не связанную с наказанием, иные меры уголовно-правового характера, охватывающие принудительные меры медицинского характера¹³, освобождение от уголовной ответственности.

Сказанное о содержании принципа дает основание для вывода, что его законодательный вариант нуждается в изменении. Уголовно-правовая доктрина предлагает варианты равенства, которые существенно изменяет позицию закона¹⁴. Некоторые из них вполне приемлемы, но не в полном объеме. На мой взгляд, исследуемый принцип можно было бы представить в виде проекта ст.4 УК РФ.

Статья 4. Принцип равенства¹⁵.

Любой человек, его права и свободы подлежат равной уголовно-правовой охране законом и судом.

Все люди обязаны воздерживаться от совершения предусмотренных уголовным законодательством России общественно опасных деяний, а в случаях их совершения нести уголовную ответственность, иные меры уголовно-правового характера, а равно освобождаться от уголовной ответственности, иных мер уголовно-правового характера, полностью или частично освобождаться от исполнения назначенного судом наказания, исходя из единых оснований, предусмотренных уголовным законодательством России.

Данная идея будет способствовать более полному обеспечению прав личности.

¹ См.: Фарбер И.Е. Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе // Правоведение. 1967. № 1. С. 42.

² См.: Фарбер И.Е. К вопросу об объективном праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 104.

³ См.: Там же. С. 105.

⁴ См.: *Братусь С.Н.* Отрасль советского права: понятие, предмет, метод // Советское государство и право. 1979. № 11. С. 26; *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 285. и др.

⁵ См.: *Бойко А.И.* Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Бойко. Ростов н/Д, 1996. С. 36–37; *Мальцев В.В.* Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. С. 150 и др.

⁶ См.: *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовая охрана жизни человека и ее оптимизация // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация: научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора А.Н. Красикова. Саратов, 2003. С. 7–8.

⁷ Правоисполнители — это лица, обязанные воздерживаться от совершения преступлений под угрозой уголовного наказания. Подробнее об этом см.: *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 71–110.

⁸ В теории уголовного права высказывается необходимость распространения принципа равенства и на потерпевших, лиц, применяющих закон, обязанных выполнять его предписания, освобождение от уголовной ответственности. См.: Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. Т. 1, кн. 1 / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. С. 166–167, 173 (автор главы — Н.А. Лопашенко).

⁹ Подробно о посткриминальном позитивном поведении см.: *Сабитов Р.А.* Уголовно-правовое регулирование посткриминального поведения. Челябинск, 2011. С. 13–38.

¹⁰ По мнению А.Н. Игнатова, наличие иммунитетов у некоторых категорий граждан не соответствует принципу равенства и его следует распространять его только на служебную деятельность депутатов, судей (см.: Уголовное право России: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 1999. С. 11). Но, ведь и в этом случае они не подпадают под рассматриваемый принцип, что едва ли правильно. Прав в этой связи И.Э. Звечаровский, утверждая, что «такое положение дел противоречит принципу равенства» (*Звечаровский И.Э.* Современное уголовное право России. СПб., 2001. С. 53).

¹¹ *Кленова Т.В.* Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 1. С. 56.

¹² Подробнее о фикциях в уголовном праве см.: *Панько К.К.* Теория и практика законотворчества в уголовном праве. М., 2011. С. 202–221.

¹³ См.: *Гареев М.Ф.* Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 173–180.

¹⁴ См.: *Мальцев В.В.* Указ. соч. С. 161.

¹⁵ Я разделяю позицию Е.Е. Чередниченко, ограничивающей наименование уголовно-правового принципа словами «принцип равенства» (*Чередниченко Е.Е.* Принципы уголовного законодательства. М., 2007. С. 112).

В.М. Корнуков

ПРАВОСОЗНАНИЕ И СОВЕСТЬ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ И КОНКУРИРУЮЩИЕ КАТЕГОРИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье исследуются вопросы правосознания, совести, соотношения этих категорий и их использования в законодательной регламентации уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: правосознание, совесть, оценка доказательств.

V.M. Kornukov

SENSE OF JUSTICE AND CONSCIENCE AS INTERRELATED AND COMPETING CATEGORIES IN THE THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS

The article deals with the issues of sense of justice, conscience, balance of categories and the usage in the legislative regulation of criminal procedure activities.

Keywords: sense of justice, conscience, evaluation of evidence.

© Корнуков Владимир Михайлович, 2013

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Тольяттинский государственный университет).

Вспоминать таких людей, как Исаак Ефимович Фарбер, приятно, писать о них нелегко, потому что они многомерны и многогранны. Я помню Исаака Ефимовича прежде всего как великолепного, неподражаемого лектора. Он читал нам, студентам, лекции по общей теории права, с помощью которых мы не только осваивали курс, но и успешно сдавали экзамен. Исаак Ефимович всегда и во всем был убедителен, с ним трудно было спорить. Однажды, будучи аспирантом кафедры уголовного процесса и подготовив с А.П. Горшеневым, который был аспирантом И.Е. Фарбера, статью на тему неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, я пытался доказать Исааку Ефимовичу свое право на первоочередное указание моей фамилии в заголовке. Это право по содержанию статьи и ее исполнению принадлежало мне объективно, что было известно И.Е. Фарберу, а тем более А.П. Горшеневу. Однако, мотивируя принятой алфавитной последовательностью обозначения авторства коллективной работы, И.Е. Фарбер, не принимая никаких возражений, распорядился указать первой фамилию своего ученика. Так я оказался вторым «загребным» в этой работе, которая мне была крайне нужна в связи с предстоящей защитой кандидатской диссертации. Кстати, указанная статья, по некоторым сведениям, «засветилась» даже в Финляндии.

Прекрасный полемист, И.Е. Фарбер с уважением относился к мнению своих оппонентов, терпеливо и настойчиво разъяснял превосходство своей позиции и прививал это качество своим ученикам. Чтобы убедиться в этом, достаточно поспорить с его любимым учеником профессором В.Т. Кабышевым. Владимир Терентьевич никогда не закончит разговор, пока не выскажет все свои доводы, соображения и даже подозрения.

Не могу не упомянуть о еще одной стороне педагогической деятельности Исаака Ефимовича. Он не только мог, но и искренне любил учить, и не только студентов, но и их учителей. Этот аспект педагогического мастерства И.Е. Фарбера особенно ярко проявился, когда он руководил семинаром «Педагогические чтения», каждое заседание которого проходило, как праздник. Аудитория была забита, в ней устанавливался стенд с соответствующей литературой. Каждый аспирант, преподаватель и профессор считали необходимым попасть на это мероприятие, потому что всегда узнавали нечто новое, интересное, полезное для работы. И все это в первую очередь нес И.Е. Фарбер — талантливый поборник искусства педагогического мастерства.

Не менее велик и известен И.Е. Фарбер как ученый. Его многочисленные работы положили начало Саратовской школы государственного (конституционного) права, способствовали решению многих проблемных вопросов общей теории государства и права. Одним из них был вопрос о правосознании, его сущности, структуре, видах и формах проявления. В результате глубокого исследования данной категории на основе широкого использования философских достижений И.Е. Фарбер дал определение правосознания, которое было отмечено и получило признание в советской юридической науке. А.В. Мицкевич в рецензии на его широко известную книгу «Правосознание как форма общественного сознания» отмечал, что данное И.Е. Фарбером определение правосознания является «шагом вперед в научном понимании правосознания»¹. Пять признаков, выделенных в этом определении сущности правосознания, расширение отражаемого им юридического бытия за счет включения в него

норм права, правоотношений, законности, суда и правосудия позволили автору вычленил свой особый предмет правосознания. Вряд ли обоснованной была критика данного положения автора на том основании, что, следуя ему, нужно, но нельзя отыскать особый предмет философии или искусства. Отношения в области эстетики, культуры, различного рода знаний, в т. ч. философского характера, трудноуловимы, но они существуют в реальной действительности. Общественное сознание охватывает и отражает их с той или иной долей специфики. Правосознание в этом отношении более выразительно и специфично с точки зрения своей структуры и отражаемых им элементов общественного бытия. Оно, как верно заметил И.Е. Фарбер, в определенном смысле само по себе регулирует общественные отношения. Это отнюдь не означает, что оно конкурирует или уравнивается с нормами права. Отражая нормы, установленные государством, и другие структурные элементы правовой жизни общества, правосознание как представление о возможном, должном и недолжном, безусловно, сказывается на правовом поведении субъектов права и их оценке собственных поступков и действий других лиц. Подтверждением этому много лет служило закрепленное в уголовно-процессуальном законодательстве правило, согласно которому судья, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель оценивали доказательства, собранные по уголовному делу, по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и правосознанием (в тексте УПК говорилось о социалистическом правосознании). В контексте положения, содержащегося в ст. 71 УПК РСФСР 1960 г., правосознание выглядело одним из критериев оценки доказательств наряду с законом и предусмотренными им нормами права. Оно не подменяло закон, а расширяло правовую базу восприятия соответствующим должностным лицом обстоятельств уголовного дела и собранных в рамках его производства сведений о виновности, невиновности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

Правосознание как правовой инструментарий было изгнано из уголовно-процессуального законодательства и заменено категорией «совесть». На первый взгляд, эта замена была закономерным следствием тех демократически сориентированных преобразований, на основе которых должна осуществляться уголовно-процессуальная деятельность: приоритет прав и свобод личности, недопустимость их грубого попрания, отказ от устоявшихся стереотипов и переход к более гуманно-нравственному выстраиванию взаимоотношений участников уголовного судопроизводства. Однако по существу это был конъюнктурный ход разработчиков законопроекта, вряд ли в полной мере осознававших суть производимого «переворота», который нужен был им только как внешне выразительный пример обновления до того действовавшего уголовно-процессуального законодательства.

Категория «совесть» менее всего применима к оценке правовых явлений, а тем более результатов доказательственной деятельности и решения вопроса о виновности, невиновности человека в уголовном судопроизводстве, потому что совесть есть «способность личности самостоятельно формулировать собственные нравственные обязанности и реализовывать нравственный самоконтроль, требовать от себя их выполнения и производить оценку совершаемых ею поступков...»². Если совесть и может служить критерием или точкой отсчета оценки каких-либо действий или явлений, то только тех, которые совершает

или проявляет конкретный обладатель этого качества или способности человека. Говорить о совести должностного лица, осуществляющего уголовное судопроизводство, применительно к его деятельности можно только с точки зрения его отношения к выполнению им своих обязанностей и соблюдения прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в это производство. В сути самой правовой деятельности, облеченной в особую процессуальную форму, места и необходимости для этого явления нет. Совесть — это одно из выражений нравственного самосознания личности, а не инструмент уголовно-процессуальной деятельности или механизма оценки его результатов.

Совесть формируется в процессе жизни человека и восприятия им окружающей среды. Она не имеет четкой структуры, определенного механизма формирования и подвержена коррозии. Устойчиво совесть проявляет себя далеко не у всех членов общества. Совесть не имеет материальной основы и не участвует непосредственно в процессе познания и, по утверждению святого Игнатия Брянчанинова, «представляет собой способность человеческого духа к различению добра и зла». Совесть часто связывают с Богом, пребывающем в душе человека. Не случайно в христианскую эпоху она осмысливается как «глас Божий»³. Практический характер совести, которую иногда именуют практическим сознанием, проявляется в том, что она определяет вид деятельности духа по отношению к познаваемому разумом и ощущаемому чувством предмету. Оценка доказательств, как по большей части и вся уголовно-процессуальная деятельность, хотя и связана с душевным состоянием лица, ее осуществляющим, носит сугубо познавательный характер и имеет дело с материально проявляемыми субстанциями. Здесь уместней навыки и представления, отражающие практический, материализованный опыт, причем опыт профессионально сориентированный. Поэтому рабочим инструментом при оценке доказательств, определении законности, обоснованности и справедливости принимаемых на их основе решений в уголовном судопроизводстве всегда было, есть и будет правосознание. Причем, применительно к должностным лицам, осуществляющим эту деятельность, речь должна идти не об обыденном, а о профессиональном правосознании, которое они приобретают в ходе подготовки к выполнению указанной деятельности и непосредственно при ее осуществлении. Профессиональное правосознание отличается от обыденного тем, что оно формируется и существует как обязательный элемент мировоззрения и условие исполнения прав и обязанностей соответствующих должностных лиц⁴. Оно тоже может быть непоследовательным и подвержено коррозии, тем не менее, профессиональное правосознание в силу устойчивости сложившихся правовых представлений и взглядов в большей мере, чем всякое иное свойство личности, гарантирует объективную обработку правовой информации об обстоятельствах уголовного дела и превращение ее в соответствующее знание должностного лица, принимающего решение по уголовному делу. Не случайно и ныне, при отсутствии в УПК РФ упоминания о правосознании, оно остается рабочим инструментом в практической деятельности органов предварительного расследования и судов.

Совесть при всей важности этого компонента человеческой личности, места и роли в жизни человеческого общества не может выполнять указанную выше роль при оценке как отдельного доказательства, так и всей их совокупности.

По совести можно поделить имущество, оценить стоимость вещи, исходя из расчета затраченных на ее производство или изготовление средств, установить размер зарплаты, доходов и т. д. Но определить качество доказательств, с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, можно только посредством использования знаний требований закона, профессионально подготовленных и сформировавшихся представлений о формах и видах связи доказательств с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, о возможных дефектах способов собирания (формирования) доказательств, способности, механизме и адекватности отражения ими искомого обстоятельства, о правилах получения выводного знания на основе известной информации.

Кроме того, с уважением воспринимая оптимистическое утверждение Ф. Искандера о том, что совесть является «фундаментом человеческой жизни и целого государства», что «разбуженная совесть — самый грандиозный источник человеческой энергии»⁵, нельзя не учитывать, что в современных условиях это слово настолько девальвировалось, что почти утратило всякий смысл. В УПК РФ оно ныне выглядит мертвым словом, а мертвые слова, по выражению Гумилева, «дурно пахнут»⁶, поскольку, добавим от себя, создают только видимость жизни.

Механизм оценки доказательств и принятия решений по уголовному делу довольно сложен. Смысловое содержание суждений, выводов, к которым приходят должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, и их соответствие (адекватность) требованиям закона формируются под воздействием целого ряда объективных и субъективных факторов. В частности, в системе критериев оценки собранных доказательств и установленных обстоятельств уголовного дела по устоявшейся традиции давно фигурирует общественная практика, включающая в себя накопленный опыт и практические знания, нашедшие отражение не только в сознании конкретного, индивидуального правоприменителя, но и в виде общедоступных обобщений научно-практического свойства (постановления Пленума Верховного Суда РФ, методические разработки и рекомендации различного характера и т. д.). Все это не может быть замещено совестью, которая требует от человека только добросовестного использования всего багажа знаний, умений и представлений нравственного характера при осуществлении своей профессиональной деятельности. Взаимодействуя, дополняя друг друга, право, правовые представления, мораль и нравственные представления не могут подменять друг друга, особенно в такой сфере, как уголовное судопроизводство.

¹ См.: Мицкевич А.В. Рецензия на книгу: Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юридическая литература, 1963. — 205 с. // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 143–146.

² См.: Википедия: свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%E2%E5%F1%F2%FC> (дата обращения: 14.04.2013).

³ См.: Философская энциклопедия // Словари и энциклопедии // Академик: сайт. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 14.04.2013).

⁴ Подробнее о профессиональном правосознании см.: Грошевой Ю.М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. Харьков, 1986.

⁵ См.: Душно жить без совести: Фазиль Искандер убежден, что рынок без этики похож на зверинец с открытыми клетками // Российская газета. 2011. 4 марта.

⁶ См.: Там же.

М.А. Липчанская

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАУЧНЫХ ТРУДОВ И.Е. ФАРБЕРА

В статье представлен анализ конституционного становления, сущности и нормативного содержания такого явления современной правовой действительности, как участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства через призму научных трудов ученого-государствоведа И.Е. Фарбера.

Ключевые слова: Конституция РФ, политические права и свободы, участие граждан в управлении делами государства.

M.A. Lipchanskaya

THE PARTICIPATION OF CITIZENS IN STATE ADMINISTRATION: MODERN TENDENCIES THROUGH THE PRISM OF SCIENTIFIC WORKS I.E. FARBER

The analysis of the constitutional formation, essence and the standard maintenance of such phenomenon of modern legal reality is presented in article, as participation of citizens of the Russian Federation in state administration, through a prism of scientific works of scientist I.E. Farber.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, political rights and freedoms, the participation of citizens in state administration.

Несомненным достоянием Саратовской научной школы конституционного права является известный советский ученый-государствовед Исаак Ефимович Фарбер. Его научные взгляды и суждения, нашедшие отражение в трудах по государственному праву, правам и свободам человека и гражданина, до настоящего времени служат источником глубокого понимания многих современных конституционно-правовых явлений, выступают идейным фундаментом исследований в науке конституционного права.

В рамках настоящей статьи мне бы хотелось предпринять попытку ретроспективного анализа конституционного развития, сущности и содержания такого явления современной правовой действительности, как участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства.

В нашей стране право граждан участвовать в управлении государственными и общественными делами впервые было закреплено в ст. 48 Конституции СССР 1977 г., а затем и в Конституции РСФСР 1978 г. (ст. 9, 47). Действующая Конституция РФ в ст. 1 провозглашает Россию демократическим правовым государством, в котором народ осуществляет власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления. Согласно ч. 1 ст. 32 Конституции РФ граждане России имеют право на участие в управлении делами государства.

Легко заметить, что современная конституционная формула участия граждан отличается от формулировки, содержащейся в ст. 47 Конституции РСФСР 1978 г.

© Липчанская Мария Александровна, 2013

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, заместитель директора Института законодательства по научной работе (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lipchan_maria@mail.ru

В Основном Законе РФ 1993 г. отсутствует возможность российских граждан участвовать в управлении общественными делами.

В соответствии с Конституцией РФ право на участие в управлении делами государства принадлежит гражданам Российской Федерации. Конституция РФ дифференцирует закрепленные в ней права на основе ценза гражданственности, разграничивает права, принадлежащие каждому человеку, и права, детерминированные наличием гражданства.

Рассуждая относительно сути прав человека и прав гражданина, И.Е. Фарбер пришел к выводу, что «права гражданина есть те же права человека, которые находятся под защитой государства. Государственное признание прав человека и есть механизм их трансформации в права гражданина, которые есть лишь превращение прав человека»¹. Позже Б.С. Эбзеев отметил: «Права гражданина обладают меньшей в смысле распространения на индивидов степенью общности, они не предоставляются иностранцам и лицам без гражданства. Вместе с тем количественные характеристики «прав гражданина» их круг шире круга прав человека, зафиксированных в нормах международного права и воспринятых национальным законодательством»².

В конституционной практике политические права и свободы принадлежат гражданам Российской Федерации, обеспечивают их свободное участие в политических процессах и управлении делами государства, «закрепляют политическую свободу гражданина — фактически складывающуюся и охраняемую законом свободу личности в сфере осуществления политической власти и управления, проявляющуюся в совокупности отношений, отражающих участие гражданина в политической общности»³.

Можно констатировать, что участие граждан в управлении делами государства предусматривает значительное количество форм реализации на самых различных уровнях конституционно-правового регулирования, перечень которых не является и не может являться закрытым. Соответственно возникает вопрос: можно ли каким-либо образом отграничить права, представляющие собой форму участия граждан в управлении делами государства, от иных прав граждан? Полагаем, ответ на этот вопрос должен быть положительным.

Несложный анализ показывает, что все прямо указанные в Конституции РФ права, связанные с участием граждан в управлении делами государства (право избирать и быть избранными; право на равный доступ к государственной службе; право участвовать в отправлении правосудия и др.), как правило, при своей реализации оказывают двойственное воздействие. С одной стороны, они позволяют удовлетворить собственные потребности гражданина, но одновременно все формы участия граждан в управлении делами государства при своем использовании оказывают своего рода социальный эффект, заключающийся в наступлении изменений, более или менее значимых для социума в целом. Социальный эффект представляет собой не только отличительное свойство конституционных прав, обеспечивающих участие граждан в управлении делами государства, но и системообразующий признак.

Для понимания функционирования любой системы в целом и взаимосвязей внутри нее целесообразно провести классификацию составляющих ее элементов. Ученик И.Е. Фарбера Б.С. Эбзеев писал: «В составе политических прав и свобод, образующих определенную систему в рамках более общей системы, различаются:

права, обеспечивающие непосредственное участие в управлении государственными и общественными делами...

права, опосредованно обеспечивающие такое участие...»⁴.

На сегодняшний день остается актуальной проблема методологии институтов непосредственной демократии, проявляющаяся в отсутствии единого понимания отличий правовых институтов друг от друга, критериев отнесения того или иного правового института к системе прямой демократии. Так, в одном случае к ним относят выборы, референдум, народные обсуждения проектов важных государственных и территориальных решений и законов, петиции, народную инициативу, собрания (сходы) граждан по месту жительства, опросы населения⁵; в других — выборы органов и должностных лиц, референдумы, собрания (сходы) граждан по месту жительства, отчеты, досрочный отзыв депутатов и выборных должностных лиц, обращения, петиции граждан и народную правотворческую инициативу, институты собраний, митингов, демонстраций и пикетирования⁶.

В.В. Комарова приходит к выводу, что «формами прямой демократии являются только те проявления, которые институционализируют непосредственное волеизъявление обладателя полноты государственной власти — народа»⁷. В систему институтов непосредственной демократии исследователь включает референдумы, выборы, общие собрания населения, митинги, шествия, демонстрации, пикетирование, народную правотворческую инициативу, деятельность политических партий, отзыв выборного народного представителя.

Наиболее четко и системно в отношении классификации конституционных институтов демократии высказался В.Т. Кабышев: «В конституционном механизме власти народа различают институты осуществления власти (выборы, референдум) и институты участия во власти (митинги, демонстрации, обсуждения, обращения граждан). Первые носят императивный характер и не нуждаются в санкции государственной власти, другие — консультативный...»⁸.

Завершить краткий экскурс по вопросу конституционного понимания участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства хочется словами И.Е. Фарбера: «Государство не может рассматриваться как изолированный и независимый от народа носитель государственной власти, оно служит лишь инструментом осуществления самодержавия народа, его верховенства и полновластия»⁹. Именно этот постулат должен быть главным ориентиром в деятельности российского государства, в процессе формирования дееспособного активного гражданского общества, основанного на реальной демократии и подлинных ценностях конституционализма.

¹ Фарбер И.Е. Свобода и права человека в советском государстве. Саратов, 1974. С. 39.

² Эбзеев Б.С. Советское государство и права человека: конституционные вопросы / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1986. С. 61.

³ Фарбер И.Е. Указ. соч. С. 88.

⁴ Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 105.

⁵ См.: Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1999. С. 432.

⁶ См.: Нудненко Л.А. Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления России. М., 2000. С. 74.

⁷ Комарова В.В. Формы непосредственной демократии в России: учебное пособие. М., 1998. С. 11.

⁸ См.: Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. Дополнительный выпуск (85). С. 43.

⁹ Фарбер И.Е. Указ. соч. С. 65.

В.Н. Богатырев

ОТКАЗ В СОВЕРШЕНИИ НОТАРИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРАЖДАН

Данная статья раскрывает понятие «правомерное поведение», содержание этого термина. Автор рассматривает правомерное поведение как общественно значимое и полезное, выражающее свободную волю человека. Правомерное поведение является гарантией стабильных отношений в обществе и государстве.

Ключевые слова: правомерное поведение, нотариус, нотариальное действие, отказ в совершении нотариального действия, нотариальный акт.

V.N. Bogatyrev

THE REFUSAL OF THE COMMISSION OF NOTARIAL ACTIONS AND LAWFUL BEHAVIOR OF CITIZENS

This article opens the concept “lawful behaviour”, contents of this term. The author considers lawful behavior as socially significant and useful, expressing free will of the person. The lawful behavior is a guarantee of the stable relations in society and the state.

Keywords: lawful behavior, the notary, notarial action, refusal in notarial action, the notarial act.

Среди социально значимых явлений важное место занимает поведение человека. Прежде всего, речь идет о поведении определенной, конкретной направленности, которое согласуется с уже сложившимися и проверенными временем отношениями с другими субъектами. Подобное поведение носит устойчивый характер и зависит, в частности, от определенных обстоятельств, продиктованных главным образом необходимостью достижения определенного, желаемого результата. Суждения о правомерности или неправомерности поведения должно служить ориентиром и направлением для оценки поступков и действий людей, с точки зрения сопоставления с действующими в обществе правовыми предписаниями. На первый взгляд, не должно быть сложным определение сути и пределов (контура) правомерного поведения, которое должно, прежде всего, согласовываться с содержанием правовых норм, принятых на основе установленной законодательной процедуры. Эти предписания, доведенные до адресата, рассчитаны на длительную перспективу и неоднократное применение. Нормальным и обыденным являются позитивные действия со стороны соответствующих государственных структур и должностных лиц, отклонение же от выполнения ими своих прямых обязанностей или присвоение несвойственных функций, дает основание говорить о правомерном или неправомерном их поведении¹.

Правомерное поведение является не только общественно значимым и полезным, выражающим свободную волю свободного человека, но и должно служить известной гарантией стабильных отношений в обществе и государстве. Происходит это в силу осуществления конкретного деяния, содержанием которого выступает реализация субъективных прав и юридических обязанностей. Вместе с тем существуют многочисленные разновидности правомерного поведения,

© Богатырев Владимир Николаевич, 2013
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия), нотариус нотариального округа г. Саратова Саратовской области.

суть, которых заключается в следующем: «все, что не запрещено законом – то дозволено». Проявлению такого поведения должна способствовать определенная социально-экономическая обстановка (ситуация), известная мотивация, предполагающая достижение определенного (положительного) результата, который будет согласовываться с существующими требованиями закона. Следовательно, если нет прямых запретов, то поведение может считаться правомерным в строгом соблюдении правовых предписаний в том случае, если оно является не только желательным, допустимым, но и не нарушающим при этом каких-либо законных интересов других субъектов права.

Наглядным примером, по нашему мнению, служит обращение за правовой помощью к нотариусу, который имеет право оказать ее путем совершения предусмотренных законодательством нотариальных действий в интересах физических или юридических лиц. В этом случае нотариус обладает возможностью составлять проекты сделок, заявлений и других документов, изготовлять копии документов и выписки из них, а также давать разъяснения по вопросам совершения нотариальных действий. Вместе с тем у него имеется обязанность оказывать содействие обратившимся в осуществлении их прав и защите законных интересов, путем предупреждения о последствиях совершаемых нотариальных действий. На типичность подобной ситуации обращал внимание видный государствовед, профессор И.Е. Фарбер, который утверждал, что «права одного гражданина, не подкрепленные обязанностями других граждан, теряют свой смысл как обеспеченные законом (и обязанностями, налагаемыми законом) меры поведения»².

Полагаем, что в выбранной сфере анализа значительной части обстоятельств и условий правомерного поведения важной и существенной является возможность не только в производстве (удовлетворении), но и отказе в совершении нотариального действия. Действующие правовые нормы о нотариате (ст. 48 Основ законодательства РФ о нотариате) закрепляют за нотариусом право отказа, но осуществиться оно может только в случае несоответствия конкретных обстоятельств (представленных документов) законодательству РФ. Следует иметь в виду, что перечень оснований для отказа является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Каждый отказ в совершении нотариального действия – это результат анализа представленных документов на их достоверность, объективность и достаточность аргументов, влияющих на общую оценку обстоятельств. На нотариуса возлагается обязанность изложить причины отказа в письменной форме и разъяснить порядок его обжалования, но делает он это по просьбе лица, которому отказано в совершении нотариального действия. При этом необходимо отметить, что нотариус не позднее чем в 10-дневный срок со дня обращения за совершением нотариального действия выносит постановление об отказе в совершении нотариального действия.

Так, к нотариусу с заявлением обратилась пережившая вдова супруга А., наследница первой очереди (ст. 1142 ГК РФ), о выделении доли имущества в нажитом во время брака с наследодателем И. Наследственное имущество состояло из трехкомнатной квартиры в центре города. Представленные документы давали основания полагать, что указанное недвижимое имущество было приобретено наследодателем за несколько лет до официального заключения брака с наследницей. Нотариусом было вынесено постановление об отказе в совершении нотариального действия. К моменту окончания 10-дневного срока возможности его обжалования к нотариусу вновь обратилась пережившая супруга А. с заявлением о приостановлении выдачи свидетельства о праве на наследство по за-

кону, в связи с поданным ей исковым заявлением в суд о признании имущества, принадлежащего одному из супругов, совместной собственностью. В этот же период о выдаче свидетельства о праве на наследство по закону на указанную квартиру последовало и заявление сыновей наследодателя от первого брака С. и К. Принятие постановления об отложении совершения нотариального действия предполагало существенное условие для заявительницы, что в случае неполучения нотариальной конторой в срок 10 дней с момента надлежащего уведомления адресатов о его направлении заинтересованным лицам нотариус будет вправе выдать свидетельство о праве на наследство по закону всем остальным наследникам. Получение нотариальной конторой определения суда о принятии от пережившей супруги искового заявления и нахождении в производстве гражданского дела о признании имущества, принадлежащего одному из супругов, совместной собственностью, нажитого во время брака, позволило нотариусу вынести постановление о приостановлении совершения нотариального действия до разрешения гражданского дела судом. В этой ситуации каждый из названных наследников считал именно свое поведение правомерным, а нотариус реагировал на него принятием соответствующего правового документа. Окончательную же оценку должно дать судебное решение, которое определит правомерность равномерного деления наследства между всеми наследниками или оно будет произведено с учетом заявленного права на определенную долю пережившего супруга.

Необходимо иметь в виду, что все три документа, которые были приняты нотариусом по указанному наследственному делу, представляют собой разновидность нотариальных актов. Вместе с тем, на наш взгляд, следует различать и такое понятие, как нотариальное действие. Так, существует обязанность нотариуса хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности (ст. 16 Основ). В то же время следует обратить внимание на содержание нотариально удостоверяемой сделки, а также заявления и иные документы, которые должны быть зачитаны вслух его участникам. Документы, оформляемые в нотариальном порядке, должны быть подписаны в присутствии нотариуса (ст. 44 Основ). Следовательно, нотариальное действие предполагает последовательное, логически объяснимое проявление и реализацию нотариальной процедуры, окончательным вариантом которой может стать принятие конкретного нотариального акта. Наглядным примером правомерного поведения гражданина может служить способ принятия наследства, при котором признается, пока не доказано иное, что наследник принял наследство, если он совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, в частности, если наследник вступил во владение или иное управление наследственным имуществом; принял меры по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц; произвел за свой счет расходы на содержание наследственного имущества; оплатил за свой счет долги наследодателя или получил от третьих лиц причитающиеся наследодателю денежные средства. Однако и в этом случае нотариальной практике известны факты нотариального отказа в выдаче свидетельства о праве на наследство, когда наследник совершил хотя бы одно из названных действий. Связано это, как правило, с неправильностью оформления документов (прежде всего, это относится к свидетельствам о рождении, о браке, о разводе), где не совсем точно указаны имена, отчества и фамилии. Получив от нотариуса нотариальный акт, наследодатель может доказать в судебном порядке степень родственных отношений с наследодателем, что в свою очередь влияет на степень претензий к оставшемуся наследственному имуществу.

Как показывает практика, длительность временного периода с целью получения ответа на запрос нотариуса для устранения причин несвоевременного оформления наследства обусловлена не только дальностью нахождения адресата или небрежностью должностных лиц при оформлении документа, но и «нейтральным поведением» самого наследника. По мнению последних, важным в этой ситуации является фактическое использование предметов, входящих в наследственную массу, что заметно снижает степень их активности в направлении надлежащего, юридического оформления и реализации тем самым своих конституционных прав на наследство, предусмотренных ст. 35 Конституции РФ. Осуществлению конкретных действий, способствующих началу нотариального производства, всегда предшествуют обращения к нотариусу. Произойти это может «либо путем подачи письменного заявления, как это предусмотрено, например, в ст. 70 Основ законодательства РФ о нотариате, для получения свидетельства о праве на наследство, либо путем устного обращения к нотариусу, хотя закон и не запрещает обращаться в письменной форме. Нотариус не вправе совершать нотариального действия без обращения к нему самих заинтересованных лиц»³. Каким же образом необходимо поступить нотариусу, если, например, он получил информацию (письмо, телефонный звонок, телефонограмма, заявление), в котором изложена просьба о составлении завещания вне пределов нотариальной конторы? Прежде всего, документ должен быть зарегистрирован в журнале входящей корреспонденции и, по возможности, «оперативно» налажена связь с заявителем для выяснения фактического состава и принятия своевременного нотариального реагирования. Однако, как показывает практика, часто встречаются случаи, когда результатом анализа ситуации может стать не только нотариальное действие, но и отказ в его совершении.

¹ В юридической науке неоднократно обращались к исследованию и анализу правомерного и неправомерного поведения. См.: *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982; *Он же.* Закон, поступок, ответственность. М., 1986; *Оксамытский В.В.* Правомерное поведение личности. Киев, 1985; *Он же.* Правомерное поведение // *Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. М.Н. Марченко.* Т. 3. М., 2001; *Кулапов В.Л.* К вопросу о понятии и некоторых видах правового поведения // *Вопросы теории государства и права: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3 (12): специальный выпуск, посвященный 80-летию профессора М.И. Байтина / под ред. И.Н. Сенякина.* Саратов, 2001; *Уздинаева Н.И.* Правомерное поведение: понятие, квалификация, мотивы / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 2006.

² *Фарбер И.Е.* Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 33.

³ *Нотариальное право России: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. В.В. Яркова.* М., 2003. С. 148.

Д.С. Ивакина (Шапорева)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматривается необходимость использования понятия «культурная идентификация» в конституционном праве России. Под культурной идентификацией понимаются самоощущения человека внутри конкретной культуры. Учитывая многонациональный состав Российской Федерации, по мнению автора, следует говорить о национальной культурной идентификации в России.

Ключевые слова: конституционное право, культура, культурная идентификация.

© Ивакина (Шапорева) Дарья Сергеевна, 2013

Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин (Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии); e-mail: shaporeva12@yandex.ru

D.S. Ivakina (Shaporeva)

CONSTITUTIONAL BASIS OF CULTURAL AUTHENTICATION IN RUSSIAN FEDERATION

In this article is talked about the necessity of the use of term in a constitutional right for Russia. Under cultural authentication realization of man is understood into a concrete culture. In addition, taking into account multinational composition of Russian Federation, it is necessary to talk about national cultural authentication in Russia.

Keywords: constitutional law, culture, cultural authentication.

На каждом этапе всемирной истории культура предстает в своем социальном измерении, поскольку создается, функционирует и воспроизводится только в человеческом социуме. Этносы, нации, общества различного типа и социальные группы внутри них являются коллективными творцами и носителями своих собственных культур. А поэтому в целом ряде научных дисциплин, например в этнологии, этнографии, культурной и социальной антропологии, ученые используют понятие «культура», которое указывает на многообразие социальных общностей, обладающих собственной культурой и культурной идентичностью — самоидентичностью и целостностью¹.

В науке конституционного права России используются следующие понятия: «национальная культура», «конституционный духовно-культурный статус личности», концепт «культура»². В частности, Е.В. Сазонникова в плане совершенствования конституционно-правового регулирования предлагает закрепить в конституционном законодательстве принципы культурного развития страны и обязанности государства по сохранению и развитию культуры³. Данная позиция вполне обоснована и заслуживает внимания со стороны законодателя.

Действительно, в своем конкретном бытии культура всегда социально дифференцирована: можно наблюдать и изучать культуру больших или малочисленных этносов, национальную культуру, культуру различных социальных слоев в рамках одного и того же общества, культуру организаций или профессиональных групп и т. д. Следует заметить, что большие профессиональные группы всегда обладали собственной социальной спецификой в сфере культуры. Так, например, нормативные представления о русской медицинской культуре связаны с образом земского врача — высокообразованного специалиста, работавшего в трудных условиях сельской глубинки и осознавшего свою профессиональную деятельность как служение людям, а не способ материального обогащения через профессию. Этот культурный идеал запечатлелся в ряде произведений русских писателей, начинавших свою профессиональную жизнь в области медицины, например, в «Записках сельского врача» В.В. Вересаева и «Записках юного врача» М.А. Булгакова. В литературе советского периода русская медицинская культура нашла свое художественное отображение в произведениях Ю. Германа, в ранней повести В. Аксенова «Коллеги» и книгах многих других авторов⁴.

Большая профессиональная группа выступает в качестве корпорации профессионалов, членство в которой обусловлено получением специального образования и практикой работы в соответствующих организациях. Корпорация профессионалов воспроизводит свою культуру именно благодаря существованию определенных социокультурных образцов деятельности и нравственных норм, поддерживающих социальный престиж профессии. Таким образом, можно

выделить культуру юристов, военных, преподавателей. В свою очередь юридическая культура подразделяется на культуру конституционалистов, культуру судей, адвокатов и т. п.

В силу дифференцированности культуры, по нашему мнению, в конституционном праве следует использовать понятие «культурная идентификация». Культурная идентификация — это самоощущения человека внутри конкретной культуры. Она характеризуется субъективным чувством индивидуальной самотождественности, т. е. отождествлением себя с теми или иными типологическими формами культурного устройства, прежде всего с конкретной культурной традицией⁵.

В русском языке слово «идентичный» означает «тождественный, вполне сходный»⁶ или «равнозначный»⁷. Таким образом, как конституционно-правовая категория понятие «культурная идентификация» подразумевает чувство самотождественности человека с конкретной культурой. Причем под национальной культурной идентификацией следует понимать самоощущения человека внутри национальной культуры (в нашей стране именно внутри российской национальной культуры). Так, Т.В. Заметина справедливо отмечает, что «Россия исторически сложилась как государство — объединение народов на началах исторической общности, равноправия и сотрудничества, представляющее собой единое социокультурное формирование, основанное на межэтническом взаимодействии»⁸.

Российская Федерация является многонациональным государством, что указывается уже в Преамбуле Конституции РФ. Россия объединяет в своем составе христиан, буддистов, иудеев, последователей архаических этнических верований, а также весьма значительное количество людей, не исповедующих никакой религии. И тем не менее все они в той или иной мере выступают носителями и творцами общенациональной культуры, развивающейся на двух уровнях лингвистической коммуникации — русском языке и других языках народов России.

Национальная культура складывается исторически в процессе длительного совместного существования этнических общностей. В ходе непрерывного взаимодействия между ними возникает единство духовной жизни. У них появляются особенности национальной психологии, формируются такие признаки нации, как национальная ментальность и национальное самосознание. Таким образом, формирование национальной культуры происходит параллельно с образованием нации и национальной государственности.

Большинство национальных культур имеет выраженные региональные особенности. Например, ни один из регионов России не похож на другой. Культурное пространство региона является частью национального культурного пространства, но вместе с тем обладает своими собственными уникальными характеристиками. Так, Б.С. Эбзеев считает, что уникальность российского федерализма состоит в том, что «в его основу положены как национальный, так и территориальный принципы, что является отражением полиэтничности национального состава России, самобытности ее исторического развития, особенностей строительства российской государственности»⁹.

Действительно, только общенациональная культурная идентификация в России позволит сохранить и приумножить гражданам нашей страны национальные культурные ценности и традиции. Ведь именно главные цели «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» состоят в следующем: «неразрывная связь создания и сохранения культурных ценностей, приобщение к ним всех граждан с социально-экономическим прогрессом, развитие демократии,

укрепление целостности и суверенитета Российской Федерации, стремление к межнациональному сотрудничеству и интеграции отечественной культуры в мировую культуру»¹⁰.

Президент РФ в своем Послании к Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. заявил: «В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией»¹¹.

По нашему мнению, именно через механизм идентификации с учетом национальных и культурных ценностей, человек осознает себя внутри богатейшей культуры нашей страны и имеет возможность создавать новые культурные ценности.

¹ См.: Культурология: учебник / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большаковой. М., 2011. С. 92.

² См.: Сазонникова Е.В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2012.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Культурология: учебник / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большаковой. С. 113.

⁵ См.: Культурология: учебник / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М., 2005. С. 98.

⁶ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л. И. Скворцова. М., 2004.

⁷ См.: Иванова Т.В. Словарь трудностей русского языка для юристов. Саратов, 2009.

⁸ Заметина Т.В. Конституционные основы национальной политики Российской Федерации. Саратов, 2006. С. 116.

⁹ Эбзеев Б.С. Российский федерализм: историческое развитие и современность // Право и политика. 2000. № 1. С. 8.

¹⁰ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. Верховным Советом РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1 (в ред. от 8 мая 2010 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 46, ст. 2615; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 19, ст. 2291.

¹¹ См.: Российская газета. 2012. 13 дек.

Е.В. Кабышева

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье исследуется принцип справедливости в уголовном праве через призму правовых чувств как одного из элементов правовой психологии.

Ключевые слова: правосознание, правовые чувства, принцип справедливости в уголовном праве.

E. V. Kabysheva

AWARENESS OF THE LAW AND THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN CRIMINAL LAW

Abstract: In this article the principle of justice in criminal law is analysed in the light of the legal sense as an element of legal psychology.

Keywords: awareness of the law, the legal sense, the principle of justice in criminal law.

Мне не пришлось лично знать профессора Исаака Ефимовича Фарбера. Через год после моего рождения (1986 г.) он умер, но в нашей семье имя профессора

И.Е. Фарбера всегда произносилось с исключительным благоговением. Его книги, статьи, фото папа мне показывал и иногда долго рассказывал о нем, о его жизненном пути, научных идеях.

С особой любовью папа рассказывал о том, как Исаак Ефимович читал лекции, выступал на конференциях. Будучи уже студенткой СГАП я читала некоторые его статьи и главы из книг. Обучаясь в аспирантуре, я обратила внимание на его монографию «Правосознание как форма общественного сознания» (М., 1963). Идеи, высказанные в этой работе, имеют прямое отношение к теме моей диссертации.

Как известно, в структуре правосознания И.Е. Фарбер выделял следующие существенные признаки: правосознание есть форма общественного сознания; это совокупность правовых представлений и правовых чувств, обладающих нормативным характером для поведения людей с точки зрения правомерности или неправомерности их действий; это знание правовых явлений и их оценка с точки зрения справедливости или несправедливости законов государства, судебной деятельности, правомерности поведения; это правовые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития. Неразрывное единство правовой идеологии, правовой психологии, правовых идей, правовых чувств и справедливости — таков вывод профессора И.Е. Фарбера о структуре правосознания¹, сделанный им еще в 60-х гг. XX в. и приобретающий особое звучание в современных условиях. Применительно к уголовному праву он нашел свое закрепление в ст. 6, ч. 2 ст. 43 и ст. 60 УК РФ.

Справедливость — это многоаспектная категория, исследуемая в историческом, нравственном, экономическом, юридическом аспектах. УК РФ не содержит данного определения. Нет его и в нормативных актах различных отраслей российского законодательства, хотя во многих из них появилось много норм-дефиниций.

Нормы-дефиниции занимали в древних памятниках права не последнее место. Например, уже в ранних философских представлениях о мире образ справедливости ассоциировался с богиней Дике как меры всех вещей. Идея справедливости легла в основу теории естественного права. Характеристика права как справедливости и добра восходит к знаменитому римскому юристу I в. н. э. Цельсу. В этой связи Ульпиан (II–III вв.), предваряя Кодекс Юстиниана, писал: «Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово «право» (jus). Право получило свое название от «правды», справедливости (justicia), ибо согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом»².

В.И. Даль, определял слово «справедливый» как «правильный, сделанный законно, по правде, по совести, по «правоте»³. Выработанные у многих поколений людей наиболее значимые образцы их поведения опосредуются в праве своими предписаниями справедливости, гуманизма, долга, чести (ст. 7, 110, 129, 130, 282, 335 УК РФ). В.С. Нерсисянц в связи с этим отмечал, что «...справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость — сущностное свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.)⁴. Таким образом, следует констатировать, что требования морали (в нашем случае — явления справедливости) выступают структурообразующим элементом уголовного права как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения.

Принцип справедливости как один из универсальных в правовом смысле регуляторов общественных отношений⁵ «вступает в действие в уголовном праве, когда совершается преступление. И при этом следует назначение уголовного наказания в целях восстановления в обществе справедливости. Граждане должны быть уверены в том, что при назначении уголовного наказания будут защищены нарушенные совершенным преступлением их права в полном объеме.

При реализации принципа справедливости для назначения наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, важное место занимает вопрос: каковы критерии справедливости назначения наказания, которыми должен руководствоваться судья. В нашем случае — какие правовые чувства (справедливости, мести и т. д.) испытывает при этом судья.

Судья при назначении наказания руководствуется внутренним убеждением, чувством, что зло — преступление, которое должно быть наказано, и должна восторжествовать справедливость.

«Совесть судьи, — писал И.Е. Фарбер, — чувство жизненной правды, так необходимые при анализе сложных человеческих взаимоотношений, — все это и есть правовая психология, проявление действий правовых эмоций. Но эти правовые чувства лишены всякой иррациональности, это не слепая интуиция, а разумная, основанная на познании действительных фактов, твердо установленных доказательств, уверенность в виновности (или невиновности), в справедливости (или несправедливости) правовых требований к поведению, к поступкам людей, ставших предметом правового регулирования»⁶.

Судья обязан в данном случае руководствоваться, прежде всего, положениями статей Особенной части УК РФ с учетом положений Общей части УК РФ.

Суд должен установить вину подсудимого в совершении преступления, хотя, как верно замечает Ю.И. Бытко, легально ни в УК РФ, ни в УПК РФ понятие вины не определяется. При этом ни в уголовно-правовой теории, ни в уголовном законодательстве вина не рассматривается в качестве основания уголовной ответственности. Статья 8 УК РФ таким основанием определяет деяние, содержащее все признаки преступления, предусмотренные УК РФ⁷.

Судья должен руководствоваться характером и степенью общественной опасности, учитывать личность виновного, в т. ч. обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

В контексте заявленной темы весьма актуален вопрос: как соотносить правовые чувства судьи, которые им положены в основу вынесенного им судебного решения, с «психологической зависимостью» судей от мнения Верховного Суда РФ⁸. Последние, как известно, носят императивный характер для органов и должностных лиц, применяющих уголовный закон.

В связи с этим зачастую возникает коллизия (своего рода противоречие) между принципом независимости судьи и интерпретационным актом, содержащим руководящие разъяснения уголовного закона. Но это уже предмет особого исследования.

¹ См.: Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 203–205.

² Дигесты Юстиниана. Книга первая, титул 1. Слова Ульпиана приведены в классическом переводе И.С. Перетерского с уточнениями, предложенными В.С. Нерсесянцем и П.Г. Редкиным. См.: Лафитский В.И. Поэзия права. Страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003. С. 63.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1999. С. 299.

⁴ См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 44.

⁵ В.Д. Филимонов рассматривает принцип справедливости по отношению к иным правовым принципам (демократизма, гуманизма и др.) в качестве генерального принципа. См.: *Филимонов В.Д.* Справедливость как принцип права // Государство и право. 2009. № 9. С. 9.

⁶ *Фарбер И.Е.* Указ. соч. С. 197.

⁷ См.: *Бытко Ю.И.* Понятие «вина» и «виновность» в нормах УК и УПК РФ // Правоведение. 2011. № 2. С. 71.

⁸ См.: *Тихонова С.С.* Аргументация в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации: влияние на авторитет делегированного толкования уголовного закона // Юридическая техника: ежегодник. 2013. № 7. Ч. 1: Третьи Бабаевские чтения «Юридическая аргументация: теория, практика, техника». Н. Новгород, 2013. С. 330.

А.В. Мещеряков

РОЛЬ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ (С ПОЗИЦИИ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ ПРОФЕССОРА И.Е. ФАРБЕРА)

В статье исследуется вопрос о значении гражданства для лиц в сфере реализации и защиты их прав и законных интересов. Анализируется структура этого государственно-правового явления. Характеризуются его составные элементы.

Ключевые слова: конституция, государство, права и свободы человека и гражданина, гражданство, правовой институт, субъективное право, правоотношение.

A.V. Mescheryakov

ROLE OF INSTITUTE OF CITIZENSHIP IN PROVIDING OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND INDIVIDUAL FREEDOMS (FROM POSITION OF SCIENTIFIC LOOKS OF PROFESSOR I.E. FARBER)

The article is devoted to research of question about the value of citizenship facial in the field of realization and defense of his rights and legal interests. The structure of it is analyzed this state legal phenomenon. Its component elements are characterized.

Keywords: constitution, state, rights and freedoms of man and citizen, citizenship, legal institute, equitable right, legal relationship.

Не одно десятилетие Саратовская научная школа конституционного права занимает лидирующие места в российской (ранее — советской) юридической науке. Ее основателем, идейным и научным вдохновителем по праву считается выдающийся отечественный ученый-юрист профессор, доктор юридических наук Исаак Ефимович Фарбер.

Знакомству с этим удивительнейшим человеком я благодарен одному из талантливых учеников И.Е. Фарбера — заведующему кафедрой конституционного и международного права СГЮА (в 1981 г. — Саратовский юридический институт) профессору, доктору юридических наук, заслуженному деятелю науки РФ Владимиру Терентьевичу Кабышеву, пригласившему меня, тогда выпускника СЮИ, на преподавательскую работу на знаменитую кафедру.

© Мещеряков Александр Викторович, 2013

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права (Северо-Кавказский федеральный университет); e-mail: mesheriakov.alem2012@yandex.ru

Вся последующая моя педагогическая и научно-исследовательская деятельность проходила непосредственно под наставничеством Исаака Ефимовича, что позволило мне приобрести не только научный и жизненный опыт, но и познакомиться и подружиться со многими видными учеными-государствоведами — О.Е. Кутафиным, В.А. Ржевским, Ю.П. Еременко, Ф.М. Рудинским, Н.С. Бондарем, О.О. Мироновым, Б.С. Эбзеевым, оказавшими неоценимую помощь и поддержку в моих начинаниях.

Так сложилась судьба, что я стал, к большому сожалению, последним аспирантом профессора И.Е. Фарбера, благодаря которому в 1985 г. я успешно защитил диссертацию. Следует заметить, что во многих научных исследованиях по различным проблемам конституционного права как учеников, так и последователей Исаака Ефимовича, до сих пор прослеживаются идеи этого выдающегося ученого-конституционалиста. Да и в современной российской законодательной практике, к примеру, в законах о гражданстве Российской Федерации, в ряде положений действующей Конституции РФ, нельзя не заметить влияния научных взглядов И.Е. Фарбера. Весьма символично, что в год празднования 100-летнего юбилея Исаака Ефимовича отмечается и 20-я годовщина принятия новой российской Конституции.

В этой связи, как никогда, вспоминается одна притча. Идет Бог с человеком по берегу океана и человек спрашивает Бога: «Почему, когда в моей жизни все хорошо, то я вижу на песке следы двух пар ног — твой и мои, а если вдруг какая-то беда случается со мной, то я вижу следы только одной пары ног. Ты, что, оставляешь меня? И почему ты это делаешь?». И Бог ему ответил: «Какой ты глупый — я беру тебя на руки». Так и Исаак Ефимович являлся и является для нас, его учеников, тем, кто всегда нас поддерживал и поддерживает духовно до сих пор — Учителем!

Научное наследие И.Е. Фарбера в отечественной юридической науке весьма многогранно. Для меня, исходя из моих научных интересов, особенно близки научно-теоретические идеи Исаака Ефимовича о конституционной природе статуса личности в различных ее ипостасях. Данная проблематика до сих пор вызывает живой интерес в юридической науке, а с провозглашением в Конституции РФ 1993 г. человека, его прав и свобод высшей ценностью, вопрос обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина приобрел для науки конституционного права особую актуальность. Прав Н.С. Бондарь, профессор, доктор юридических наук, судья Конституционного Суда РФ, считая, что «... одним из главных выводов, вытекающих из трудов И.Е. Фарбера, является вывод о том, что социальная ценность конституции определяется, прежде всего, тем, что она является основным нормативно-правовым средством обеспечения свободы индивида, инструментом упорядочения взаимоотношений человека с обществом и государством»¹.

Выполнение государством этой функции, а также гарантированность всесторонней защиты прав и свобод имеют для России особое значение, поскольку от степени реальности соблюдения и защищенности конституционного статуса личности зависит объективная оценка государства как правового.

Современные российские условия, к сожалению, свидетельствуют о слабой обеспеченности осуществления в жизни предоставленных человеку прав и свобод.

Существующая в государстве система, призванная обеспечивать гражданам реализацию своих прав и свобод, представляет собой противоречивую картину.

Конституционное положение о том, что защита прав и свобод граждан относится как к предмету исключительного ведения Российской Федерации, так и к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, также вызывает определенные трудности в создании единой системы обеспечения конституционных прав и свобод граждан в России.

Положительную роль в решении проблемы реализации и защиты прав и свобод человека могло бы сыграть создание целостной системы конституционных средств обеспечения правового статуса личности. Однако данная тема в науке конституционного права остается открытой и недостаточно разработанной².

Современная правовая система объединяет различные государственно-правовые институты, средства и способы ее обеспечения, защиты и восстановления прав и свобод человека и гражданина. Общеизвестно, что важнейшим элементом в этой системе является гражданство, поскольку только наличие у лица российского гражданства дает ему возможность в полном объеме пользоваться всем комплексом конституционных прав и свобод.

В науке конституционного права гражданство принято рассматривать в различных аспектах: как правовой институт, субъективное право человека и правоотношение. Эти структурные элементы гражданства, несомненно, различны по своему содержанию и назначению, но в то же время между данными «юридическими понятиями гражданства существует тесная, неразрывная связь. Гражданство как субъективное право существует в правоотношениях гражданства, к которым приложимы нормы института гражданства»³.

Исследованию структуры гражданства, анализу его составных частей и их взаимосвязи посвятили свои работы такие видные отечественные государственные деятели, как С.А. Авакьян, В.Я. Бойцов, Н.В. Витрук, Д.Л. Златопольский, О.Е. Кутафин, А.И. Лепешкин, О.О. Миронов, Ф.М. Рудинский, И.Е. Фарбер, С.В. Черниченко, В.С. Шевцов, Б.С. Эбзеев и многие другие ученые-юристы.

Структурным элементом гражданства выступает правовой институт гражданства. Под правовым институтом гражданства принято понимать совокупность юридических норм, направленных на регулирование отношений гражданства. Этот институт конституционного права включает следующие нормы: принципы гражданства, основания принадлежности к гражданству государства, порядок его признания, приобретения и утраты, органы государства, полномочные решать вопросы гражданства.

Особенность правового института гражданства проявляется в его тесной связи с государственным суверенитетом государства, а также в том, что его нормы направлены на регулирование отношений между личностью и государством.

И, наконец, третья особенность института гражданства состоит в том, что он представляет собой один из общих, головных конституционных институтов. Нормы его отличаются не только устойчивостью и довольно глубоким содержанием, но и имеют единый предмет правового регулирования.

Долгое время институт гражданства рассматривался в учебной и научной юридической литературе в одних разделах с вопросами национально-государственного устройства бывшего СССР. А.И. Лепешкин одним из первых среди государствоведов подверг критике несовершенство существовавшей в то время системы в науке конституционного права. Вопросы гражданства, отмечал он, должны рассматриваться в единстве с институтом прав и обязанностей

граждан, а «обязательное требование следовать в этом отношении системе Конституции СССР 1936 года не может быть признано научно обоснованным»⁴.

Предметом острой научной дискуссии в теории отечественного гражданства стала и попытка раскрыть его содержание как субъективного права человека. До середины 70-х гг. XX в. гражданство в качестве субъективного права в науке конституционного права глубоко не исследовалось. Одним из первых о гражданстве как субъективном праве человека заявил И.Е. Фарбер. По его мнению, гражданство как субъективное право включает в себя следующие правомочия: человек имеет право на гражданство в силу ряда международно-правовых документов; возможность находиться на территории государства, к гражданству которого это лицо принадлежит; иметь право на равенство перед законом⁵. Такой вывод получил свое развитие в научных исследованиях известных учеников Исаака Ефимовича — О.О. Миронова и Б.С. Эбзеева⁶.

Любое субъективное право может быть реализовано только в соответствующих правоотношениях. Вплоть до конца 60-х гг. ушедшего столетия правоотношение гражданства специальному изучению в отечественной науке конституционного права не подвергалось. В юридической литературе рассматривались лишь некоторые его аспекты, да и то в совокупности с анализом крупных проблем, таких как, например, государственно-правовые отношения. Гражданство определялось как разновидность государственно-правовых отношений с присущими ему всеми признаками и особенностями последних. Это имело место и в работах В.С. Основина и И.Е. Фарбера и других ученых⁷.

Правоотношение гражданства — это особое, сложное правоотношение, служащее фундаментом многих других правоотношений.

Основой общего правоотношения гражданства является признанная в соответствии с законом принадлежность лица к гражданству государства, что в свою очередь делает его субъектом всех прав и обязанностей, закрепленных в Конституции и законах государства. Иными словами, гражданство способствует установлению между государством и лицом правовой связи в самом общем виде, содержание которой проявляется в распространении государственного суверенитета на это лицо, наделении его правовым статусом гражданина и обеспечении защитой и покровительством со стороны государства вне зависимости от места нахождения гражданина.

Еще одна особенность правового института гражданства состоит в том, что он «выполняет двоякую социально-юридическую функцию. С одной стороны, — отмечает Б.С. Эбзеев, — гражданство выступает как средство и способ защиты прав индивида, с другой — как инструмент защиты прав и интересов государства. Равновесие между этими двумя аспектами функциональной характеристики гражданства является отражением адекватного соотношения интересов и прав личности и прав и интересов общества и государства»⁸.

Исходя из сказанного, можно констатировать:

1. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — это конституционная обязанность государства и составной элемент конституционного строя Российской Федерации.

2. Институт гражданства есть важнейший элемент государственно-правового механизма обеспечения и защиты основных прав и свобод человека.

3. Наличие российского гражданства — главная предпосылка наделения человека всем комплексом конституционных прав и свобод, а также его защиты и покровительства со стороны государства вне его пределов.

Таким образом, гражданство выступает важнейшей предпосылкой защиты прав и законных интересов личности не только внутри данного государства, но и при нахождении лица за рубежом.

¹ *Бондарь Н.С.* Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения (в контексте творческого наследия профессора И.Е. Фарбера) // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2008. Вып. 9. С. 49.

² Подробнее об этом см.: *Бондарь Н.С., Капанова Ю.В.* Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов н/Д, 2002. С. 77–84 и др.

³ Советское государственное право / под ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1979. С. 164.

⁴ *Лепешкин А.И.* Курс советского государственного права. М., 1961. Т. 1. С. 457.

⁵ См.: *Фарбер И.Е.* Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 54–55.

⁶ См., например: *Миронов О.О.* Гражданин Отечества. М., 2006. С. 18–22; *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 279–281.

⁷ См.: *Основин В.С.* Советские государственно-правовые отношения. М., 1965. С. 27, 52; *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. С. 57, 63.

⁸ *Эбзеев Б.С.* Гражданство и права человека: некоторые методологические вопросы // Актуальные проблемы гражданства: материалы конференции по проблемам гражданства. М., 1995. С. 18.

Е.А. Отставнова

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В РОССИИ

В статье анализируется законодательство РФ в области обеспечения здорового образа жизни российских граждан. Дано понятие «здоровый образ жизни», рассмотрены проблемные вопросы его определения.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, занятие физкультурой и спортом, охрана здоровья.

E.A. Otstavnova

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROVIDING OF HEALTHY LIFESTYLE IN RUSSIA

The analysis of the legislation in the field of Russian citizens healthy lifestyle providing is carried out. The concept of healthy lifestyle providing is given and problematic questions of its definition are considered.

Keywords: healthy lifestyle, physical activity and sports, health protection.

В связи с демографическими проблемами в России вопросы формирования здорового образа жизни молодежи с каждым годом становятся все более актуальными. Это подчеркивается и в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. В нем, в частности сказано, что «чтобы Россия была суверенной и сильной, нас должно быть больше, и мы должны быть лучше в нравственности, в компетенциях, в работе, в творчестве. Мы вместе обязаны преодолеть безответственное отношение общества в вопросах здорового образа жизни»¹. Несмотря на это, в российском законодательстве не раскрывается поня-

© Отставнова Елена Александровна, 2013

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия).

тие «здоровый образ жизни». Это создает трудности в его понимании и правовом обеспечении. Нормативные акты, затрагивающие данный вопрос, ориентированы лишь на развитие физкультуры и спорта в стране. Пункт 3 ст. 30 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет, что «формирование здорового образа жизни у граждан, начиная с детского возраста, обеспечивается путем проведения мероприятий, направленных на информирование граждан о факторах риска для их здоровья, формирование мотивации к ведению здорового образа жизни и создание условий для ведения здорового образа жизни, в том числе для занятий физической культурой и спортом»².

Ведение здорового образа жизни не сводится лишь к занятиям физкультурой и спортом и отсутствию вредных привычек. Сюда относится и «сбалансированное питание, забота о своем здоровье, профилактика стрессов, оптимальное сочетание режимов труда и отдыха, отказ от вредных привычек, контроль нездорового поведения (агрессии, насилия и др.)»³. Все это имеет профилактическую направленность в деле сохранения и укрепления здоровья человека.

В толковом словаре С.И. Ожегова понятие «здоровый» толкуется как «полезный для здоровья»⁴. А «образ жизни» — это «характеристика условий и особенностей повседневной жизни людей в том или ином обществе»⁵. Следовательно, «здоровый образ жизни» — это полезные для здоровья условия и особенности жизнедеятельности людей. Он включает в себя две составляющие: субъективную — деятельность самого субъекта, направленную на сохранение и укрепление своего здоровья, и объективную — благоприятные для здоровья условия жизнедеятельности. Последнее в первую очередь связано с политикой государства в данном вопросе. Обе эти составляющие неразрывно связаны между собой. Понятно, что при отсутствии достаточных средств к существованию человеку трудно обеспечить себе сбалансированное питание или можно отказаться от вредных привычек и регулярно заниматься спортом, но если человек проживает в неблагоприятной экологической обстановке это неминуемо скажется на его здоровье.

Анализ нормативно-правовых актов РФ показал, что многие из них содержат положения, направленные на профилактику заболеваний. Прежде всего, ст. 41 Конституции РФ закрепляет, что «в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию». Обеспечение последнего служит одним из основных условий реализации конституционного права граждан на охрану здоровья. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁶ в это понятие вкладывает состояние здоровья населения и среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности. Это применимо и к определению понятия «здоровый образ жизни».

Наряду с этим необходимо отметить и ряд других статей Конституции РФ, содержащих нормы, регулирующие отдельные аспекты данного вопроса. Это право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42), право на труд в условиях, отвечающих требованиям

безопасности и гигиены, и право на отдых (ст. 37), охрана прав материнства и детства (ст. 38), право на социальное обеспечение (ст. 39) и др.

Кроме этого, так или иначе, правовое регулирование в сфере обеспечения здорового образа жизни, осуществляют следующие федеральные законы: от 30 марта 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», от 17 сентября 1998 г. «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»⁷, от 18 июня 2001 г. «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»⁸, от 30 марта 1995 г. «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»⁹, от 12 апреля 2010 г. «Об обращении лекарственных средств»¹⁰, от 4 декабря 2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹¹.

Таким образом, объективная составляющая здорового образа жизни в достаточной мере законодательно урегулирована в отличие от субъективной, поскольку последняя в первую очередь связана с желаниями, убеждениями, поведением самого человека. Здесь следует согласиться с В.С. Хижняк, что законодательно урегулировать все общественные отношения, связанные с нынешней демографической ситуацией, невозможно. Законодательные меры не способны поднять мораль общества¹². Поэтому формирование здорового образа жизни должно иметь не только медицинскую профилактическую направленность, но и воспитательную. Проблему демографии следует рассматривать не только с количественной стороны, но и качественной. Нельзя не согласиться с мнением В. Гальченко, который считает, что наше общество переживает кризис морали и нравственности¹³, а «нравственно больное общество» не сможет воспроизвести здоровое потомство. Н. Римащевская справедливо отмечает, что «проблема не только в том, что стремительно сокращается численность населения, но и в том, что мы интенсивно теряем его качественный потенциал. Происходит не только депопуляция, но и деградация генофонда. А это более опасное явление»¹⁴.

В связи с этим в последние годы в России разрабатывается ряд программ, направленных на формирование и воспитание навыков здорового образа жизни у подрастающего поколения. К примеру, гл. 13 Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года включает в себя административные, экономические, информационно-консультативные меры по формированию здорового образа жизни¹⁵.

Во многих субъектах РФ принимаются законодательные и нормативные правовые акты, региональные программы, направленные на формирование у населения здорового образа жизни и профилактику заболеваний. Однако этого недостаточно, поскольку решение данного вопроса требует консолидации политических, экономических, правовых и духовных сил страны, направленных на формирование системы ценностных ориентаций молодого поколения. Кроме того, по справедливому замечанию И.Е. Фарбера, «идеи, принципы или нормы поведения, чтобы стать личным убеждением, требуют собственных усилий личности, требуют самовоспитания»¹⁶.

Формирование здорового образа жизни должно стать национальной идеей нашего государства и воплощаться в действительность посредством семьи, школы, средств массовой информации. Для более успешного воплощения этой идеи также необходимо в первую очередь определиться с содержанием самого понятием «здоровый образ жизни» в российском законодательстве и исходя из

этого определить основные направления деятельности через специальные федеральные и региональные программы.

- ¹ См.: Российская газета. 2012. 12 дек.
² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 8, ст. 6724; 2012. № 26, ст. 3446.
³ Русанова С.Н. Понятие здорового образа жизни в законодательных и нормативных актах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2005. № 4. С. 255.
⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1960. С. 224.
⁵ Большая советская энциклопедия: в 30 т. М., 1969–1978. Т. 18. С. 217.
⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 14, ст. 1650; 2012. № 26, ст. 3446.
⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 38, ст. 4736; 2011. № 30, ч. 1, ст. 4590.
⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 26, ст. 2581; 2011. № 30, ч. 1, ст. 4590.
⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 14, ст. 1212; 2011. № 30, ч. 1, ст. 4590.
¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 16, ст. 1815; 2012. № 26, ст. 3446.
¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 50, ст. 6242; 2012. № 31, ст. 4325.
¹² См.: Хижняк В.С. Национальные интересы России в сфере защиты прав человека // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 2. С. 73.
¹³ См.: Гальченко В. Нынешнее положение семьи — это национальная катастрофа // Российская Федерация сегодня. 2005. № 17. С. 36.
¹⁴ Демографическая катастрофа и пути ее преодоления // Литературная Россия. 2006. 19 мая.
¹⁵ См.: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/litog.pdf> (дата обращения: 28.11.2012).
¹⁶ Фарбер И.Е. Очерки вузовской педагогики. Саратов, 1984. С. 31.

Т.В. Троицкая

ГРАЖДАНИН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье раскрываются особенности конституционно-правового статуса гражданина Российской Федерации в зависимости от форм его участия в российском избирательном процессе. Проводится анализ нормативно-правового регулирования участия граждан в качестве избирателя, наблюдателя, члена избирательной комиссии.

Ключевые слова: избирательный процесс, стадии избирательного процесса, конституционные основы народовластия, пассивное избирательное право, активное избирательное право, правовой статус избирателя, обжалование решений избирательных комиссий.

T.V. Troitzkaya

CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN ELECTORAL PROCESS

The article describes the features of the constitutional and legal status of citizens of the Russian Federation, according to the forms of its participation in the Russian electoral process. The author analyzes the regulatory involvement of citizens to vote, an observer member of the election commission.

Keywords: electoral process, the stages of the electoral process, the constitutional foundations of democracy, passive suffrage, active suffrage, the legal status of the voter, appeal of decisions of election commissions.

В современных условиях становления в России демократического государства актуализируется проблема реализации конституционных основ народовластия и, как следствие, совершенствования законодательства, регламентирующего избирательные отношения.

В 2013 г. исполняется 20 лет с момента судьбоносного для России факта принятия всенародным голосованием Конституции РФ. Впервые на конституционном уровне выражена приверженность Российского государства обеспечению основных прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем, наряду с декларативными нормами и принципами, в Основном Законе страны должны быть предусмотрены конкретные формы участия граждан в управлении страной, в т. ч. в избирательном процессе, а также гарантии осуществления таких прав. Не случайно в последнее время все чаще можно встретить предположения о возможности внесения изменений непосредственно в текст Конституции РФ. Так, С.А. Авакьян обосновывает необходимость такой реформы, называя среди многих причин целесообразность обеспечения реального народовластия¹.

Гражданин Российской Федерации является основным субъектом избирательного права и участником избирательного процесса. основополагающая цель выборов — это формирование представительного органа власти, реально отражающего и представляющего интересы народа. Граждане Российской Федерации, участвуя в избирательном процессе, могут выполнять различные роли, в частности: выступать в качестве избирателя (активное избирательное право), кандидата (пассивное избирательное право), доверенного лица, уполномоченного представителя, наблюдателя и других участников избирательного процесса. Выступая в той или иной роли, гражданин Российской Федерации наделяется определенным объемом прав и обязанностей, которые в совокупности составляют его правовой статус.

Рассмотрим подробнее некоторые составляющие правового статуса гражданина России в избирательном процессе.

Граждане Российской Федерации имеют право учреждать политические партии, которые впоследствии могут выступать в качестве избирательных объединений или иных субъектов избирательного процесса. Новые требования к организации политических партий (членство не менее 500 чел.), с одной стороны, создают видимость зарождающейся политической конкуренции в стране, реализации демократических основ Конституции РФ, а, с другой стороны, способствуют ее парализации, поскольку мелкие, разрозненные политические силы не могут представлять серьезной угрозы правящей политической элите.

Граждане России наделены правом участвовать в формировании избирательных комиссий муниципальных образований, а также территориальных, окружных и участковых комиссий посредством необходимости учета предложений собраний избирателей по месту жительства, работы, службы и учебы. Вместе с тем Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и прав граждан на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 2 апреля 2013 г.)² содержит формулировку, согласно которой не менее 1/2 членов избирательной комиссии субъекта РФ, муниципальных образований и других комиссий, должны назначаться на основе предложений политических партий. Соответственно определение «не менее одной второй» допускает возможность и в полном составе формировать избирательные комиссии по предложениям политических партий.

Граждане России имеют право на участие в создании инициативной группы, а также на участие в выдвижении кандидатов в порядке самовыдвижения. Но, с другой стороны, возможностей реализовать данное право становится все меньше, поскольку основной разновидностью избирательной системы, применяемой на выборах разного уровня, является пропорциональное представительство.

Если говорить о новом порядке выборов высшего должностного лица субъекта РФ, то в соответствии со ст. 18 Федерального закона 6 октября 1999 г. № 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации» (в ред. от 3 декабря 2012 г.)³ выдвижение кандидата как политической партией, так и в порядке самовыдвижения, должно быть поддержано от 5 до 10 % депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта РФ, что в свою очередь не способствует возможности граждан повлиять на персональный состав кандидатов.

Гражданин России может быть назначен в установленном порядке наблюдателем на выборах, доверенным лицом кандидата, избирательного объединения, членом избирательной комиссии любого уровня с правом как решающего, так и совещательного голоса. Правовой статус указанных лиц регламентируется указанным выше Федеральным законом. Однако судебная практика свидетельствует о неточностях, а в некоторых случаях и пробелах законодательства, определяющего, к примеру, право члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса знакомиться со списками избирателей, проголосовавших досрочно и вне помещения для голосования, и другими материалами после установления итогов голосования⁴. А.А. Макарец отмечает: «Правовая определенность является одним из центральных свойств права и его норм»⁵.

Важнейшей гарантией прав избирателей служит возможность обжалования ими действий и решений органов и должностных лиц в административном и судебном порядке, требование рассмотрения своих жалоб и заявлений в указанных инстанциях в установленные законом сроки, а также привлечения к юридической ответственности лиц, виновных в нарушении закона и избирательных прав граждан и других субъектов избирательного процесса.

Действительно, ч. 1 ст. 259 ГПК РФ в качестве субъектов права подачи заявления о защите избирательных прав граждан Российской Федерации перечисляет в т. ч., избирателей. Однако судебная практика свидетельствует о том, что избирателям отказывают в принятии заявлений к рассмотрению об отмене постановлений избирательных комиссий о результатах выборов⁶.

Анализ демократических основ конституционного строя России свидетельствует о том, что гражданин Российской Федерации должен быть центральной фигурой избирательного процесса. Однако последние тенденции реформирования избирательного законодательства говорят об усилении влияния в рассматриваемом процессе политических партий.

Создание в России нормативно-правовых основ реального обеспечения демократических основ Конституции страны, ответственное функционирование органов государственной власти в рамках права, расширение реализации форм

прямой демократии, в т. ч. референдума и принятие посредством его проведения основополагающих вопросов реформирования, в частности отношений в области избирательного права, будут способствовать планомерному развитию демократии в Российской Федерации.

¹ *Авакьян С.А.* Нужна ли конституционная реформа в России // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 4.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253; 2013. № 14, ст. 1638.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005; Российская газета. 2012. 7 дек.

⁴ См.: Решение Кировского районного суда города Новосибирска от 27 мая 2010 г. Дело № 2-1790/10 // Правосудие: государственная автоматизированная система Российской Федерации // Кировский районный суд г. Новосибирска. URL: <http://kirovsky.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.04.2013).

⁵ *Макарцев А.А.* Неопределенность норм избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 4. С. 43.

⁶ См.: Определение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2011 г.; Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ФЕДЕРАЛИЗМ

В.Г. Анненкова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ В РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы формирования единой государственной идеи в современной России. Отмечается, что новая интегрирующая национальная идея, которая должна основываться на демократии, гражданственности, патриотизме.

Ключевые слова: Конституция, федеративное государство, конституционные принципы федерализма, конституционализм.

V.G. Annenkova

THE CONSTITUTIONAL ASPECTS OF THE UNIFORM STATE IDEA

This article concerns the formation of the Uniform State Idea in modern Russia. The Uniform State ideology is a significant factor to provide the unity of the Russian people. The new integral national idea must be based on democracy, citizenship, patriotism.

Keywords: Constitution, federative state, constitutional principles of federalism, constitutionalism.

Проблематика национальной идеи постоянно являлась дискуссионной темой как в постсоветский период, так и в настоящее время. Отсутствие национальной идеи в России — неутешительный факт, т. к. единая государственная идеология выступает существенным фактором в обеспечении единства российского народа.

Распад СССР и крах коммунистической идеологии в России послужили причиной перехода к новым моделям государственности и экономики. Эти события стали отправной точкой не разрешившегося до сих пор кризиса российской идентичности — политической, национальной и гражданской.

Одним из приоритетов развития демократического правового Российского государства на современном этапе должна стать выработка общих для всех россиян ценностей, общей национальной идеи. Для такой многонациональной и многоконфессиональной страны, как Россия, это имеет особое значение.

По результатам Всероссийской переписи населения, проведенной по состоянию на 14 октября 2010 г., численность постоянного населения Российской Федерации составила 142,9 млн чел.

Российская Федерация занимает 8-е место в мире по численности населения после Китая (1335 млн чел.), Индии (1210 млн чел.), США (309 млн чел.),

© Анненкова Виктория Геннадьевна, 2013
Доктор юридических наук, профессор кафедры права и правоохранительной деятельности, ректор (Поволжский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации).

Индонезии (238 млн чел.), Бразилии (191 млн чел.), Пакистана (165 млн чел.) и Бангладеш (147 млн чел.)¹.

По сравнению с численностью населения по переписи 2002 г., численность населения в 2010 г. уменьшилась на 2,3 млн чел. В 2010 г. владение русским языком указало 138 млн чел. (99,4 % их числа ответивших на вопрос о владении русским языком), в 2002 г. — 142,6 млн человек (99,2 %). Среди горожан владели русским языком 101 млн чел. (99,8 %), а среди сельского населения — 37 млн чел. (98,7 %)².

Следует отметить, что «благодаря объединяющей роли русского народа сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов»³. Таким образом, определяющим для других этносов и всего государства является русский элемент общности, экономики, культуры, психологии. Известный французский писатель и историк Ж.Э. Ренан говорил, что «нация предполагает героическое прошлое, единую волю в настоящем и общую программу действий в будущем»⁴.

Российское общество, находящееся на социально-историческом переломе, испытывает острую потребность в конкретном знании целей экономических и политических преобразований, а также в идеях, способных сплотить его для реализации этих целей. «Реформаторы не смогли донести до народа свои идеи, планы, намерения, ориентиры, — справедливо указывает Н.И. Матузов, — ориентиры перемен оказались размытыми, невнятными — куда идем, чего хотим, какой путь избран?»⁵.

Еще Г.В. Плеханов отмечал, что «Россия остро нуждается в прогрессивной идеологии, основанной на лучших традициях, на современных представлениях о демократии, политических свободах, гуманности и социальной справедливости»⁶.

Развитие Российского государства свидетельствует, что имперская идеология царской России, а затем коммунистическая идеология, которая в течение 70 лет объединяла население Советского Союза, потерпели крах. Вместе с тем, как правильно отмечается в «Тезисах по российской национальной политике», «история России как полиэтнического единого государства в разных формах ее существования (Российская империя, СССР, Российская Федерация) стала возможна благодаря политической энергии русского народа, который консолидировал вокруг себя представителей различных этнических образований, а русский язык и русская культура смогли стать для них средством не только межэтнического общения, но и установления диалога с мировой культурой»⁷.

Особая роль в формировании государственной идеологии принадлежит Конституции. С.А. Авакьян справедливо отмечает, что «Конституция просто не может не быть идеологическим — в смысле мировоззренческим — документом... каждая Конституция закрепляет свою систему общественных ценностей... и нацелена на то, чтобы на ее основе формировались соответствующие воззрения каждого члена общества»⁸. В учении о конституции при рассмотрении ее сущности отдельно выделяется ее идеологическая функция, которая заключается в том, что она служит средством идеологического воздействия. «Конституционные ценности, будучи стержнем либерально-демократической идеологии, защищаются и охраняются»⁹. Если учесть, что Конституция РФ обладает наивысшей юридической силой и легитимностью, т. к. принята непосредственно народом на референдуме, то можно утверждать, что россияне признают идеологические нормы, закрепленные в ней, а государство обязано обеспечить всеми законными средствами их пропаганду в обществе.

В формировании национальной идеи ведущая роль остается за интеллигенцией, особенно той ее частью, которая связана с культурой, наукой, художественным творчеством, историей. Взвешенный научный подход к духовному облику нации должен противостоять националистическим концепциям, присутствующим в современном российском обществе. Именно государственная идеология может стать основой, способной сплотить экономически и политически разнородные слои общества. Она должна быть признана большей частью граждан, в противном случае не только не станет базой для объединения, но и будет дискредитировать государство перед народом. Безусловно, речь не может идти об «общеобязательной» национальной идее, но идеологический вектор созидания нового, прогрессивного должен присутствовать.

В целом взгляды ученых-государствоведов в отношении формирования единой государственной идеи разделились на два полярных лагеря. Сторонники одного подхода утверждают, что в такой многонациональной стране, как Россия, государственная идея, обеспечивающая единство государства, должна быть наднациональна. Наиболее верными представляются суждения ученых, полагающих, что формирование наднациональной концепции государственности России, признание идеи толерантности служит предпосылкой единения российского народа. Суть наднациональной концепции видится в создании модели федерации, которая бы обеспечила постепенное формирование единой российской нации.

Формирование наднациональной концепции государственности Российской Федерации — это консолидация россиян, относящихся к лицам разных национальностей, в единую общность в общероссийском масштабе. Иначе говоря, речь идет о формировании нации в этатическом значении. В этом смысле нация подразумевает граждан государства (его население) независимо от их национальности, составляющих в единстве общность людей, связанных принадлежностью к одному государству.

Несомненно, вопрос о замене понятия «нация» в этническом значении на понятие «нация как общность россиян» независимо от их национальной принадлежности — достаточно тонкий. Ставить его следует весьма аккуратно, тем более, что к его правовому решению, как представляется, на данном этапе в России пока не готовы. Однако постепенный отказ от выпячивания нации в этническом смысле и формирование менталитета заинтересованности в восприятии мирового опыта формирования и развития наций как общностей, представляющих собой объединение людей в едином государстве, видятся весьма перспективными направлениями в государственной политике России. Проведение такой политики позволит перейти постепенно на территориальный принцип образования Федерации, где каждая территория в составе России будет рассматриваться как место проживания лиц разных национальностей, представляющих в совокупности многонациональный народ, а не титульную нацию данного субъекта Федерации¹⁰.

Как отметил Президент РФ в Послании Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. гражданская ответственность и патриотизм должны составлять «консолидирующую базу нашей политики»¹¹. Достижение не провозглашаемого, а реального единства правового, политического и социально-экономического пространства станет необратимым в том случае, «если у всех народов, проживающих на территории Российской Федерации, выработается ощущение принадлежности к России не на основе крови, а на основе историко-культурной общности и единого государственного языка»¹².

Таким образом, в рамках становления нового федеративного государства невозможен возврат к старым идеологическим догмам, необходима новая интегрирующая национальная идея, которая должна основываться на демократии, гражданственности, патриотизме.

¹ United Nations, Population and Vital Statistics Report, 2011, last Updated 8 November 2011.

² См.: Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: www.gks.ru (дата обращения: 07.12.2012).

³ Там же.

⁴ Цит. по: Поздняков Э. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994. С. 11–13.

⁵ Матузов Н.И. Права человека: время надежд и разочарований // Права человека: пути их реализации: материалы Международной конференции: в 2 ч. Саратов, 1998. Ч. 1. С. 75.

⁶ Плеханов Г.В. Политическое завещание // Независимая газета. 1999. 30 нояб.

⁷ Тезисы по российской национальной политике. М., 2004. С. 14.

⁸ Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 15.

⁹ Конституционное право: учебник для вузов / отв. ред. А.Е. Козлов. М., 1996. С. 31.

¹⁰ См.: Колюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. М., 2004. С. 306.

¹¹ Российская газета. 2012. 13 дек.

¹² Маркедонов С. Апология Российской идеи, или как нам сохранить Россию // Тезисы по российской национальной политике. М., 2004. С. 6.

Т.В. Заметина

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ

В статье анализируется содержание новой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Выявляются достоинства и недостатки этого документа. Формулируется вывод о необходимости совершенствования государственной политики в сфере национальных отношений.

Ключевые слова: стратегия государственной национальной политики, национальное равноправие, механизмы реализации политики, критерии эффективности.

T.V. Zametina

STRATEGY OF STATE NATIONAL POLICY OF RUSSIA: SEARCHING NEW CONCEPT

The article is devoted to the analyses of the new strategy of the State National Policy of Russian Federation for the period up to 2025. The author reveals the strengths and weaknesses of the document and concludes that there is the need to improve state policy in the sphere of national relations does exist.

Keywords: strategy of the state national policy, national equality, the mechanisms of policy, performance criteria.

В Послании Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. Президент РФ вновь обратил внимание на необходимость сохранения в стране межнационального мира и согласия. Глава государства отметил, что «Россия веками развивалась как многонациональное государство», «государство-цивилизация, скреплённое русским народом, русским языком и русской культурой», поэтому государство

© Заметина Тамара Владимировна, 2013

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия).

не допустит «появления в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила»¹.

19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года². Принятие этого документа, несомненно, является положительным фактом, свидетельствующим об усилении государственной составляющей в сфере регулирования межнациональных отношений.

В качестве положительной характеристики новой Стратегии следует отметить ее политико-правовую актуальность, учет глобализационных аспектов и в связи с этим — экономических, миграционных, социально-культурных и демографических процессов, происходящих на территории Российской Федерации. В документе говорится о необходимости «сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан». Именно политика «согласования» интересов государства и этнических общностей, на наш взгляд, в большей степени соответствует основам конституционного строя России, её федеративной модели государственного устройства и существующему демократическому режиму.

Указанный документ принят в рамках деятельности государства по стратегическому планированию³, носит комплексный межотраслевой характер, призван развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей). Задачи государственной национальной политики сформулированы дифференцированно, в зависимости от сфер реализации (политическая и государственно-правовая, экономическая, духовная сферы и т. д.).

В этом правовом акте подчеркивается объединяющая роль русского народа, отмечается, что «благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов». Мы полагаем, что данным документом заложены основы межэтнической интеграции. Под межэтнической интеграцией, партнерством в межнациональных отношениях мы подразумеваем приоритет общечеловеческих, универсальных ценностей над частногрупповыми, узкоэтническими интересами и конституционное закрепление права каждого человека сохранять национальные традиции, обычаи, пользоваться родным языком и культурой.

Среди компонентов государственной национальной политики особое значение имеет принцип национального равноправия. И.Е. Фарбер писал, что субъективное право гражданина на национальное равноправие включает в себя правомочия: на уважение национальности; на равное использование любых прав, независимо от национальной и расовой принадлежности; на пользование родным языком⁴. Принцип национального равноправия многофункционален по природе: будучи принципом правового статуса личности, он одновременно определяет режим взаимоотношений этнических общностей между собой и органами государственной власти, создает условия воспроизводства социальных институтов этнических общностей. Универсальный характер принципа национального равноправия проявляется в различных направлениях деятель-

ности государства по обеспечению политического, социально-экономического и культурного развития этнических общностей.

Только обеспечение реального равноправия всех граждан Российской Федерации, независимо от национальности и территории проживания, взвешенная государственная политика поддержки социально-экономического и культурного развития этнических общностей, воспитание культуры межнационального общения и формирование на ее базе единой гражданской общности способны преодолеть негативные последствия послереформенного периода.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года должна выступить основой координации деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере реализации государственной национальной политики Российской Федерации. В анализируемом документе (по сравнению с действовавшей ранее Концепцией государственной национальной политики РФ 1996 г.) выявлены негативные факторы, влияющие на развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений; конкретизированы принципы государственной национальной политики; сформулированы ее приоритетные направления; определены перспективы создания государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

Документ предусматривает различные мероприятия по гармонизации межнациональных отношений практически всех сферах жизнедеятельности общества и государства (деятельность государственных и муниципальных органов, избирательный процесс, деятельность политических партий, служба в Вооруженных Силах РФ, сеть Интернет и т. д.).

Вместе с тем системный анализ этого документа позволяет выявить и определенные его недостатки. В частности, недостаточно проработаны механизмы реализации государственной национальной политики Российской Федерации (разд. IV). Отмечается, что реализация Стратегии осуществляется Правительством РФ во взаимодействии с федеральными и региональными государственными органами. При этом не упоминаются органы местного самоуправления, хотя в самом документе предусматривается создание муниципальной системы мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций (п. «в» разд. III).

Конечно, основная нагрузка по реализации стратегического документа в сфере межнациональных отношений должна быть возложена на органы исполнительной власти и Президента страны, но нельзя недооценивать в этом процессе роль российского парламента, законодательных (представительных) органов власти субъектов Федерации. Именно они принимают важнейшие нормативно-правовые акты, определяют те или иные социальные ценности в качестве приоритетных, учитывают основные закономерности и тенденции общественного развития. Следовало бы упомянуть в механизме реализации Стратегии и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, который призван обеспечить защиту и восстановление нарушенных прав и свобод, в т. ч. национального характера.

В Проекте Стратегии государственной национальной политики, принятой за основу рабочей группой по подготовке Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 27 сентября 2012 г., содержался разд. V «Основные характеристики состояния межнациональных отношений». В целях оценки состояния

межнациональных отношений, этнополитической напряженности в регионах и эффективности деятельности органов власти в субъектах РФ по реализации государственной национальной политики были определены такие основные характеристики (индикаторы), как динамика и соотношение российской гражданской и национальной (этнической) идентичности у населения в субъекте РФ (по данным социологических опросов); изменения в этническом составе населения в субъекте РФ, включая наличие национальных меньшинств с потребностями сохранения и развития национальных культур (по данным переписи населения и социологических опросов) и др. В действующую Стратегию данный раздел не включен.

Мы полагаем, что вопросы определения критериев эффективности деятельности органов государственной власти или их структурных подразделений — это вопросы системной качественной оценки их функционирования, которые должны быть рассмотрены при условии учета всего комплекса факторов, характеризующих ту или иную сферу деятельности. В условиях многонационального государства выявление критериев эффективности деятельности органов государственной власти в области национальных отношений приобретает особое значение.

В качестве критериев эффективности реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, на наш взгляд, могут выступить: соответствие федеральных законов, конституций (уставов) субъектов, законов и других правовых актов положениям Конституции РФ и Концепции государственной национальной политики; уровень материально-финансовой обеспеченности мероприятий национально-культурного характера; осуществление ситуационного анализа, мониторинга состояния и динамики развития национально-культурных процессов; осуществление фундаментальных и прикладных исследований по проблемам государственной национальной политики; проведение мероприятий, направленных на профилактику этнического и религиозного экстремизма, и т. д. В числе показателей можно назвать количественные характеристики указанных критериев эффективности реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Эти данные могут учитываться Советом при Президенте РФ по межнациональным отношениям при подготовке Президенту РФ предложений по уточнению приоритетных направлений Стратегии.

Межнациональные отношения затрагивают интересы как отдельного человека, так и российского общества и государства в целом. Эффективная национальная политика выступает одной из основ национальной безопасности Российской Федерации. Последовательная реализация Стратегии государственной национальной политики призвана обеспечить создание дополнительных социально-экономических и политических условий прочного национального и межнационального мира и согласия на всей территории Российской Федерации, укрепление основ конституционного строя, демократии и федерализма.

¹ Российская газета. 2012. 13 дек.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7477.

³ См., например: «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», «Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года», «Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период

до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 года» и др. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 1, ст. 216; 2010. № 4, ст. 421; 2011. № 38, ст. 5400; 2010. № 40, ст. 5107; 2011. № 39, ст. 5489; 2011. № 8, ст. 1142.

⁴ См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 132.

В.С. Хижняк

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЕЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается конституционно-правовой аспект оптимизации правовой политики Российской Федерации посредством ее национальных интересов.

Ключевые слова: конституционное право, национальные интересы, правовая политика.

V.S. Khizhnyak

THE ROLE OF THE NATIONAL INTERESTS OF RUSSIAN FEDERATION IN THE DEVELOPMENT OF ITS LEGAL POLICY: THE CONSTITUTIONAL ASPECT

The article is devoted to the analyses of the impact that the national interests have on the development of the legal policy in the constitutional law field.

Key words: constitutional law, national interests, legal policy.

Национальные и интернациональные интересы можно назвать движущей силой развития любой политики, в т. ч. и правовой. В общих чертах их можно охарактеризовать как политические идеи, отражающие интересы международного сообщества, государства, нации. В СССР, например, существовало такое понятие, как «классовый интерес». Национальные и интернациональные интересы подвержены влиянию процессов, происходящих в обществе и в международных отношениях. В случае, если они не учитываются правом, последнее становится неэффективным. На наш взгляд, в условиях глобализации одно из наиболее важных направлений оптимизации правовой политики государства — выявление и юридическое закрепление национальных и интернациональных интересов.

Под правовой политикой в теории государства и права принято понимать «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и жизни общества и личности»¹.

В юридической литературе часто подчеркивается значение национального интереса для формирования правовой политики государства. Так, В.М. Баранов указывает, что «национальные интересы — реальный базис правовой политики го-

© Хижняк Вероника Сергеевна, 2013

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная академия права); e-mail veronica_h@mail.ru

сударства»². Т.Я. Хабриева и Ю.А. Тихомиров отмечают, что национальный интерес «является главным двигателем правовой сферы»³. На наш взгляд, с приведенными мнениями следует согласиться, однако необходимо подчеркнуть, что национальный интерес лежит еще и в основе внутренней и внешней политики любого государства.

Национальные интересы России (основные, долгосрочные) отражены и в гл. 1 Конституции РФ. Так, согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Государство обязано признавать, соблюдать и защищать эти права. В ч. 1 ст. 7 Конституции РФ указывается, что Россия — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В ч. 2 этой статьи говорится о мерах социального характера, которые Россия осуществляет для реализации задач социального государства. В ст. 10 Конституции РФ закрепляется принцип разделения властей, являющийся демократическим принципом, способствующим построению гражданского общества. В ч. 5 ст. 13 Конституции РФ содержится запрет на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, что также должно способствовать защите прав и свобод человека и построению гражданского общества. Сюда можно отнести и ч. 1 ст. 14, в которой устанавливается, что Российская Федерация — светское государство, и никакая религия не может быть государственной или обязательной. Положениями Конституции РФ, которые являются правовым выражением такого национального интереса, как обеспечение прав и свобод человека, построение гражданского общества, можно считать все положения гл. 2.

Такому национальному интересу, как сохранение суверенитета и государственного единства, соответствуют положения ч. 1 ст. 3, ст. 4, ч. 3 ст. 5, ч. 1 ст. 9, ст. 11 и 12. Например, согласно ч. 1 ст. 3 носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации выступает ее многонациональный народ. Согласно положениям ст. 4 Конституции РФ суверенитет России распространяется на всю ее территорию, Россия обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. Часть 3 ст. 5 гласит, что федеративное устройство России основано на ее государственной целостности, единстве государственной власти. В ст. 11 и 12 Конституции РФ также заложены основы развития суверенитета в России. Сюда можно отнести и ч. 1 ст. 9 Конституции РФ.

Развитию демократии в политической сфере способствуют также положения ст. 13 российской Конституции, т. е. признание идеологического и политического многообразия, запрета на создание и деятельность общественных объединений, цели и принципы которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства и т. д. Сюда же можно отнести положения гл. 3 Конституции РФ.

Национальные интересы России в экономической сфере выражены в положениях ст. 8 Конституции РФ (гарантия единого экономического пространства, признаются и защищаются равным образом различные формы собственности), а также в ч. 2 ст. 9 Конституции, в которой закреплено, что земля и природные ресурсы Российской Федерации могут находиться в различных формах собственности.

Укреплению авторитета Российской Федерации в международных отношениях способствуют положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в которой признается, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой

системы, а также устанавливается приоритет международных договоров РФ перед ее законами. Этим положением подчеркивается и приверженность России одному из основополагающих принципов международного права — принципу добросовестного соблюдения международных обязательств.

Среди интересов, которые не отражены в Конституции РФ, но имеют важное значение для оптимизации российской правовой политики в условиях глобализации, следует отнести такие, как: повышение престижа государственной службы, борьба с коррупцией, удвоение ВВП, решение демографической проблемы, улучшение пенсионного обеспечения, совершенствование системы национальной безопасности, ликвидация локальных конфликтов, взаимодействие с Евросоюзом, США, КНР и другими странами и т. д. Эти интересы в свою очередь подразделяются на внутригосударственные и международные в зависимости от уровня, на котором они должны быть реализованы. Следует отметить, что международные интересы Российской Федерации часто переплетаются с интернациональными интересами, т. е. теми вопросами, решение которых является важным для международного сообщества в целом, а не только для России. Однако не стоит смешивать эти понятия.

Влияние национальных и интернациональных интересов на формирование правовой политики любого государства трудно переоценить. Национальные и интернациональные интересы это именно те идеи и требования реальности, которые побуждают законодателя принимать нормативно-правовые акты, и обычно являются т. н. «духом закона». Наличие определенного национального или интернационального интереса вызывают необходимость принятия нормативно-правового акта. Не все эти интересы могут быть отражены в Конституции или федеральных законах. То, в каком нормативно-правовом акте будет закреплён определенный интерес, имеет значимость для общества и государства. Поэтому правовая политика государства должна быть направлена на выявление этих интересов и их законодательное закрепление.

Особое место в этой сфере отведено таким государственным органам, как Президент РФ, Правительство, Совет Федерации, Федеральное Собрание, Конституционный Суд РФ и иные судебные органы. Как известно, национальные интересы государства обуславливают его внутреннюю и внешнюю политику, оказывают влияние на право, как внутригосударственное, так и международное. Поэтому и процесс их выявления и законодательного закрепления не может проходить без участия тех органов, которые участвуют в формировании политики государства.

Кроме того, необходимо отметить, что многие государственные органы, в соответствии с Конституцией РФ, также осуществляют формирование национальных интересов (на основе тех, которые были выявлены в ходе их деятельности), а также в их реализации на внутригосударственном и международном уровнях.

Ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ являются еще одним документом, на основании которого можно сделать вывод о наличии у России того или иного национального интереса.

В своем Послании от 12 декабря 2012 г.⁴ Президент РФ конкретизировал и развил основные интересы нашего государства, которые получили свое отражение и в предыдущих Посланиях⁵ (решение демографической проблемы, развитие образования, здравоохранения и т. д.). Особенность всех Посланий Президента Федеральному Собранию РФ состоит в том, что в них всегда содер-

жаты предложения, касающиеся совершенствования правовой политики РФ и ее законодательства.

Следует отметить, что, реализуя внешнюю политику, органы, участвующие в этом процессе, способствуют формированию национальных интересов России и их реализации в международных отношениях.

Национальные интересы выступают одним из основных факторов оптимизации правовой политики Российской Федерации. Роль конституционного права в данном процессе — регулирование механизма оптимизации правовой политики посредством национальных интересов.

¹ См.: Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М., 2009. С. 35.

² См.: Баранов В.М. Деструктивное воздействие права на национальные интересы // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 87.

³ Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А. Право и интересы // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 16.

⁴ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 дек.

⁵ См.: Послания Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2005. 26 апр.; 2006. 11 мая; 2007. 27 апр.; Российская газета. 2008. 6 нояб.; 2009. 13 нояб.; 2010. 1 дек.; 2011. 23 дек.

М.А. Еремина

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО НОРМАТИВНОГО И ПРЕЦЕДЕНТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПРОВИНЦИЙ КАНАДЫ

В статье анализируется содержание Конституционных Актов Канады и основных прецедентов, регулирующих право субъектов (провинций) Канады на осуществление внешнеэкономических связей. Обосновывается необходимость совершенствования российского законодательства в сфере внешнеэкономической деятельности субъектов РФ.

Ключевые слова: канадский федерализм, внешнеэкономические связи провинций Канады, Конституционный Акт 1867 г., прецедентное регулирование.

M.A. Eremina

SOME ASPECTS OF CURRENT NORMATIVE AND PRECEDENT REGULATION OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF CANADIAN PROVINCES

The article is devoted to the analysis of the content of the Constitutional Acts of Canada and the main precedents in the field of regulation of intereconomical activity of the Canadian provinces. The author draw to the conclusion that there is the need to improve Russian legislation in the sphere of intereconomical relations of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: Canadian federalism, intereconomical relations of the Canadian provinces, Constitutional Act 1867, precedent law.

В настоящее время внешнеэкономические связи членов федераций составляют неотъемлемую часть международной жизни. Расширяется круг членов различных федераций, принимающих активное участие во внешнеэкономических связях¹.

© Еремина Мария Александровна, 2013
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия).

Соответственно наблюдаются закрепление и детализация прав членов федерации во внешнеэкономической области. Не стала исключением и Канадская федерация.

Решающее влияние на экономическое развитие и хозяйственную структуру Канады в целом оказали такие факторы, как обилие природных ресурсов, огромная и малозаселенная территория, соседство Соединенных Штатов Америки и поступательное развитие интеграции между двумя странами, импорт капитала, а также привлечение большого количества иммигрантов.

В рамках канадского федерализма сосуществуют два конституционно-легитимных уровня власти и управления — федеральный и провинциальный².

Еще в 80-х гг. ряд зарубежных специалистов отмечали, что канадская федерация являлась одним из самых децентрализованных в мире федеративных образований³. Похожее положение дел сохранилось и до настоящего времени. Действительно, как отмечает Р. Симеон, «относительно положения федерального и провинциальных правительств, Канада является одной из самых децентрализованных федераций в мире», однако одновременно с этим она «сочетает высокий уровень автономии составляющих ее частей с высокой степенью их взаимозависимости»⁴.

Внешнеэкономическая деятельность членов Канадской федерации представляет огромный интерес, что объясняется как раз высоким уровнем децентрализации и, следовательно, внешнеэкономической активностью канадских провинций. По мнению В.Е. Шило, «феномен непосредственного участия субъектов канадской федерации во внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности, если и не является специфическим в мировой практике, то все-таки до сих пор относится к ряду исключений»⁵.

С первых лет существования федерации некоторые канадские провинции участвовали в контактах на международной арене.

Говоря об осуществлении провинциями Канады внешнеэкономических связей, хотелось бы более детально рассмотреть такую организационную форму, как право провинций на заключение международных договоров и их исполнение.

Так, в Канаде на протяжении XX в. суды рассматривали дела по спорам о разграничении так сказать «международных» предметов ведения и полномочий между федерацией и провинциями именно в части заключения и исполнения международных договоров (вне зависимости от конкретного затрагиваемого предмета данных международных договоров). Исход дела, или итоговое решение в каждом конкретном случае, зависел от того, под какую статью Конституции Канады подпадало заключение договора: касалось ли оно положения ст. 91 о мире, порядке и надлежащем управлении или п. 2 ст. 91 о федеральном регулировании торговли и коммерции либо же оно подпадало под ст. 92 о собственности и гражданских правах провинции. Причем в первых двух случаях, независимо от того, какое имелось в виду положение, речь идет об исключительном ведении федерального правительства Канады, а в третьем — о ведении провинций.

Более того, в Канаде сложилась и сохраняется до сих пор довольно своеобразная ситуация, характеризующаяся некоторым разрывом между исполнительными и законодательными функциями властей двух уровней. Теоретически федеральные власти обладают всеми необходимыми исполнительными полномочиями для осуществления функций внешнеэкономических сношений, в т. ч. и для заключения международных договоров, даже если их предмет относится к юрисдикции провинций. Однако практически исполнительные полномочия федерального центра на международной арене ограничиваются лишь теми сферами, в которых она обла-

дает законодательной инициативой⁶. Провинции со своей стороны осуществляют юрисдикцию над целым рядом вопросов, являющихся предметом международных переговоров, не имеют права самостоятельно вступать в международные договоры или участвовать в работе международных организаций. Таким образом, создалась ситуация, когда даже в случае заключения федеральным правительством того или иного соглашения с зарубежной страной, предмет которого подпадает под юрисдикцию провинций, последние могут эффективно заблокировать исполнение взятых на себя Оттавой обязательств по договору со всеми вытекающими отсюда последствиями, т. к. федеральные власти по конституции не имеют права лишь на основании факта заключения международного договора и необходимости его исполнения вторгаться в сферу юрисдикции провинций. По выражению американского исследователя Д. Динера, для деятельности Канады на международной арене после Второй мировой войны было характерно стремление «скрываться в дебрях конституционных положений»⁷.

Как отмечал Н.Б. Топорнин, в Канаде на функционирование внешнеэкономического механизма, без сомнений, оказывает влияние федеративная форма государственного устройства. Здесь на первый план выходит проблема распределения внешнеэкономической компетенции между центральными органами власти и субъектами Канадской федерации. Конституционное законодательство оставляет этот вопрос за пределами своего прямого регулирования⁸.

В общих чертах канадская модель разграничения предметов ведения и полномочий представлена статьями Конституционного Акта 1867 г. (Акта о Британской Северной Америке). Так, отношения между федеральным правительством и правительствами провинций регулируются в соответствии с разделением полномочий, зафиксированным в ст. 91–92 Акта. Статья 93 посвящена правам провинций в сфере просвещения. В настоящее время именно эта статья «является основанием для того, что Квебек называет своим правом заключать соглашения в области культуры и образования с другими странами и правом участвовать в работе ООН по вопросам просвещения, науки и культуры (ЮНЕСКО)»⁹, т. к. ни одно положение Канадской Конституции не упоминает сферу юрисдикции, которая могла бы быть связана с иностранными делами или международными отношениями¹⁰.

Неурегулированность нормами Конституции Канады многих серьезных изменений и событий, произошедших в экономической и социальной сферах жизни канадских провинций в первой половине XX в., противоречивость некоторых положений Конституционных Актов, составляющих Конституцию Канады, а также возросшая значимость сфер, отнесенных к ведению провинций, потребовали внесения уточнений в разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами. Этот процесс протекал в условиях острой политической борьбы, сопровождаясь сменяющимися друг друга периодами усиления роли как федерации, так и провинций. Так как Канада принадлежит к англо-саксонской системе права, а также в связи с тем, что внутреннее законодательство Канада в решении вопроса предоставления провинциям права осуществлять внешнеэкономические связи в значительной степени основывается не на четко изложенных положениях писаной Конституции, полагаем, что ответ может быть найден в таких источниках, как правовые традиции, обычаи и прецеденты, решения многочисленных имперских конференций, известные вердикты и определения судов, Верховного Суда Канады, Судебного Комитета Тайного Совета Великобритании и т. д.¹¹ Так, канадские провинции добились расширительного толкования

собственных полномочий в экономической, социальной и культурной областях, а также признания полномочий провинциальных органов государственной власти в некоторых сферах, не упомянутых в Конституции. Еще с момента образования канадской федерации юридические прецеденты играли немаловажную роль в ослаблении централизующего начала в процессе развития федеративной структуры Канады¹². В.А. Качанов в связи с этим подчеркивал, что «значительную роль в толковании конституционных положений о распределении компетенции в федерации исторически сыграли судебные прецеденты»¹³.

Несмотря на существенные отличия Канады от России, обе федерации могут почерпнуть имеющийся друг у друга позитивный опыт в области регулирования внешнеэкономических связей субъектов в целях совершенствования собственных моделей.

¹ *Lachapelle G. and Paquin S. eds., Mastering Globalization: New Sub-States's Governance and Strategies* (London (U. K.): Frank Routledge, 2005); LUZ, Mark A and C. *Marc Miller. «Globalization and Canadian Federalism: Implications of the NAFTA's Investment Rules»* (2002) 47 McGill L. J. 951; PATTON, Ryan, «Federal Preemption in an Age of Globalization», Note, (2005) 37 Case W. Res. J. Int'l L. 111.

² *Makarenko J. Federalism in Canada: Basic Framework and Operation. Government & Institutions. Jan 11, 2008. P. 7–19.*

³ *Ibid.*

⁴ *Simeon R. Federalism and decentralization in Canada // A paper presented at the 2nd International Conference on Decentralization (Published by the Forum of Federations — www.forumfed.org). University of Toronto, 2002. P. 3–4.*

⁵ *Шило В.Е. Канадский федерализм и международные отношения. М., 1985. С. 5.*

⁶ *Kindred, Hugh. «Canadians as Citizens of the International Community: Asserting Unimplemented Treaty Rights in the Courts»* in Stephen G. Coughlan and Dawn Russell, ed., *Citoyennete et participation if l'administration de la justice / Citizenship and Citizen Participation in the Administration of Justice* (Montreal: Themis, 2001) 265 21, 181, 374; *Merica-Stephens, Ana Maria. «Of Federalism, Human Rights, and the Holland Caveat: Congressional Power To Implement Treaties»* (2004) 25 Mich. J. Int'l L. 265.

⁷ *Simeon, Richard, Robinson, Ian. State, Society, and the Development of the Canadian Federalism. University of Toronto Press, 1990.*

⁸ См.: *Топорнин Н.Б. Государственно-правовой механизм внешних сношений стран Содружества (на примере Австралии, Великобритании, Канады, Новой Зеландии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990.*

⁹ *Dupras D. International Treaties: Canadian Practice. Prepared by Law and Government Division. 3 April 2000. P. 4–6.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ См.: *Шило В.Е. Указ. соч. С. 169.*

¹² *Beaulac, Stephane. «Recent Developments on the Role of International Law in Canadian Statutory Interpretation»* (2004) 25 Stat. L. Rev. 19; Symposium. *Federal Courts and Foreign Affairs*, (2002) 42 Va. J. Int'l L. 365.

¹³ *Качанов В.А. Кризис канадского федерализма (франко-канадская проблема в канадской федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970.*

О.А. Угланова

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВХОЖДЕНИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

В статье рассматривается вопрос о процессе федерализации Российского государства путем преобразования субъектов Федерации на основе Конституции РФ, выступающей регулятором общественных отношений.

Ключевые слова: публичная власть, взаимодействие частей Федерации, модернизация, постановления Конституционного Суда РФ.

© Угланова Оксана Александровна, 2013

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: tatugl@yandex. ru

O.A. Uglanova

FUNDAMENTALS OF THE LEGAL REGULATION OF NEW SUBJECTS' ENTRY INTO THE RUSSIAN FEDERATION

The question is considered of at present the process of federalization of the Russian state is going on by transformation of the subjects of Federation on the basis of the Constitution of the RF which acts as a regulator of social relations.

Keywords: public authority, the interaction of the parts of Federation, modernization, decrees of the Constitutional Court of Russian Federation.

В современном мире утвердились организационные формы межгосударственного общения, Так 28 февраля 1996 г. Россия вступила в Совет Европы и взяла тем самым на себя обязательство признавать «принцип преимущества права и принцип, в силу которого любое лицо, находящееся под его юрисдикцией, должно пользоваться правами человека и основными свободами»¹. В этих условиях трудно переоценить роль обобщения международного и совершенствования российского опыта законодательства, способного обеспечивать качественную и эффективную государственность на основе федерализма. Процесс федерализации Российского государства идет в настоящее время путем преобразования субъектов Федерации на основе Конституции РФ и усиления интеграционных тенденций и централизованных начал построения государства².

При принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта должны соблюдаться государственные интересы, принципы федеративного устройства России, права и свободы человека и гражданина, а также учитываться сложившиеся исторические, хозяйственные и культурные связи субъектов РФ, их социально-экономические возможности (ч. 2 ст. 1 Конституции РФ).

Наряду с общими принципами и требованиями Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (в ред. от 31 октября 2005 г.)³ устанавливает условия и порядок принятия в Российскую Федерацию, которые отвечают общепризнанным принципам и нормам международного права. Инициатором предложения о приятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части и заключении соответствующего международного договора выступает данное иностранное государство в целом. Президент РФ после поступления такого предложения уведомляет о нем Совет Федерации и Государственную Думу Федерального Собрания РФ, а также Правительство РФ и при необходимости проводит с ними соответствующие консультации.

Федеральный конституционный закон от 15 июня 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» предусматривает разные правовые последствия по приему иностранного государства и его части. В случае принятия в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства в целом этому субъекту предоставляется статус республики, если международным договором не предусматривается предоставление новому субъекту статуса края или области (ч. 3 ст. 4)⁴. При принятии части иностранного государства этому субъекту может быть предоставлен как статус республики, края, области, так и

автономной области или автономного округа в соответствии с международным договором (ч. 2 ст. 4).

Рассмотрение предложения и принятие решений, касающихся заключения международного договора, осуществляются в соответствии с указанным Федеральным законом. После подписания международного договора Президент России обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке соответствия Конституции РФ данного международного договора. В случае, если Конституционный Суд РФ признает не вступивший в силу международный договор соответствующим Конституции России, этот международный договор вносится в Государственную Думу на ратификацию. Одновременно с международным договором в Государственную Думу вносится проект федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта.

Проект Федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта должен содержать положения, определяющие наименование, статус и границы нового субъекта, а также заключительные и переходные положения, устанавливающие сроки, в течение которых новый субъект должен быть интегрирован в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы России, а также в систему органов государственной власти РФ. В проекте могут содержаться и другие положения, вытекающие из международного договора и протоколов к нему.

Следует на законодательном уровне предусмотреть специальные нормативные акты, которые закрепляли бы права этносов и малых народов, проживающих на территории России по развитию и сохранению их языка, культуры, промыслов, запрещали дискриминацию по национальному признаку, гарантировали самостоятельное определение национальной принадлежности и способствовали совершенствованию межнациональных отношений.

Подчеркивая актуальность проблемы сохранения самобытности, языка и культуры в национальных автономиях, являющихся участниками объединения, и разработки на законодательном уровне специальных нормативных актов, которые закрепляли бы права этносов и малых народов, проживающих на территории автономных округов, по развитию и сохранению их языка, культуры, промыслов, следует признать, что остаются ещё проблемы прежде всего экономического выравнивания, т. к. некоторые субъекты Федерации имеют дотационный характер, а также неразвитость социальной сферы.

Выравнивание развития субъектов Федерации будет способствовать устранению асимметричности в социально-экономическом развитии регионов Федерации, соблюдению прав и свобод человека и гражданина, а также развитию сложившихся исторических, хозяйственных и культурных связей субъектов РФ и их социально-экономических возможностей.

Последнее десятилетие современная российская конституционная история и практика наиболее насыщены. Особенно это проявляется в административно-территориальной реформе Федерации, где глубокие формационные преобразования, происходящие в стране, не могли не коснуться такой сферы государственного устройства, как реформирование субъектного состава РФ, поиска оптимальной модели федеративного устройства, а следовательно, и форм управления единым государственным организмом — Российской Федерацией. Создана правовая основа объединения и укрупнения субъектов Федерации, на основе Конституции и Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О поряд-

ке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Такое объединение осуществляется в соответствии с Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации, важнейшими принципами которой выступают сохранение государственной и территориальной целостности, единство системы государственной власти, дальнейшее разграничение компетенции между Федерацией и субъектами, а также равноправие субъектов. Эти принципы закреплены в ст. 5 Конституции РФ как важнейшие компоненты основополагающих начал российского федерализма, суть которого состоит в обеспечении баланса, веса и влияния, различных социально-политических сил в государстве.

Объединение регионов и территорий призвано ускорить социально-экономическое развитие страны и существенно повысить уровень жизни населения, проживающего на указанных территориях. Одним из первых субъектов, реализовавших норму Конституции, стал Пермский край, образованный в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Однако к процессу объединения субъектов необходимо подходить максимально взвешенно, учитывая все негативные факторы и возможные последствия.

¹ См.: Устав Совета Европы. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/001.htm> (дата обращения: 24.05.2013).

² См.: *Радченко В.И.* Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; *Заметина Т.В.* Федерализм в системе конституционного строя России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4916; 2005. № 45, ст. 4581.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ

IN DISSERTATION COUNCILS

В июне 2013 г. в ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени доктора юридических наук

24 июня 2013 года — Соколовым Александром Юрьевичем на тему: «Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения».

Специальность 12.00.14 — административное право; финансовое право; информационное право.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор И.В. Максимов.

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

7 июня 2013 года — Эбзеевой Зульфией Азреталиевной на тему: «Наемничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты (на примере Северного Кавказа)».

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент В.Г. Громов.

7 июня 2013 года — Касаевым Ильясом Хамзатовичем на тему: «Предупреждение преступлений, совершаемых участниками этнических преступных группировок».

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Н. Варыгин.

10 июня 2013 года — Рясинной Анной Сергеевной на тему: «Оценочные категории: общетеоретический и нравственно-правовой аспекты».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор О.И. Цыбулевская.

10 июня 2013 года — Болдыревой Еленой Владимировной на тему: «Конституционное правосудие в субъектах Федерации: Россия и зарубежный опыт (США и ФРГ)».

Специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

Научный руководитель — кандидат юридических наук, профессор М.А. Митюков.

17 июня 2013 года — Титовой Анжелой Александровной на тему: «Конституция в системе российского законодательства (теоретико-правовой анализ)».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор И.Н. Сенякин.

17 июня 2013 года — Пискуновой Ольгой Владимировной на тему: «Функции норм российского права».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор И.Н. Сенякин.

21 июня 2013 года — Плотниковым Дмитрием Александровичем на тему: «Особенности действия принципов гражданского процессуального права в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор О.В. Исаенкова.

21 июня 2013 года — Николаевым Андреем Витальевичем на тему: «Влияние Конституции Российской Федерации на формирование и развитие арбитражного процессуального права».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Т.А. Григорьева.

21 июня 2013 года — Карпеевым Олегом Владимировичем на тему: «Правовое регулирование организации перевозки в прямом смешанном сообщении».

Специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент С.Ю. Морозов.

21 июня 2013 года — Ефремовым Николаем Сергеевичем на тему: «Правовое регулирование участия прокурора в арбитражном процессе».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс.

Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент Т.А. Савельева.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

Журнал «Вестник Саратовской государственной юридической академии» включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ; зарегистрирован в качестве реферируемого подписного федерального издания, в связи с чем повышаются требования, предъявляемые к статьям и материалам.

1. Для оптимизации редакционно-издательской подготовки редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; сноски концевые автоматические, кегль 12, шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@sgar.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты и телефон для связи (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, телефон для связи (все параметры обязательны).

1.4. Выписка из решения заседания кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию рукописи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем.

1.5. Внешняя рецензия специалиста в данной научной сфере, имеющего ученую степень (из другого вуза или от практического работника), подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

1.6. Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов и соискателей).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться: а) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); б) названием; в) местом работы автора (авторов); г) электронным адресом автора (авторов); д) краткой аннотацией содержания рукописи (3–4 строчки, не должны повторять название); е) списком ключевых слов или словосочетаний (5–7).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

Оформление рисунков: а) все надписи на рисунках должны читаться; б) графики и диаграммы должны быть оформлены с учетом особенности черно-белой печати; цветные рисунки исключаются; в) графики и диаграммы должны читаться отдельно от текста, поэтому они должны иметь название и (при необходимости) единицы измерения.

Рисунки и таблицы должны иметь название и ссылку в тексте.

5. Сноски в тексте должны быть концевыми и проставлены автоматически. Они оформляются следующим образом:

а) для монографий: фамилия и инициалы автора (курсивом), название книги, место издания и год издания: *Куликов А.Н.* Египет: боги и герои. Тверь, 1995;

б) для статей в сборниках и периодике: фамилия и инициалы автора (курсивом), название статьи; далее (после двух косых черточек) — название сборника или журнала, место издания и год издания (для периодических изданий — год издания и номер): *Дубашинский И.А.* Свифт // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 706–710.

в) для ссылок на электронный ресурс: фамилия и инициалы автора (курсивом), название статьи; далее (после URL:) — адрес электронного ресурса в Интернете, в скобках — после слов «дата обращения:» дата обращения автора статьи к этому ресурсу): *Артамонова Е.* Новый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: статус прокурора. URL: www.spbpravo.ru (дата обращения: 23.01.2009); *Хужокова И.М.* Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2006; Типовые правила внутреннего контроля в кредитной организации: утверждены Комитетом АРБ по вопросам ПОД/ФТ, протокол заседания Комитета № 21 от 17 июня 2009 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@sgar.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, просим автора поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте СГЮА по адресу:

<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-public>

7. Плата с аспирантов и адъюнктов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik@sgar.ru